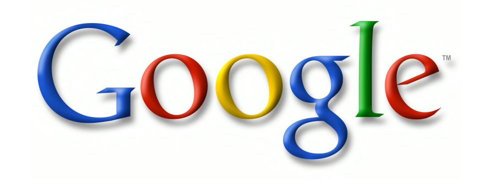

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использовапия

Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

Мы также иросим Вас о следующем.

- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях.
  Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
  Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
  В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
  Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иозволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

№ 57
Ш. 81
П. 2
М 4
Slav 4180.875 (2)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

№ 109
Л-839

УЧЕБНАЯ КНИГА РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ

или

ИЗБРАННЫЯ МѢСТА

изъ

РУССКИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ

въ

ПРОЗѢ и СТИХАХЪ,

съ присовокупленіемъ

правилъ

РИТОРИКИ И ПИИТИКИ,

и

ОБОЗРѢНІЕ ИСТОРІИ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ,

изданная

Николаемъ Гречемъ.

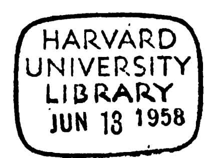
Изданіе третіе, исправленное и пополненное.

ЧАСТЬ II.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,
1844.

С.П.Б. ПЯТОЙ
БИБЛІОТЕКА
ГИМНАЗІИ

Slav 4150.575 (2)

ПЕЧАТАТЬ ПОЗВОЛЯЕТСЯ,

съ тѣмъ чтобы, по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. Санктпетербургъ, 1844 года, Октября 23-го дня.

Цензоръ А. *Очкинъ.*

Въ типографіи К. Жернакова.

ОГЛАВЛЕНІЕ
ВТОРОЙ ЧАСТИ.

ПРИМѢРЫ.

II. Повѣствованія Истинныя и Вымышленныя.

ПРИМѢРЫ.

ПРИМѢРЫ.

ПРИМѢРЫ,

А. Рѣчи Духовныя.

В. Свѣтскія Рѣчи.

УЧЕБНАЯ КНИГА

РУССКОЙ СЛОВЕСНОСТИ.

ОТДѢЛЕНІЕ ПЕРВОЕ.

ПРОЗА.

ЧАСТЬ II.

ПРОЗА.

ПОВѢСТВОВАНІЯ

ИСТИННЫЯ И ВЫМЫШЛЕННЫЯ.

I. *Отрывокъ изъ Записокъ Князя Якова Өедоровича Шаховскаго* (*).

Присутствуя въ Главномъ Коммиссаріатѣ въ Москвѣ, я старался, по тогдашнему военному времени, все исполнять какъ можно поспѣшнѣе. По случаю рекрутскаго набора, приводимы были въ Москву многолюдныя команды; отъ чего находилось великое множество больныхъ солдатъ и рекрутъ въ генеральномъ госпиталѣ, бывшемъ подъ моимъ начальствомъ.

Въ одно время, уже при окончаніи зимы, ѣдучи въ госпиталь, увидѣлъ я нѣсколько дровней съ больными. На вопросъ: куда ихъ везутъ? находившійся тутъ унтеръ-офицеръ отвѣчалъ мнѣ, что сихъ

(*) Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ Князь Яковъ Өедоровичъ Шаховской служилъ Государямъ Россійскимъ, начиная съ Петра I до Екатерины II, въ разныхъ должностяхъ, и пріобрѣлъ славу истиннаго, вѣрнаго сына отечества. Вышедъ въ отставку, занимался онъ въ подмосковной деревнѣ своей описаніемъ важнѣйшихъ приключеній своей жизни. Сіи Записки его изданы Г. Качсновскимъ.

больныхъ въ генеральномъ госпиталѣ за тѣснотою не приняли, и что ихъ велѣно обратно везти въ команду. Я въ ту жъ минуту приказалъ отправить ихъ въ госпиталь, обнадеживая, что больные непремѣнно будутъ приняты. На дворѣ у большаго крыльца стояло еще нѣсколько дровней также съ больными. Докторъ и коммиссаръ, встрѣтившіе меня подлѣ кареты, убѣдительно совѣтовали мнѣ не ходить далѣе крыльца, потому что отъ множества больныхъ, которыми всѣ покои и даже сѣни верхняго и нижняго жилья наполнены, испортился воздухъ, и что не только больные одинъ отъ другаго заражаются, но даже и здоровые служители впадаютъ въ болѣзни. Они прибавили къ тому, что, по причинѣ тѣсноты, принуждены больныхъ обратно отсылать въ команды, дабы списокъ умирающихъ въ госпиталѣ напрасно не увеличивался. Въ то же время унтеръ-офицеры, присланные съ больными, показывали изъ числа ихъ нѣсколько уже умершихъ на дорогѣ, а другихъ въ прежалостномъ состояніи, дрожащихъ отъ стужи.

Столь печальное зрѣлище поразило меня. Не смотря на усильныя представленія и совѣты доктора, я пошелъ осматривать. Въ первой больничной палатѣ встрѣтила насъ чрезвычайная духота, или, лучше сказать, несносный запахъ; тамъ увидѣлъ я многихъ несчастныхъ: одни бѣдственно оканчивали послѣднія минуты своей жизни; другіе въ безпамятствѣ бросались въ разныя стороны, или кричали отъ нестерпимой боли; иные призывали смерть въ отраду. Мнѣ сдѣлалось дурно, и докторъ почти насильно вывелъ меня черезъ сѣни на свѣжій воздухъ. Нѣсколько отдохнувши, я тотчасъ началъ заботиться о способахъ облегчить судьбу несчастныхъ страдальцевъ, искалъ по всѣмъ сторонамъ удобныхъ зданій для помѣщенія, а приказалъ изъ находившихся тутъ домовъ немедленно вывести госпитальныхъ служителей въ наемныя

квартиры. Докторъ и коммиссаръ отвѣчали мнѣ, что они хотѣли то же сдѣлать, но должны были оставить свое предпріятіе; ибо вблизи никакихъ квартиръ нѣтъ, а вдали, по разнесшемуся слуху о больныхъ, ни за какую цѣну домовъ не отдаютъ въ наемъ для госпитальныхъ служителей. Въ то же время свѣдалъ я, что въ ближнемъ разстояніи есть порожніе покои, вѣдомству конюшенному принадлежащіе, и что позади дворцоваго сада, на берегу Яузы, находится немалое деревянное строеніе и пивоварный дворъ, въ которомъ, по причинѣ отсутствія Императрицы, живетъ одинъ только надзиратель. Притомъ сказано мнѣ, что все оное строеніе перенесено будетъ въ другое мѣсто подалѣе отъ саду, и что о вызовѣ подрядчиковъ уже и въ газетахъ напечатано.

Я тогда же послалъ за надзирателемъ. Онъ подтвердилъ мнѣ все, отъ другихъ мною слышанное, и прибавилъ, что кромѣ пивоварень есть на дворѣ еще нѣсколько избъ и анбаровъ порожнихъ, въ которыхъ немалое число людей можетъ помѣститься. На требованіе мое, чтобы все то строеніе уступилъ мнѣ на короткое время, надзиратель отвѣчалъ, что сдѣлать того не можетъ безъ дозволенія начальства. Посланные отъ меня чиновники въ Дворцовую и Конюшенную Конторы, возвратясь, донесли мнѣ, что въ покояхъ конюшеннаго вѣдомства могу помѣстить больныхъ, а отъ Дворцовой Конторы велѣно сказать, что пивовар наго дворца отдать въ мое вѣдомство не льзя безъ дозволенія Главной Дворцовой Канцеляріи, находившейся тогда въ С. Петербургѣ.

При столь крайней надобности, нетерпящей ни малѣйшей отсрочки, и зная, что Государынѣ будетъ непріятно, ежели я для пустыхъ обрядовъ пренебрегу выгоды страждущихъ защитниковъ отечества, я рѣшился дать письменный приказъ Генералъ-Маіору Кумингу о помѣщеніи больныхъ въ покояхъ, усту-

мленныхъ отъ Конюшенной Конторы, и о принятіи въ свое вѣдомство двора пивоварнаго, въ которомъ, поспѣшнѣе сдѣлавъ нужныя поправки, помѣстить здоровыхъ писарей и разныхъ служителей здоровыхъ же, а ихъ квартиры во внутреннихъ госпитальнаго дома строеніяхъ занять больными, расположивъ сихъ послѣднихъ какъ можно просторнѣе; для предосторожности же, въ приказѣ написалъ именно, чтобъ на пивоварномъ дворѣ не только больныхъ не помѣщать, но даже не пускать туда служителей, которые за больными смотрятъ.

Въ первый почтовый день послано отъ меня сообщеніе въ Главную Дворцовую Канцелярію. Я подробно изъяснилъ, по какой необходимости занялъ пивоварный дворъ, увѣряя, что скоро опорожню его, и за всѣ сдѣланныя въ немъ поправки платы требовать не буду. Въ то же время увѣдомилъ я И. И. Шувалова и друга моего, В. А. Нащокина, прося ихъ защитить меня, ежели недоброжелатели мои инако о томъ разглашать станутъ. Шуваловъ въ отвѣтѣ своемъ хвалилъ мой поступокъ, и обнадеживалъ своимъ защищеніемъ. Напротивъ того, Нащокинъ писалъ, что въ знатныхъ домахъ удивляются моей смѣлости, и говорятъ, что я взялъ безъ вѣдома Главной Дворцовой Канцеляріи пивоварный дворъ, гдѣ во время присутствія Государыни въ Москвѣ, полпиво и кислыя щи варятъ и разливаютъ для стола Ея Величества, и будто я положилъ тамъ зараженныхъ прилипчивыми болѣзнями, а въ другихъ ближнихъ покояхъ велѣлъ мыть бѣлье и перевязки.

Имѣя въ рукахъ своихъ газеты, гдѣ напечатано было о вызовѣ подрядчиковъ къ сломкѣ и перевозу пивоварни со всѣми строеніями, получивъ отъ Шувалова одобрительный отзывъ о моемъ поступкѣ, а всего болѣе пользуясь довѣренностію Императрицы, я

не боялся никакихъ навѣтовъ, и даже смѣялся внутренно ухищреніямъ своихъ недоброхотовъ. Черезъ нѣсколько дней получилъ я изъ сената указъ, которымъ требовано отъ меня отвѣта, почему я занялъ дворъ безъ дозволенія Главной Дворцовой Канцеляріи. Я немедленно исполнилъ, чего отъ меня требовали, и въ оправданіи своемъ изъяснилъ свои причины, а сверхъ того прибавилъ еще нѣсколько иносказательныхъ выраженій во обличеніе тѣмъ, кои стараются обвинять меня за такое дѣло, Богу и Монархинѣ угодное. Въ среду ввечеру, какъ теперь помню, приготовилъ я отвѣтныя письма къ генералъ-прокурору, который поздравлялъ меня, что самые мощные непріятели мои ищутъ случая примириться со мною, и къ другу моему Нащокину, изъявляя имъ благодарность за употребляемыя старанія защищать меня отъ завистниковъ и недоброхотовъ. Признаюсь, что внутреннее удовольствіе мое тогда было весьма близко къ тщеславію, и отъ чистаго сердца благодарю Всевидящаго, что Онъ, яко чадолюбивый отецъ, скоро далъ мнѣ случай возчувствовать мое заблужденіе.

На другой день, поутру, вошедшій въ комнату мою гвардейскій офицеръ, одѣтый въ дорожнее платье, вѣжливо поклонясь, объявилъ мнѣ, что присланъ отъ Ея Величества изъ С. Петербурга, и имѣетъ нужду особливо говорить со мною. Это меня не удивило; ибо и прежде случалось посылаемымъ черезъ Москву гвардіи офицерамъ являться у меня съ собственноручными Ея Величества писаніями, и получать деньги на счетъ Кабинета. Я тотчасъ позвалъ его къ себѣ въ спальню. Офицеръ, печально вынимая изъ кармана пакетъ, говорилъ мнѣ: весьма жалѣю, что такому честному человѣку привезъ непріятную вѣдомость. Я удивлялся, спрашивалъ; онъ отвѣчалъ, что узнаю все, прочитавши бумагу. Отъ

Графа А. И. Шувалова, который тогда былъ въ особенной довѣренности при дворѣ, и имѣлъ въ своемъ вѣдомствѣ страшную Тайную Канцелярію, написано было ко мнѣ между прочимъ, что «посланному гвардіи Поручику Безобразову повелѣно, ежели по освидѣтельствованіи его найдутся въ покояхъ «пивоварнаго двора больные и прачки, то всѣхъ ихъ «немедленно перевесть для житья въ мой домъ, не «обходя ни одного покоя, ниже спальни.» Я въ ту же минуту разсказалъ обо всемъ случившемся, показывая подлинныя донесенія Генералъ-Маіора Куминга, коммиссарскіе рапорты и списки съ означеніемъ, кто именно помѣщенъ въ какомъ покоѣ; но Поручикъ Безобразовъ сказалъ мнѣ, что онъ заѣзжалъ самъ на пивоварный дворъ, что нашелъ тамъ больныхъ и прачекъ, и что, въ силу даннаго ему повелѣнія, всѣхъ перевезъ уже ко мнѣ въ домъ при командѣ солдатъ, которая взята изъ главнаго караула въ городѣ.

Вышедши изъ спальни, я объявилъ своимъ офицерамъ, чтобъ они, для полученія приказаній, ѣхали въ Коммиссаріатъ, и тамъ дожидались бы, пока я размѣщу гостей своихъ, которыхъ уже человѣкъ болѣе тридцати стояло въ моей залѣ. Офицеры вышли, а я началъ размѣщать по комнатамъ больныхъ и прачекъ. «Извольте помѣщаться, любезные гости — сказалъ я — какъ вамъ покойнѣе; вотъ и спальня моя къ вашимъ услугамъ,» и въ то же время попросилъ у Г. Безобразова дозволенія вынести въ ближнюю каморку бумаги свои и постелю. Сей честный и благомыслящій офицеръ исполнялъ должность свою не безъ внутренняго огорченія, и хотя я неоднократно повторялъ ему, чтобъ онъ поступалъ въ точности противъ даннаго повелѣнія, однако жъ онъ приказалъ расположиться въ моей спальнѣ тремъ солдатамъ, болѣе отъ дряхлости, нежели отъ болѣзней

изнемогшимъ. Престарѣлые воины положили войлочныя постели свои въ алковѣ на полу, по обѣимъ сторонамъ моей кровати, а прочіе помѣстились по разнымъ покоямъ.

Приказавъ дворецкому довольствовать пищею и питьемъ дорогихъ гостей моихъ, я поѣхалъ въ канцелярію Главнаго Коммиссаріата. Присутствующіе члены и другіе чиновники изъявляли сожалѣніе о случившемся со мною; а я, скрывая досаду свою, просилъ ихъ извинить меня, что поздно пріѣхалъ, и что задержанъ былъ дома гостями, присланными ко мнѣ для собесѣдованія и пріятнаго провожденія времени по ходатайству почтенныхъ моихъ доброжелателей, которые постарались найти способъ доставить мнѣ удовольствіе и забаву. Слушатели мои оставили шутки безъ вниманія; они съ сожалѣніемъ говорили о моей невинности, и совѣтовали мнѣ оправдаться письменными доказательствами, а именно, рапортами Генералъ-Маіора Куминга и коммиссара. Я отвѣчалъ, что уповаю на правосудіе Божіе, и началъ отправлять свое дѣло.

Возвратясь домой позже обыкновеннаго, я нашелъ въ покояхъ своихъ ощутительную перемѣну. Надлежало укрѣпиться терпѣніемъ, чтобы снести дурной запахъ, распространившійся по всему дому. Съ сердцемъ безпокойнымъ пошелъ я къ моей дочери, которая занемогла отъ сего происшествія, принудилъ ее встать съ постели и со мною за маленькимъ столомъ отобѣдать.

Слухъ о семъ приключеніи тогда же разнесся по всему городу съ обыкновенными прибавленіями. Никто изъ моихъ родственниковъ и пріятелей не пріѣзжалъ ко мнѣ не только въ тотъ день, но даже въ цѣлую недѣлю; не знаю, чему приписывать такую ихъ осторожность, опасенію ли, чтобъ не заразиться отъ меня несчастіемъ, или просто случаю. Впрочемъ я

и самъ, съ дозволенія офицера, провождалъ время более въ гостяхъ, и пріѣзжалъ домой ночью.

Я рѣшился по первой почтѣ отправить къ Императрицѣ письмо, въ которомъ просилъ о Высочайшемъ повелѣніи изслѣдовать мое дѣло, и ежели окажусь виновнымъ, подвергнуть меня законному наказанію. Въ то же время посланы отъ меня письма къ Шуваловымъ, къ Князю Трубецкому и къ другу, Нащокину. Увидѣвшись съ Господиномъ Кумингомъ и коммиссаромъ, я спросилъ ихъ, почему доходили отъ нихъ ко мнѣ лживыя донесенія. Они оба извинялись простотою. Коммиссаръ, который должность свою почиталъ вѣрнымъ способомъ *кормиться*, и за то, по замѣчаніямъ моимъ, не одинъ разъ получалъ отъ меня выговоры, въ отвѣты свои вмѣшивалъ слова иносказательныя; однако жъ я, какъ будто не примѣчая, толковалъ ему, сколь безчестно и мерзко, по пристрастной злобѣ, разставлять сѣти ближнему, и какія отъ Праведнаго Судіи готовятся за то истязанія. Коммиссаръ мой, не могши скрыть своего смятенія, съ плутовскимъ искусствомъ сожалѣлъ о моемъ несчастіи, и досадовалъ на свою недогадливость. Онъ говорилъ, что перемѣстилъ прачекъ въ пивоварный домъ на самое короткое время, что о томъ вѣдалъ и Г. Кумингъ, и что прачекъ намѣрены были помѣстить на прежнихъ квартирахъ въ тотъ самый день, когда пріѣхалъ офицеръ изъ Петербурга. Спустя два или три дня сказано мнѣ, что коммиссаръ былъ цѣлый день въ задумчивости и безпокойствѣ, ввечеру выпилъ изъ стакана приготовленное имъ питье, и скоро послѣ того умеръ. Сообразивши всѣ обстоятельства и развѣдавъ обо всемъ подробно, я угналъ наконецъ, что сей коммиссаръ былъ участникомъ въ коварномъ противъ меня умыслѣ. За нѣсколько времени до страннаго приключенія со мною, часто видали въ его квартирѣ присланнаго изъ Петербурга

служителя, къ вѣдомству Дворцовой Канцелярiи принадлежащаго. Больные и прачки съ бѣльемъ нарочно переведены были въ пивоварный домъ ко дню прибытiя офицера, отправленнаго изъ Петербурга.

Мои письма подѣйствовали. На другой же день по полученiи оныхъ отправленъ въ Москву нарочный къ Поручику Безобразову съ повелѣнiемъ освободить мой домъ отъ постоя, и ѣхать въ Петербургъ къ своему начальству. Въ то же время получилъ я отъ И. И. Шувалова письмо, наполненное сожалѣтельными выраженiями о случившемся со мною безъ его вѣдома происшествiи. Онъ увѣрялъ меня въ неудовольствiи Государыни Императрицы, что со мною поступлено столь неосмотрительно. Симъ кончилось мое приключенiе. Въ тотъ же день я ласково проводилъ гостей моихъ, подаривъ имъ нѣсколько денегъ. Добрые люди сiи чувствительно благодарили меня, а нѣкоторые, по своему простосердечiю, говорили, что съ своей стороны они готовы до смерти жить въ моемъ домѣ, и что имъ весьма прискорбно переселяться на другiя квартиры.

II. *Моимъ дѣтямъ.*

Наша фамилiя.

Начало фамилiи нашей теряется во мракѣ временъ; думаю однако жъ, что и мы, подобно другимъ людямъ, произошли отъ Адама; а что дѣйствительно Русскiе, безъ всякой примѣси со стороны Кинчатской или Золотой Орды, въ томъ свидѣтельствуютъ русые волосы, общiе всѣмъ однофамильцамъ нашимъ. Не углубляясь въ происхожденiе Русскихъ отъ Троянъ, Скиѳовъ, Даковъ, Мидянъ и проч. и

проч., что не принадлежитъ къ фамиліи нашей, довольно сказать, что былъ шутливый крестьянинъ (это мой дѣдушка), котораго сосѣди за остроту, можетъ быть съ излишествомъ иногда расточаемую, прозвали моимъ именемъ. Такъ по крайней мѣрѣ покойная мать мнѣ пересказывала; но я съ своей стороны имѣю причины думать, что фамилія наша гораздо древнѣе.... я самъ, проѣзжая чрезъ Клинъ, собственными глазами видѣлъ многихъ однофамильцевъ нашихъ, хотя родствомъ съ ними никакъ считаться не могъ; но пожертвованія, дѣланныя въ пользу милиціи въ послѣднюю войну съ Французами, открыли въ Твери и Орлѣ еще болѣе зажиточныхъ однофамильныхъ съ ними купцевъ, изъ коихъ одинъ и головою въ Орлѣ. Наконецъ неподалеку отъ Петербурга есть цѣлая деревня нашего имени. И такъ, вотъ сколько причинъ древности нашей фамиліи вѣрить, и вамъ, дѣти мои! оною гордиться.

Деревня Романова.

Какъ я ее помню, бывъ тамъ въ младенчествѣ, и потомъ для сладкихъ воспоминаній въ юношескихъ лѣтахъ! Она принадлежитъ къ селу Турбичеву, верстахъ въ 60 отъ Москвы, и положеніе имѣетъ романическое. Впереди кустарникъ, куда я ходилъ иногда за грибами, позади болото и верстахъ въ двухъ небольшой прудъ, изъ котораго довольствуются скотъ и люди.

У крестьянина Василья были три сына: Мартынъ, Илья и Сергѣй. Мартынъ, какъ старшій, наслѣдовалъ послѣ отца домоводство, прилежно пахалъ землю, разводилъ пчелъ, ѣдалъ ихъ соты и яблоки. У него также были три сына: Игнатій, Егоръ и Иванъ; но по тогдашнему ихъ малолѣтству, въ домашнемъ быту больше всего помогалъ ему братъ

Илья, человѣкъ равномѣрно женатый. Сергѣй, младшій изъ всѣхъ, занимался работою, которая была полегче; между тѣмъ онъ росъ и выросъ румянъ и пригожъ.

Крестьяне и крестьянки сосѣдней деревни Малышной — и ее помню я живо, какъ бывало пекъ тамъ, на крутомъ берегу ручья, при подошвѣ стараго дуба, большую Дмитровскую рѣпу; какъ любовался на противоположномъ берегу деревнями Селивановымъ и Моговиловымъ, а позади Есмннымъ, чуть виднымъ на высокой горѣ, съ которой поспѣвающій хлѣбъ волновался — и такъ крестьяне и крестьянки Малышевскіе были прихожане къ Турбичевской же церкви. Марья, молодая, прекрасная дѣвушка, дочь Ивана Забѣлина, увидѣла тамъ пригожаго Сергѣя; Сергѣй увидѣлъ прекрасную Марью; оба полюбили другъ друга, объяснились, и какъ (говоря высокимъ слогомъ) со стороны обѣихъ фамилій никакого препятствія не было, то поклялись предъ алтаремъ Господнимъ вѣчно любить другъ друга. Но когда счастіе человѣческое было продолжительно? Уже шумятъ издалека врановы крылья грозной тучи, уже приближается она, уже виситъ надъ головами счастливцевъ. Объявленъ рекрутскій наборъ. Старики ѣдутъ къ чудотворному образу Спаса Цѣлителя на Ведерницахъ, молить Его объ отвращеніи громоваго удара отъ ихъ семействъ. Молодежь разсыпается. Одни себя увѣчатъ, другіе кроются въ лѣсахъ. Сергѣй также скрылся. Слезы, ласки и убѣжденія Марьи увлекли его. Кто не подверженъ слабости! Между тѣмъ изъ Борисо-Глѣбскаго Монастыря, къ которому приписана была Турбичевская Волость, пріѣзжаетъ для набора ужасный служка. Старшіе братья ищутъ Сергѣя, находятъ его, кидаются предъ нимъ на колѣни. Мартынъ, котораго уважалъ онъ, какъ отца, и котораго горячо любилъ (Иванъ былъ

тутъ же), всхлипывая говоритъ ему: «братецъ, помилуй! жребій палъ на нашу семью. Ты знаешь, какъ давно мы женаты, и сколько у насъ дѣтей! не дай въ конецъ разориться!» Сергѣй взглядываетъ на Марью; Марья стоитъ, сложа руки, какъ окаменѣлая. Слезы прошибаютъ его. Онъ обращается къ братьямъ и любимцу Мартыну; долго молчитъ, блѣднѣетъ; наконецъ твердымъ голосомъ произноситъ: «иду!» — И вотъ Сергѣй рекрутъ.

Дальнѣйшія приключенія Сергѣя и Марьи.

Я для того такъ ими занимаюсь, что Сергѣй и Марья были въ послѣдствіи отецъ и мать мои. Съ какою бывало жадностію, дѣти, слушалъ я повѣствованіе вашей бабушки, неоднократно повторяемое; съ какою горестію мысленно странствовалъ съ нею какъ съ матерью, по чужимъ странамъ, по краямъ незнаемымъ!

«Другъ ты мой, я отъ тебя не отстану!» сказала Марья Сергѣю, когда началъ рѣдѣть туманъ, ихъ окружавшій. Произнесла и сдержала слово. Они отправлены въ Москву, а оттуда въ *новый корпусъ*, который тогда — это было въ царствованіе блаженной памяти Императрицы Елисаветы Петровны — противъ Пруссаковъ набирался. Фельдмаршалъ, Графъ Ферморъ, командовалъ россійскимъ войскомъ; но онъ имѣлъ дѣло съ опытнымъ, искуснымъ полководцемъ — извѣстнымъ Ѳедоромъ Ѳедоровичемъ. Имѣя больше людей, Графъ Ферморъ рѣшился окружить Прусскую Армію; а Ѳедоръ Ѳедоровичъ въ это время, когда наши вытягивали полукругомъ, ударилъ на лѣвое наше крыло, гдѣ новый корпусъ находился, и давай колоть и рубить.—Марья не упомнитъ мѣста, при которомъ происходило это побоище, да и я не намѣренъ справляться о семъ съ Исторіею; ибо

не военные подвиги Графа Фермора описываю, а приключенія Сергѣя и Марьи.

Ну! новый корпусъ разбитъ, такъ что не много изъ него уцѣлѣло, хотя и говорятъ, что онъ изъ десяти тысячъ человѣкъ былъ составленъ. Остатки размѣщены по другимъ полкамъ, а тяжело раненые — разумѣется, когда не умирали, а выздоравливали — разосланы по гарнизонамъ. И Сергѣй, какъ раненый, отправленъ въ Казань. Марья съ нимъ.

Не стану разсказывать, какъ они плыли по Волгѣ, какъ бурлаки умышляли на жизнь Сергѣеву, и какъ ихъ — подъ самою Казанью — чуть было волной не захлеснуло. Словомъ: они прибыли въ Казань *благополучно*.

Служба гарнизонная извѣстна. Сергѣй служилъ и — тужилъ, потому, что дѣлать было нечего. Онъ задумалъ объ отставкѣ, но не смѣлъ открыться командиру. Марья, участница всѣхъ его таинъ, была уже столько смѣтлива, чтобъ упросить добраго лекаря, и получила отъ него свидѣтельство о мнимонеизлечимыхъ болѣзняхъ Сергѣя. И такъ вотъ онъ — опять на свободѣ.

Изъ путешествія ихъ отъ Казани до Москвы слабая память моя удержала только то, что они ѣхали на одной лошадкѣ, и много претерпѣвали дорожнаго горя. Наконецъ они прибыли въ Москву бѣлокаменную съ золотыми маковками.

Здѣсь надлежало рѣшиться, какъ жить да быть, да добра наживать; ибо на родину ѣхать послѣ службы царской казалось имъ уже стыдно. Думать надобно, что у Сергѣя была голова романическая (я его помню: ростъ средній, станъ прямой и крѣпкій, волосы русые, лобъ открытый, глаза сѣроголубые, цвѣтъ свѣжій) — ибо первая мысль ему пришла извозничать. Сколько разныхъ сѣдоковъ, сколько разсказовъ, сколько новыхъ домовъ, улицъ и лицъ! При-

знаюсь, что и я, во время пѣшеходства, нѣсколько лѣтъ занимался тѣмъ, чтобъ смотрѣть въ глаза прохожимъ, и изъ тѣлодвиженій угадывать, каковъ кто, куда спѣшитъ, чѣмъ занятъ. Но послѣ того, какъ онъ везъ опальное имѣніе и съ нимъ попалъ въ полицію, откуда его Марья выручила, пробудилась въ немъ прежняя любовь къ природѣ и ея произведеніямъ. Сергѣй снялъ огородъ. Продажа зелени и овощи съ избыткомъ наградила труды его.

Никола въ Новой Слободѣ.

Тутъ я родился, въ деревянномъ домѣ Секретаря Ключарева, у котораго отецъ мой нанималъ вышеупомянутый огородъ; а это случилось 2 Марта 1765 года на солнечномъ восходѣ, какъ мнѣ послѣ мать пересказывала. У отца и матери было насъ восьмеро; четыре сына: Григорій, Левъ, Имярекъ, я, и четыре дочери: Имярекъ Именемъ, Елисавета и Аграфена. Я былъ предпослѣдній, и одинъ остался на свѣтѣ; а безъ того не было бы исторіографа нашей фамиліи.

Есть люди, которые утверждаютъ, что со втораго или третьяго года жизни своей всѣхъ и все уже помнятъ. Я, къ стыду моему, признаться долженъ, что въ то время память моя спала еще глубокимъ сномъ; и того даже не упомнитъ, какъ глаза мои закрылись — отъ золотухи, или отъ чего другаго, не знаю. Около полутора года слѣпотствовалъ я, какъ вдругъ сестра Елисавета радостно воскликнула: «маменька! Ясенька проглянулъ!» Съ тѣхъ поръ и гляжу я; а ежели бы навсегда слѣпымъ остался, то многаго не увидѣлъ бы на свѣтѣ!

Съ шестаго года началъ помнить я себя, да и то болѣзненнымъ образомъ. Отецъ мой произведенія огорода своего важивалъ для продажи на Моховую,

Однажды вздумалось ему, по укладкѣ зелени, посадить и меня въ телѣжку, которую онъ самъ возилъ. У Тверскихъ Воротъ пошелъ дождь; отецъ прикрылъ меня рогожкой. Но на Моховой дождь усилился, пробилъ насквозь рогожку, и меня соннаго до костей, и я началъ плакать. «Экой братъ ты какой!» напустили другіе огородники: «вѣдь убьешь малаго!» и батюшка, не продавши ничего, воротился домой, гдѣ еще ему отъ матушки досталось.

Что я былъ баловень у отца съ матерью, то можно заключить изъ моего наряда, въ какомъ я хаживалъ по праздникамъ и воскресеньямъ. На мнѣ бывалъ тогда китайчатый *озямъ*, бархатный камзолъ съ золотымъ позументомъ, на площади купленный, и на головѣ корабликъ съ шерстянымъ вязанымъ околышемъ. Къ тому жъ, какъ ни свято мои родители наблюдали посты, меня однако не строго къ нимъ придерживали, и я даже до обѣдни въ Рождество Христово, могъ выпросить у матушки мяса.

Отецъ мой поразжился, и вздумалъ купить свой домишко — что и дѣйствительно исполнилъ. — Домъ нашъ находился позади Вязковъ, на Ямскихъ Концахъ, предпослѣдній къ полю; и при немъ былъ постоялый дворъ съ большимъ огородомъ, который оканчивался длиннымъ прудомъ. Какъ мнѣ жаль было разставаться съ домомъ Ключарева, котораго сынъ Алексѣй, мой крестный батюшка, часто лакомилъ меня, а однажды объ масляницѣ въ прощальное Воскресенье, когда я и матушка принесли ему круглый пряникъ, да кусокъ мыла, подарилъ мнѣ шелковый кошелечекъ, въ которомъ лежали два серебряные гривенника. Какое торжество! какая радость! У меня никогда еще денегъ не бывало. На новосельѣ познакомился я съ Жареховымъ, коего отецъ слылъ важнымъ человѣкомъ въ околоткѣ; ибо имѣлъ домъ обитый тесомъ, и выкращенный зеленою краскою попо-

С.П.Б. ПЯТОЙ ГИМНАЗІИ БИБЛІОТЕКА

ламъ съ бѣлою. При томъ же онъ былъ сержантъ и счетчикъ при Монетномъ Дворѣ. Его-то сынъ, который годами двумя былъ меня старше, преподалъ мнѣ первые уроки, какъ играть въ кляпы и бабки. Но кляпы скоро мнѣ надоѣли, ибо я всегда почти, даже и въ грязь осенью, долженъ былъ извѣстное разстояніе проскакать на одной ножкѣ, при чемъ сзади многіе голоса кричали: «а кисель, кисель! ноги подъѣлъ!» Отъ того нерѣдко бывали у меня цыпки. — Въ бабки онъ меня также обыгрывалъ, и я часто, чтобъ намѣнять бабокъ, тихонько бралъ у матушки изъ залавки свѣжія яица.... (Виноватъ! и позабылъ объ ней; ее звали Степанидой, отчества не упомню; она была мать моей матери, любила меня безъ памяти, и жила болѣе восьмидесяти лѣтъ). Но въ бабки я со временемъ сдѣлался такой мастеръ играть, что когда идешь бывало по Арбату, то со всѣхъ сторонъ кричатъ: «лихой, лихой, лихой идетъ!»

Съ Жареховымъ странствовали мы по Ямскому Полю (гдѣ теперь острогъ), чтобъ рвать щавель, а особливо столбцы, также и дягель, кои, облупливая, съ удовольствіемъ ѣли. Съ тѣмъ же намѣреніемъ, перешедъ дорогу и пустясь въ противную сторону, мы шли было разъ до Лазарева кладбища, какъ на берегу пруда увидѣли нагую женщину, которая расчесывала себѣ длинные черные волосы. Оба обмерли, оба вскричали: Русалка! Русалка! — и безъ чувствъ пустились бѣжать къ М — ой заставѣ.

Съ Жареховымъ же однажды забрались мы въ чужой садъ. Онъ успѣлъ набить яблоками карманы; а я только два или три сорвалъ, какъ увидѣлъ насъ сторожъ. Жареховъ ушелъ. Я какъ куръ во щи. Безчеловѣчный сторожъ высѣкъ меня свѣжею крапивой. И теперь больно, какъ вспомнишь! Сколько на свѣтѣ грабителей и воровъ, которые и не яблоки крадутъ, и ихъ не сѣкутъ свѣжею крапивой!!

Шесть лѣтъ минуло, и меня отвели къ Казанской въ Сущовѣ къ курносому дьячку учиться грамотѣ. Грамота мнѣ далась, и я ужъ бѣгло читалъ подъ титлами: Азъ, Ангелъ, Ангельскій, Архангелъ, Архангельскій, буки, Богъ, Божество, Богородица, блаженъ, благословенъ и проч., какъ наступила страшная эпоха.

Моръ и бунтъ.

Ахъ! два вдругъ, и какіе жъ два ужасные бича для рода человѣческаго!... Узы родства, узы крови сами по себѣ расторгнуты; съ другой стороны невольно течетъ кровь черными рѣками. Стонетъ въ домахъ и по стогнамъ умирающій; вопіетъ громогласно піяно-неистовый; или привидѣнія или страшилища; смерть осклабляется, видя вездѣ и во множествѣ жертвы, ей угодныя. Рушился порядокъ, хаосъ владычествуетъ. И блѣдныя и рдяныя лица равно прахъ земной лобызаютъ. Небо безпрерывно плачетъ.

Я самъ видѣлъ — и волосы подымались дыбомъ — какъ фурманщики въ маскахъ и вощаныхъ плащахъ, — воплощенные дьяволы, — длинными крючьями таскали трупы изъ выморочныхъ домовъ, другіе подымали на улицѣ, клали на телѣгу и везли за городъ, а не къ церквамъ, гдѣ оные прежде похоронялись, и гдѣ уже было запрещено хоронить ихъ. У кого рука въ колесѣ; у кого нога, у кого голова чрезъ край виситъ и, обезображенная, безобразно мотается. Человѣкъ по двадцати разомъ взваливали на телѣгу.

Я самъ слышалъ, — и кровь леденѣла въ жилахъ — «батюшки, рѣжутъ!» Голосъ часъ отъ часу слабѣлъ; на другой день въ самомъ дѣлѣ зарѣзаннаго находили. Слышалъ, какъ всюду били въ набатъ, и взволновавшаяся чернь, за 30 верстъ отъ

Москвы и кругомъ ея, бѣжала съ яростію, и въ ночное время била дубинами въ ставни, крича: постойте за домъ Божій, постойте за мать Пресвятую Богородицу!»

Это было начало мора и бунта, и въ это-то время меня отпустили, меня увезли въ деревню. Не помогало ношеніе чесноку въ карманахъ, ни куреніе можжевельникомъ и прыганье черезъ огонь. Моръ разлился; какъ быстрое пламя, гонимое вихремъ. Отецъ мой заразился — я это послѣ услышалъ — сначала показались на тѣлѣ прыщики съ острыми головками, позеленѣли, почернѣли: отецъ мой умеръ. У матушки открылась рана, гноилась долго, прорвалась и затянулась; матушка выздоровѣла. Напротивъ, бабушка и сестра Елисавета не устояли. Самая Аграфена зачахла; она черезъ годъ за ними послѣдовала. И вотъ — мы одни съ матерью!

Причиною мора была шерсть, привезенная изъ Константинополя на суконную фабрику у Каменнаго Моста.

Подшиваловъ.

III. *Юрій Милославскій.*

Козьма Мининъ.

Темноголубыя небеса становились часъ отъ часу прозрачнѣе и бѣлѣе; величественная Волга подернулась туманомъ; востокъ запылалъ и первый лучъ восходящаго солнца, осыпавъ искрами позлащенныя главы соборныхъ храмовъ, возвѣстилъ наступленіе незабвеннаго дня, — дня, въ который раздался и прогремѣлъ по всей Землѣ Русской первый общій кликъ: «умремъ за вѣру православную и святую Русь!»

Солнце взошло, но тишина и молчаніе царствовали еще повсюду. Вдругъ прозвучалъ на соборной колокольнѣ первый ударъ колокола, за нимъ другой, вотъ третій.... все чаще, все сильнѣе.... призывный гулъ промчался по всей окрестности и — все ожило въ Нижнемъ-Новѣгородѣ.

— Ахти, никакъ пожаръ! вскричалъ Алексѣй, вскочивъ съ своей постели. Онъ подбѣжалъ къ окну, подлѣ котораго стоялъ уже его господинъ. Что бъ это значило? продолжалъ онъ: къ заутрени, что-ль?... Нѣтъ! это не благовѣстъ!... Точно!... Бьютъ въ набатъ.... Ну, вотъ и народъ зашевелился! Гляди-ка, бояринъ!... всѣ бѣгутъ сюда.... Экъ ихъ высыпало! Да этакъ скоро и на улицу не продерешься!

— Одѣвайся, Юрій Дмитричъ, сказалъ Истома-Туранинъ, войдя въ ихъ покои; пойдемъ посмотрѣть, что тамъ еще этотъ глупый народъ затѣваетъ?

Въ двѣ минуты Милославскій и слуга его были уже совсѣмъ одѣты. Они съ трудомъ могли выйти за ворота дома; вся ихъ улица, ведущая на городскую площадь, кипѣла народомъ.

— Тише, дѣтушки, тише! говорилъ, задыхавшись, одинъ сѣдой старикъ, котораго двое взрослыхъ внучатъ вели подъ руки: дайте духъ перевести!

— Ну, отдохни, дѣдушка! сказалъ одинъ изъ внучатъ; да только поскорѣе, а то, какъ опоздаемъ, такъ не продеремся къ Лобному Мѣсту.

— И не услышимъ, что будетъ говорить Козьма Миничъ, подхватилъ другой внукъ. Ну что, отдохнулъ ли, родимый?

— Ухъ, батюшки!... Погодите!... вовсе уморился!

— Напрасно, дѣдушка, ты не остался дома.

— Что ты, дитятко!... Побойся Бога! остаться дома, когда дѣло идетъ о томъ, чтобъ животъ свой положить за матушку, святую Русь!... Да, если бы

и васъ у меня не было, такъ я ползкомъ бы приползъ на городскую площадь.

— Постой-ка!... Да, вотъ и батюшка, сказалъ первый внукъ. Въ троемъ-то мы тебя и на рукахъ донесемъ.

Сынъ и двое внучатъ, подхватя на руки старика, пустилися почти бѣгомъ по улицѣ.

— Да что жъ ты отстаешь, жена! сказалъ, прiостановясь, небольшаго роста, но плотный посадскiй, оборотясь къ толстой горожанкѣ, которая, спотыкаясь и едва дыша отъ усталости, бѣжала вслѣдъ за ними.

— Задохнулась, Терентiй Никитичъ!.. Видитъ Богъ, задохнулась!

— Вотъ то-то же! и за чѣмъ тебя нелегкая понесла! Сидѣла бы дома на печи....

— И, батюшка! да развѣ я не хочу также послушать, о чемъ вы на площади толковать будете?

— Вѣстимо о чемъ: когда итти на супостатовъ.

— И ты пойдешь, Терентiй Никитичъ?

А какъ же! развѣ я не такой же православный, какъ и всѣ?...

— А ребятишки-то наши! На кого ихъ покинешь?... вѣдь малъ-мала меньше!

— Да, жаль, что маленьки! Правда, старшему двѣнадцать годковъ, такъ онъ отъ меня не отстанетъ.

— Какъ, батюшка?... Ты хочешь?...

— А что жъ? Не подыметъ рогатины, такъ съ ножемъ пойдетъ. А вось хоть одного супостата на тотъ свѣтъ отправитъ: и то бы слава Богу!

Тутъ новая толпа, хлынувъ рѣкою изъ поперечной улицы, увлекла съ собою посадскаго и жену его.

Какъ бурное море, шумѣлъ и волновался народъ на городской площади. Бояре и простолюдины, именитые граждане и люди ратные — всѣ тѣснились вокругъ Лобнаго Мѣста; на всѣхъ лицахъ

изображалось нетерпѣливое ожиданіе. Вдругъ народъ зашумѣлъ болѣе прежняго, раздались громкія восклицанія: «вотъ онъ!... вотъ Козьма Миничъ! Глядите! вотъ онъ!» и человѣкъ среднихъ лѣтъ, весьма просто одѣтый, но осанистый и видный собою, взошелъ на Лобное Мѣсто. Оборотясь къ соборнымъ храмамъ, онъ трижды сотворилъ крестное знаменіе, поклонился на всѣ четыре стороны, и по мановенію руки его, утихло все вокругъ Лобнаго Мѣста; мало по малу молчаніе стало распространяться по всей площади; шумъ отдалялся; глухой говоръ безчисленнаго народа становился все тише.... тише.... и чрезъ нѣсколько минутъ, лишенный зрѣнія могъ бы подумать, что городская площадь совершенно опустѣла.

— Граждане нижегородскіе! началъ такъ безсмертный Мининъ. Кто изъ васъ не вѣдаетъ всѣхъ бѣдствій Царства Русскаго? Мы всѣ видимъ его гибель и разореніе, а помощи, и очищенія ни откуда не чаемъ. Доколѣ злодѣямъ и супостатамъ напоять Землю Русскую кровію нашихъ братьевъ? Доколѣ православнымъ стонать подъ позорнымъ ярмомъ иновѣрцевъ? Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе! Потерпимъ ли мы, чтобъ, царствующій градъ повиновался воеводѣ иноплеменному? Предадимъ ли на поруганіе пречистый образъ Владимірскія Божія Матери и честныя, многоцѣлебныя мощи: Петра, Алексія, Іоны и всѣхъ Московскихъ чудотворцевъ? Покинемъ ли въ рукахъ иновѣрцевъ сиротствующую Москву?... Отвѣтствуйте, граждане нижегородскіе!

— Нѣтъ, нѣтъ! загремѣли тысячи голосовъ. Идемъ къ Москвѣ! Не выдадимъ святую Русь!...

— И такъ, во имя Божіе, къ Москвѣ!... Но чтобъ не безплодно положить намъ головы и смертію нашей искупить отечество, мы должны избрать достойнаго воеводу. Я былъ въ Пурецкой Волости, у Князя Димитрія Михайловича Пожарскаго: едва исцѣлив-

шійся отъ глубокихъ язвъ, сей неустрашимый военачальникъ готовъ снова обнажить мечъ и грянуть Божіею грозой на супостата. Граждане нижегородскіе! Хотите ли его имѣть главою? Любъ ли вамъ стольникъ и знаменитый воевода, Князь Димитрій Михайловичъ Пожарской?

— Хотимъ! хотимъ! Онъ любъ намъ! воскликнулъ народъ, волнуясь часъ отъ часу болѣе.

— Граждане и братія! продолжалъ Мининъ. Неужели, умирая за вѣру христіанскую и желая стяжать нетлѣнное достояніе въ небесахъ, мы пожалѣемъ достоянія земнаго? Нѣтъ, православные! Для содержанія людей ратныхъ отдадимъ все наше злато и серебро; а если мало и сего, продадимъ всѣ имущества, заложимъ женъ и дѣтей нашихъ.... Вотъ все, что я имѣю! продолжалъ онъ, бросивъ на Лобное Мѣсто большой мѣшокъ, наполненный серебряной монетою; и пусть выступитъ желающій купить домъ мой — съ сего часа онъ принадлежитъ не мнѣ, а Нижнему-Новугороду»; и я самъ, мы всѣ, вся кровь наша — земскому дѣлу и всей Землѣ Русской!

— Отдаемъ всѣ наши имущества! Умремъ за вѣру православную и святую Русь! загремѣли безчисленные голоса. Нарекаемъ тебя выборнымъ отъ всея земли человѣкомъ! Храни казну нижегородскую! воскликнулъ весь народъ. Въ сію минуту общаго восторга разверзлись западныя двери соборнаго храма, Преображенія Господня, печерскій архимандритъ, Ѳеодосій, въ провожаніи многочисленнаго духовенства, во всемъ облаченіи, со святыми иконами и церковными хоругвями, вышелъ на городскую площадь. Народъ разступился, весь духовный синклитъ взошелъ на Лобное Мѣсто, раздался громкій благовѣстъ, іереи запѣли соборомъ: «Царю небесный! Утѣшителю, душе истинный!» и Мининъ, а вслѣдъ за нимъ всѣ граждане преклонили колѣна. Когда жъ, благо-

словляя оружіе христолюбиваго войска, благочестивый архимандритъ Θеодосій, возведя къ небесамъ взоръ, исполненный чистѣйшей вѣры, возгласилъ молитву: «Господи Боже нашъ! Боже силъ! Сильный въ крѣпости и крѣпкій во бранѣхъ!...» народъ палъ ницъ, зарыдалъ и всѣ мольбы слились въ одну общую, единственную молитву: «да спасетъ Господь Царство Русское!» По окончаніи молебствія, Θеодосій, осѣнивъ животворящимъ крестомъ и окропивъ святой водою усердно молящійся народъ, произнесъ вдохновеннымъ голосомъ: «Съ нами Богъ! разумѣйте, языцы, и покоряйтеся, яко съ нами Богъ! Спѣшите, избранные Господомъ, на спасеніе страждущей Россіи! Какъ огнь палящій, предъидетъ сила Господня предъ вами и посрамится врагъ нечестивый и возрадуются сердца православныхъ! Воины Христовы! Не жалѣйте благъ земныхъ; слава нетлѣнная ожидаетъ васъ на земли и вѣчное блаженство на небесахъ. Грядите, вѣрные сыны Россіи! Грядите, во имя Господне! на васъ благословеніе всѣхъ пастырей духовныхъ! За васъ святыя молитвы страдальца Гермогена! Кто противъ васъ, кто противъ Господа силъ?»

О! какъ недостаточенъ, какъ безсиленъ языкъ человѣческій для выраженія высокихъ чувствъ души, пробудившейся отъ своего земнаго усыпленія! Сколько жизней можно отдать за одно мгновеніе небеснаго, чистаго восторга, который наполнялъ въ сію торжественную минуту сердца всѣхъ Русскихъ! Нѣтъ, любовь къ отечеству не земное чувство! Оно слабый, но вѣрный отголосокъ непреодолимой любви къ тому безвѣстному отечеству, о которомъ, не постигая сами тоски своей, мы скорбимъ и тоскуемъ почти со дня рожденія нашего!

Всѣ спѣшили по домамъ, чтобъ сносить свои имущества на площадь, и не прошло получаса, какъ вокругъ Лобнаго Мѣста возвышались уже горы се-

ребряныхъ денегъ, сосудовъ и различныхъ товаровъ: простой холстъ лежалъ подлѣ куска дорогой парчи; мѣшокъ мѣдной монеты — подлѣ кошелька, наполненнаго золотыми деньгами. Гражданинъ Мининъ принималъ все съ равною ласкою, благодарилъ всѣхъ именемъ Нижняго-Новагорода и всей Земли Русской, и хотя нѣсколько сотъ рабочихъ людей переносили безпрестанно сіи дары въ приготовленныя для сего кладовыя на берегу Волги, но число ихъ, казалось, ни мало не уменьшалось.

Старинный нашъ знакомецъ, Алексѣй, находился также въ толпѣ гражданъ, которые тѣснились съ приношеніями вокругъ Лобнаго Мѣста. Обшаривъ свои карманы и не найдя въ нихъ ничего, кромѣ нѣсколькихъ монетъ, онъ снималъ уже съ себя серебряный крестъ, какъ вдругъ кто-то, ударивъ его по плечу, сказалъ: нѣтъ, братъ! не разставайся съ отцовскимъ благословеніемъ; я положу за себя и за тебя.

— А, это ты, Кирша? сказалъ Алексѣй. Какъ! и ты хочешь класть!

— Да, товарищъ! вотъ въ этомъ мѣшечкѣ все, что я накопилъ; да Богъ съ нимъ! жаль только, что мало! Эге, любезный! ты все еще ревешь! Полно, братъ! что ты расхныкался, словно малый ребенокъ!

— А ты самъ развѣ не плачешь? отвѣчалъ Алексѣй.

— Кто? я? вотъ вздоръ какой! вскричалъ Запорожецъ, утирая рукавомъ свои глаза. А что ты думаешь! продолжалъ онъ: никакъ въ самомъ дѣлѣ? кой прахъ! что это, братъ, Алексѣй? Мнѣ часто случалось у насъ въ Запорожской Сѣчи гулять и веселиться; пьешь бывало безъ просыпу цѣлую недѣлю, и хоть нельзя сказать, чтобъ было очень весело, а пляшешь и поешь съ утра до вечера. Теперь же, ну,

вѣришь ли Богу! такъ сердце отъ радости выскочить и хочетъ, а вовсе не до пѣсень: все бы плакалъ.... да и всѣ также, на кого ни посмотришь.... что за диво такое?

Въ самомъ дѣлѣ, все многолюдное собраніе народа составляло въ сію минуту одно благочестивое семейство; не слышно было громкихъ восклицаній; проливая слезы радости и умиленія, какъ въ свѣтлый день Христовъ, всѣ съ братскою любовію обнимали другъ друга.... Но кто этотъ отверженный?... Кто стоитъ, поодаль отъ всей толпы, съ померкшимъ взоромъ, съ отчаяньемъ на челѣ, блѣдный, полумертвый, какъ преступникъ, идущій на казнь, какъ блудный сынъ, взирающій издалека на пирующихъ своихъ братьевъ?... Ахъ! это Юрій Милославскій! это тотъ, кто отдалъ бы тысячу жизней за то, чтобъ воскликнуть вмѣстѣ съ другими: «умремъ за Вѣру Православную и святую Русь!» Не смотря на приглашеніе боярина Истомы, который заливаясь слезами, кричалъ громче всѣхъ: «идемъ къ матушкѣ Москвѣ!» Юрій не хотѣлъ подойти вмѣстѣ съ нимъ къ Лобному Мѣсту; онъ не видѣлъ Минина, не слышалъ словъ его, но видѣлъ общій восторгъ народа, видѣлъ радостныя слезы, усердныя мольбы всѣхъ Русскихъ и, какъ отступникъ отъ вѣры отцевъ своихъ не смѣлъ молиться вмѣстѣ съ ними. Ему казалось, что каждый гражданинъ нижегородскій, проходя мимо его, готовъ былъ сказать: «презрѣнный рабъ Владислава! чего ты хочешь отъ свободныхъ сыновъ Россіи?... бѣги! не оскверняй своимъ присутствіемъ сіе священное торжество вѣры и любви къ отечеству! ты не Русскій, ты не сынъ Милославскаго!» Тутъ вспомнилъ Юрій послѣднія слова умирающаго своего родителя; благословляя его охладѣвшею уже рукою, онъ сказалъ: «Юрій! держись Вѣры Православной; не своди дружбы съ врагами нашего отечества и не забывай, что Милослав-

скіе всегда стояли грудью за правду и святую Русь!» Такъ! вскричалъ несчастный юноша, присутствіе мое при семъ торжествѣ есть оскверненіе святыни, я не могу, я не долженъ оставаться здѣсь долѣе!

Онъ поспѣшилъ оставить площадь; но на каждомъ шагу встрѣчались ему толпы гражданъ, несущихъ свои имущества; вездѣ раздавались поздравленія, на всѣхъ лицахъ сіяла радость. Пробѣжавъ нѣсколько улицъ, онъ очутился наконецъ въ одномъ отдаленномъ предмѣстіи, и, не видя никого вокругъ себя, сѣлъ отдохнуть на скамьѣ, подлѣ воротъ небольшой хижины. Не прошло двухъ минутъ, какъ нѣсколько женщинъ и почти столѣтній старикъ подошли къ скамьѣ, на которой сидѣлъ Юрій. Старикъ сѣлъ возлѣ него. Какъ это, господинъ честной, сказалъ онъ, ты здѣсь, а не на площади?

— Я сейчасъ оттуда, отвѣчалъ Юрій.

— И я на старости ходилъ; слава Богу, койкакъ дотащился! теперь готовъ умереть хоть завтра! да и пора костямъ на покой!

— Ты, я думаю, очень старъ, дѣдушка? спросилъ Юрій, стараясь перемѣнить разговоръ.

— Да, молодецъ! Безъ малаго годовъ сотню прожилъ, а на всемъ вѣку не бывалъ такъ радостенъ, какъ сегодня. Благодареніе Творцу Небесному, очнулись наконецъ православные!... Эхъ, жаль! Кабы Господь продлилъ дни бывшаго воеводы нашего, Дмитрія Юрьевича Милославскаго: то-то былъ бы для него праздникъ!... Дай Богъ ему царство небесное! Столбовой былъ русскій бояринъ!... ну, да если не здѣсь, такъ тамъ.... онъ вмѣстѣ съ нами радуется!

— Я слышала, дѣдушка, сказала одна изъ женщинъ, что у него есть сынъ.

— Какъ же! помнится, Юрій Дмитріевичъ; если онъ пошелъ по батюшкѣ, то вѣрно будетъ нашимъ

гостемъ, и въ Москвѣ съ Поляками не останется. Нѣтъ, дѣтушки! *Милославскіе всегда стояли грудью за правду и за святую Русь!*

— Атхи! вскричала одна изъ женщинъ: что это съ молодцемъ сдѣлалось? никакъ онъ полоумный?.. смотри-ка, дѣдушка, какъ онъ пустился отъ насъ бѣжать! прямехонько къ Волгѣ.... ахъ, Господи, Боже мой! долго ли до грѣха! какъ съ дуру-то нырнетъ въ воду, такъ и поминай какъ звали!

Какъ громомъ пораженный послѣдними словами старика, Юрій, не видя ничего передъ собою, не зная самъ, что дѣлаетъ, пустился бѣжать по узкой улицѣ, ведущей къ Волгѣ; въ ушахъ его раздавались слова умирающаго отца; ему казалось, что его преслѣдуютъ, что кто-то называетъ его по имени, что множество голосовъ повторяютъ: «вотъ онъ! вотъ Милославскій!» Вся кровь застыла въ его жилахъ. Вдругъ ему послышалось, что вслѣдъ за нимъ прогремѣлъ ужасный голосъ: «да вздыдетъ вѣчная клятва на главу измѣнника! Волосы его стали дыбомъ; смертный холодъ пробѣжалъ по всѣмъ членамъ; въ глазахъ потемнѣло, и онъ упалъ безъ чувствъ въ двухъ шагахъ отъ Волги, на краю утесистаго берега, застроеннаго обширными сараями.

Юрій, при помощи Алексѣя, приподнялся на ноги, и только что хотѣлъ итти, какъ вдругъ позади его кто-то сказалъ: здравствуй, бояринъ! Милости просимъ! добро пожаловать къ намъ въ Нижній-Новгородъ!

Милославскій невольно вздрогнулъ и, бросивъ быстрый взглядъ на того, кто его привѣтствовалъ, узналъ въ немъ тотчасъ таинственнаго незнакомца, съ которымъ ночевалъ на постояломъ дворѣ.

— Ну, вотъ, не отгадалъ ли я? продолжалъ незнакомецъ: Богъ привелъ намъ опять увидѣться.

— Такъ это ты! вскричалъ Алексѣй. Я было и на площади призналъ тебя, да боялся вклепаться. Ну, Кузьма Миничъ, дай Богъ тебѣ здоровья! Красно ты говоришь.

— Какъ? сказалъ Юрій, ты тотъ знаменитый гражданинъ....

— И, бояринъ! я просто гражданинъ нижегородскій и ни чѣмъ другихъ не лучше. Развѣ ты не видѣлъ, какъ всѣ граждане, наперерывъ другъ передъ другомъ, отдавали свои имущества! На мнѣ хоть это платье осталось, а другой послѣднюю одеженку притащилъ на площадь: такъ мнѣ ли хвастаться, бояринъ?

— Но развѣ не ты первый....

— Ну, да.... я первый заговорилъ — такъ что жъ?... велико дѣло!... нельзя жъ всѣмъ разомъ говорить; не я, такъ заговорилъ бы другой, не другой такъ третій.... а скажи-ка, бояринъ, ужъ не хочешь ли и ты пристать къ намъ? ты цѣловалъ крестъ Королевичу Владиславу, а душа-то въ тебѣ все-таки Русская....

— Къ несчастію, ты говоришь правду! сказалъ со вздохомъ Юрій.

— А почему жъ къ несчастію? Скажи мнѣ, легко ль тебѣ было присягать Польскому Королевичу?

— Ахъ!... видитъ Богъ, нѣтъ!

— А для чего жъ ты это сдѣлалъ?

— Для того, что былъ увѣренъ, и теперь еще.... да, и теперь еще надѣюсь, что сей жертвою мы спасемъ отъ гибели наше отечество!

— Вотъ видишь ли: все-таки у тебя отечество на умѣ. Послушай, я скажу тебѣ побасенку, бояринъ. Одинъ мужичокъ, переплывая черезъ рѣку, сталъ тонуть. У него было три сына: меньшой ду-

мая, что онъ одинъ не спасетъ его, принялся кричать, рвать на себѣ волосы и призывать на помощь всѣхъ проходящихъ; между тѣмъ мужикъ выбился изъ силъ, и когда старшій сынъ бросился спасать его, то насилу вытащилъ изъ воды, и чуть было самъ не утонулъ съ нимъ вмѣстѣ. На берегу стоялъ третій сынъ, или лучше сказать, пасынокъ; онъ не просилъ помощи, да и самъ не думалъ спасать утопающаго отца; а расчитывалъ, стоя на одномъ мѣстѣ, какая прійдется ему часть изъ отцовскаго наслѣдія. Какъ ты думаешь, бояринъ? хоть меньшому сыну и не за что сказать спасибо; а по мнѣ всетаки честнѣе быть имъ, чѣмъ пасынкомъ.

Юрій, молча, пожалъ руку Минина, который продолжалъ:

— Чему дивиться, что ты связалъ себя клятвеннымъ обѣщаніемъ, когда вся Москва сдѣлала то же самое? Да вотъ, хоть, напримѣръ, Князь Димитрій Маистрюковичъ Черкасской изволилъ мнѣ сказывать, что сегодня у него въ дому сберутся здѣшніе бояре и старшины, чтобъ выслушать гонца, который присланъ къ намъ съ предложеніемъ отъ Пана Гонсѣвскаго. И какъ ты думаешь? кто этотъ довѣренный человѣкъ злѣйшаго врага нашего?... Сынъ бывшаго воеводы нижегородскаго, боярина Милославскаго.

Да, это господинъ мой! вскричалъ Алексѣй.

— Какъ? такъ это ты, Юрій Дмитричъ? сказалъ Мининъ, снявъ почтительно свою шапку и устремивъ на Милославскаго взоръ, исполненный душевнаго состраданія. Ну, жаль мнѣ тебя! Кому другому, а тебѣ куда должно быть тяжело, бояринъ!

— Я исполню долгъ свой, Козьма Миничъ, отвѣчалъ Юрій; я не могу поднять оружія на того, кому клялся въ вѣрности; но никогда руки мои не обагрятся кровію единовѣрцевъ; и если междоусобная война неизбѣжна, то.... тутъ Милославскій остано-

вился, глаза его заблистали.... — Да! продолжалъ онъ: я далъ обѣтъ служить вѣрой и правдой Владиславу; но есть еще клятва, предъ которой ничто всѣ обѣщанія и клятвы земныя! Такъ, самъ Господь низпослалъ мнѣ эту мысль: она оживила мою душу!...

Загоскинъ.

IV. *Сѣчь Запорожская.*

Уже около недѣли Тарасъ Бульба жилъ съ сыновьями своими на Сѣчѣ. Остапъ и Андрій мало занимались военною школою. Сѣчь не любила затруднять себя военными упражненіями и терять время; юношество воспитывалось и образовывалось въ ней однимъ опытомъ, въ самомъ пылу битвъ, которыя отъ того были почти безпрерывны. Казаки почитали скучнымъ занимать промежутки изученіемъ какой нибудь дисциплины, кромѣ развѣ стрѣльбы въ цѣль, да изрѣдка конной скачки и гоньбы за звѣремъ въ степяхъ и лугахъ; все прочее время отдавалось гульбѣ — признаку широкаго размета душевной воли. Вся Сѣчь представляла необыкновенное явленіе: это было какое-то безпрерывное пиршество; балъ, начавшійся шумно и потерявшій конецъ свой. Нѣкоторые занимались ремеслами, иные держали лавочки и торговали; но большая часть гуляла съ утра до вечера, если въ карманахъ звучала возможность и добытое добро не перешло еще въ руки торгашей и шинкарей. Это общее пиршество имѣло въ себѣ что-то околдовывающее. Оно не было какое нибудь сборище бражниковъ, напивавшихся съ горя; но было просто какое-то бѣшеное разгулье веселости. Всякій, приходящій сюда, позабывалъ и бросалъ все, что дотолѣ его за-

нимало. Онъ, можно сказать, плевалъ на все прошедшее и съ жаромъ фанатика предавался волѣ и товариществу такихъ же, какъ самъ, неимѣвшихъ ни родныхъ, ни угла, ни семейства, кромѣ вольнаго неба и вѣчнаго пира души своей. Это производило ту бѣшеную веселость, которая не могла бы родиться ни изъ какого другаго источника. Разсказы и болтовня, которые можно было слышать среди собравшейся толпы, лѣниво отдыхавшей на землѣ, часто такъ были смѣшны и дышали такою силою живаго разсказа, что нужно было имѣть только одну хладнокровную наружность запорожца, чтобы сохранить во все время неподвижное выраженіе лица и не моргнуть даже усомъ — рѣзкая черта, которою отличается до нынѣ отъ другихъ братьевъ своихъ южный Россіянинъ. Веселость была пьяна, шумна, но при всемъ томъ это не былъ черный кабакъ, гдѣ мрачно, искаженными чертами веселія, забывается человѣкъ; это былъ тѣсный кругъ школьныхъ товарищей. Разница была только въ томъ, что вмѣсто сидѣнія за указкой и пошлыхъ толковъ учителя, они производили набѣгъ на пяти тысячахъ коней; вмѣсто луга, на которомъ производилась игра въ мячикъ, у нихъ были неохраняемыя, безпечныя границы, въ виду которыхъ татаринъ выказывалъ быструю свою голову, и неподвижно, сурово глядѣлъ турокъ въ зеленой чалмѣ своей. Разница та, что вмѣсто насильной воли, соединившей ихъ въ школѣ, они сами собою кинули отцевъ и матерей и бѣжали изъ родительскихъ домовъ своихъ; что здѣсь были тѣ, у которыхъ уже моталась около шеи веревка и которые, вмѣсто блѣдной смерти, увидѣли жизнь, и жизнь во всемъ разгулѣ; что здѣсь были тѣ, которые, по благородному обычаю, не могли удержать въ карманѣ своемъ копѣйки; что здѣсь были тѣ, которые дотолѣ червонецъ считали богатствомъ, у которыхъ, по милости арендаторовъ-

жидовъ, карманы можно было выворотить безъ всякаго опасенія что нибудь уронить. Здѣсь были всѣ бурсаки, которые не вынесли академическихъ лозъ и которые не вынесли изъ школы ни одной буквы; но вмѣстѣ съ этими здѣсь были и тѣ, которые знали, что такое Горацій, Цицеронъ и римская республика. Тутъ было много тѣхъ офицеровъ, которые потомъ отличались въ королевскихъ войскахъ; тутъ было множество образовавшихся опытныхъ партизановъ, которые имѣли благородное убѣжденіе мыслить, что все равно, гдѣ бы ни воевать, только бы воевать, потому что не прилично благородному человѣку быть безъ битвы. Много было и такихъ, которые пришли на Сѣчу съ тѣмъ, чтобы потомъ сказать, что они были на Сѣчѣ и уже закаленные рыцари. Но кого тутъ не было? Эта странная республика была именно потребностію того вѣка. Охотники до военной жизни, до золотыхъ кубковъ, богатыхъ парчей, дукатовъ и реаловъ во всякое время могли найти здѣсь работу. Одни только обожатели женщинъ не могли найти здѣсь ничего, потому что даже въ предмѣстьи Сѣчи не смѣла показываться ни одна женщина. Остапу и Андрію показалось чрезвычайно страннымъ, что при нихъ же приходила на Сѣчу бездна народу, и хоть бы кто нибудь спросилъ: откуда эти люди, кто они и какъ ихъ зовутъ? Они приходили сюда, какъ будто бы возвращаясь въ свой собственный домъ, изъ котораго только за часъ передъ тѣмъ вышли. Пришедшій являлся только къ кошевому, который обыкновенно говорилъ: «Здравствуй! что, во Христа вѣруешь?» — «Вѣрую!» отвѣчалъ приходившій. — «И въ Троицу Святую вѣруешь?» — Вѣрую!» — «И въ церковь ходишь?» — «Хожу.» — «А ну, перекрестись!» Пришедшій крестился. «Ну, хорошо!» отвѣчалъ кошевой: «ступай же, въ который самъ знаешь, курень.» Этимъ оканчивалась вся церемонія. И вся Сѣча моли-

лась въ одной церкви и готова была защищать ее до послѣдней капли крови, хотя и слышать не хотѣла о постѣ и воздержаніи. Только побуждаемые сильною корыстію жиды, армяне и татары осмѣливались жить и торговать въ предмѣстьи, потому что Запорожцы никогда не любили торговаться, а сколько рука вынула изъ кармана денегъ, столько и платили. Впрочемъ, участь этихъ корыстолюбивыхъ торгашей была очень жалка: они походили на тѣхъ, которые селились у подошвы Везувія, потому что какъ только у запорожцевъ не ставало денегъ, то удалые разбивали ихъ лавочки и брали всегда даромъ. Сѣчь состояла изъ шестидесяти слишкомъ куреней, которые очень похожи были на отдѣльныя независимыя республики, а еще болѣе на школу и бурсу дѣтей, живущихъ на всемъ готовомъ. Никто ничѣмъ не заводился и ничего не держалъ у себя; все было на рукахъ у куреннаго атамана, который за это обыкновенно носилъ названіе «батька.» У него были на рукахъ деньги, платья, весь харчъ, саламата, каша и даже топливо; ему отдавали деньги подъ сохранъ. Не рѣдко происходила ссора у куреней съ куренями: въ такомъ случаѣ дѣло тотъ же часъ доходило до драки. Куренями покрывали площадь и кулаками ломали другъ другу бока, покамѣстъ одни не пересиливали наконецъ и не брали верхъ, и тогда начиналась гульня. Такова была эта Сѣчь, имѣвшая столько приманокъ для молодыхъ людей. Остапъ и Андрій кинулись со всею пылкостію юношей въ это разгульное море, и забыли вмигъ и отцовскій домъ, и бурсу, и все, что волновало прежде душу, и предались новой жизни. Все занимало ихъ: разгульные обычаи Сѣчи и немногосложная управа и законы, которые казались имъ тогда даже слишкомъ строгими среди такой своевольной республики. Если казакъ проворовался, укралъ какую нибудь бездѣлицу, это считалось уже

поношеніемъ всему казачеству: его, какъ безчестнаго, привязывали къ позорному столбу и клали возлѣ него дубину, которою всякій проходящій обязанъ былъ нанести ему ударъ, пока такимъ образомъ не забивали его до смерти. Неплатившаго должника приковывали цѣпью къ пушкѣ, гдѣ долженъ былъ онъ сидѣть до тѣхъ поръ, пока кто нибудь изъ товарищей не рѣшался его выкупить и заплатить за него долгъ. Но болѣе всего произвела впечатлѣніе на Андрія страшная казнь, опредѣленная за смертоубійство. Тутъ же при немъ вырыли яму, опустили туда живаго убійцу и сверхъ него поставили гробъ, заключавшій тѣло имъ убіеннаго, и потомъ обоихъ засыпали землею. Долго потомъ все чудился ему страшный обрядъ казни, и все представлялся этотъ заживо засыпанный человѣкъ вмѣстѣ съ ужаснымъ гробомъ.

Скоро оба молодые казаки стали на хорошемъ счету у казаковъ. Часто, вмѣстѣ съ другими товарищами своего куреня, а иногда со всѣмъ куренемъ и съ сосѣдними куренями выступали они въ степи для стрѣльбы несмѣтнаго числа всѣхъ возможныхъ степныхъ птицъ, оленей и козъ, или же выходили на озера, рѣки и протоки, отведенные по жребію каждому куреню, закидывать невода и сѣти и тащить богатыя тони на продовольствіе всего куреня. Хотя и не было тутъ науки, на которой пробуется казакъ; но они стали уже замѣтны между другими молодыми прямою удалью и удачливостью во всемъ. Бойко и мѣтко стрѣляли въ цѣль, переплывали Днѣпръ противъ теченія — дѣло, за которое новичекъ принимался торжественно въ казацкіе круги. Но старый Тарасъ готовилъ имъ другую дѣятельность. Ему не по душѣ была такая праздная жизнь — настоящаго дѣла хотѣлъ онъ. Онъ все придумывалъ, какъ бы поднять Сѣчь на отважное предпріятіе, гдѣ бы можно было разгуляться, какъ слѣдуетъ рыцарю; наконецъ

въ одинъ день пришелъ къ кошевому и сказалъ ему прямо:

«Что, кошевой, пора бы погулять запорожцамъ.»

— «Нѣгдѣ погулять» отвѣчалъ кошевой, вынувши изо рта маленькую трубку и сплюнувъ на сторону.

«Какъ нѣгдѣ? можно пойти на турещину или на татарву.»

— «Не можно ни въ турещину, ни на татарву» отвѣчалъ кошевой, взявши опять хладнокровно въ ротъ свою трубку.

«Какъ не можно?»

— «Такъ; мы обѣщали султану миръ.»

«Да вѣдь онъ бусурманъ: и Богъ и святое писаніе велитъ бить бусурмановъ.»

— «Не имѣемъ права. Если бъ не клялись еще нашею вѣрою, то, можетъ быть, и можно было бы; а, теперь нѣтъ, не можно.»

«Какъ не можно? Какъ же ты говоришь: не имѣемъ права? Вотъ у меня два сына, оба молодые люди. Еще ни разу ни тотъ, ни другой не былъ на войнѣ, а ты говоришь — не имѣемъ права: а ты говоришь, не нужно итти запорожцамъ.»

— «Ну, ужъ не слѣдуетъ такъ.»

«Такъ стало быть слѣдуетъ, чтобы пропадала даромъ казацкая сила, чтобы человѣкъ сгинулъ какъ собака, безъ добраго дѣла, чтобы ни отчизнѣ, ни всему христіянству не было отъ него никакой пользы. Такъ на что̀ же мы живемъ, на какого чорта мы живемъ, растолкуй ты мнѣ это. Ты человѣкъ умный, тебя не даромъ выбрали въ кошевые, растолкуй мнѣ, на что̀ мы живемъ?»

Кошевой не далъ отвѣта на этотъ запросъ. Это былъ упрямый казакъ. Онъ не много помолчалъ и потомъ сказалъ: «а войнѣ все таки не бывать.»

«Такъ не бывать войнѣ?» спросилъ опять Тарасъ.

— «Нѣтъ.»

«Такъ ужъ и думать объ этомъ нечего?»

— «И думать объ этомъ нечего.»

«Постой же ты, чортовъ кулакъ!» сказалъ Бульба про себя: «ты у меня будешь знать!» и положилъ тутъ же отомстить кошевому.

Сговорившись съ тѣмъ и другимъ, задалъ онъ всѣмъ попойку, и хмѣльные казаки въ числѣ нѣсколькихъ человѣкъ повалили прямо на площадь, гдѣ стояли привязанныя къ столбу литавры, въ которыя обыкновенно били сборъ на раду; не нашедши палокъ, хранившихся всегда у довбиша, они схватили по полѣну въ руки и начали колотить въ нихъ. На бой прежде всего прибѣжалъ довбишъ, высокій человѣкъ съ однимъ только глазомъ, однакожъ, не смотря на то, страшно заспанный.

«Кто смѣетъ бить въ литавры?» закричалъ онъ.

«Молчи! возьми свои палки, да и колоти, когда тебѣ велятъ!» отвѣчали подгулявшіе старшины.

Довбишъ вынулъ тотчасъ изъ кармана палки, которыя онъ взялъ съ собою, очень хорошо зная окончаніе подобныхъ происшествій. Литавры грянули — и скоро на площадь, какъ шмели, стали собираться чорныя кучи запорожцевъ. Всѣ собрались въ кружокъ, и послѣ третьяго пробитья показались наконецъ старшины: кошевой съ палицей въ рукѣ, знакомъ своего достоинства, судья съ войсковою печатью, писарь съ чернилицею и есаулъ съ жезломъ. Кошевой и старшины сняли шапки и раскланялись на всѣ стороны казакамъ, которые гордо стояли, подпершись руками въ бока.

«Что значитъ это собранье, чего хотите, панове?» сказалъ кошевой. Брань и крики не дали ему говорить.

«Клади палицу! клади, чортовъ сынъ, сей же часъ палицу! не хотимъ тебя больше» кричали изъ

толпы казаки. Нѣкоторые изъ трезвыхъ куреней хотѣли, какъ казалось, противиться; но курени, и пьяные и трезвые, пошли на кулаки. Крикъ и шумъ сдѣлались общими.

Кошевой хотѣлъ было говорить, но зная, что разъярившаяся, своевольная толпа можетъ за это прибить его на смерть, что всегда почти бываетъ въ подобныхъ случаяхъ, поклонился очень низко, положилъ палицу и скрылся въ толпѣ.

«Прикажете, панове, и намъ положить знаки достоинства?» сказали судья, писарь и есаулъ, и готовились тутъ же положить чернилицу, войсковую печать и жезлъ.

«Нѣтъ, вы оставайтесь» закричали изъ толпы: «намъ нужно было только прогнать кошеваго, потому что онъ баба, а намъ нужно человѣка въ кошевые.»

«Кого же выберете теперь въ кошевые?» сказали старшины.

«Кукубенка выбрать!» кричала часть.

«Не хотимъ Кукубенка!» кричала другая: «рано ему: еще молоко не обсохло!»

«Шило пусть будетъ атаманомъ!» кричали одни: «Шило посадить въ кошевые!»

«Въ спину тебѣ шило!» кричала съ бранью толпа: «что онъ за казакъ, когда прокрался, собачій сынъ, какъ татаринъ. Къ чорту, въ мѣшокъ пьяницу Шила!»

«Бородатаго, Бородатаго посадимъ въ кошевые!»

«Не хотимъ Бородатаго! къ нечистой матери Бородатаго!»

«Кричите Кирдягу!» шепнулъ Тарасъ Бульба нѣкоторымъ.

«Кирдягу! Кирдягу!» кричала толпа: «Бородатаго, Бородатаго! Кирдягу, Кирдягу! Шила! къ чорту съ шиломъ! Кирдягу!»

было понемногу, какъ, то тамъ, то въ другомъ мѣстѣ, валялся козакъ; тамъ товарищъ, обнявши товарища, расчувствовавшись и даже заплакавши, валились оба на землю. Тамъ гурьбою улегалась цѣлая куча; тамъ выбиралъ иной, какъ бы получше ему улечься, и легъ прямо на деревянную колоду. Послѣдній, который былъ покрѣпче, еще выводилъ какія-то безсвязныя рѣчи; наконецъ и того подкосила хмѣльная сила, и тотъ повалился, и заснула вся Сѣчь.

Гоголь.

V. *Герой нашего времени.*

Я ѣхалъ на перекладныхъ изъ Тифлиса. Вся поклажа моей тележки состояла изъ одного небольшаго чемодана, который до половины былъ набитъ путевыми записками о Грузіи. Большая часть изъ нихъ, къ счастію для васъ, потеряна, а чемоданъ съ остальными вещами, къ счастію для меня, остался цѣлъ.

Ужъ солнце начинало прятаться за снѣговой хребетъ, когда я въѣхалъ въ Койшаурскую Долину. Осетинъ-извощикъ неутомимо погонялъ лошадей, чтобъ успѣть до ночи взобраться на Койшаурскую Гору, и во все горло распѣвалъ пѣсни. Славное мѣсто эта долина! Со всѣхъ сторонъ горы неприступныя, красноватыя скалы, обвѣшанныя зеленымъ плющемъ и увѣнчанныя кунами чинаръ, желтые обрывы, исчерченные промоинами, а тамъ высоко, высоко, золотая бахрома снѣговъ, а внизу Арагва, обнявшись съ другою безъименной рѣчкой, шумно вырывающеюся изъ чернаго, полнаго мглою ущелья, тянется серебряною нитью и сверкаетъ какъ змѣя своею чешуею.

Подъѣхавъ къ подошвѣ Койшаурской Горы, мы остановились возлѣ духана. Тутъ толпилось шумно десятка два Грузинъ и Горцевъ; по близости караванъ верблюдовъ остановился для ночлега. Я долженъ былъ нанять быковъ, чтобъ втащить мою тележку на эту проклятую гору, потому что была уже осень и гололедица, — а эта гора имѣетъ около двухъ верстъ длины.

Нечего дѣлать, я нанялъ шесть быковъ и нѣсколькихъ Осетинъ. Одинъ изъ нихъ взвалилъ себѣ на плечи мой чемоданъ, другіе стали помогать быкамъ почти однимъ крикомъ.

За моею телѣжкою четверка быковъ тащила другую, какъ ни въ чемъ не бывало, не смотря на то, что она была до верху накладена. Это обстоятельство меня удивило. За нею шелъ ея хозяинъ, покуривая изъ маленькой кабардинской трубочки, обдѣланной въ серебро. На немъ былъ офицерскій сюртукъ безъ эполетъ и черкесская мохнатая шапка. Онъ казался лѣтъ пятидесяти; смуглый цвѣтъ лица его показывалъ, что оно давно знакомо съ закавказскимъ солнцемъ, и преждевременно посѣдѣвшіе усы не соотвѣтствовали его твердой походкѣ и бодрому виду. Я подошелъ къ нему и поклонился; онъ, молча, отвѣчалъ мнѣ на поклонъ, и пустилъ огромный клубъ дыма.

«Мы съ вами попутчики, кажется?»

Онъ, молча, опять поклонился.

«Вы вѣрно ѣдете въ Ставрополь?»

— Такъ-съ точно.... съ казенными вещами.

«Скажите, пожалуйста, отъ чего это вашу тяжелую телѣжку четыре быка тащатъ шутя, а мою, пустую, шесть скотовъ едва подвигаютъ съ помощію этихъ Осетинъ?»

Онъ лукаво улыбнулся и значительно взглянулъ на меня. — Вы вѣрно недавно на Кавказѣ?

«Съ годъ» отвѣчалъ я.

Онъ улыбнулся вторично.

«А что жъ?»

— Да такъ-съ! Ужасныя бестіи эти Азіяты! Вы думаете, они помогаютъ, что кричатъ? А чортъ ихъ разберетъ, что они кричатъ? Быки-то ихъ понимаютъ; запрягите хоть двадцать, такъ коли они крикнутъ по-своему, быки все ни съ мѣста.... Ужасные плуты! А что съ нихъ возьмешь?... Любятъ деньги драть съ проѣзжающихъ.... Избаловали мошенниковъ! Увидите, они еще съ васъ возьмутъ на водку. Ужъ я ихъ знаю, меня не проведутъ!

«А вы давно здѣсь служите?»

— Да, я ужъ здѣсь служилъ при Алексѣѣ Петровичѣ (*), отвѣчалъ онъ пріосанившись. Когда онъ пріѣхалъ на Линію, я былъ подпоручикомъ — прибавилъ онъ — и при немъ получилъ два чина за дѣла противъ Горцевъ.

«А теперь вы?...»

— Теперь считаюсь въ третьемъ линѣйномъ баталіонѣ. А вы, смѣю спросить?...

Я сказалъ ему.

Разговоръ этимъ кончился, и мы продолжали, молча, идти другъ подлѣ друга. На вершинѣ горы нашли мы снѣгъ. Солнце закатилось, и ночь послѣдовала за днемъ безъ промежутка, какъ это обыкновенно бываетъ на югѣ; но, благодаря отливу снѣговъ, мы легко могли различать дорогу, которая все еще шла въ гору, хотя уже не такъ круто. Я велѣлъ положить чемоданъ свой въ телѣжку, замѣнить быковъ лошадьми, и въ послѣдній разъ оглянулся внизъ на долину; но густой туманъ, нахлынувшій волнами изъ ущелій, покрывалъ ее совершенно, и ни единый

(*) Ермоловъ.

звукъ не долетаетъ уже оттуда до нашего слуха. Осетины шумно обступили меня и требовали на водку; но штабсъ-капитанъ такъ грозно на нихъ прикрикнулъ, что они вмигъ разбѣжались. — «Вѣдь этакій народъ!» сказалъ онъ: «и хлѣба по-русски назвать не умѣетъ, а выучилъ: «офицеръ, дай на водку!» Ужъ Татары по мнѣ лучше: тѣ хоть непьющіе....»

До станціи оставалось еще съ версту. Кругомъ было тихо, такъ тихо, что по жужжанію комара можно было слѣдить за его полетомъ. На лѣво чернѣлось глубокое ущелье; за нимъ и впереди насъ темносинія вершины горъ, изрытыя морщинами, покрытыя слоями снѣга, рисовались на блѣдномъ небосклонѣ, еще сохранявшемъ послѣдній отблескъ зари. На темномъ небѣ начинали мелькать звѣзды, и странно, мнѣ покалось, что онѣ гораздо выше, чѣмъ у насъ на сѣверѣ. По обѣимъ сторонамъ дороги торчали голые, черные камни; кой-гдѣ изъ-подъ снѣга выглядывали кустарники, но ни одинъ сухой листокъ не шевелился, и весело было слышать, среди этого мертваго сна природы, фырканье усталой почтовой тройки и неровное побрякиванье русскаго колокольчика.

«Завтра будетъ славная погода!» сказалъ я. Штабсъ-капитанъ не отвѣчалъ ни слова, и указалъ мнѣ пальцемъ на высокую гору, поднимавшуюся прямо противъ насъ.

«Что жъ это?» спросилъ я.

— Гутъ-Гора.

«Ну такъ что жъ?»

— Посмотрите, какъ курится.

И въ самомъ дѣлѣ, Гутъ-Гора курилась; по бокамъ ея ползали легкія струйки облаковъ, а на вершинѣ лежала черная туча, такая черная, что на темномъ небѣ она казалась пятномъ.

Ужъ мы различали почтовую станцію, кровли окружающихъ ее саклей, и передъ нами мелькали привѣтные огоньки, когда пахнулъ сырой, холодный вѣтеръ, ущелье загудѣло, и пошелъ мелкій дождь. Едва успѣлъ я накинуть бурку, какъ повалилъ снѣгъ. Я съ благоговѣніемъ посмотрѣлъ на штабсъ-капитана....

— Намъ прійдется здѣсь ночевать, сказалъ онъ съ досадою: въ такую мятель черезъ горы не переѣдешь. Что? были ль обвалы на Крестовой? спросилъ онъ извощика.

— «Не было, господинъ» отвѣчалъ Осетинъ-извощикъ: «а виситъ много, много.»

За неимѣніемъ комнаты для проѣзжающихъ на станціи, намъ отвели ночлегъ въ дымной саклѣ. Я пригласилъ своего спутника выпить вмѣстѣ стаканъ чаю, ибо со мной былъ чугунный чайникъ — единственная отрада моя въ путешествіяхъ по Кавказу.

Сакля была прилѣплена однимъ бокомъ къ скалѣ; три скользкія, мокрыя ступени вели къ ея двери. Ощупью вошелъ я и наткнулся на корову (хлѣвъ у этихъ людей замѣняетъ лакейскую). Я не зналъ, куда дѣваться: тутъ блеютъ овцы, тамъ ворчитъ собака. Къ счастію, въ сторонѣ блеснулъ тусклый свѣтъ и помогъ мнѣ найти другое отверзтіе на подобіе двери. Тутъ открылась картина довольно занимательная: широкая сакля, которой крыша опиралась на два закопченные столба, была полна народа. По срединѣ трещалъ огонекъ, разложенный на землѣ, и дымъ, выталкиваемый обратно вѣтромъ изъ отверзтія въ крышѣ, разстилался вокругъ такою густой пеленою, что я долго не могъ осмотрѣться; у огня сидѣли двѣ старухи, множество дѣтей и одинъ худощавый Грузинъ, всѣ въ лохмотьяхъ. Нечего было дѣлать, мы пріютились у огня, закурили трубки, и скоро чайникъ зашипѣлъ привѣтливо.

«Жалкіе люди!» сказалъ я штабсъ-капитану, указывая на нашихъ грязныхъ хозяевъ, которые, молча, на насъ смотрѣли въ какомъ-то остолбенѣніи.

— Преглупый народъ! отвѣчалъ онъ. Повѣрите ли? ничего не умѣютъ, не способны ни къ какому образованію! Ужъ по крайней мѣрѣ наши Кабардинцы или Чеченцы, хотя разбойники, голыши, за то отчаянныя башки, а у этихъ и къ оружію ни какой охоты нѣтъ: порядочнаго кинжала ни на одномъ не увидишь. Ужъ подлинно Осетины!

«А вы долго были въ Чечнѣ?»

— Да, я лѣтъ десять стоялъ тамъ въ крѣпости съ ротою, у Каменнаго Брода, — знаете?

«Слыхалъ.»

— Вотъ, батюшка, надоѣли намъ эти головорѣзы! Нынче, слава Богу, смирнѣе; а бывало, на сто шаговъ отойдешь за валъ, ужъ гдѣ нибудь косматый дьяволъ сидитъ и караулитъ: чуть зазѣвался, того и гляди — либо арканъ на шеѣ, либо пуля въ затылкѣ. А молодцы!...

«А, чай, много съ вами бывало приключеній?» сказалъ я, подстрекаемый любопытствомъ.

— Какъ не бывать! бывало....

Тутъ онъ началъ щипать лѣвый усъ, повѣсилъ голову и призадумался. Мнѣ страхъ хотѣлось вытянуть изъ него какую нибудь исторійку, — желаніе, свойственное всѣмъ путешествующимъ и записывающимъ людямъ. Между тѣмъ чай поспѣлъ; я вытащилъ изъ чемодана два походные стаканчика, налилъ и поставилъ одинъ передъ нимъ. Онъ отхлебнулъ и сказалъ, какъ будто про себя: «да, бывало!» Это восклицаніе подало мнѣ большія надежды. Я знаю, старые Кавказцы любятъ поговорить, поразсказать; имъ такъ рѣдко это удается: другой лѣтъ пять стоитъ гдѣ нибудь въ захолустьѣ съ ротой, и цѣлыя пять лѣтъ ему никто не

скажетъ *здравствуйте* (потому что фельдфебель говоритъ: *здравія желаю*). А поболтать было бы о чемъ: кругомъ народъ дикій, любопытный: каждый день опасность; случаи бываютъ чудные, и тутъ по неволѣ пожалѣешь о томъ, что у насъ такъ мало записываютъ.

«Не хотите ли подбавить рому?» — сказалъ я моему собесѣднику: «у меня есть бѣлый изъ Тифлиса; теперь холодно.»

— Нѣтъ-съ, благодарствуйте, не пью.

«Что такъ?»

— Да такъ. Я далъ себѣ заклятье. Когда я былъ еще подпоручикомъ, разъ, знаете, мы подгуляли между собою, а ночью сдѣлалась тревога; вотъ мы и вышли передъ фрунтъ на веселѣ, да ужъ и досталось намъ, какъ Алексѣй Петровичъ узналъ: не дай Господи, какъ онъ разсердился! чуть, чуть не отдалъ подъ судъ. Оно и точно: другой разъ цѣлый годъ живешь, никого не видишь, да какъ тутъ еще водка — пропадшій человѣкъ!

Услышавъ это, я почти потерялъ надежду.

— Да вотъ хоть Черкесы, продолжалъ онъ: какъ напьются бузы на свадьбѣ или на похоронахъ, такъ и пошла рубка. Я разъ на силу ноги унесъ, а еще у мирнаго князя былъ въ гостяхъ.

«Какъ же это случилось?»

— Вотъ (онъ набилъ трубку, затянулся и началъ разсказывать), вотъ изволите видѣть, я тогда стоялъ въ крѣпости за Терекомъ съ ротой — этому скоро пять лѣтъ. Разъ, осенью, пришелъ транспортъ съ провіантомъ; въ транспортѣ былъ офицеръ, молодой человѣкъ лѣтъ двадцати пяти. Онъ явился ко мнѣ въ полной формѣ, и объявилъ, что ему велѣно остаться у меня въ крѣпости. Онъ былъ такой тоненькій, бѣленькій, на немъ мундиръ былъ такой новенькій, что я тотчасъ догадался, что онъ на Кавказѣ у насъ недав-

но. «Вы вѣрно»—спросилъ я его—«переведены сюда изъ Россіи?» — Точно такъ, господинъ штабсъ-капитанъ, отвѣчалъ онъ.—Я взялъ его за руку и сказалъ: «Очень радъ, очень радъ. Вамъ будетъ немножко скучно.... ну, да мы съ вами будемъ жить по-пріятельски. Да, пожалуйста, зовите меня просто Максимъ Максимычъ, и пожалуйста — къ чему эта полная форма? — приходите ко мнѣ всегда въ фуражкѣ.» Ему отвели квартиру, и онъ поселился въ крѣпости.

«А какъ его звали?» спросилъ я Максима Максимыча.

— Его звали.... Григорьемъ Александровичемъ *Печоринымъ*. Славный былъ малый, смѣю васъ увѣрить; только немножко страненъ. Вѣдь, напримѣръ, въ дождикъ, въ холодъ, цѣлый день на охотѣ; всѣ иззябнутъ, устанутъ, — а ему ничего. А другой разъ сидитъ у себя въ комнатѣ, вѣтеръ пахнетъ — увѣряетъ, что простудился; ставнемъ стукнетъ — онъ вздрогнетъ и поблѣднѣетъ: а при мнѣ ходилъ на кабана одинъ на одинъ; бывало, по цѣлымъ часамъ слова не добьешься, за то ужъ иногда какъ начнетъ разсказывать, такъ животики надорвешь со смѣха.... Да-съ, съ большими странностями, и должно быть богатый человѣкъ: сколько у него было разныхъ дорогихъ вещицъ!...

«А долго онъ съ вами жилъ?» спросилъ я опять.

— Да съ годъ. Ну да ужъ за то памятенъ мнѣ этотъ годъ; надѣлалъ онъ мнѣ хлопотъ, не тѣмъ будь помянутъ! Вѣдь есть, право, этакіе люди, у которыхъ на роду написано, что съ ними должны случаться разныя необыкновенныя вещи!

Лермонтовъ.

VI. *Пугачевъ.*

«Необыкновенная картина мнѣ представилась. За столомъ, накрытымъ скатертью и установленнымъ штофами и стаканами, Пугачевъ и человѣкъ десять казацкихъ старшинъ сидѣли, въ шапкахъ и цвѣтныхъ рубашкахъ, разгоряченные виномъ, съ красными рожами и блистающими глазами. Между ими не было ни Швабрина, ни нашего урядника, новобранныхъ измѣнниковъ. «А, ваше благородіе!» сказалъ Пугачевъ, увидя меня. «Добро пожаловать: честь и мѣсто, милости просимъ!» Собесѣдники потѣснились. Я, молча, сѣлъ на краю стола. Сосѣдъ мой, молодой казакъ, стройный и красивый, налилъ мнѣ стаканъ простаго вина, до котораго я не коснулся. Съ любопытствомъ сталъ я разсматривать сборище. Пугачевъ, на первомъ мѣстѣ, сидѣлъ, облокотясь на столъ, и подпирая черную бороду своимъ широкимъ кулакомъ. Черты лица его, правильныя и довольно пріятныя, не изъявляли ничего свирѣпаго. Онъ часто обращался къ человѣку лѣтъ пятидесяти, называя его то графомъ, то Тимоѳеичемъ, а иногда величая его *дядюшкою*. Всѣ обходились между собою какъ товарищи, и не оказывали ни какого особеннаго предпочтенія своему предводителю. Разговоръ шелъ объ утреннемъ приступѣ, объ успѣхѣ возмущенія и о будущихъ дѣйствіяхъ. Каждый хвасталъ, предлагалъ свои мнѣнія, и свободно оспоривалъ Пугачева. И на семъ-то странномъ военномъ совѣтѣ рѣшено было итти къ Оренбургу: движеніе дерзкое, и которое чуть-было не увѣнчалось бѣдственнымъ успѣхомъ! Походъ былъ объявленъ къ завтрашнему дню. «Ну, братцы,» сказалъ Пугачевъ: «затянемъ-ка на сонъ грядущій мою любимую пѣсеньку. Чумаковъ! начинай!» Сосѣдъ мой затянулъ тонкимъ го-

лоскомъ заунывную бурлацкую пѣсню, и всѣ подхватили хоромъ:

Не шуми, мати зеленая дубровушка,
Не мѣшай мнѣ, доброму молодцу, думу думати.
Что заутра мнѣ, доброму молодцу, въ допросъ итти,
Передъ грознаго судью, самого Царя.
Еще станетъ Государь-Царь меня спрашивать:
Ты скажи, скажи, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Ужъ какъ съ кѣмъ ты воровалъ, съ кѣмъ разбой держалъ,
Еще много ли съ тобой было товарищей?
Я скажу тебѣ, надежда православный Царь,
Всю правду скажу тебѣ, всю истину,
Что товарищей у меня было четверо:
Еще первый мой товарищъ темная ночь,
А второй мой товарищъ булатный ножъ,
А какъ третій-то товарищъ, то мой добрый конь,
А четвертый мой товарищъ, то тугой лукъ;
Что разсыльщики мои, то калены стрѣлы.
Что возговоритъ, надежда православный Царь:
Исполать тебѣ, дѣтинушка, крестьянскій сынъ,
Что умѣлъ ты воровать, умѣлъ отвѣтъ держать!
Я за то тебя, дѣтинушка, пожалую
Среди поля хоромами высокими,
Что двумя ли столбами съ перекладиной.

Невозможно разсказать, какое дѣйствіе произвела на меня эта простонародная пѣсня про висѣлицу, распѣваемая людьми, обреченными висѣлицѣ. Ихъ грозныя лица, стройные голоса, унылое выраженіе, которое придавали они словамъ, и безъ того выразительнымъ — все потрясало меня какимъ-то піитическимъ ужасомъ.»

VII. *Встрѣча съ* Екатериною II.

Марья Ивановна (*) благополучно прибыла въ Софію, и узнавъ, что дворъ находится въ то время въ Царскомъ Селѣ, рѣшилась тутъ остановиться. Ей отвели уголокъ за перегородкой. Жена смотрителя тотчасъ съ нею разговорилась, объявила, что она племянница придворнаго истопника и посвятила ее во всѣ таинства придворной жизни. Она разсказала, въ которомъ часу Государыня обыкновенно просыпалась, кушала кофе, прогуливалась; какіе вельможи находились въ то время при ней; что изволила она вчерашній день говорить у себя за столомъ; кого принимала вечеромъ: — словомъ, разговоръ Анны Власьевны стоилъ нѣсколькихъ страницъ историческихъ записокъ и былъ бы драгоцѣненъ для потомства. Марья Ивановна слушала ее со вниманіемъ. Онѣ пошли въ садъ. Анна Власьевна разсказала исторію каждой аллеи и каждаго мостика, и, нагулявшись, онѣ возвратились на станцію, очень довольныя другъ другомъ.

На другой день, рано утромъ, Марья Ивановна проснулась, одѣлась и тихонько пошла въ садъ. Утро было прекрасное, солнце освѣщало вершины липъ, пожелтѣвшихъ уже подъ свѣжимъ дыханіемъ осени. Широкое озеро сіяло неподвижно. Проснувшіеся лебеди важно выплывали изъ-подъ кустовъ, осѣняющихъ берегъ. Марья Ивановна пошла около прекраснаго луга, гдѣ только что поставленъ былъ памятникъ въ честь недавнихъ побѣдъ Графа Петра Александровича Румянцева. Вдругъ бѣлая собачка англійской породы залаяла и побѣжала ей на встрѣчу. Марья Ивановна испугалась и остановилась. Въ эту

(*) Капитанская дочка.

самую минуту раздался пріятный женскій голосъ: «Не бойтесь, она не укуситъ.» И Марья Ивановна увидѣла даму, сидѣвшую на скамейкѣ противу памятника. Марья Ивановна сѣла на другомъ концѣ скамейки. Дама пристально на нее смотрѣла, а Марья Ивановна, съ своей стороны бросивъ нѣсколько косвенныхъ взглядовъ, успѣла разсмотрѣть ее съ ногъ до головы. Она была въ бѣломъ утреннемъ платьѣ, въ ночномъ чепцѣ и въ душегрѣйкѣ. Ей, казалось, лѣтъ сорокъ. Лице ея, полное и румяное, выражало важность и спокойствіе, а голубые глаза и легкая улыбка имѣли прелесть неизъяснимую. Дама первая перервала молчаніе.

«Вы вѣрно не здѣшнія?» сказала она.

— Точно такъ-съ: я вчера только пріѣхала изъ провинціи.

«Вы пріѣхали съ вашими родными?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала одна.

«Одна! Но вы еще такъ молоды.»

— У меня нѣтъ ни отца, ни матери.

«Вы здѣсь конечно по какимъ нибудь дѣламъ?»

— Точно такъ-съ. Я пріѣхала подать просьбу Государынѣ.

«Вы сирота: вѣроятно, вы жалуетесь на несправедливость и обиду?»

— Никакъ нѣтъ-съ. Я пріѣхала просить милости, а не правосудія.

«Позвольте спросить, кто вы таковы?»

— Я дочь капитана Миронова.

«Капитана Миронова! того самого, что былъ комендантомъ въ одной изъ оренбургскихъ крѣпостей?»

— Точно такъ-съ.

Дама, казалось, была тронута. «Извините меня» сказала она голосомъ еще болѣе ласковымъ, «если я вмѣшиваюсь въ ваши дѣла; но я бываю

при дворѣ; изъясните мнѣ, въ чемъ состоитъ ваша просьба, и можетъ быть, мнѣ удастся вамъ помочь.»

Марья Ивановна встала и почтительно ее благодарила. Все въ неизвѣстной дамѣ невольно привлекало сердце и внушало довѣренность. Марья Ивановна вынула изъ кармана сложенную бумагу, и подала ее незнакомой своей покровительницѣ, которая стала читать ее про себя.

Сначала она читала съ видомъ внимательнымъ и благосклоннымъ, но вдругъ лице ея перемѣнилось, и Марья Ивановна, слѣдовавшая глазами за всѣми ея движеніями, испугалась строгому выраженію этого лица, за минуту столь пріятному и спокойному.

«Вы просите за Гринева?» сказала дама съ холоднымъ видомъ. «Императрица не можетъ его простить. Онъ присталъ къ самозванцу не изъ невѣжества и легковѣрія, но какъ безнравственный и вредный негодяй.»

— Ахъ, неправда! вскрикнула Марья Ивановна.

«Какъ, неправда!» возразила дама, вся вспыхнувъ.

— Неправда, ей Богу, неправда! Я знаю все, я все вамъ разскажу. Онъ для одной меня подвергся всему, что постигло его. И если онъ не оправдался передъ судомъ, то развѣ потому только, что не хотѣлъ запутать меня. Тутъ она съ жаромъ разсказала все, что уже извѣстно моему читателю.

Дама выслушала ее со вниманіемъ. «Гдѣ вы остановились?» спросила она потомъ; и услыша, что у Анны Власьевны, примолвила съ улыбкою: «А! знаю. Прощайте, не говорите никому о нашей встрѣчѣ. Я надѣюсь, что вы не долго будете ждать отвѣта на ваше письмо.»

Съ этимъ словомъ она встала и вышла въ кры-

тую аллею, а Марья Ивановна возвратилась къ Аннѣ Власьевнѣ, исполненная радостной надежды.

Хозяйка побранила ее за раннюю прогулку, вредную, по ея словамъ, для здоровья молодой дѣвушки. Она принесла самоваръ, и за чашкою чаю только было принялась за безконечные разсказы о дворѣ, какъ вдругъ придворная карета остановилась у крыльца, и камеръ-лакей вошелъ съ объявленіемъ, что Государыня изволитъ къ себѣ приглашать дѣвицу Миронову.

Анна Власьевна изумилась и расхлопоталась. «Ахти, Господи!» закричала она. «Государыня требуетъ васъ ко двору. Какъ же это она про васъ узнала? Да какъ же вы, матушка, представитесь къ Императрицѣ? Вы, я чай, и ступить по придворному не умѣете.... Не проводить ли мнѣ васъ? Все таки я васъ хоть въ чемъ нибудь да могу предостеречь. И какъ же вамъ ѣхать въ дорожномъ платьѣ? Не послать ли къ повивальной бабушкѣ за ея желтымъ роброномъ?» Камеръ-лакей объявилъ, что Государынѣ угодно было, чтобъ Марья Ивановна ѣхала одна, и въ томъ, въ чемъ ее застанутъ. Дѣлать было нечего: Марья Ивановна сѣла въ карету и поѣхала во дворецъ, сопровождаемая совѣтами и благословеніями Анны Власьевны.

Марья Ивановна предчувствовала рѣшеніе нашей судьбы; сердце ея сильно билось и замирало. Чрезъ нѣсколько минутъ карета остановилась у дворца. Марья Ивановна съ трепетомъ пошла по лѣстницѣ. Двери передъ нею отворились настежъ. Она прошла длинный рядъ пустыхъ, великолѣпныхъ комнатъ; камеръ-лакей указывалъ дорогу. Наконецъ, подошедъ къ запертымъ дверямъ, онъ объявилъ, что сейчасъ объ ней доложитъ, и оставилъ ее одну.

Мысль увидѣть Императрицу лицемъ къ лицу такъ устрашала ее, что она съ трудомъ могла дер-

жаться на ногахъ. Черезъ минуту двери отворились, и она вошла въ уборную Государыни.

Императрица сидѣла за своимъ туалетомъ. Нѣсколько придворныхъ окружали ее и почтительно пропустили Марью Ивановну. Государыня ласково къ ней обратилась, и Марья Ивановна узнала въ ней ту даму, съ которой такъ откровенно изъяснялась она нѣсколько минутъ тому назадъ. Государыня подозвала ее и сказала съ улыбкою: «Я рада, что могла сдержать вамъ свое слово и исполнить вашу просьбу. Дѣло ваше кончено. Я убѣждена въ невинности вашего жениха. Вотъ письмо, которое сами потрудитесь отвезти къ будущему свекру.»

Марья Ивановна приняла письмо дрожащею рукою, и, заплакавъ, упала къ ногамъ Императрицы, которая подняла ее и поцѣловала. Государыня разговорилась съ нею. «Знаю, что вы не богаты» сказала она; «но я въ долгу передъ дочерью капитана Миронова. Не безпокойтесь о будущемъ. Я беру на себя устроить ваше состоянiе.»

Обласкавъ бѣдную сироту, Государыня ее отпустила. Марья Ивановна уѣхала въ той же придворной каретѣ. Анна Власьевна, нетерпѣливо ожидавшая ея возвращенiя, осыпала ее вопросами, на которые Марья Ивановна отвѣчала кое-какъ. Анна Власьевна хотя и была недовольна ея безпамятствомъ, но приписала оное провинцiяльной застѣнчивости и извинила великодушно. Въ тотъ же день Марья Ивановна, не полюбопытствовавъ взглянуть на Петербургъ, обратно поѣхала въ деревню.

А. Пушкинъ.

VIII. *Набѣгъ Горцевъ.*

Осенью, въ 1819 году, Кабардинцы и Чеченцы, ободренные отсутствіемъ главнокомандующаго, собрались въ числѣ полуторы тысячи человѣкъ, сдѣлать нападеніе на какую нибудь деревню за Терекомъ, ограбить ее, увезти плѣнниковъ, угнать табуиъ. Предводителемъ былъ кабардинскій князекъ Джембулатъ. Аммалатъ-Бекъ, пріѣхавшій къ нему съ письмомъ отъ Султанъ-Ахметъ-Хана, былъ принятъ съ радостію. Правду сказать, ему не дали ни какого отряда, но это оттого, что у нихъ нѣтъ никакого строя, ни порядка въ войскѣ; борзый конь и собственная запальчивость указываютъ каждому мѣсто въ битвѣ. Сначала сдумаютъ, какъ завязать дѣло, какъ завлечь непріятеля, но потомъ нѣтъ ни повиновенія, ни повелѣнія, и случай доканчиваетъ сраженіе. Обославшись съ сосѣдними узденями и наѣздниками, Джембулатъ назначилъ сборное мѣсто, и вдругъ, по условному знаку, по всѣмъ ущеліямъ раздался крикъ «гарай! гарай!» (тревога), и въ одинъ часъ слетѣлись со всѣхъ сторонъ наѣздники чеченскіе и кабардинскіе. Во избѣжаніе измѣны, никто не зналъ, кромѣ вождей, гдѣ будетъ ночлегъ, гдѣ переправа. Раздѣлясь на небольшія кучки, пошли они по едва виднымъ тропамъ въ мирный аулъ, гдѣ должно было скрыться до ночи. Въ сумеркахъ всѣ отряды уже сошлись туда. Разумѣется, мирные встрѣтили своихъ земляковъ съ распростертыми объятіями, но Джембулатъ, не довѣряя этому, оцѣпилъ селеніе часовыми и объявилъ жителямъ, что если кто покусится уйти къ Русскимъ, будетъ изрубленъ въ куски. Большая часть узденей разошлись по саклямъ кунаковъ, или родственниковъ, но самъ Джембулатъ, съ Аммалатомъ и лучшими наѣздниками, остался на чистомъ воздухѣ, подлѣ разведеннаго огня, покуда освѣжа-

лись усталые ихъ кони. Джембулатъ, простершись на буркѣ, опершись рукою объ руку, раздумывалъ распорядокъ набѣга; но далека была мысль Аммалата отъ поля битвы; она орленкомъ носилась надъ горами Аваріи, и тяжко, тяжко ныло сердце разлукою. Звукъ металлическихъ струнъ горской балалайки (комусъ), сопровождаемый протяжнымъ напѣвомъ, извлекъ его изъ задумчивости: то кабардинецъ пѣлъ пѣсню старинную.

«На Касбекъ слетѣлись тучи,
Словно горные орлы....
Имъ на встрѣчу, на скалы
Узденей отрядъ летучій,
Выше, выше, круче, круче,
Скачетъ Русскими разбитъ:
Слѣдъ ихъ кровію кипитъ.

На хвостахъ полки погони;
Занесенъ и штыкъ и мечъ:
Смертью сѣется картечь....
Нѣтъ спасенья въ силѣ, въ бронѣ....
«Бѣгу, бѣгу, кони, кони!»
Пали вы — а далека
Крѣпость горнаго лѣска.

Сердце нашихъ Русскимъ мѣта....
На колѣни палъ мулла —
И молитва, какъ стрѣла,
До пророка Магомета,
Въ море свѣта, въ небо свѣта,
Полетѣла, понеслась,
«Иль-Алла — не выдай насъ!»

Нѣтъ спасенья ни откуда!!
Вдругъ по манію небесъ,
Зашумѣлъ далекій лѣсъ:
Вѣетъ, плещетъ, катитъ грудой
Ниже, ближе, чудо, чудо!...

Мусульмане спасены
Средь лѣсистой крутизны!

«Такъ бывало встарину,» сказалъ съ улыбкою Джембулатъ, «когда наши старики больше вѣрили молитвѣ, а Богъ чаще ихъ слушалъ; но теперь, друзья, лучшая надежда — своя храбрость. Наши чудеса въ ножнахъ шашки (сабли), и намъ точно должно показать ихъ, чтобы не осрамиться. Послушай, Аммалатъ,» примолвилъ онъ, крутя усъ свой: «не скрою отъ тебя, что дѣло можетъ быть жаркое. Я сейчасъ провѣдалъ, что полковникъ К*** собралъ отрядъ свой; но гдѣ онъ? но сколько у него войска? этого никто не знаетъ.»

— «Чѣмъ больше будетъ Русскихъ, тѣмъ лучше» — отвѣчалъ Аммалатъ спокойно — «тѣмъ менѣе будетъ промаховъ.»

«За то труднѣе добыча!»

— «По мнѣ хоть бы вѣкъ ея не было: я хочу мести, ищу славы.»

Джембулатъ свиснулъ, и свистъ его повторился во всѣхъ концахъ стана: вмигъ собралась вся шайка. Къ ней присоединились многіе уздени изъ окрестныхъ мирныхъ деревень. Потолковавъ съ ними, гдѣ лучше переправиться, отрядъ въ тишинѣ двинулся къ берегу. Аммалатъ-Бекъ не могъ надивиться молчаливости, не только всадниковъ, но и самыхъ коней: ни одинъ изъ нихъ не ржалъ, не храпѣлъ и, будто остерегаясь, ставилъ копыто на землю. Отрядъ несся неслышнымъ облакомъ; скоро добрались до берега Терека, который излучиною образовалъ въ томъ мѣстѣ мысъ, и отъ него къ противоположному берегу тянулась каменистая коса. Вода въ то время была не высока и бродъ возможенъ; не смотря на это, часть отряда потянулась выше, для переправы вплавь, чтобы оттянуть казаковъ отъ

главной переправы и прикрыть ее, ежели бы дали отпоръ. Тѣ, которые надѣялись на коней своихъ, прыгали прямо съ берега. Другіе подвязывали подъ переднія лопатки по парѣ небольшихъ мѣховъ, надутыхъ, какъ пузыри. Быстрина сносила и разносила ихъ, и каждый выходилъ на сушу, гдѣ находилъ удобное мѣсто, чтобы вскарабкаться коню. Непроницаемая завѣса тумана скрывала все движеніе.

Надобно знать, что по всей горской прибрежной линіи тянется маячная и сторожевая цѣпь. По всѣмъ курганамъ и возвышенностямъ стоятъ конные пикеты. Проѣзжая мимо днемъ, вы видите на каждомъ холмѣ высокій шестъ съ боченкомъ на верху: онъ полонъ смолой и соломою, и готовъ вспыхнуть при первой тревогѣ. При этомъ шестѣ обыкновенно привязана казацкая лошадь, и подлѣ нея лежитъ часовой. Въ ночь часовые удвоиваются. Но, не смотря на такую предосторожность, Черкесы, подъ буркой мрака и тумана, нерѣдко малыми шайками протекаютъ сквозь цѣпь, будто вода сквозь сито. Точно то же случилось и теперь: зная совершенно мѣстность, белады (проводники) изъ мирныхъ вели каждую партію, и тихомолкомъ миновали курганы. Въ двухъ только мѣстахъ, хищники, чтобы прервать линію маяковъ, могущихъ измѣнить имъ, рѣшились снять часовыхъ. На одинъ постъ отправился самъ Джембулатъ, а нашему Беку велѣлъ ползкомъ выбраться на берегъ, обогнуть пикетъ сзади, сосчитатъ сто и потомъ ударить нѣсколько разъ въ огниво. Сказано, сдѣлано. Чуть поднявъ голову съ забережья, весьма крутаго, Джембулатъ высмотрѣлъ казака, дремлющаго надъ фитилемъ, держа въ поводу лошадь. Послышавъ шорохъ, часовой встрепенулся и устремилъ безпокойные взоры на рѣку. Боясь, чтобы тотъ не замѣтилъ его, Джембулатъ метнулъ вверхъ шапку и припалъ за кряжъ. «Проклятая утица!» сказалъ До-

нецъ, «имъ и ночью масляница! плещутся, да летаютъ, словно вѣдьмы кіевскія!» Но въ это время искры, мелькнувшія въ другой сторонѣ, привлекли его вниманіе. «Неужто волки?» подумалъ онъ. «Бываетъ, они крѣпко сверкаютъ глазами!» Но искры посыпались снова, и онъ обомлѣлъ, вспомнивъ разсказы, что Чеченцы даютъ такіе сигналы, управляя ходомъ своихъ товарищей. Этотъ мигъ изумленія и раздумья былъ мигомъ его погибели; кинжалъ, ринутый сильною рукою, свиснулъ — и пронзенный казакъ безъ стона упалъ на землю. Товарищъ его былъ изрубленъ сонный, и вырванный шестъ съ боченкомъ кинули въ воду. Быстро соединился весь отрядъ по данному знаку, и разомъ устремился на деревню, на которую заранѣ предположено было напасть. Набѣгъ совершенъ былъ очень удачно, т. е. вовсе неожиданно. Всѣ крестьяне, которые успѣли вооружиться, были перебиты послѣ отчаяннаго сопротивленія; другіе спрятались или разбѣжались. Кромѣ добычи, множество плѣнныхъ и плѣнницъ было наградой отваги. Кабардинцы вторгались въ домы, уносили что поцѣннѣе или что въ торопяхъ попадало подъ руку, но не жгли домовъ, не топтали умышленно нивъ, не ломали виноградниковъ. «Зачѣмъ трогать даръ Божій и трудъ человѣка?» говорили они, и это правило горскаго разбойника, не ужасающагося ни какимъ злодѣйствомъ, есть доблесть, которою могли бы гордиться народы самые образованные, если бы они ее имѣли. Въ часъ все было кончено для жителей, но не для грабителей: тревога распространилась уже по всей линіи. Какъ утреннія звѣзды, засверкали сквозь туманъ маяки, и призывъ къ оружію раздавался во всѣхъ сторонахъ.

Между тѣмъ нѣсколько человѣкъ опытныхъ наѣздниковъ обскакали большой табунъ, далеко въ

степи ходившій. Пастухъ былъ захваченъ съ разу. Съ крикомъ и выстрѣлами бросились они потомъ на коней съ полевой стороны; кони шарахнулись, взбросили гривы и хвосты на вѣтеръ и стремглавъ кинулись вслѣдъ за Черкесомъ, котораго на лихомъ скакунѣ нарочно оставили на рѣчной сторонѣ, чтобы онъ былъ водакомъ испуганнаго стада. Какъ добрый кормчій, зная и въ туманахъ наизустъ всѣ опасности этого степнаго моря, Черкесъ летѣлъ впереди прядающихъ коней, вился между постами, и наконецъ, избравъ самое крутое мѣсто берега, спрыгнулъ въ Терекъ со всего разскака. Весь табунъ за нимъ слѣдомъ: только прыскала шумная пѣна отъ паденія.

Занялась заря, разступились туманы, и открыли картину вмѣстѣ пышную и ужасную. Главная толпа наѣздниковъ влачила за собою плѣнныхъ, кого при стремени, кого за сѣдломъ, со связанными руками. Плачъ, и стонъ, и вопль отчаянія заглушались угрозами и неистовымъ крикомъ побѣдной радости. Отягощенные добычей, замедляемые въ ходу стадами рогатаго скота, они медленно подвигались къ Тереку. Князья и лучшіе наѣздники, въ кольчугахъ и шлемахъ, блистающихъ, переливающихся, какъ вода, увивались около поѣзда, словно молніи изъ сизой тучи. Вдали со всѣхъ сторонъ скакали линѣйскіе казаки, залегали за дубы, за кустарники, и скоро завязали перепалку съ высланными противъ нихъ удальцами. Тамъ и сямъ сверкали, гремѣли выстрѣлы; порой падалъ Черкесъ съ коня. Между этимъ, передовые успѣли переправить часть стада, когда пыльное облако и топотъ коней возвѣстили, что на нихъ несется гроза. Сотъ шесть Горцевъ, предводимыхъ Джембулатомъ и Аммалатомъ, оборотили коней, чтобъ отразить нападеніе и дать время своимъ убраться за рѣку. Безъ всякаго порядка, съ гикомъ и крикомъ пустились они на встрѣчу казакамъ, но ни одно

ружье не было вынуто изъ нагалища за спиною, ни одна шашка не сверкала въ рукахъ: Черкесъ до послѣдняго мгновенія не обнажаетъ оружія. И точно, доскакавъ лишь на двадцать шаговъ, они выхватили ружья свои, выстрѣлили на всемъ скаку, забросили ружья за лѣвую руку и ударили въ шашки; но линѣйскіе казаки, отвѣтивъ имъ залпомъ, понеслись прочь, и, разгоряченные преслѣдованіемъ, Горцы дались въ обманъ, столь часто самими употребляемый. Козаки навели ихъ на скрытыхъ въ опушкѣ егерей храбраго 43-го полка. Будто изъ земли выросли небольшія кареи, штыки склонились, и бѣглый огонь посыпался наперекрестъ. Напрасно, спѣшась, хотѣли Горцы занять лѣски, и съ тыла ударить на нашихъ: подоспѣвшая артиллерія рѣшила дѣло. Опытный полковникъ К***, гроза Чеченцевъ, человѣкъ котораго они равно боялись храбрости и уважали праводушіе, безкорыстіе, распоряжалъ дѣйствіями войскъ, и успѣхъ не могъ быть сомнителенъ. Пушки развѣяли толпы хищниковъ и картечь прыснула въ бѣгущихъ. Пораженіе было ужасно. Двѣ пушки заскакали на мысъ, не вдали отъ котораго Черкесы кидались вплавь съ берега: онѣ пронизывали вдоль всю рѣку. Съ ревомъ прыгала картечь по вспѣненнымъ волнамъ и за каждымъ выстрѣломъ нѣсколько лошадей обращались вверхъ ногами, утопляя своихъ всадниковъ. Жалко было видѣть, какъ раненые цѣплялись за хвосты и узды чужихъ коней, погружали ихъ и не спасали себя; какъ бились усталые у крутаго берега, желая выползть, обрывались, и несытая пучина уносила, поглощала ихъ. Трупы убитыхъ неслись между полуживыми, и кровавыя полосы змѣями вились по бѣлой пѣнѣ; дымъ катился по Тереку, и вдали снѣговыя вершины Кавказа, нахмуренныя туманами, грозно замыкали поле боя. Джембулатъ и Аммалатъ-Бекъ дрались, какъ отчаян-

ные; двадцать разъ опрокинуты и двадцать разъ нападая, утомлены, но не побѣждены, съ сотнею удальцевъ переплыли они за рѣку, спѣшились, сбатовали коней и завели жаркую перестрѣлку съ другаго берега, чтобы прикрыть остальныхъ спутниковъ. Занятые этимъ, они поздно замѣтили, что выше ихъ плавятся за рѣку линѣйскіе казаки, на перерѣзъ имъ. Съ радостнымъ крикомъ перескакивали, окружали ихъ Русскіе. Гибель была неизбѣжна. «Ну, Джембулатъ!» сказалъ Бекъ Кабардинцу: «судьба наша кончилась! Дѣлай самъ, какъ хочешь, но я не отдамся въ плѣнъ живой. Лучше умереть отъ пули, чѣмъ отъ позорной веревки. «Не думаешь ли ты,» возразилъ Джембулатъ: «что мои руки сдѣланы для цѣпей? Сохрани меня Алла отъ такого поношенія! Русскіе могутъ полонить мое тѣло, но душу.... никогда, никакъ! Братцы, товарищи!» кликнулъ онъ къ остальнымъ: «намъ измѣнило счастье, но булатъ не измѣнитъ: продадимъ дорого жизнь свою гяурамъ! Не тотъ побѣдитель, за кѣмъ поле: тотъ, за кѣмъ слава, а слава тому, кто цѣнитъ смерть выше плѣну! «Умремъ! умремъ! только славно умремъ!» закричали всѣ, вонзая кинжалы въ ребра коней своихъ, чтобы они не достались врагамъ въ добычу, и потомъ, сдвинувъ изъ нихъ завалъ, залегли за него, приготовляясь встрѣтить нападающихъ свинцомъ и булатомъ. Зная, какое упорное сопротивленіе встрѣтятъ, казаки остановились, сбираясь, готовясь на ударъ.... Ядра съ противоположнаго берега иногда ложились вкругъ безстрашныхъ Горцевъ; порой разрывало между нихъ гранату, осыпая ихъ землей и осколками, но они не смущались, не прятались, и, по обычаю, запѣли грозно-унылымъ голосомъ смертныя пѣсни, отвѣчая поочереди куплетомъ на куплетъ.

Хоръ.

Слава намъ, смерть врагу.
Алла-га, Алла-гу!

Первый полухоръ.

Шуменъ, но кратокъ вешній ключъ!
Свѣтелъ, но гдѣ онъ — зарницы лучъ?
Мать моя, звѣзда души,
Спать ложись, огонь туши!
Не томи напрасно ока,
У порога не сиди;
Издалека, издалека,
Сына ужинать не жди.
Не ищи его, родная,
По скаламъ и по доламъ:
Спитъ онъ.... ложе пыль степная,
Мечъ и сердце пополамъ!

Второй полухоръ.

Не плачь, о мать! твоей любовью
Мнѣ билось сердце высоко,
И въ немъ кипѣло львиной кровью
Родимой груди молоко;
И никогда нагорной волѣ
Удалый сынъ не измѣнялъ:
Онъ въ грозной битвѣ, въ чуждомъ полѣ,
Постигнутъ Азраиломъ, палъ;
Но кровь моя, на радость краю,
Нетлѣннымъ цвѣтомъ будетъ цвѣсть;
Я дѣтямъ славу завѣщаю,
А братьямъ гибельную месть!

Хоръ.

О братья! творите молитву;
Съ кинжалами ринемся въ битву!
Ломай ихъ о русскую грудь....
По трупамъ безстрашнаго путь!

Слава намъ, смерть врагу,
Алла-га, Алла-гу!

Пораженные какимъ-то невольнымъ благоговѣніемъ, егеря и казаки безмолвно внимали страшнымъ звукамъ сихъ пѣсень; но наконецъ громкое ура! раздалось съ обѣихъ сторонъ. Черкесы вскочили съ воплемъ, выстрѣлили въ послѣдній разъ изъ ружей, и, разбивъ ихъ о камни, кинулись на Русскихъ съ кинжалами. Абреки, чтобъ не разорваться въ натискѣ, связались другъ съ другомъ поясками, и такъ бросились въ сѣчу; она была безпощадна: все пало подъ штыками Русскихъ. «Впередъ, за мной, Аммалатъ-Бекъ!» вскричалъ неистовый Джембулатъ, кидаясь въ послѣднюю для него схватку. «Впередъ! для насъ смерть — свобода!» Но Аммалатъ уже не слышалъ призыва: ударъ сзади прикладомъ по головѣ повергъ его на земь, усѣянную убитыми, залитую кровью.

Марлинскій.

IX. *Бедуинъ.*

Восточная Повѣсть.

Караванъ молельщиковъ выступалъ изъ вратъ Діарбека. Впереди его ѣхалъ Османъ и бросалъ въ народъ деньги; — иманы благословляли отходящихъ странниковъ; жители усыпали цвѣтами путь ихъ.

Въ шестой разъ отправлялся Османъ съ караваномъ въ Мекку, и начальствовалъ надъ охраннымъ войскомъ. Всѣ были увѣрены въ благополучномъ окончаніи своего путешествія; ибо ни однажды еще не случалось съ Османомъ никакого несчастія: бу-

ри не засыпали въ степяхъ Аравіи ни одного человѣка изъ шествовавшихъ съ Османомъ; ни однажды Аравитяне не нападали на него. Такая благоуспѣшность въ предріятіяхъ его почиталась плодомъ Османовой набожности, щедрости и мужества.

Спустя нѣсколько недѣль, послѣ отбытія изъ Діарбека, приблизился караванъ къ славному въ древности Эвфрату, рѣкѣ, современной міру. При пѣніи стиховъ изъ Корана, переправились черезъ нее молельщики, и вступили на песчаныя равнины Аравіи. Тутъ присоединился къ каравану Бедуинъ, на прекрасной вороной лошади; онъ равнымъ образомъ ѣхалъ на поклоненіе къ святымъ мѣстамъ, колыбели и гробу Магомета.

Османъ вступилъ съ нимъ въ разговоръ, коснувшійся до преимущества ихъ народовъ. Бедуинъ отвѣчалъ коротко, но благоразумно; хвалилъ достойное похвалы въ своемъ народѣ, и охуждалъ то, что казалось ему дурнымъ. Непримѣтнымъ образомъ отдалились они отъ каравана. Османъ съ жаромъ началъ выхвалять Оттомановъ.

«Турки» — говорилъ онъ Бедуину — «издавна славятся по всему Востоку храбростью, добродушіемъ и милосердіемъ; издавна рѣдкія сіи качества снискали намъ уваженіе цѣлаго свѣта: вездѣ, ежели хотятъ изобразить непобѣдимость воина, то говорятъ: *онъ храбръ какъ Турокъ!* купцы, желая выразить чье-нибудь безкорыстіе въ превосходной степени, говорятъ: *онъ справедливъ какъ Турокъ!* — Чѣмъ, напротивъ того, отличился твой бѣдный народъ, шатающійся по степямъ каменистой и пустой Аравіи? какая молва идетъ о васъ? — Та, что вы не имѣете ни чести, ни совѣсти; вы исповѣдуете одну вѣру съ нами, но вамъ платитъ Султанъ ежегодно знатную сумму, дабы спасти отъ вашего хищничества главный караванъ молельщиковъ; грабительство сдѣла-

-ло васъ презрѣнными бродягами въ глазахъ всякаго истиннаго Мусульманина. — Признайся, товарищъ, въ справедливости моихъ словъ; признайся, что вашъ народъ не что иное, какъ шайка разбойниковъ....»

«Мы послѣ окончимъ нашъ разговоръ» — сказалъ ему Бедуинъ, указывая на поскользнувшагося верблюда, который упалъ и придавилъ собою своего вожатаго — «послѣ: напередъ пособимъ несчастному.»

«Поди и пособляй ты!» — отвѣчалъ Османъ: — «я не хочу оказать ни какой услуги этому бездѣльнику: онъ перекупилъ у меня верблюда, четыре года тому назадъ; теперь я очень радъ, что этотъ же самый верблюдъ отмстилъ ему за меня. Ежели бы негодяй издыхалъ, и одно мое слово могло возвратить ему жизнь, то я, — да простятъ мое согрѣшеніе Алла и его великій пророкъ! — то я зашилъ бы себѣ ротъ.»

Между тѣмъ Бедуинъ высвободилъ вожатаго изъ-подъ верблюда, и возвращался къ своему спутнику; онъ уже недалеко отъ него находился, какъ вдругъ страшный тигръ выскочилъ изъ-за куста, подлѣ котораго ѣхалъ неосторожный Османъ, отдалясь отъ каравана; онъ пришелъ въ смятеніе, ужаснулся и упалъ безъ чувствъ на землю.

Бедуинъ опрометью поскакалъ, — не прочь отъ него, но прямо къ нему; вынулъ пистолетъ и въ ту самую минуту, какъ кровожадный звѣрь прыгнулъ на свою добычу, выстрѣлилъ по немъ; — мертвый тигръ растянулся подлѣ полумертваго Османа.

Наконецъ Османъ открылъ глаза; спасеніе его казалось ему сверхъестественнымъ; онъ обнялъ Бедуина, и въ первомъ жару благодарности своей, предлагалъ ему со слезами, яко слабѣйшій знакъ должной признательности, кошелекъ со ста секинами.

Бедуинъ, къ немалому удовольствію Османа, отказался.

Въ сіе время подошелъ къ нимъ нищій на деревянной ногѣ, покрытый рубищемъ и ранами; онъ обратился къ Осману, державшему кошелекъ съ секинами, и говорилъ:

«Милосердіе должно быть тебѣ знакомо, богатый странникъ: утоли голодъ и жажду твоего одноземца! удѣли неимущему одну рупію изъ толстаго кошелька твоего; одна рупія избавитъ меня отъ мучительнаго зною; къ вечеру надѣюсь съ этою помощію добрести до города; безъ нее лишусь силъ, и принужденъ буду погибнуть отъ лютости дикихъ животныхъ.»

— «Да поможетъ тебѣ Алла!» — отвѣчалъ Османъ, спрятавъ въ карманъ толстый кошелекъ съ секинами: «у меня же нѣтъ для тебя ни одной рупіи: я иду на богомолье въ Мекку и Медину изъ Діарбека, и болѣе денегъ, сколько мнѣ нужно для пути туда и обратно, не имѣю. Всѣ лишнія раздалъ я народу при выѣздѣ изъ отечества; жалѣю о тебѣ, но пособить не могу.»

Бедуинъ вынулъ мѣшокъ съ сарачинскимъ пшеномъ и мѣхъ съ водою, и подалъ убогому. «На! утоли твой голодъ и жажду, подкрѣпи ослабѣвшія силы, и пойдемъ вмѣстѣ. Городъ, куда ты идешь, лежитъ на дорогѣ, по которой идетъ караванъ: я провожу тебя.»

«Но я иду медленно, часто отдыхаю» — говорилъ нищій.

— «Такъ сядь на мою лошадь!» отвѣчалъ Бедуинъ, соскочилъ съ нее, посадилъ бѣднаго, взялъ за узду и повелъ потихоньку.

«Брось его!» — сказалъ Османъ бедуину; — «кончимъ нашъ разговоръ, *докажемъ* другъ другу....»

— «*Разговоръ нашъ* — отвѣчалъ Бедуинъ — *давно уже кончился; мы ясно доказали другъ другу превос-*

ходство нашихъ народовъ въ храбрости, добродушіи и щедрости. Замѣть себѣ, Османъ, что вездѣ есть добродѣтельные люди, вездѣ есть и злые!»

Османъ выразумѣлъ всю колкость сего отвѣта, и поклялся бородою своего прадѣда отомстить Бедуину за его дерзость. Скоро случай къ исполненію намѣренія открылся. Бедуинъ заснулъ весьма крѣпко, караванъ поднялся, и Османъ оставилъ своего благодѣтеля среди пустыни; оставилъ на жертву всѣмъ бѣдствіямъ, и дабы онъ не могъ настичь каравана, то укралъ у него прекрасную вороную лошадь, все имущество Бедуина.

И судьба не наказала его? — Нѣтъ! онъ въ полномъ удовольствіи жилъ, и окруженъ радостями, умеръ. Діарбекирцы воспоминаютъ объ немъ съ сожалѣніемъ; отцы и матери ставятъ его въ примѣръ дѣтямъ своимъ.

Увы! какъ много потребно знать, какъ долго надобно изслѣдывать человѣка, дабы не ошибиться и въ самой его добродѣтели!

Беницкій.

X. *Встрѣча съ Карамзинымъ.*

.... Въ 1819 году, въ зимніе вечера собирались къ одному содержателю пансіона въ С. Петербургѣ (Французскому дворянину), любители словесности, изъ находившихся въ то время въ столицѣ французскихъ путешественниковъ, чиновниковъ, и нѣсколько дамъ и мужчинъ изъ высшаго класса русскаго общества. Въ семъ пансіонѣ воспитывались дѣти знатныхъ и богатыхъ людей, и потому хозяинъ имѣлъ обширный кругъ знакомства. Время на сихъ литера-

турныхъ вечерахъ проводили чрезвычайно весело. Читали переводы съ Русскаго Языка и небольшія оригинальныя статьи; разговаривали, шутили, и наконецъ за ужиномъ, по древнему аѳинскому и нынѣшнему французскому обычаю, пѣли куплеты, всегда остроумные, весьма часто забавные. Присутствіе дамъ, прекрасныхъ и умныхъ, одушевляло бесѣду.

Не имѣя никакихъ притязаній на званіе французскаго автора, я, по просьбѣ хозяина и нѣкоторыхъ пріятелей, долженъ былъ писать по-французски небольшія статьи, которыя поправлялъ (въ грамматическомъ отношеніи) Г-нъ Сенъ-Моръ (*), и самъ читалъ ихъ въ нашей бесѣдѣ. Прекрасному его чтенію я обязанъ тѣмъ, что нѣкоторыя изъ моихъ статей имѣли успѣхъ. Впрочемъ, общество наше было весьма невзыскательно. Немножко ума, немножко веселости, занимательное происшествіе — и слушатели были довольны.

Однажды хозяинъ объявилъ намъ, что въ будущее засѣданіе, одинъ извѣстный русскій чтецъ будетъ декламировать сцены изъ Мольеровой комедіи, и что нѣсколько отличныхъ русскихъ литераторовъ посѣтятъ нашу бесѣду. Я тогда только что возвратился изъ долговременнаго странствованія по Европѣ, и не зналъ въ лице ни одного русскаго литератора. Съ нетерпѣніемъ ожидалъ я дня собранія, и первый туда явился. По мѣрѣ появленія новыхъ лицъ въ залѣ, я спрашивалъ объ именахъ, и, къ удивленію моему, слышалъ одни звонкія имена въ адресъ-календарѣ, а не встрѣтилъ ни одного извѣстнаго въ литературѣ. Въ досадѣ, я усѣлся въ уголъ комнаты, и погрузился въ размышленія.

(*) Издатель Русской Антологіи на французскомъ языкѣ.

И такъ, хозяинъ самъ обманулся и насъ обманулъ, думалъ я, обѣщая украсить кругъ нашъ присутствіемъ литераторовъ. Но онъ знакомъ въ свѣтѣ, а не на Парнассѣ.

Въ свѣтѣ достоинство литератора опредѣляется другимъ образомъ, нежели въ ученомъ кабинетѣ. Сочинители нѣсколькихъ незначащихъ печатныхъ страничекъ или стишковъ (при помощи пріятелей), смѣлые и многоязычные говоруны, дерзкіе судьи дарованій, которыхъ все достоинство составляетъ память, испещренная безпорядочными узорами различныхъ словесностей, и выдержками изъ остроумныхъ иностранныхъ журналовъ — вотъ люди, которые между литераторами называются *опрокинутою библіотекою* (bibliothèque renversée), а въ свѣтѣ слывутъ умниками, созрѣлыми судьями литературы. Такъ называемый большой свѣтъ можно уподобить крѣпости. Комендантъ въ ней — *Приличіе.* Этотъ комендантъ не впускаетъ въ ограду никого, кто не принадлежитъ къ гарнизону, но сдаетъ на капитуляцію цѣлую крѣпость первому смѣльчаку, который устремится на приступъ, съ толпою своихъ робкихъ поклонниковъ. Успѣхи въ большомъ свѣтѣ, въ отношеніи къ уму, весьма нетрудны, ибо они зависятъ отъ положенія человѣка въ обществѣ. Родство, связи, покровительство доставляютъ рукоплескателей, и обыкновенно случается, что эти рукоплесканія свѣта превращаются въ пронзительный свистъ публики образованной.

Между тѣмъ, какъ я размышлялъ такимъ образомъ, началось чтеніе Мольеровой піесы. Вдругъ дверь въ залѣ потихоньку отворяется и входитъ человѣкъ, высокаго роста, немолодыхъ лѣтъ и прекрасной наружности. Онъ такъ тихо вошелъ, что ни мало не разстроилъ чтенія, и, пробираясь за рядомъ креселъ, присѣлъ въ самомъ концѣ полукруга. Ор-

денская звѣзда блестѣла на темномъ фракѣ, и еще болѣе возвышала его скромность. Другой вошелъ бы съ шумомъ и шарканьемъ, чтобъ обратить на себя вниманіе, и получить почетное мѣсто. Незнакомецъ никого не обезпокоилъ. Я смотрѣлъ на него съ любопытствомъ и участіемъ. Черты его лица казались мнѣ знакомыми, но я не могъ вспомнить, гдѣ и когда я его видѣлъ. Лице его было продолговатое; чело высокое, открытое, носъ правильный, римскій, Ротъ и губы имѣли каку-то особенную пріятность и, такъ сказать, дышали добродушіемъ. Глаза небольшіе, нѣсколько сжатые, но прекраснаго разрѣза, блестѣли умомъ и живостью. Въ половину посѣдѣлые волосы зачесаны были съ боковъ на верхъ головы. Физіономія его выражала явственно душевную простоту и глубокую проницательность ума. Отличительныя черты его лица были двѣ большія морщины при окончаніи щекъ, по обѣимъ сторонамъ рта. Я, по невольному влеченію, искалъ его взгляда, который, казалось, говорилъ душѣ что-то сладостное, утѣшительное.

На его одушевленной физіономіи живо отражались всѣ впечатлѣнія, производимыя чтеніемъ. Ни одно острое слово, ни одна счастливая мысль, ни одна удачная черта характера, не ускользнули отъ его вниманія. Неудовольствіе изображалось на лицѣ, какъ облако въ чистой водѣ, когда чтецъ дошелъ до нѣкоторыхъ плоскостей, встрѣчающихся въ комедіяхъ Мольера, жертвовавшаго иногда вкусу своего современнаго партера. Я не сводилъ глазъ съ незнакомца, и размѣрялъ по его ощущеніямъ мои собственныя.

Дошла очередь до моей статьи. Она была написана мною въ слѣдствіе моего спора съ Французами о нѣмецкой трагедіи, и заключала въ себѣ обозрѣніе и краткій разборъ Шиллеровыхъ драматическихъ твореній. Прежде, я хладнокровно представлялъ мои

бездѣлки на судъ снисходительныхъ любителей словесности, но на этотъ разъ сердце мое забилось сильнѣе: я чувствовалъ, что въ незнакомцѣ имѣю знающаго и опытнаго судью. Во время чтенія Г-на Сенъ-Мора, я съ боязнію поглядывалъ на незнакомца, и старался вычитать мой приговоръ на его лицѣ. Счастіе мнѣ благопріятствовало: я съ радостію примѣтилъ, что незнакомецъ былъ доволенъ.

Кончилось чтеніе; слушатели встали съ мѣстъ своихъ, и начался разговоръ. Съ нетерпѣніемъ подбѣжалъ я къ хозяину, чтобы спросить объ имени занимательнаго незнакомца. «*Это Карамзинъ!*» — отвѣчалъ хозяинъ, и поспѣшилъ къ нему, благодарить за посѣщеніе.

«Карамзинъ!» — воскликнулъ я такъ громко, что онъ обернулся и посмотрѣлъ на меня. Вся нервическая моя система потряслась при семъ магическомъ имени, и всѣ усыпленныя воспоминанія моей юности вспорхнули въ одно время. Есть ли одинъ грамотный человѣкъ въ Россіи, въ хижинѣ и въ чертогахъ, отъ береговъ Камчатки до Вислы, который бы не зналъ имени Карамзина? Есть ли одинъ образованный иностранецъ, который бы не соединялъ имени Карамзина съ воспоминаніемъ о просвѣщеніи Россіи? — Я видалъ гравированный его портретъ, и теперь повѣрялъ давно знакомыя черты писателя, котораго каждая печатная строка прочтена мною по нѣскольку разъ. Съ юности моей я былъ свидѣтелемъ его успѣховъ, его славы. Я членъ того поколѣнія, въ которомъ онъ сдѣлалъ литературный переворотъ. Онъ заставилъ насъ читать русскіе журналы своимъ Московскимъ Журналомъ и Вѣстникомъ Европы; онъ своими Аонидами и Аглаей ввелъ въ обычай альманахи; онъ Письмами Русскаго Путешественника научилъ насъ описывать наши странствія легко и пріятно; онъ своими *несравненными* повѣстями привязалъ свѣт-

скихъ людей и прекрасный полъ къ Русскому чтенію; онъ сотворилъ легкую, такъ сказать общежительную прозу; онъ первый возжегъ свѣтильникъ грамматической точности и правильности въ слогѣ, представивъ образцы во всѣхъ родахъ; онъ познакомилъ всѣ состоянія Россіянъ съ отечественною Исторіею, очистивъ ее отъ архивной пыли. — Такъ вотъ Карамзинъ! вотъ исполинъ Русской Словесности! Различіе въ мнѣніяхъ, на счетъ изложенія Исторіи, ни мало не ослабляло во мнѣ чувства уваженія къ великому мужу, и не затемняло его великихъ заслугъ и дарованій. Я смотрѣлъ на него съ такимъ же благоговѣніемъ, какъ Древніе взирали на изображеніе олицетворенной *Славы* и *Заслуги*.

Г. Сенъ-Моръ знакомъ былъ съ Карамзинымъ. Я попросилъ Г. Сенъ-Мора, представить меня великому писателю, что и было тотчасъ исполнено. — «Я согласенъ съ вами на счетъ трагедіи,» сказалъ онъ мнѣ, послѣ перваго привѣтствія: «классики требуютъ слишкомъ точнаго соблюденія трехъ единствъ; романтики отвергаютъ всѣ условія искусства. Вы справедливо говорите, что надлежало бы выбрать средину между двумя крайностями. Три единства слишкомъ стѣсняютъ кругъ дѣйствія; соединеніе отдаленныхъ эпохъ въ драмѣ развлекаетъ вниманіе, и ослабляетъ занимательность цѣлаго. Пусть появится другой Расинъ во Франціи — и онъ сдѣлаетъ переворотъ въ мнѣніяхъ, ибо людей должно убѣждать не теоріями изящнаго, а примѣрами.» При сихъ словахъ, Карамзинъ пріятно улыбнулся, и примолвилъ: «Я говорю не на счетъ вашей теоріи: говорить правду все таки надобно. Слѣдствія приходятъ послѣ.» — Карамзинъ сдѣлалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ на счетъ моего пребыванія за границею; но какъ ни время, ни мѣсто не позволяли распространяться въ разговорахъ, то я долженъ былъ съ горестью отстать

отъ Карамзина, и уступить свое мѣсто другимъ. Я просилъ у него позволенія, посѣтить его. Онъ пожалъ мнѣ руку, и сказалъ: «Въ девять часовъ вечера, я пью чай въ кругу моего семейства. Это время моего отдыха. Милости просимъ: я всегда буду радъ вамъ. Прошу за-просто, безъ предварительныхъ визитовъ.»

Я не преминулъ воспользоваться этимъ позволеніемъ, и чрезъ нѣсколько дней отправился къ Карамзину. Онъ жилъ тогда на Фонтанкѣ, близъ Аничкова Моста, въ домѣ Г-жи Муравьевой, въ верхнемъ этажѣ. Меня впустили въ залу безъ доклада. Въ первой комнатѣ, за круглымъ чайнымъ столикомъ, на которомъ стоялъ самоваръ, помѣщалось цѣлое семейство Карамзина; самъ онъ сидѣлъ въ нѣкоторомъ отдаленіи, въ полукругѣ посѣтителей. Карамзинъ встрѣтилъ меня въ половинѣ комнаты; дружески пожалъ руку; произнесъ громко мою фамилію, представляя другимъ собесѣдникамъ, и просилъ садиться. Въ его пріемахъ, обращеніи и во всѣхъ движеніяхъ соединялось глубокое познаніе свѣтскихъ приличій съ какимъ-то необыкновеннымъ добродушіемъ и простотою патріархальныхъ временъ. Каждое его слово, каждое движеніе шло прямо отъ сердца. Находясь въ обществѣ незнакомыхъ людей, въ первый разъ въ домѣ, я не чувствовалъ ни малѣйшаго смущенія и принужденія. Общество составлено было изъ людей разнаго званія и происхожденія: русскихъ первоклассныхъ чиновниковъ, литераторовъ и иностранцевъ; но всѣ сіи разнородныя части *спаивались* въ одно цѣлое умомъ и душею хозяина. Въ обращеніи его не видно было, чтобы онъ отдавалъ кому-либо преимущество на счетъ другаго. Добродушная его вѣжливость разливалась равно на всѣхъ. Онъ говорилъ со всякимъ однимъ тономъ, и слушалъ каждаго съ одинакимъ вниманіемъ. Люди сближались между собою — Ка-

рамзинымъ. Всѣ преимущества нисходили или возвышались на одинакую степень въ его присутствіи. Онъ былъ душею, и невидимо давалъ направленіе и располагалъ движеніями членовъ своего общества.

При воспоминаніи о бесѣдѣ Карамзина, почитаю неизлишнимъ сказать нѣсколько словъ о обществахъ вообще. Не только у насъ, но и во Франціи, семъ древнемъ отечествѣ общежитія, жалуются, что *искусство бесѣдовать* (l'art de la conversation) упало, и даже тайна онаго исчезла. Къ кому нынѣ ѣздятъ на бесѣду? Кто составляетъ общества? Знатные и богатые зовутъ гостей на обѣдъ, на вечеръ, гдѣ пресыщаются, играютъ въ карты, танцуютъ — но не бесѣдуютъ. Зовутъ людей знатныхъ, случайныхъ, ихъ дѣтей и родственниковъ. Въ сихъ обществахъ не требуется ни отъ хозяина, ни отъ гостей ума и познаній для поддержанія бесѣды; напротивъ того — *молчаніе* почитается достоинствомъ. Большіе обѣды похожи на всенародныя жертвоприношенія, балы на театральныя представленія: они сухи и безжизненны. Во Франціи и въ Англіи, еще умъ и дарованія составляютъ почетное качество человѣка, и отворяютъ ему входъ во всѣ общества. Но политическія пренія поглощаютъ пріятность бесѣдъ, — и умъ *работаетъ*, а не *забавляется* въ обществахъ. У насъ въ Россіи, литераторы и ученые приглашаются въ общества и занимаютъ мѣста по чинамъ, по связямъ — а не по дарованіямъ. У насъ знатные приглашаютъ литератора тогда только, когда надобно посовѣтоваться съ нимъ въ какомъ-нибудь *письменномъ* дѣлѣ, точно такъ, какъ призываютъ медика во время недуга. Захочетъ ли литераторъ и ученый, съ умомъ, съ дарованіемъ, съ чувствомъ собственнаго достоинства, добиваться чести, занимать уголокъ за пышнымъ столомъ, играть въ вистъ въ позлащенныхъ комнатахъ, и быть безмолвнымъ свидѣтелемъ свѣтскихъ забавъ? Безъ сомнѣ-

нія, нѣтъ. Съ другой стороны, людямъ знатнымъ, должностнымъ, богатымъ, *нѣкогда* заниматься бесѣдами съ литераторами о предметахъ, съ которыми первые или разстались, или вообще мало знакомы. Знатные и должностные люди, не оказывая покровительства литераторамъ, обходятся съ ними, какъ съ подчиненными. Всѣ сіи и другія причины, о которыхъ я умалчиваю, воздвигнули родъ Китайской Стѣны между такъ называемымъ большимъ свѣтомъ и литераторами. Литераторы ничего отъ этого не теряютъ, напротивъ того выигрываютъ драгоцѣнное время; но знатные люди, издерживающіе значительныя суммы на балы и праздники, и жертвою половины жизни добивающіеся степеней для пріобрѣтенія извѣстности, не постигаютъ своихъ выгодъ, пренебрегая умомъ и дарованіями. Много громкихъ именъ забудется навсегда въ другомъ поколѣніи, вмѣстѣ съ адресъ-календарями на лѣто отъ Рождества Христова такое-то; но имена Шувалова, Строганова, Румянцова перейдутъ къ потомству съ уваженіемъ, единственно отъ того, что они любили собирать въ своемъ домѣ и покровительствовали ученыхъ, литераторовъ и артистовъ. Безъ Горація мы не знали бы о существованіи Мецената.

Въ то время, когда я познакомился съ Карамзинымъ, весьма въ немногихъ домахъ въ С. Петербургѣ принимали литераторовъ и вообще всѣхъ гостей по ихъ внутреннему достоинству (*). Я говорю теперь о Карамзинѣ. Сей великій писатель былъ любезнѣйшимъ человѣкомъ въ обществѣ. Онъ зналъ въ совершенствѣ *искусство бесѣдовать*, которое вовсе различно съ *искусствомъ разсказывать*. Хорошій разсказщикъ нравится намъ иногда, когда мы располо-

(*) Какъ не вспомнить о домѣ *А. Н. Оленина!*

жены *слушать*; но человѣкъ, умѣющій поддерживать разговоръ и сообщать ему занимательность, нравится всегда, ибо онъ умѣетъ быть и слушателемъ и разскащикомъ.

Карамзинъ охотно говорилъ по-русски — и говорилъ прекрасно. Иностранные языки онъ употреблялъ только съ иностранцами. Въ его рѣчахъ не было изысканныхъ выраженій и ссылокъ на авторовъ, столь утомительныхъ въ разговорахъ, но рѣченія его сами по себѣ имѣли полноту и круглость; онъ никогда не изъяснялся отрывисто. Соблюдая вообще хладнокровіе въ разговорахъ, онъ воспламенялся только, когда рѣчь заходила о Россіи, объ Исторіи и объ его старинныхъ друзьяхъ. Тогда физіономія его одушевлялась особенною выразительностію, и взоры искрѣли. Онъ никогда изъ вѣжливости не соглашался съ чужимъ мнѣніемъ вопреки собственному убѣжденію, но не спорилъ, а умѣлъ своему противорѣчію сообщать такую нѣжность и снисходительность, что всегда побѣждалъ своего противника, который если не перемѣнялъ мнѣнія, то по крайней мѣрѣ долженъ былъ замолчать. Карамзинъ никогда не хотѣлъ торжествовать въ разговорѣ, и если примѣчалъ, что противникъ его уклонялся отъ противорѣчій, то нѣжно, ласково и постепенно, не перескакивая быстро къ другому предмету, перемѣнялъ разговоръ, выводя всегда своихъ собесѣдниковъ на самыя блестящія мѣста разговорнаго поприща.

Въ этотъ вечеръ разговоръ начался о сравнительномъ состояніи простаго народа въ Россіи и во Франціи. Я сказалъ: «Францію вообще можно сравнить съ галантерейною вещью, лучшей филиграмовой работы, съ финифтью; а Россію можно уподобить слитку золота. На видъ Франція имѣетъ преимущество, но на вѣсъ — Россія.» Карамзинъ улыбнулся: «Правда,» сказалъ онъ: «что Россія тяжела на политическихъ

вѣсахъ Европы, и что массивное ея состояніе надолго предохранитъ ее отъ ломки и измятія. Но извините,» примолвилъ онъ: «въ сравненіи своемъ, вы позабыли сказать, какой формы слитокъ?»—«Каждая форма пріятна для глазъ,» отвѣчалъ я: «если въ ней соблюдена гармонія.»—«Если такъ, согласенъ,» сказалъ Карамзинъ. — Одинъ изъ собесѣдниковъ распространился въ похвалахъ веселости и уму Французскаго Народа. Карамзинъ сказалъ: «Вы правы; но въ Русскомъ Народѣ веселость и умъ также врожденныя качества. Не мудрено веселиться подъ свѣтлымъ небомъ Франціи, подъ тѣнью каштановъ, среди виноградниковъ, по близости большихъ городовъ; но у насъ, среди трескучихъ морозовъ, въ дымныхъ избахъ, или въ тяжкомъ трудѣ краткаго лѣта, крестьянинъ всегда веселъ, всегда поетъ или шутитъ. У насъ безъ школъ поселяне выучиваются самоучкою грамотѣ, и разрядъ нашихъ сельскихъ поэтовъ и романистовъ едва ли не многочисленнѣе класса привилегированныхъ литераторовъ. Много ли можно насчитать тѣхъ счастливцевъ, которыхъ сочиненія сохраняются столь долго, какъ Русскія пѣсни и сказки? Общее правило: счастье состоитъ въ томъ, чтобы довольствоваться малымъ; а нѣтъ человѣка въ мірѣ, который имѣлъ бы менѣе нуждъ, какъ Русскій крестьянинъ, и который бы такъ охотно и такъ весело трудился.» — Разговоръ обратился на русскія сказки и пѣсни, и Карамзинъ, объясняя красоты нѣкоторыхъ изъ пѣсень и занимательность сказокъ, примолвилъ: «Я давно уже имѣлъ намѣреніе собрать и издать лучшія русскія пѣсни, если возможно, расположивъ хронологическимъ порядкомъ, и присоединить къ нимъ историческія и эстетическія замѣчанія. Другія занятія отвлекли меня отъ сего предпріятія, но я не отказался отъ него. Я недоволенъ всѣми нашими собраніями: въ нихъ нѣтъ ни выбора, ни по-

рядка.» — Само по себѣ разумѣется, что всѣ мы искренно пожелали, чтобы Карамзинъ исполнилъ свое предпріятіе.

Если бъ какой-нибудь *отличный* литераторъ исполнилъ сію мысль великаго писателя, онъ бы оказалъ большую услугу отечественной словесности. Можно было бы сдѣлать также собраніе русскихъ простонародныхъ сказокъ, уже напечатанныхъ и остающихся въ изустномъ преданіи, очистивъ оныя отъ нѣкоторыхъ грубыхъ мѣстностей, но соблюдая въ точности слогъ и разсказъ. Это были бы памятники народные. Но, повторяю, для сего предпріятія надобно не литературныхъ спекулаторовъ, а *отличныхъ* литераторовъ, знающихъ совершенно Россію.

Первое мое посѣщеніе продолжалось *два* часа. Я не могъ рѣшиться оставить бесѣду: — мнѣ такъ было хорошо и весело! Умъ и сердце безпрестанно имѣли новыя, легкія, пріятныя занятія. Я хотѣлъ по модному обычаю выйти изъ комнаты, не простясь съ хозяиномъ, но Карамзинъ не допустилъ меня до этого. Онъ всталъ съ своего мѣста, подошелъ ко мнѣ, пожалъ руку (по-англійски), и пригласилъ посѣщать его. Я видѣлъ почти всѣхъ знаменитыхъ ученыхъ и литераторовъ на твердой землѣ Европы, во время моего странствія; но признаюсь, что весьма немногіе изъ нихъ произвели во мнѣ такое впечатлѣніе при первой встрѣчѣ, какъ Карамзинъ, и это отъ того, что весьма немногіе люди имѣютъ такое добродушіе въ обращеніи, такую простоту въ пріемахъ, какъ имѣлъ Карамзинъ; что онъ при обширныхъ свѣдѣніяхъ зналъ *искусство бесѣдовать*, и наконецъ, что въ каждомъ его словѣ видна была *душа* добрая, благородная. Вотъ магнитъ сердецъ!

Нѣсколько дней спустя послѣ перваго моего посѣщенія, я встрѣтилъ Карамзина въ одной изъ от-

даленныхъ улицъ, пѣшкомъ, поутру въ восемь часовъ. Погода была самая несносная: мокрый снѣгъ падалъ комьями и ударялъ въ лице; оттепель испортила зимній путь. Одинъ только процесъ, или другая какая бѣда, могли выгнать человѣка изъ дому въ эту пору. Я думалъ, что Карамзинъ меня не узнаетъ, ибо онъ два раза только видѣлъ меня, и то вечеромъ. Но онъ узналъ меня. Я изъявилъ ему мое удивленіе, что встрѣчаю его въ такое время. «Я имѣю обыкновеніе,» сказалъ Карамзинъ: «прогуливаться пѣшкомъ поутру до девяти часовъ. Въ эту пору я возвращаюсь домой, къ завтраку. Если я здоровъ, то дурная погода не мѣшаетъ мнѣ; напротивъ того, послѣ такой прогулки лучше чувствуешь пріятность теплаго кабинета.» — «Но должно сознаться,» возразилъ я: «что вы выбираете не лучшія улицы въ городѣ для своей прогулки.» — «Необыкновенный случай завелъ меня сюда,» отвѣчалъ Карамзинъ. «Чтобъ не показаться вамъ слишкомъ скрытнымъ, я долженъ вамъ сказать, что я отыскиваю одного бѣднаго человѣка, который часто останавливаетъ меня на улицѣ, называетъ себя чиновникомъ, и проситъ подаянія именемъ голодныхъ дѣтей. Я взялъ его адресъ, и хочу посмотрѣть, что могу для него сдѣлать.» Я взялся сопутствовать Карамзину. Мы отыскали квартиру бѣднаго человѣка, но не застали его дома. Семейство его въ самомъ дѣлѣ было въ жалкомъ положеніи. Карамзинъ далъ денегъ старушкѣ, и разспросилъ ее о нѣкоторыхъ обстоятельствахъ жизни отца семейства. Выходя изъ воротъ, мы встрѣтили его, но въ такомъ видѣ, который тотчасъ объяснилъ намъ загадку его бѣдности. Карамзинъ не хотѣлъ обременять его упреками: онъ покачалъ только головою, и прошелъ мимо. — «Досадно,» сказалъ Карамзинъ, улыбаясь: «что мои деньги попали не туда, куда я ихъ назначилъ. Но я самъ виноватъ; мнѣ надлежало

бы прежде освѣдомиться объ его положеніи. Теперь буду умнѣе, и не дамъ денегъ ему въ руки, а въ домъ.»

Благородный человѣкъ! Вотъ какъ онъ услаждалъ свои прогулки передъ утреннею работою. Мудрено ли послѣ этого, что каждая его строка дышитъ любовью къ человѣчеству, ко всему доброму, полезному? Бюфонъ справедливо сказалъ, и Карамзинъ повторилъ: что человѣкъ изображается въ слогѣ своемъ. Правильность, нѣжность, простота, занимательность слога Карамзина, были отпечатками его характера. Различіе въ мнѣніяхъ никогда не могло ослабить уваженія къ нему въ человѣкѣ благомыслящемъ. Отдаленное потомство скажетъ: Карамзинъ былъ великій писатель, и — благородный, добрый человѣкъ: Одно стоитъ другаго. Но какое счастье, если это соединено въ одномъ лицѣ!

Булгаринъ.

ГЛАВА ПЯТАЯ.

УЧЕБНЫЯ СОЧИНЕНІЯ.

§ 185. *Учебными сочиненіями* называются тѣ, въ которыхъ излагаются или доказываются истины общеполезныя, служащія къ просвѣщенію ума или къ образованію сердца.

§ 186. Сочиненія учебныя пишутся *Прозою философическою*, которой характеръ (§ 95) составляютъ: связность, разсудительность, опредѣленность, спокойствіе. Въ ней должно наблюдать преимущественно правильность и чистоту языка, ясность, порядокъ, единство и благородство. Благозвучіе и живость не составляютъ существенныхъ качествъ сего слога. Сильныя движенія ораторскія совершенно ему чужды. Впрочемъ слогъ учебныхъ сочиненій измѣняется по предметамъ, которые въ нихъ излагаются (См. §§ 190, 196, 199).

§ 187. Учебныя сочиненія могутъ быть раздѣлены на 1) *Учебныя книги*, въ которыхъ излагается полная система какой нибудь Науки; 2) *Разсужденія*, въ которыхъ предлагается полное разсмотрѣніе какой либо отдѣльной истины, и 3) *Рецензіи*, въ которыхъ разсматриваются достоинства и недостатки произведеній Словесности.

I. *Учебныя книги.*

§ 188. Въ учебныхъ книгахъ, какъ выше сказано, предлагается система какой либо Науки, то есть, онѣ заключаютъ въ себѣ полное, подробное и связное изложеніе истинъ, относящихся къ извѣстной Наукѣ. Метода сего изложенія можетъ быть синтетическая или аналитическая. (См. § 20.)

§ 189. Вся система должна быть расположена по *плану*, и раздѣлена по правиламъ строжайшей Логики, для легчайшаго обозрѣнія оной въ цѣлости. Въ началѣ можно помѣстить *введеніе*, въ которомъ читателя предуготовляютъ къ лучшему уразумѣнію самаго сочиненія, знакомятъ съ планомъ онаго, и стараются внушить въ него любопытство и участіе. Во всей системѣ должно господствовать *единство*.

§ 190. Слогъ учебныхъ книгъ есть собственно философическій, но и онъ измѣняется по свойству излагаемыхъ Наукъ; напримѣръ, въ Математическихъ, онъ простъ, ясенъ, кратокъ, сухъ; въ Естественныхъ принимаетъ нѣсколько живости; въ Историческихъ, Словесныхъ и Нравственныхъ говоритъ сердцу и воображенію.

§ 191. Истины и наблюденія, относящіяся къ какой либо Наукѣ, иногда раздѣляются на особыя части, называемыя *лекціями*. Въ слогѣ ихъ, предполагающемъ изложеніе изустное, неприготовленное, господствуетъ живость и сила языка разговорнаго; но онъ никогда не возвышается до ораторскаго.

§ 192. Краткія учебныя книги, содержащія въ себѣ главныя правила какой либо Науки, именуются *Руководствами*. Въ оныхъ преимущественно употребляется метода аналитическая. Различныя ихъ части и главы должны быть раздѣлены на параграфы, изъ коихъ каждый заключаетъ въ себѣ особую мысль. Слогъ Руководства долженъ быть кратокъ, ясенъ и правиленъ.

§ 193. Изъ Русскихъ Писателей занимались симъ родомъ сочиненій: *Ломоносовъ*, *Румовскій*, *Барсовъ*, *Гурьевъ*, *Озерецковскій*, *Севергинъ*, *Севастьяновъ*, *Гамалѣя*, *Страховъ*, *Никольскій*, *Подшиваловъ*, *Мерзляковъ*, *Борнъ*, *Соколовъ*.

II. *Разсужденія.*

§ 194. *Разсужденіе* есть связное и стройное сочиненіе, въ коемъ заключается полное изложеніе какой либо истины, теоретической или практической. Въ такомъ изложеніи должно господствовать *единство;* позволительны только тѣ *отступленія*, которыя служатъ къ поясненію главнаго предмета.

§ 195. При сочиненіи Разсужденія, должно наблюдать общія правила о пріисканіи матеріяловъ (§§ 16 — 36) и о расположеніи оныхъ (§ 49). Разсужденіе начинается обыкновенно *вступленіемъ*, потомъ слѣдуетъ самое *изложеніе*, и все (иногда) оканчивается *заключеніемъ* (§§ 51 — 54).

§ 196. Слогъ Разсужденій измѣняется по излагаемымъ въ нихъ предметамъ. Истины теоретическія, относящіяся преимущественно къ уму, излагаются слогомъ простымъ и яснымъ; объ истинахъ практическихъ, при поясненіи которыхъ хотятъ дѣйствовать на чувство и воображеніе, пишутъ языкомъ болѣе возвышеннымъ, цвѣтущимъ и благозвучнымъ.

§ 197. Изъ Русскихъ Писателей въ семъ родѣ должно упомянуть о *Ломоносовѣ*, *Карамзинѣ*, *Муравьевѣ*, *Филаретѣ*, *Жуковскомъ*, *Гнѣдичѣ*, *Батюшковѣ.*

III. *Рецензія.*

§ 198. Рецензія или Критика есть сужденіе о достоинствѣ какого либо произведенія Словесности въ отношеніи къ его *содержанію* и *слогу*. Въ рецензіи надлежитъ представить: содержаніе разсматриваемаго творенія въ краткомъ и ясномъ обозрѣніи; сужденіе о духѣ и цѣли онаго, о его расположеніи, слогѣ, мысляхъ; опредѣленіе достоинства сего творе-

нія въ отношеніи къ другимъ, ему подобнымъ; порицаніе или хвалу нѣкоторыхъ мѣстъ, и примѣры, изъ онаго извлеченные, съ критическими замѣчаніями. Самая лучшая рецензія есть та, которая даетъ читателю средства сдѣлать собственное свое заключеніе.

§ 199. Рецензентъ долженъ имѣть полное и ясное понятіе о предметѣ разсматриваемаго имъ творенія, любить истину и безпристрастіе, и наблюдать въ изложеніи своихъ мыслей разсудительность и спокойствіе, ясность, опредѣленность и благородство. Вообще рецензіи пишутся слогомъ среднимъ. Тонъ рецензіи измѣняется смотря по предмету оной: нельзя говорить одинаково о Ломоносовѣ или какомъ нибудь Вадіусѣ.

§ 200. Въ нашей литературѣ занимаютъ отличное мѣсто рецензіи *Карамзина*, *Шишкова*, *Макарова*, *Беницкаго* и *Мерзлякова*.

ПРИМѢРЫ.

I. *Разсужденіе о нравственныхъ причинахъ неимовѣрныхъ успѣховъ нашихъ въ войнѣ съ Французами 1812 года.*

Вѣрнѣйшіе успѣхи брани предуготовляются прежде брани; мечъ пожинаетъ большею частію тѣ лавры, которые посѣяны миромъ. Казалось, никто лучше врага не зналъ сей опытной истины. Предъ настоящею войною мы имѣли пять лѣтъ искренняго мира съ нимъ, а онъ столько же, если не болѣе, времени приготовленія къ войнѣ съ нами.

Покрываясь личиною нашего союзника, не простиралъ ли онъ тайную руку на расторженіе другихъ нашихъ союзовъ? Не онъ ли наипаче раздувалъ попеременно на той или другой границѣ обширной Имперіи пламя войны, которая хотя не изнуряла ея, но развлекала; хотя пріобрѣла ей новую славу и новыя области, но не дала насладиться отрадою и плодами желаннаго мира? Когда желаніе всеобщаго мира убѣдило насъ оказать холодность непреклонной морской Державѣ, не питалъ ли онъ тогда сокровеннаго желанія отяготить дѣйствіе сей мѣры надъ нами самими? Не старался ли онъ устроять себѣ въ собственныхъ нашихъ предѣлахъ невидимое передовое ополченіе, посылая слѣдами сиротствующихъ сыновъ Царства Французскаго, которые бѣгутъ къ намъ отъ пожравшей ихъ отечество заразы, — толпы извергов мятежа, которые несутъ свою язву съ собою, и сынами Сѣвера, столь же чуждыми низости подозрѣнія, какъ и слабости ухищренія, пріемлются иногда въ ихъ безопасныя жилища, какъ змія въ нѣдро? — Я не буду отвѣтствовать на

сіи вопросы: ибо не желаю проникать въ дѣла тмы, которыхъ прозорливое правительство не желало, можетъ быть, обнажать по великодушію, или совсѣмъ не хотѣло примѣчать изъ презрѣнія.

Но когда, среди мира, долженствовавшаго сохранить Европѣ останокъ ея свободы, Франція разрушала престолы, поглощала города, подавляла слабыхъ союзниковъ; когда войска, толико нужныя на Югѣ, не оставляли Сѣвера, но еще часъ отъ часу въ большемъ числѣ, подобно тучамъ, неслись туда же изъ порабощенныхъ Царствъ: для кого могли быть загадкою намѣренія властолюбивой Державы? Чѣмъ огромнѣе были ея приготовленія, тѣмъ яснѣе показывали, противъ кого напрягаетъ она свои силы.

Что же мы дѣлали въ сіе время? — О! что мы тогда дѣлали, то, можетъ быть, не токмо врагамъ, но и доброжелателямъ нашимъ казалось недальновиднымъ или не достойнымъ сыновъ силы; но послѣдствія даютъ намъ право говорить, что то было премудро и велико. Мы — свято сохраняли миръ, терпѣливо напоминали о его законахъ вѣроломному союзнику, и наконецъ весьма тихо приблизились къ своимъ границамъ токмо для того, чтобы съ миромъ итти во срѣтеніе самой брани.

Если превосходное число войска, бодрость воиновъ обнадеженныхъ симъ превосходствомъ, благовременныя и обильныя къ войнѣ приготовленія, свобода избрать образъ, время и мѣсто военныхъ дѣйствій суть начатки военныхъ успѣховъ: то, взирая съ одной стороны на цѣлую почти Европу, прельщеніемъ и угрозами вовлеченную въ предпріятія одного властолюбца, съ другой на Россію, оставленную союзниками, похищенными великимъ вихремъ или устрашенными, занятую войною со многочисленнымъ народомъ и, подъ маніями кроткаго Монарха, въ тишинѣ ожидающую приближенія новой и опаснѣйшей

бури, — не могъ ли бы кто сказать, что Наполеонъ, еще не начиная войны, уже побѣждаетъ? Такъ по крайней мѣрѣ думалъ онъ самъ; и должно признаться, что его предсказанія о завоеваніи Россіи, толико нынѣ смѣшныя, могли казаться тогда не столько невѣроятными, какъ то, если бы кто сталъ предсказывать конечное истребленіе безчисленныхъ союзныхъ полчищъ. — Но непорфирородный царь, возжелавшій быть еще непомазаннымъ пророкомъ, не провидѣлъ того, что, кромѣ физическихъ и политическихъ, государства одушевляются и дѣйствуютъ высшими нравственными силами; что насиліе возбуждаетъ противъ себя тѣ самыя силы, которыя ему покоряются; что ухищренія могутъ быть перехитрены или разрушены нечаянностію; что правота всегда могущественнѣе коварства и злобы, своею твердостію и провидѣніемъ. Высокоумный повелитель надменнаго мнимою образованностію народа не зналъ, и, къ продолженію бѣдъ Европы, не изучилъ и доселѣ (1813) сего простаго языка нравственности.

Необыкновеннымъ открытіемъ военныхъ дѣйствій врагъ довершилъ чертежъ вѣроломства, и по видимому, пріобрѣлъ новый залогъ чаемыхъ успѣховъ. Онъ началъ брань не такъ, какъ государь, который, не могши убѣжденіемъ расположить другаго монарха или народъ къ справедливымъ, по его мнѣнію, пользамъ своей державы, торжественно возвѣщаетъ ему и другимъ, что употребитъ данную ему Провидѣніемъ силу для достиженія своей цѣли: онъ началъ брань, или какъ нѣкій богъ браней, который никому не обязанъ открывать своихъ предопредѣленій, или какъ нѣкій крамольникъ, внезапнымъ возстаніемъ поспѣшающій предупредить казнь, которой чувствуетъ себя достойнымъ. Симъ наглымъ попраніемъ народныхъ правъ онъ открылъ себѣ путь ненаказанно попирать нашу землю, между тѣмъ какъ мы

принуждены были въ одно время и отражать его нападенія, и только еще приводить къ единству движенія распростертаго по пространнымъ областямъ войска, коего число и въ соединеніи не могло быть страшно для сліянныхъ силъ шестнадцати народовъ.

Дано кровопролитнѣйшее изъ всѣхъ извѣстныхъ въ наши времена сраженіе, въ которомъ, чѣмъ болѣе побѣда колебалась между превосходствомъ силъ и совершенствомъ искусства, между дерзостію и неустрашимостію, между отчаяніемъ и мужествомъ, между алчбою грабежа и любовію къ отечеству, тѣмъ торжественнѣе увѣнчана правая сторона. Но какой опять мракъ послѣ толь свѣтлой для насъ зари! Многочисленная потеря закрыта неисчислимыми остатками; побѣдители утомлены побѣдою, и дерзость врага столицъ въ свою чреду могла величаться, если не покореніемъ столицы, по крайней мѣрѣ вступленіемъ въ ея священныя стѣны, обнаженіемъ ея благолѣпія, уловленіемъ ея славнаго имени въ поруганіе.

Если взаимно сообразить нетерпѣливое стремленіе Наполеона въ Москву и его упорное въ ней медленіе вопреки самымъ страстямъ его: то могутъ открыться мысли, которыя имѣлъ онъ, вошедъ въ сію столицу: «Теперь,» думалъ онъ: «я наступилъ на «сердце Россіи. Кто принудитъ меня обратить вспять «ногу? Бывъ отнюдь не такъ силенъ, какъ нынѣ, я «вступилъ въ Вѣну и раздавилъ Германію. Москва «по крайней мѣрѣ должна вмѣстѣ съ собою смирить «предо мною всю Россію.»

Вообразимъ же, что въ сію самую минуту, когда гордость и удача вдыхали утѣснителю Европы толь высокомѣрную надежду, явилась бы истина, и произнесла бы надъ нимъ свой судъ: «Ты не наступилъ «на сердце Россіи, но, преткнувшись, оперся на грудь «ея, и вскорѣ будешь отраженъ и низверженъ. Россія

«не будетъ унижена, но вознесется въ славѣ, доселѣ «невидѣнной. Война, расположенная по чертежу ко«варства и злобы, достигла своего предѣла: начи«нается брань Господня. Ты расхитилъ преданную «въ руки твои судьбою столицу, но и будешь стре«гомъ въ ней, какъ уловленный хищникъ въ темни«цѣ; а сіе возбудитъ рабовъ твоей великой темницы «къ покушенію сокрушить свои оковы. Поражаемый «отвсюду, ты прибѣгнешь къ обыкновенному твоему «оружію лживаго языка; но принужденъ будешь «дать твоей Имперіи повелѣніе, чтобы она тебѣ вѣ«рила, то есть, признаться предъ цѣлымъ свѣтомъ, «что твоя Имперія тебѣ не вѣритъ. Ты побѣжишь «какъ тать изъ той земли, въ которую вторгся какъ «разбойникъ; и въ толь же краткое время, какъ ты «пришелъ сюда, тебя увидятъ въ заточеніи собствен«наго твоего дома, твои татьбины — въ рукахъ за«конныхъ владѣтелей, твою великую армію — въ «плѣну, въ снѣгахъ и въ холмахъ могильныхъ.» Кто могъ бы тогда отличить сіи вѣрныя прорицанія отъ суетныхъ прещеній? Кто узналъ бы голосъ истины?

Но наконецъ истина оправдана отъ сыновъ своихъ, и судьба Россіи отъ глубокаго мрака изведена, какъ полдень, путями Провидѣнія. Да возвѣстится истина! Да благословится Провидѣніе!

Участь государствъ опредѣляется вѣчнымъ закономъ истины, который положенъ въ основаніе ихъ бытія, и который, по мѣрѣ ихъ утвержденія на немъ или уклоненія отъ него, изрекаетъ на нихъ судъ, приводимый потомъ въ исполненіе подъ всеобъемлющимъ судоблюстительствомъ Провидѣнія.

Что есть государство? Нѣкоторый участокъ во всеобщемъ владычествѣ Вседержителя, отдѣленный по наружности, но невидимою властію сопряженный съ единствомъ всецѣлаго. И такъ чѣмъ постояннѣе оно удерживаетъ себя въ союзѣ Верховнаго Прави-

ля міра соблюденіемъ его закона, благочестіемъ и добродѣтелію, тѣмъ точнѣе входитъ во всеобщій порядокъ его правленія; тѣмъ несомнѣннѣе покровительствуется имъ: тѣмъ обильнѣе пріемлетъ отъ него силы къ своему сохраненію и совершенствованію. Оставивъ Бога, оно можетъ быть на нѣкоторое время оставлено самому себѣ, по закону долготерпѣнія, или въ ожиданіи его исправленія, или въ орудіе наказанія для другихъ, или до исполненія мѣры его беззаконій; но вскорѣ поражается правосудіемъ, какъ возмутительная область Божіей Державы.

Что есть государство? — Великое семейство человѣковъ, которое, по умноженіи своихъ членовъ и раздѣленіи родовъ, не могшій быть управляемо, какъ въ началѣ, единымъ естественнымъ отцемъ, признаетъ надъ собою въ семъ качествѣ избраннаго Богомъ и закономъ государя. И такъ чѣмъ искреннѣе подданные предаются отеческому о нихъ попеченію государя, и съ сыновнею довѣренностію и послушаніемъ исполняютъ его волю; чѣмъ естественнѣе государь и поставляемые имъ подъ собою правители народа, по образу его, представляютъ собою отцевъ великаго, и въ великомъ, меньшихъ семействъ, украшая власть благотвореніемъ, растворяя правду милосердіемъ, простирая призрѣніе мудрости и благости отъ чертоговъ до хижинъ и темницъ, тѣмъ соединяющія правленіе съ подчиненіемъ узы — неразрывнѣе, ревность ко благу общему — живѣе, дѣятельность, — неутомимѣе, единодушіе — неразлучнѣе, крѣпость — необоримѣе. Но когда члены общества связуются токмо страхомъ, и одушевляются токмо корыстію собственною; когда глава народа, презирая его, употребляетъ орудіемъ своего честолюбія и злобы; тогда есть покорные невольники, доколѣ есть крѣпкія оковы; есть служители кровопролитія, доколѣ есть надежда добычи; а при наступленіи общей опасности

всѣ связи общества ослабѣваютъ, народъ безъ бодрости, престолъ безъ подпоры, отечество сиротствуетъ.

Что есть государство? — Союзъ свободныхъ нравственныхъ существъ, соединившихся между собою съ пожертвованіемъ частію своей свободы, для охраненія и утвержденія общими силами закона нравственности, который составляетъ необходимость ихъ бытія. Законы гражданскіе суть не что иное, какъ примѣненныя къ особливымъ случаямъ истолкованія сего закона, и ограды, поставленныя противъ его нарушенія. И такъ гдѣ священный законъ нравственности непоколебимо утвержденъ въ сердцахъ воспитаніемъ, Вѣрою, здравымъ, неискаженнымъ ученіемъ и уважаемыми примѣрами предковъ: тамъ сохраняютъ вѣрность къ отечеству и тогда, когда никто не стрежетъ ея; жертвуютъ ему собственностію и собою безъ побужденій воздаянія или славы; тамъ умираютъ за законы тогда, какъ не опасаются умереть отъ законовъ, и когда могли бы сохранить жизнь — ихъ нарушеніемъ. Если же законъ, живущій въ сердцахъ, изгоняется ложнымъ просвѣщеніемъ и необузданною чувствительностію: нѣтъ жизни въ законахъ писанныхъ; повелѣнія не имѣютъ уваженія, исполненіе довѣрія; своеволіе идетъ рядомъ съ угнетеніемъ, и оба приближаютъ общество — къ паденію.

Приложимъ сіи всеобщія истины къ настоящему положенію отечества: онѣ покажутъ составъ и мѣру его величія.

Вѣруетъ Россійское Царство, что владѣетъ Вышній Царствомъ человѣческимъ и неотступно держась Вѣрою и упованіемъ Всемогущаго сего Владыки, отъ него пріяло мощь, дабы не колеблясь, удержать на раменахъ своихъ всю тяжесть своего бѣдствія, когда всѣми земными силами было или боримо или оставляемо. Когда правота и великодушіе упражнены

были въ мѣрахъ безопасности вѣроломствомъ и нарушеніемъ народныхъ правъ, благочестивѣйшій Монархъ не поколебался, но поручилъ свое дѣло Богу, и не усомнился въ народѣ своемъ. — Вѣрный народъ не поколебался, но ввѣрилъ судьбу свою Богу и Монарху. Продолженіе и возрастаніе общей опасности нигдѣ не могло быть примѣчено, развѣ при алтаряхъ, гдѣ моленія становились продолжительнѣе, возрастало число притекающихъ; отверзающіяся Господу сердца, уже не таясь собратій, изливались въ слезахъ умиленія, и гдѣ отходящіе на брань принимали послѣднее напутствіе. Когда противу чрезмѣрнаго числа вражескихъ полчищъ правительство принуждено было поставить неискушенныхъ въ брани гражданъ: Вѣра запечатлѣла ихъ собственнымъ своимъ знаменіемъ; утвердила своимъ благословеніемъ, и сіи неопытные ратники подкрѣпили, обрадовали, удивили старыхъ воиновъ. А когда неистовыя скопища нечестивцевъ не оставили въ мирѣ и безоружную Вѣру; когда, наипаче въ богатой древнимъ благочестіемъ столицѣ, исполняли свои руки святотатствами, оскверняли храмы живаго Бога и ругались его святынѣ: усердіе къ Вѣрѣ превращалось въ пламенную, неутолимую ревность наказать хулителей, и даже въ ободряющую надежду, что врагъ Божій не долго будетъ счастливымъ врагомъ нашимъ. Наконецъ, съ того времени, какъ по исполненіи дней тяжкаго искушенія, Господь Силъ увѣнчалъ насъ оружіемъ своего благоволенія, на необозримомъ поприщѣ, колико знаменитыхъ, толико же трудныхъ подвиговъ, не тѣмъ ли наипаче высокимъ чувствованіемъ одушевляется и укрѣпляется побѣдоносное воинство, что идетъ подъ невидимымъ предводительствомъ Бога отмщенія?

Крѣпкій союзъ любви между подданными и Государемъ, котораго пріобыкли они видѣть нѣжнымъ

отцемъ своимъ и мудрымъ, неусыпнымъ промыслителемъ, есть другой источникъ силы, сохранившій невредимою цѣлость государства противъ напряженнѣйшихъ усилій къ его потрясенію, и сообщившій благоустройство и живость его дѣйствіямъ во дни нестроенія. — Тогда, какъ уже врагъ нѣкоторыя области его занималъ, а многимъ угрожалъ, оно принуждено было только еще собирать новыя силы и пособія военныя. Какія жъ необыкновенныя мѣры потребны были для того, чтобы сіе исполнено было и съ невозмущенною точностію, и съ неутомимою поспѣшностію, и съ удовлетвореніемъ необъятныхъ нуждъ, и безъ опаснаго стѣсненія народа? — Одно слово Государя. Будучи увѣренъ въ чувствованіяхъ своего народа, онъ пригласилъ его ко всеобщему возстанію противу врага: и точно всѣ возстали. Каждый помѣстный владѣлецъ учреждалъ посильное войско для слїянія въ общую силу; множество свободныхъ рукъ оставляли вѣсы, перо и другія мирныя орудія, и простирались къ мечу; свободныя пожертвованія на потребности брани приносимы были не токмо свободными щедро, но и тѣми свободно, которые сами могли быть представлены другими въ пожертвованіе. Тѣ, которыхъ семейства были въ опасности, обращались отъ нихъ къ общей опасности; семейства менѣе, нежели обыкновенно, плакали, провождая новыхъ ратниковъ: забывали родство, помышляя объ отечествѣ. — Приверженность народа къ своему Правительству не ослабѣвала и тамъ, гдѣ затруднялись или прерывались сношенія съ Правительствомъ. Можно сказать, что въ Москвѣ, въ самое время несчастнаго ея превращенія изъ столицы россійской въ ужасный станъ французскій, подданные Александра были вѣрнѣе своему Государю, нежели рабы Наполеона своему повелителю: ибо извѣстно, что своевольство французскаго войска, еще

болѣе пагубное для него самого, нежели для опустошенной имъ столицы, не могло быть укрощено ни присутствіемъ, ни повелѣніями, ни правосудіемъ, ни самою жестокостію Наполеона; между тѣмъ какъ граждане московскіе, сохраняя послушаніе къ единому Государю, по многократнымъ и ласковымъ и грознымъ требованіямъ, не хотѣли даже предстать иноплеменному властителю, рѣшась страдать и умирать, но убѣгать съ нимъ сообщенія, и оставляя его съ одними тѣлохранителями, носиться по безлюднымъ путямъ вокругъ Кремля, какъ толпы привидѣній около надгробныхъ памятниковъ.

Простыя, но чистыя и твердыя правила нравственности, преданныя отъ предковъ, и неослабленныя иноплеменными нововведеніями, поддерживали сію вѣрность къ своимъ обязанностямъ, среди опаснѣйшихъ соблазновъ и величайшихъ трудностей. Когда гласъ законовъ уже почти не слышенъ былъ среди шума браннаго, законъ внутренній говорилъ сердцу Россіянина столь же сильно и повелительно: «Не смущайся сомнѣніемъ и неизвѣстностію; въ клят«вѣ, которую ты далъ въ вѣрности Царю и отечеству, «ты найдешь ключъ къ мудрости, разрѣшающей всѣ «недоумѣнія. Находясь цѣлую жизнь подъ защитою «законовъ и Правительства, воспользуйся случаемъ «быть хотя единожды защитою законовъ и Прави«тельства. Не страшись опасности, подвизаясь за «правду: лучше умереть за нее, нежели пережить ее. «Искупи кровію для потомковъ тѣ блага, которыя «кровію купили для тебя предки. Уклонясь отъ смер«ти за честь вѣры и за свободу отечества, ты умрешь «преступникомъ или рабомъ: умри за Вѣру и отече«ство — ты пріимешь жизнь и вѣнецъ на небѣ.» Вотъ правила, которыя Русскій Народъ не столько умѣетъ изъяснять, сколько чувствовать, уважать, исполнять! Вотъ чудесное искусство быть непобѣди-

мымъ, собирающее войска безъ военачальниковъ, претворяющее цѣлыя селенія въ ополченія, ополчающее на брань слабыя руки женъ, побѣждающее побѣдителей! Вотъ истинно свободная наука необразованнаго по новѣйшимъ умозрѣніямъ народа, которою онъ обличилъ западныхъ просвѣтителей въ буйномъ и рабскомъ невѣжествѣ, и которою теперь съ толикимъ успѣхомъ освобождаетъ отъ рабства пріемлющихъ его въ ней наставленія!

Но благочестивые, вѣрные и добродѣтельные сыны Россіи не почтутъ похищеніемъ славы своея и то, если она вознесется до престола Царя Славы. Да будетъ наша слава въ томъ, что наша Вѣра и правда привлекли на насъ око Его благости: да воспишется Ему то, что Онъ сотворилъ нами! Свѣтъ видѣлъ, что мудрость, неусыпность и мужество управляли нашимъ дѣломъ; но какъ часто надъ ними видѣнъ былъ собственный перстъ Божій! Не Богъ ли, въ руцѣ Котораго сердце Царево, внушилъ Царю въ самомъ началѣ брани сіе рѣшительное, даже прорицательное чувствованіе — *не полагать оружія, доколѣ ни единаго врага не останется въ предѣлахъ Россіи*, — чувствованіе, которое всему народу вдохнуло столь же неколебимую рѣшимость? Не Богъ ли, непостижимый въ путяхъ Своего промысла, даровалъ Александру сіе чудное провидѣніе, что въ началѣ исшелъ вождь, который понесъ на главѣ своей неизбѣжныя непріятности, можно сказать, новой для Россійскихъ воиновъ, войны оборонительной и отступательной и тяжесть народнаго мнѣнія; потомъ, какъ надлежало измѣнить лице брани, явился другой, уготованный на спасеніе, прославленный многолѣтними подвигами, испрашиваемый желаніями народа—явился мужъ, который на безпокойнаго и недремлющаго врага навелъ долгую дремоту, доколѣ не обновилъ крѣпости утружденнаго нашего воинства, и доколѣ, во испол-

ненie числа сего воинства, не ополчилась съ нами вся природа? Не Господь ли Силъ во одномъ и томъ же пути одну рать истреблялъ болѣзнями, хладомъ и гладомъ; а другой соблюлъ крѣпость, вложилъ огнь и далъ крыла? — *Благословенъ Богъ воинствъ*!

Нынѣ, заблуждающiе народы, познайте пути къ потерянному вами, и тщетно въ суетныхъ мечтанiяхъ искомому благоденствiю! Бичъ Божiй поражаетъ Европу такъ, что его удары раздаются во всѣхъ концахъ вселенныя. Услышите гласъ Наказующаго, и обратитеся къ Нему, дабы Онъ былъ и вашимъ Спасителемъ.

Нынѣ, благословенная Богомъ Россiя, познай твое величiе, и не воздремли, сохраняя основанiя, на которыхъ оно воздвигнуто!

А ты, который не токмо трудности въ дѣлѣ брани Господней ввѣряешь Господу, но Ему же кроткою благодарностiю возвращаешь и дарованныя тебѣ побѣды! ты, который твердостiю въ правдѣ спасъ твою Державу, и благостiю въ могуществѣ спасаешь Царства другихъ! *возвеселися Его силою, и о спасенiи Его возрадуйся*! — Мы вѣримъ и чаемъ, что и паки, когда жребiй брани прiидетъ предъ лице Его, *помянетъ Онъ всю кротость твою*, и еще *дастъ тебѣ хотѣнiе сердца твоего*.

Филаретъ.

II. *О любви къ отечеству и народной гордости.*

Любовь къ отечеству можетъ быть физическая, нравственная и политическая.

Человѣкъ любитъ мѣсто своего рожденія и воспитанія. Сія привязанность есть общая для всѣхъ людей и народовъ, есть дѣло природы, и должна быть названа *физическою*. Родина мила сердцу не мѣстными красотами, не яснымъ небомъ, не пріятнымъ климатомъ, а плѣнительными воспоминаніями, окружающими, такъ сказать, утро и колыбель человѣчества. Въ свѣтѣ нѣтъ ничего милѣе жизни; она есть первое счастіе — а начало всякаго благополучія имѣетъ для нашего воображенія какую-то особенную прелесть. Такъ нѣжные друзья освящаютъ въ памяти первый день дружбы своей. Лапландецъ, рожденный почти въ гробѣ природы, не смотря на то, любитъ хладный мракъ земли своей. Переселите его въ счастливую Италію: онъ взоромъ и сердцемъ будетъ обращаться къ сѣверу, подобно магниту; яркое сіяніе солнца не произведетъ такихъ сладкихъ чувствъ въ его душѣ, какъ день сумрачный какъ свистъ бури, какъ паденіе снѣга: они напоминаютъ ему отечество! — Самое расположеніе нервъ, образованныхъ въ человѣкѣ по климату, привязываетъ насъ къ родинѣ. Не даромъ медики совѣтуютъ иногда больнымъ лечиться ея воздухомъ; не даромъ житель Гельвеціи, удаленный отъ снѣжныхъ горъ своихъ, сохнетъ и впадаетъ въ меланхолію, а возвращаясь въ дикій Унтервальденъ, въ суровый Гларисъ, оживаетъ. Всякое растеніе имѣетъ болѣе силы въ своемъ климатѣ: законъ природы и для человѣка не измѣняется. — Не говорю, чтобы естественныя красоты и выгоды отчизны не имѣли никакого вліянія на общую любовь къ ней: нѣко-

торыя земли, обогащенныя природою, могутъ быть тѣмъ милѣе своимъ жителямъ; говорю только, что сіи красоты и выгоды не бываютъ главнымъ основаніемъ физической привязанности людей къ отечеству: ибо она не была бы тогда общею.

Съ кѣмъ мы росли и живемъ, къ тѣмъ привыкаемъ. Душа ихъ *сообразуется* съ нашею, дѣлается нѣкоторымъ ея зеркаломъ, служитъ предметомъ или средствомъ нашихъ нравственныхъ удовольствій, и обращается въ предметъ склонности для сердца. Сія любовь къ согражданамъ, или къ людямъ, съ которыми мы росли, воспитывались и живемъ, есть вторая, или нравственная любовь къ отечеству, столь же общая, какъ и первая, мѣстная или физическая, но дѣйствующая въ нѣкоторыхъ лѣтахъ сильнѣе: ибо время утверждаетъ привычку. Надобно видѣть двухъ единоземцевъ, которые въ чужой землѣ находятъ другъ друга: съ какимъ удовольствіемъ они обнимаются и спѣшатъ изливать душу въ искреннихъ разговорахъ! Они видятся въ первый разъ, но уже знакомы и дружны, утверждая личную связь свою какими нибудь общими связями отечества! Имъ кажется, что они, говоря даже иностраннымъ языкомъ, лучше разумѣютъ другъ друга, нежели прочихъ: ибо въ характерѣ единоземцевъ есть всегда нѣкоторое сходство, и жители одного государства образуютъ всегда, такъ сказать, электрическую цѣпь, передающую имъ одно впечатлѣніе посредствомъ самыхъ отдаленныхъ колецъ, или звеньевъ. — На берегахъ прекраснѣйшаго въ мірѣ озера, служащаго зеркаломъ богатой натурѣ, случилось мнѣ встрѣтить голландскаго патріота, который, по ненависти къ Штатгальтеру и оранистамъ, выѣхалъ изъ отечества и поселился въ Швейцаріи между Ніона и Роля. У него былъ прекрасный домикъ, физическій кабинетъ, библіотека; сидя подъ окномъ, онъ

видѣлъ предъ собою великолѣпную картину природы. Ходя мимо домика, я завидовалъ хозяину, не зная его; познакомился съ нимъ въ Женевѣ, и сказалъ ему о томъ. Отвѣтъ голландскаго флегматика удивилъ меня своею живостію: «Никто не можетъ «быть счастливъ внѣ своего отечества, гдѣ сердце его «выучилось разумѣть людей, и образовало свои лю«бимыя привычки. Ни какимъ народомъ нельзя замѣ«нить согражданъ. Я живу не съ тѣми, съ кѣмъ «жилъ сорокъ лѣтъ, и живу не такъ, какъ жилъ со«рокъ лѣтъ: трудно пріучать себя къ новостямъ, и «мнѣ скучно!»

Но физическая и нравственая привязанность къ отечеству, дѣйствіе натуры и свойствъ человѣка, не составляютъ еще той великой добродѣтели, которою славились Греки и Римляне. Патріотизмъ есть любовь ко благу и славѣ отечества, и желаніе способствовать имъ во всѣхъ отношеніяхъ. Онъ требуетъ разсужденія — и потому не всѣ люди имѣютъ его.

Самая лучшая философія есть та, которая основываетъ должности человѣка на его счастіи. Она скажетъ намъ, что мы должны любить пользу отечества, ибо съ нею неразрывна наша собственная; что его просвѣщеніе окружаетъ насъ самихъ многими удовольствіями въ жизни; что его тишина и добродѣтели служатъ щитомъ семейственныхъ наслажденій; что слава его есть наша слава; и если оскорбительно человѣку называться сыномъ презрѣннаго отца, то не менѣе оскорбительно и гражданину называться сыномъ презрѣннаго отечества. Такимъ образомъ любовь къ собственному благу производитъ въ насъ любовь къ отечеству, а личное самолюбіе гордость народную, которая служитъ опорою патріотизма. Такъ Греки и Римляне считали себя первыми народами, а всѣхъ другихъ варварами; такъ Англичане, которые въ но-

вѣйшія времена болѣе другихъ славятся патріотизмомъ, болѣе другихъ о себѣ мечтаютъ.

Я не смѣю думать, чтобы у насъ въ Россіи было немного патріотовъ; но мнѣ кажется, что мы излишно смиренны въ мысляхъ о народномъ своемъ достоинствѣ; — а смиреніе въ политикѣ вредно. Кто самого себя не уважаетъ, того безъ сомнѣнія и другіе уважать не будутъ.

Не говорю, чтобы любовь къ отечеству долженствовала ослѣплять насъ и увѣрять, что мы всѣхъ и во всемъ лучше; но Русскій долженъ, по крайней мѣрѣ, знать цѣну свою. Согласимся, что нѣкоторые народы вообще насъ просвѣщеннѣе, ибо обстоятельства были для нихъ счастливѣе; но почувствуемъ же и всѣ благодѣянія судьбы въ разсужденіи Народа Россійскаго; станемъ смѣло на ряду съ другими; скажемъ ясно имя свое и повторимъ его съ благородною гордостію.

Мы не имѣемъ нужды прибѣгать къ баснямъ и выдумкамъ, подобно Грекамъ и Римлянамъ, чтобы возвысить наше происхожденіе: слава была колыбелію Народа Русскаго, а побѣда вѣстницею бытія его. Римская Имперія узнала, что есть Славяне, ибо они пришли и разбили ея легіоны. Историки византійскіе говорятъ о нашихъ предкахъ, какъ о чудесныхъ людяхъ, которымъ ничто не могло противиться, и которые отличались отъ другихъ сѣверныхъ народовъ не только своею храбростію, но и какимъ-то рыцарскимъ добродушіемъ. Герои наши въ девятомъ вѣкѣ играли и забавлялись ужасомъ тогдашней новой столицы міра; имъ надлежало только явиться подъ стѣнами Константинополя, чтобы взять дань съ Царей Греческихъ. Въ первомъ-надесять вѣкѣ Русскіе, всегда превосходные храбростію, не уступали другимъ европейскимъ народамъ и въ просвѣщеніи, имѣя по Религіи тѣсную связь

съ Царемъ-градомъ, который дѣлился съ нами плодами учености, и во время Ярослава были переведены на Славянскій Языкъ многія греческія книги. Къ чести твердаго русскаго характера служитъ то, что Константинополь никогда не могъ присвоить себѣ политическаго вліянія на отечество наше. Князья любили разумъ и знаніе Грековъ, но всегда готовы были оружіемъ наказать ихъ за малѣйшіе знаки дерзости.

Раздѣленіе Россіи на многія владѣнія и несогласіе князей приготовили торжество Чингисъ-Хановыхъ потомковъ и наши долговременныя бѣдствія. Великіе люди и великіе народы подвержены ударамъ рока, но и въ самомъ несчастіи являютъ свое величіе. Такъ Россія, терзаемая лютымъ врагомъ, гибла со славою: цѣлые города предпочитали вѣрное истребленіе стыду рабства. Жители Владиміра, Чернигова, Кіева принесли себя въ жертву народной гордости, и тѣмъ спасли имя Русскихъ отъ поношенія. Историкъ, утомленный сими несчастными временами, какъ ужасною безплодною пустынею, отдыхаетъ на могилахъ, и находитъ отраду въ томъ, чтобы оплакивать смерть многихъ достойныхъ сыновъ отечества.

Но какой народъ въ Европѣ можетъ похвалиться лучшею судьбою? который изъ нихъ не былъ въ узахъ нѣсколько разъ? По крайней мѣрѣ завоеватели наши устрашили Востокъ и Западъ. Тамерланъ, сидя на тронѣ самаркандскомъ, воображалъ себя царемъ міра.

И какой народъ такъ славно разорвалъ свои цѣпи? такъ славно отмстилъ врагамъ свирѣпымъ? Надлежало только быть на престолѣ рѣшительному, смѣлому государю. Народная сила и храбрость, послѣ нѣкотораго усыпленія, громомъ и молніею возвѣстили свое пробужденіе.

Времена самозванцевъ представляютъ опять горестную картину мятежа; но скоро любовь къ отечеству воспламеняетъ сердца; — граждане, земледѣльцы требуютъ военачальника, и Пожарскій, ознаменованный славными ранами, встаетъ съ одра болѣзни. Добродѣтельный Мининъ служитъ примѣромъ; и кто не можетъ отдать жизни отечеству, отдаетъ ему все, что имѣетъ.... Древняя и Новая Исторія народовъ не представляетъ намъ ничего трогательнѣе сего общаго, геройскаго патріотисма. Въ царствованіе Александра позволено желать русскому сердцу, чтобы какой нибудь достойный монументъ, сооруженный въ Нижнемъ Новѣгородѣ (гдѣ раздался первый гласъ любви къ отечеству) обновилъ въ нашей памяти славную эпоху Русской Исторіи (*). Такіе монументы возвышаютъ духъ народа. Скромный Монархъ не запретилъ бы намъ сказать въ надписи, что сей памятникъ сооруженъ въ Его счастливое время.

Петръ Великій, *соединивъ* насъ съ Европою, и показавъ намъ выгоды просвѣщенія, не надолго унизилъ народную гордость Русскихъ. Мы взглянули, такъ сказать, на Европу, и однимъ взоромъ присвоили себѣ плоды долговременныхъ трудовъ ея. Едва великій государь сказалъ нашимъ воинамъ, какъ надобно владѣть новымъ оружіемъ, они, взявъ его, летѣли сражаться съ первою европейскою арміею. Явились генералы, нынѣ ученики, завтра примѣры для учителей. Скоро другіе могли и должны были перенимать у насъ; мы показали, какъ бьютъ Шведовъ, Турокъ — и наконецъ Французовъ. Сіи славные республиканцы, которые еще лучше говорятъ, нежели сражаются, и такъ часто твердятъ о своихъ

(*) Желаніе сіе исполнилось. *Изд.*

ужасныхъ штыкахъ, бѣжали въ Италіи отъ перваго взмаха штыковъ русскихъ (*). Зная, что мы храбрѣе многихъ, не знаемъ еще, кто насъ храбрѣе. Мужество есть великое свойство души: народъ, имъ отличенный, долженъ гордиться собою.

Въ Военномъ Искусствѣ мы успѣли болѣе, нежели въ другихъ, отъ того, что имъ болѣе занимались, какъ нужнѣйшимъ для утвержденія государственнаго бытія нашего; однако жъ не одними лаврами можемъ хвалиться. Наши гражданскія учрежденія мудростію своею равняются съ учрежденіями другихъ государствъ, которыя нѣсколько вѣковъ просвѣщаются. Наша людкость, тонъ общества, вкусъ въ жизни удивляютъ иностранцевъ, пріѣжающихъ въ Россію съ ложнымъ понятіемъ о народѣ, который въ началѣ осьмагонадесять вѣка считался варварскимъ.

Завистники Русскихъ говорятъ, что мы имѣемъ только въ вышней степени *переимчивость;* но развѣ она не есть знакъ превосходнаго образованія души? Сказываютъ, что учители Лейбница находили въ немъ также одну *переимчивость*.

Въ наукахъ мы стоимъ еще позади другихъ, для того — и для того единственно, что менѣе другихъ занимаемся ими, и что ученое состояніе не имѣетъ у насъ такой обширной сферы, какъ, напримѣръ, въ Германіи, Англіи, и проч. Если бы наши молодые дворяне, учась, могли доучиваться, и посвящать себя наукамъ, то мы имѣли бы уже своихъ Линнеевъ, Галлеровъ, Боннетовъ. Успѣхи литературы нашей (которая требуетъ менѣе учености, но, смѣю сказать, еще болѣе разума, нежели собственно такъ называемыя науки) доказываютъ великую способность Русскихъ. Давно ли знаемъ, что такое слогъ въ стихахъ

(*) Писано въ 1802 году. *Изд.*

и прозѣ? и можемъ въ нѣкоторыхъ частяхъ уже равняться съ иностранцами. У Французовъ еще въ шестомъ-надесять вѣкѣ философствовалъ и писалъ Монтань: чудно ли, что они вообще пишутъ лучше насъ? Не чудно ли, напротивъ того, что нѣкоторыя наши произведенія могутъ стоять на ряду съ ихъ лучшими, какъ въ живости мыслей, такъ и въ оттѣнкахъ слога! Будемъ только справедливы, любезные сограждане, и почувствуемъ цѣну собственнаго. Мы никогда не будемъ умны чужимъ умомъ и славны чужею славою. Французскіе, англійскіе авторы могутъ обойтись безъ нашей похвалы; но Русскимъ нужно по крайней мѣрѣ вниманіе Русскихъ. Расположеніе души моей, слава Богу! совсѣмъ противно сатирическому и бранному духу; но я осмѣлюсь попенять многимъ изъ нашихъ любителей чтенія, которые, зная лучше парижскихъ жителей всѣ произведенія Французской Литературы, не хотятъ и взглянуть на русскую книгу. Того ли они желаютъ, чтобы иностранцы увѣдомляли ихъ о русскихъ талантахъ? Пусть же читаютъ французскіе и нѣмецкіе критическіе журналы, которые отдаютъ справедливость нашимъ дарованіямъ, судя по нѣкоторымъ переводамъ (*). Кому не будетъ обидно походить на Даламбертову мамку, которая, живучи съ нимъ, къ изумленію своему услышала отъ другихъ, что онъ умный человѣкъ? Нѣкоторые извиняются худымъ знаніемъ Русскаго Языка. Это извиненіе хуже самой вины. Оставимъ нашимъ любезнымъ свѣтскимъ дамамъ утверждать, что Русскій Языкъ грубъ и непріятенъ, что charmant и sé-

---

(*) Такимъ образомъ самый худой французскій переводъ Ломоносова одъ и разныхъ мѣстъ изъ Сумарокова заслужилъ вниманіе и похвалу иностранныхъ журналистовъ. *Пр. Соч.*

duisant, expansion и vapeurs не могутъ быть на немъ выражены; и что, однимъ словомъ, не стоитъ труда знать его. Кто смѣетъ доказывать дамамъ, что онѣ ошибаются? Но мужчины не имѣютъ такого любезнаго права судить ложно. Языкъ нашъ выразителенъ не только для высокаго краснорѣчія, для громкой, живописной поэзіи, но и для нѣжной простоты, для звуковъ сердца и чувствительности. Онъ богатѣе гармоніею, нежели Французскій; способнѣе для изліянія души въ тонахъ; представяетъ болѣе аналогическихъ словъ, то есть сообразныхъ съ выражаемымъ дѣйствіемъ: выгода, которую имѣютъ одни коренные языки! Бѣда наша, что мы все хотимъ говорить по-французски, и не думаемъ трудиться надъ обработываніемъ собственнаго языка; мудрено ли, что не умѣемъ изъяснять имъ нѣкоторыхъ тонкостей въ разговорѣ? Одинъ иностранный министръ сказалъ при мнѣ, что языкъ нашъ долженъ быть весьма теменъ, ибо Русскіе, говоря имъ, по его замѣчанію, не разумѣютъ другъ друга, и тотчасъ должны прибѣгать къ Французскому. Не мы ли сами подаемъ поводъ къ такимъ нелѣпымъ заключеніямъ? — Языкъ важенъ для патріота, и я люблю Англичанъ за то, что они лучше хотятъ свистать и шипѣть по-англійски, нежели говорить чужимъ языкомъ, извѣстнымъ почти всякому изъ нихъ.

Есть всему предѣлъ и мѣра: какъ человѣкъ, такъ и народъ начинаетъ всегда подражаніемъ; но долженъ со временемъ быть *самъ собою*, чтобы сказать: *я существую нравственно!* Теперь мы уже имѣемъ столько знаній и вкуса въ жизни, что могли бы жить, не спрашивая: какъ живутъ въ Парижѣ и въ Лондонѣ? что тамъ носятъ, въ чемъ ѣздятъ, и какъ убираютъ домы? Патріотъ спѣшитъ присвоить отечеству благодѣтельное и нужное, но отвергаетъ рабскія подражанія въ бездѣлкахъ, оскорбительныя для на-

родной гордости. Хорошо и должно учиться; но горе и человѣку и народу, который будетъ всегдашнимъ ученикомъ!

До сего времени Россія безпрестанно возвышалась какъ въ политическомъ, такъ и въ нравственномъ смыслѣ. Можно сказать, что Европа годъ отъ году насъ болѣе уважаетъ, а мы еще въ срединѣ нашего славнаго теченія! Наблюдатель вездѣ видитъ новыя отрасли и раскрытія; видитъ много плодовъ, но еще болѣе цвѣта. Символъ нашъ есть пылкій юноша: сердце его, полное жизни, любитъ дѣятельность; девизъ его есть: *труды и надежда!* — Побѣды очистили намъ путь къ благоденствію; слава есть право на счастіе.

Карамзинъ.

III. *Нѣчто о морали, основанной на философіи и Религіи.*

Есть необыкновенная эпоха въ жизни; иные ранѣе, другіе позже испытали мученіе и сладость, ей особенно свойственныя. Я хочу говорить о томъ времени, въ которое человѣкъ, посредствомъ опыта и страстей, получаетъ новое нравственное существованіе; когда, разодравъ завѣсу сомнѣній, онъ открываетъ новое поприще, становится на новый рубежъ, озираетъ съ него протекшее и будущее, сравниваетъ одно съ другимъ, и рѣшается протекать остальное поприще жизни съ свѣтильникомъ вѣры или мудрости, оставляя за собою предразсудки легкомыслія, суетныя надежды и толпу блестящихъ призраковъ юности.

Скоро и невозвратно исчезаетъ юность, это время, въ которое человѣкъ, по счастливому выраженію Кантемира, еще новый житель міра сего, съ любопытствомъ обращаетъ взоры на природу, на общество, и требуетъ однихъ сильныхъ ощущеній; онъ съ жаждою пьетъ тогда въ источникѣ жизни, и ничто не можетъ утолить сей жажды; нѣтъ границы наслажденіямъ, нѣтъ мѣры требованіямъ души, новой, исполненной силы и неослабленной ни опытностію, ни трудами жизни. Тогда все дѣлается страстію, и самое чтеніе. Счастливъ тотъ, кто найдетъ наставника опытнаго въ оное опасное время, наставника, коего попечительная рука отклонитъ отъ порочнаго и суетнаго; счастливъ тотъ еще болѣе, кого сердце спасетъ отъ заблужденій разсудка: ибо въ юности сердце есть лучшая порука за разсудокъ. Одна опытность даетъ разсудку и силу и дѣятельность. Во время юности и огненныхъ страстей, каждая книга увлекаетъ, каждая система принимается за истину, и читатель, не руководимый разумомъ, подобно гражданину въ бурныя времена безначалія, переходитъ то на одну, то на другую сторону. Сомнѣніе не существуетъ и не можетъ существовать; ибо оно уже есть слѣдствіе сравненія, для котораго нужны понятія, цѣлый запасъ воспоминаній. Тѣ моралисты, которые говорятъ сердцу, одному сердцу, тѣ политики, которые нападаютъ софизмами на всѣ предразсудки безъ изъятія, и поражаютъ зло стрѣлами сатиры, не взирая на лица, ни на условія и законы общества, суть самые опаснѣйшіе. Блескъ остроумія исчезаетъ; одно убѣдительное краснорѣчіе страстей, возбуждающее ихъ, оставляетъ въ сердцѣ сіи глубокіе слѣды, часто неизгладимые.

Но время чтенія исчезаетъ; ибо пресыщенное любопытство утомляется. За симъ слѣдуетъ непосредственно эпоха сомнѣній. Сомнѣніе мучительно;

оно есть необыкновенное состоянiе души, и продолжительно не бываетъ. Надобно рѣшиться мыслящему человѣку принять свѣтильникъ мудрости (той, или другой школы); надобно запастись мудростiю человѣческою, или небесными утѣшенiями; ибо онъ видитъ, чувствуетъ, что для самой ограниченной дѣятельности въ обществѣ, надлежитъ имѣть нѣсколько постоянныхъ нравственныхъ истинъ въ опору своей слабости. Къ несчастiю — или къ счастiю можетъ быть, ибо кто извѣдалъ всѣ пути Промысла? мы живемъ въ печальномъ вѣкѣ, въ которомъ человѣческая мудрость недостаточна для обыкновеннаго круга дѣятельности самаго простаго гражданина: ибо какая мудрость можетъ утѣшить несчастнаго въ сiи плачевныя времена, и какое благородное сердце, чувствительное и доброе, станетъ довольствоваться правилами философiи, или захочетъ искать грубыхъ земныхъ наслажденiй посреди ужасныхъ развалинъ столицъ, посреди развалинъ еще ужаснѣйшихъ — всеобщаго порядка, и посреди страданiй всего человѣчества, во всемъ просвѣщенномъ мiрѣ? Какая мудрость въ силахъ дать постоянныя мысли гражданину, когда зло торжествуетъ надъ невинностiю и правотою? Какъ мудрости не обмануться въ своихъ математическихъ расчетахъ (ибо всякая мудрость человѣческая основана на расчетахъ), когда всѣ ея замыслы сами себя уничтожаютъ? Къ чему прибѣгнетъ умъ, требующiй опоры? къ какимъ постояннымъ правиламъ, или расколамъ древней, или новой философiи? По какой системѣ расположитъ свои поступки, связанные столь тѣсно съ ходомъ идей политическихъ, превратныхъ и шаткихъ? и что успокоитъ его? Какiе свѣтскiе моралисты внушатъ сiю надежду, сiе мужество и постоянство для настоящаго времени — столь печальнаго, для будущаго — столь грознаго? Ни одинъ, смѣло отвѣчаю: ибо вся мудрость человѣческая при-

надлежитъ вѣку, обстоятельствамъ. Она подобна тѣмъ нѣжнымъ растеніямъ, которыя прозябаютъ, цвѣтутъ и украшаются плодами подъ природнымъ небомъ: но въ землѣ чуждой, окруженныя несвойственными растеніями, при вѣяніи малѣйшаго вѣтерка, скудѣютъ листьями и вянутъ безпрестанно. Слабость человѣка неизлечима, вопреки Стоикамъ, и всѣ произведенія ума его носятъ отпечатокъ оной. Признаемся, что смертному нужна мораль, основанная на небесномъ откровеніи; ибо она единственно можетъ быть полезна во всѣ времена и при всѣхъ случаяхъ; она есть щитъ и копье добраго человѣка, которые не ржавѣютъ отъ времени.

И къ чему всѣ опыты мудрости человѣческой? Къ чему совѣты наблюденія зоркаго разума? Достаточны ли они для человѣчества вообще и для человѣка частно во время его странствованія по бурному морю жизни? Къ чему, напримѣръ, сельскому жителю вся мудрость и опытность Дюкло? Къ чему тонкія замѣчанія Ларошфуко, котораго книга, по словамъ свѣтскихъ людей, сушитъ сердце? Къ чему всѣ эти истины, основанныя на ложныхъ понятіяхъ? Ибо для мудрецовъ сихъ и дружба, и любовь, и чувство сына къ отцу, и нѣжнѣйшее чувство матери къ своему рожденію, — однимъ словомъ, благодарность, безкорыстіе и все, что человѣчество имѣетъ драгоцѣннаго, прекраснаго, великаго, — всѣ позывы великой души, всѣ невольныя движенія и тайныя пожертвованія благороднаго сердца, — все есть слѣдствіе корысти.

Другіе свѣтскіе моралисты повторяли однѣ и тѣ же мысли, или (напр. Гельвецій) давали имъ обширнѣйшее распространеніе, но вѣчно ложное (*).

(*) Число понятій моральныхъ и политическихъ, говоритъ Ансильонъ, всегда ограничено; вообще мало понятій

Они опечалили человѣчество; они ограбили его, сіи дерзкіе и суетные умы: ибо что говорили они? Будь счастливъ по нашимъ правиламъ. Согласенъ, слѣдую имъ слѣпо; но я все не доволенъ ни судьбою, ни сердцемъ своимъ. Что же мнѣ остается? Терпѣніе, отвѣчали они, и отсылали насъ къ Стоикамъ.

Вотъ въ чемъ совершенно заключается вся нравственная теорія новѣйшихъ мечтателей, которую опровергъ другой мечтатель (Руссо), отступникъ отъ вѣры, отступникъ отъ философіи. Ни слова въ утѣшеніе; ибо гдѣ обрѣсти его? Въ совѣсти! кричали они. Согласенъ; но кто утѣшитъ эту мать, прижавшую къ груди своей трепетнаго младенца, бѣгущую изъ столицы объятой пламенемъ? Кто утѣшитъ этого отца, супруга, который подъ развалинами дома своего оставляетъ все, что имѣлъ: и дѣтей, и жену, и всѣ блага жизни, всѣ надежды свои? Здѣсь совѣсть будетъ существо отрицательное. Она будетъ спокойна у невиннаго страдальца, но слезы его прольются на прахъ разрушеннаго счастія.... взоры его обратятся къ небу; тамъ найдетъ онъ отвѣтъ на вопросы отчаяннаго сердца, или оно погибнетъ: здѣсь нѣтъ средины.

Стоическая система (*) ложна; ибо мораль ея основана на одномъ умствованіи, на одномъ отрица-

---

въ обращеніи. Каждое поколѣніе выбиваетъ монету, или лучше сказать, перемѣняетъ только штемпель, а металлъ все тотъ же.

(*) Вотъ въ чемъ заключали все ученіе Стоики: «Есть Богъ, слѣдственно Онъ создалъ человѣка. Онъ создалъ его для себя, создалъ таковымъ, чтобы онъ содѣлался правосуднымъ и счастливымъ на земли; слѣдственно человѣкъ можетъ познать истину и можетъ посредствомъ мудрости своей возвыситься до Бога,

нія; она ложна потому, что безпрестанно враждуетъ съ нѣжнѣйшими обязанностями семейственными, которыя основаны на любви, на благоволеніи. Пусть будетъ она лучшая изъ древнѣйшихъ системъ: ибо внушаетъ человѣку твердость, мужество, постоянство, безъ которыхъ нѣтъ добродѣтели; ибо она указуетъ смертному высокую цѣль и Бога на концѣ поприща жизни, проведенной въ правдѣ, въ трудахъ, въ отрицаніи самого себя; но сердцу — она ничего не сказываетъ. Всѣ моральныя истины должны менѣе или болѣе къ нему относиться, какъ радіусы къ своему центру; ибо сердце есть источникъ страстей, пружина моральнаго движенія. Умъ долженъ имъ управлять; но и самый умъ (у людей счастливо рожденныхъ) любитъ давать ему отчетъ, и сей отчетъ ума сердцу есть то, что мы осмѣлимся назвать лучшимъ и нѣжнѣйшимъ цвѣтомъ совѣсти. Есть другой родъ моралистовъ: они принадлежатъ къ школѣ Эпикуровой — новѣйшіе тѣ, которые не руководствовались истинами откровенія и повторяли только сказанія древнихъ (*). Французскіе писатели осьмагонадесять вѣка большею частію расположили мораль свою по ученію сего мудреца; они желали распространить ея

который есть верховное благо.» Мы приглашаемъ прочитать опроверженіе Монтаня системы Эпиктетовой, и Паскалево опроверженіе Монтаня и Эпиктета. Христіанскій мудрецъ сравниваетъ обѣ системы; заставляетъ бороться Монтаня съ Эпиктетомъ, и обоихъ поражаетъ необоримыми доводами.

(*) Во всемъ, говоритъ Монтань (если не ошибаюсь), мы влечемся по слѣдамъ древнихъ, какъ малыя дѣти за школьнымъ учителемъ на гуляньѣ. Въ недавнемъ времени въ Германіи воскресили всю мечтательную философію Платона подъ другимъ именемъ.

вліяніе на всѣ состоянія, на всѣ случаи жизни, могущіе постигнуть человѣка въ обществѣ. Система Эпикурова заключается въ слѣдующемъ предложеніи: «Человѣкъ не можетъ возвыситься до существа верховнаго; его наклонности безпрестанно противорѣчатъ закону; онъ влечется невольно къ видимымъ благамъ и ищетъ въ нихъ благополучія — даже въ вещахъ самыхъ гнуснѣйшихъ. И такъ, все невѣрно: истинное благо подлежитъ сомнѣнію, и это ведетъ насъ къ познанію, что не можно имѣть постояннаго правила для нравовъ, ни точности въ наукахъ.» Монтань, великій защитникъ сего, представляетъ намъ Стоическую добродѣтель въ видѣ ужаснаго пугалища, а свою науку называетъ игривою, чистосердечною, простою и проч. Слѣдуя тому, что ей нравится, говоритъ онъ, играетъ она небрежно съ дурными и счастливыми случайностями жизни, покоится сладостно на лонѣ праздности, откуда показываетъ людямъ путь къ истинному на землѣ благополучію. Невѣдѣніе и нелюбопытство, восклицаетъ онъ, — вотъ два мягкія изголовья для головы счастливо образованной.

Убѣжденная въ сей истинѣ толпа философовъ Эпикурейцевъ, отъ Монтаня до самыхъ бурныхъ дней революціи, повторяла человѣку: наслаждайся! Вся природа твоя; она предлагаетъ тебѣ всѣ сладости свои, всѣ упоенія уму, сердцу, воображенію, чувствамъ; все, кромѣ надежды будущаго, все твое, — минутное, но вѣрное. Но гдѣ же сіи сладости, сіи наслажденія безпрерывныя, сіи дни безоблачные, сіи часы и минуты, сотканные усердною паркою изъ нѣжнѣйшаго шелка, изъ злата и розъ удовольствія? гдѣ они, спрашиваетъ сластолюбивый въ тинѣ страстей своихъ. Гдѣ и что такое эти наслажденія, убѣгающія, обманчивыя, непостоянныя, отравленныя слабостію души и тѣла, помраченныя воспоминані-

емъ, или грустнымъ предвидѣніемъ будущаго? Къ чему ведутъ эти суетныя познанія ума, науки и опытность, трудомъ пріобрѣтенныя? Нѣтъ отвѣта, и не можетъ быть!

Заглянемъ въ самое сердце человѣка просвѣщеннаго и счастливаго по понятіямъ міра. Напримѣръ: кто былъ просвѣщеннѣе и счастливѣе Горація, и кто страдалъ подобно ему? Природа лелѣяла его, какъ любимое дитя свое. Мы знаемъ его жизнь. Судьба, испытавшая его въ юности, осыпала всѣми дарами и славы и богатства въ зрѣлыя лѣта. Дружество Августа и Мецената, наслажденія роскошнаго Двора, общее уваженіе къ великому таланту, здоровье неизмѣняющее, друзья любезные сердцу и уму и въ вѣрности подобные благосклонной фортунѣ, готовые увѣнчать миртами любимца Монархова и Музъ, — и что всего лучше, мудрость удовлетворительная для всѣхъ случайностей счастія, мудрость, которая открыла золотую средину во всѣхъ вещахъ, истинный философскій камень: чего бы не доставало? Но счастливецъ, при всѣхъ дарахъ фортуны, при всей философіи, скучалъ; ибо сердце человѣческое имѣетъ нѣкоторый избытокъ чувствъ, который не рѣдко бываетъ источникомъ живѣйшихъ терзаній. Наслажденіе насъ съѣдаетъ, говоритъ Монтань; сердце скоро пресыщается. «Юноша, наливающій Фалернское, дай горькаго!» восклицаетъ Катуллъ, увѣнчанный розами, пресыщенный на пиршествѣ.

Такъ создано сердце человѣческое, и не безъ причины: въ самомъ высочайшемъ блаженствѣ, у источника наслажденій оно обрѣтаетъ горечь. И это испыталъ Горацій. Нигдѣ не могъ онъ найти спокойствія, ни въ влажномъ Тибурѣ, ни въ цвѣтущемъ убѣжищѣ Мецената, ни въ градѣ, ни въ самыхъ наслажденіяхъ ума и той философіи, которую украсилъ онъ неувядаемыми цвѣтами своего воображенія; ибо

если науки и поэзія услаждаютъ нѣсколько часовъ въ жизни, то не оставляютъ ли онѣ въ душѣ какой-то пустоты, которая охлаждаетъ насъ къ видимымъ предметамъ и набрасываетъ на природу и общество печальную тѣнь? (*)

Гдѣ же истинное блаженство? увидимъ далѣе. Мы испытали, что Эпикурейцы не обрѣли его за чашею наслажденія, ни Стоики въ безстрастіи и въ непреклонной суровости нравовъ (ибо человѣкъ созданъ любить). Ни кто не нашелъ блаженства: ни умный, ни сильный, ни богатый въ чертогахъ, ни бѣдный въ хижинѣ своей; ибо и тотъ, кто блистаетъ въ пурпурѣ, и тотъ, кто таилъ всю жизнь свою въ убогомъ шалашѣ, говоритъ Горацій, не могутъ назваться счастливыми.

Гдѣ совершенное благополучіе, котораго требуетъ сердце, какъ тѣло пищи? Оно нигдѣ не находится вполнѣ, отвѣчаетъ опытность всѣхъ временъ и всѣхъ народовъ. «Человѣкъ есть странникъ на земли, говоритъ святый мужъ: чужды ему грады, чужды веси, чужды нивы и дубравы: гробъ его жилище во

(*) «Въ Египтѣ я зналъ жреца, который, истощивъ всю «жизнь свою на познаніе начала и конца вещей міра «сего, сказалъ мнѣ съ глубокимъ вздохомъ: горе тому, «кто захочетъ снять покрывало съ лица природы! горе «тому, для кого уже не существуетъ то очарованіе, «которое предразсудки и нужды навели на предметы «міра! Вскорѣ душа его, поблеклая и томная, въ самой «жизни найдетъ ничтожество, ужаснѣйшее изъ всѣхъ «наказаній.... При сихъ словахъ слезы навернулись на «его глазахъ, и онъ сокрылся въ густотѣ лѣса.» Путешествіе младшаго Анахарсиса.

Это тягостное состояніе души не рѣдко бываетъ извѣстно людямъ добрымъ и образованнымъ. Что избавитъ ихъ отъ сего мученія? Религія.

вѣкъ. » Вотъ почему всѣ системы и древнихъ и новѣйшихъ недостаточны! Онѣ ведутъ человѣка къ блаженству наемнымъ путемъ, и никогда не доводятъ. Систематики забываютъ, что человѣкъ, сей царь, лишенный вѣнца, брошенъ сюда не для счастія минутнаго; они забываютъ о его высокомъ назначеніи, о которомъ вѣра, одна святая вѣра ему напоминаетъ. Она подаетъ ему руку въ самыхъ пропастяхъ, изрытыхъ страстями или непріязненнымъ рокомъ; она изводитъ его невредимо изъ треволненій жизни, и никогда не обманываетъ: ибо она переноситъ въ вѣчность всѣ надежды и все блаженство человѣка. Лучшіе изъ древнѣйшихъ писателей приблизились къ симъ вѣчнымъ истинамъ, которыя святое откровеніе явило намъ въ полномъ сіяніи.

И горе тому, кто отвращаетъ взоры свои! собственное сердце его накажетъ: чѣмъ оно чувствительнѣе, чѣмъ благороднѣе, тѣмъ болѣе и сильнѣе будутъ его терзанія; ибо ни дары счастія, ни блескъ славы, ни любовь, ни дружество, ни что не удовлетворитъ его вполнѣ. Въ новѣйшія времена Руссо, одаренный великимъ геніемъ, тому явный и краснорѣчивый примѣръ. Онъ нигдѣ не обрѣталъ благополучія; ибо всю жизнь искалъ его не тамъ, гдѣ надлежало. Слава учинилась ему бременемъ, люди и общество ненавистными: ибо онъ оскорблялъ ихъ неограниченною гордостію. Любовь земная не могла насытить его жаднаго сердца; самая дружба его терзала. Оскорбленный, растерзанный всѣми страстями, онъ покидалъ общество, требовалъ счастія въ объятіяхъ природы, вопрошалъ безмолвные лѣса, скитался при шумѣ клубящихся водопадовъ въ часы румянаго утра и прохладнаго вечера, но не могъ успокоить своего сердца. Въ обществѣ напрасно облекается онъ въ мантію Стоиковъ; напрасно подражаетъ имъ въ твердости; собственное сердце ему измѣняетъ. Одна Ре-

лигія могла утѣшить и успокоить страдальца; онъ зналъ, онъ чувствовалъ эту истину, и, жертва неизлечимой гордости, отклонялъ безпрестанно главу свою отъ легкаго и спасительнаго ярма. Краснорѣчивый защитникъ истины (когда истина не противорѣчила его страстямъ), пламенный обожатель и жрецъ добродѣтели посреди величайшихъ заблужденій своихъ, какъ часто измѣнялъ онъ и добродѣтели и истинѣ! Кто соорудилъ имъ олтари, и кто оскорбилъ ихъ болѣе въ теченіе жизни своей и дѣломъ и словомъ? Кто заблуждался болѣе въ лабиринтѣ жизни, неся свѣтильникъ мудрости человѣческой въ рукѣ своей? Ибо свѣтильникъ сей недостаточенъ; одинъ лучъ вѣры, слабый лучъ, но постоянный, показываетъ намъ вѣрнѣе путь къ истинной цѣли, нежели полное сіяніе ума и воображенія.

Покланяться добродѣтели и измѣнять ей, быть почитателемъ истины и не обрѣтать ея, — вотъ плачевный удѣлъ нравственности, которая не опирается на якорь вѣры. Одно заблужденіе раждаетъ другое. Руссо началъ софизмами, кончилъ ужасною книгою; онъ пожелалъ оправдаться передъ людьми, какъ передъ Богомъ, со всею искренностію человѣка глубоко разтроганнаго, но гордаго въ самомъ униженіи, тогда, когда надлежало исповѣдывать тайны единому верховному Существу, не съ гордостію мудреца, который укоряетъ природу въ своихъ слабостяхъ, но съ смиреніемъ христіанина. Одинъ Богъ можетъ требовать отъ насъ подобной исповѣди; люди недостойны оной. И что же? Оправдывая себя, онъ оскорбилъ и дружество, и родство, и все, что человѣчество имѣетъ священнаго, завѣтнаго для души благородной, — онъ оскорбилъ тѣни своихъ друзей, давно забытыхъ согражданами, оскорбилъ ихъ самымъ несправедливымъ приговоромъ по невѣдѣнію, ибо истина на земли одному Богу извѣстна. Кто требовалъ у

него сихъ признаній, сей страшной повѣсти цѣлой жизни? Не люди, а гордость его. Какое право имѣлъ онъ повѣдать міру о слабостяхъ человѣка, котораго дружество, столь нѣжное, столь безкорыстное, усладило юность и успокоило тревожимое сердце мечтателя? Такъ! человѣкъ, рожденный для добродѣтели, учинилъ страшное преступленіе, неслыханное доселѣ, и это преступленіе родила мудрость человѣческая.... Десятилѣтній отрокъ, который помнитъ свой катихизисъ, можетъ уличить его въ этомъ преступленіи. Боже великій! Что же такое умъ человѣческій въ полной силѣ, въ совершенномъ сіяніи, исполненный опытности и науки? Что такое всѣ наши познанія, опытность и самыя правила нравственности безъ вѣры, безъ сего путеводителя и зоркаго, и строгаго, и снисходительнаго?

Вѣра и нравственность, на ней основанная, всего нужнѣе писателю. Закаленныя въ ея свѣтильникѣ мысли его становятся постояннѣе, важнѣе,—краснорѣчіе убѣдительнѣе; воображеніе при свѣтѣ ея не заблуждается въ лабиринтѣ созданія; любовь и нѣжное благоволеніе къ человѣчеству дадутъ прелесть его малѣйшему выраженію, и писатель поддержитъ достоинство человѣка на высочайшей степени. Какое бы поприще онъ ни протекалъ съ своею Музою, онъ не унизитъ ея, не оскорбитъ ея стыдливости, и въ памяти людей оставитъ пріятныя воспоминанія, благословенія, и слезы благодарности лучшая награда таланту!

Невѣріе само себя разрушаетъ, говоритъ краснорѣчивый Квинтиліанъ нашихъ временъ, который зналъ всю слабость гордыхъ вольнодумцевъ, ибо онъ всю молодость свою провелъ въ станѣ непріятельскомъ. Одна вѣра созидаетъ мораль незыблемую. Священное писаніе, продолжаетъ онъ, есть хранилище всѣхъ истинъ и разрѣшаетъ всѣ затрудненія.

Вѣра имѣетъ ключъ отъ сего хранилища, замкнутаго для коварнаго любопытства; вѣра обрѣтаетъ въ немъ свѣтъ спасительный. Невѣріе приноситъ въ него собственные мраки, которые бываютъ тѣмъ густѣе, чѣмъ они произвольнѣе. Чтобъ быть выше другихъ людей, оно становится на высоты, окруженныя пропастями. Оттуда взоръ его, смутный и блуждающій, смѣшиваетъ всѣ предметы. Невѣріе мыслитъ обладать орлинымъ окомъ, и ничего не различаетъ. Не случалось ли вамъ путешествовать при первыхъ лучахъ денницы путемъ, проложеннымъ по высокимъ горамъ, когда пары, отъ земли восходящіе, простираютъ со всѣхъ сторонъ туманную завѣсу, скрывающую горизонтъ, гдѣ изображается множество мечтательныхъ предметовъ, отъ смѣшенія свѣта со тьмою происходящихъ? По мѣрѣ того, какъ вы сходите съ высотъ, сіе облако земное рѣдѣетъ, разсѣвается; вы проникаете чрезъ него, и находите на себѣ малые слѣды влаги, скоро изсыхающей. Тогда открывается и расширяется предъ вами необъемлемый горизонтъ: вы видите близлежащія горы, жатвы и стада ихъ покрывающія, селенія человѣческія и холмы надъ ними возвышенные; вся природа вамъ отдана снова: вотъ эмблема невѣрія и вѣры. Сойдите съ сихъ высотъ невѣрія, гдѣ вы ходите около пропастей неизмѣримыхъ, гдѣ взоръ вашъ встрѣчаетъ одни призраки, — сойдите, говорю вамъ: призванные и поддержанные смиренною вѣрою, идите прямо къ симъ облакамъ обманчивымъ, восходящимъ отъ земли (они скрываютъ отъ васъ истину и являютъ одни обманчивые образы); сойдите и пройдите сквозь сію ничтожную преграду паровъ и призраковъ: она уступитъ вамъ безъ сопротивленія; она исчезнетъ — и ваши взоры обрѣтутъ необъемлемую перспективу истинъ, всѣ утѣшенія сего земнаго жилища и горѣ лазурь небесную.

Но для насъ исчезли всѣ призраки мудрости человѣческой. Къ счастію нашему, мы живетъ въ такія времена, въ которыя невозможно колебаться человѣку мыслящему: стоитъ только взглянуть на происшествія міра, и потомъ углубиться въ собственное сердце, чтобы твердо убѣдиться во всѣхъ истинахъ вѣры. Весь запасъ остроумія, всѣ доводы ума, логики и учености книжной истощены передъ нами; мы видѣли зло, созданное надменными мудрецами, добра не видали. Счастливые обитатели общирнѣйшаго края, мы не участвовали въ заблужденіяхъ племенъ просвѣщенныхъ: мы издали взирали на громы и молніи невѣрія, раздробляющіе и тронъ царя и олтарь истиннаго Бога; мы взирали съ ужасомъ на плоды нечестиваго вольнодумства, на вольность, водрузившую свое знамя посреди окровавленныхъ труповъ, на человѣчество униженное и оскорбленное въ священнѣйшихъ правахъ своихъ; съ ужасомъ и съ горестію мы взирали на успѣхи нечестивыхъ легіоновъ, на Москву, дымящуюся въ развалинахъ своихъ; но мы не теряли надежды на Бога, и ѳиміамъ усердія курился не тщетно въ кадильницѣ вѣры, и слезы и моленія не тщетно проливались передъ небомъ: мы восторжествовали. Оборотъ единственный, безпримѣрный въ лѣтописяхъ міра! Легіоны непобѣдимыхъ затрепетали въ свою очередь. Копье и сабля, окропленныя святою водою на берегахъ тихаго Дона, засверкали въ обители нечестія, въ виду храмовъ разсудка, братства и вольности, безбожіемъ сооруженныхъ: и знамя Москвы, вѣры и чести водружено па мѣстѣ величайшаго преступленія противъ Бога и человѣчества.

Должно ли приводить на память послѣднія чудеса, новыя покушенія злобы и невѣрія, и сіяющее торжество невинности, человѣколюбія и Религіи?

Сколько уроковъ уму! Сердце въ нихъ нужды не имѣетъ.

Съ зарею наступающаго мира, котораго мы видимъ сладостное мерцаніе на горизонтѣ политическомъ, просвѣщеніе сдѣлаетъ новые шаги въ отечествѣ нашемъ: снова процвѣтутъ промышленость, искуства и науки, и всѣ сладостныя надежды сбудутся; у насъ, можетъ быть, родятся философы, политики и моралисты, и, подобно свѣтильникамъ Эдинбургскимъ, долгомъ поставятъ основать ученіе на истинахъ Евангелія, кроткихъ, постоянныхъ и незыблемыхъ, достойныхъ великаго народа, населяющаго страну необозримую, — достойныхъ великаго человѣка, имъ управляющаго!

Нѣтъ въ мірѣ царства такъ пространна,
Гдѣ бъ можно столь добра творить!

Батюшковъ.

IV. *О Русскихъ Романахъ.*

Что ни говори, а мы подвигаемся впередъ, я вижу это ясно и на моемъ термометрѣ: почта изъ Москвы въ Петербургъ, напримѣръ, ходитъ теперь шесть разъ въ недѣлю, вмѣсто двухъ; газетъ печатается гораздо большее количество экземпляровъ, нежели прежде; сидѣльцы и дворовые люди, приходящіе за ними по середамъ и субботамъ въ Университетскую книжную лавку, собираются кружками: и читаютъ ихъ на улицѣ прежде своихъ хозяевъ; самыя плохія учебныя книжки печатаютъ шестыми и десятыми изданіями; въ обществахъ нашихъ за-

водится иногда рѣчь, мимоходомъ, и о Литературѣ, и проч. и проч.

Вчера было блистательное собраніе у Графини О.... Предъ ужиномъ, когда молодые люди наплясались, пожилые наглядѣлись, а престарѣлые наигрались въ карты, всѣ собрались въ кружокъ около стола, за которымъ сидѣла хозяйка, и начался разговоръ общій. Сперва похвалены были, какъ водится, всѣ присутствовавшіе взаимно другъ другомъ, потомъ отпущено было нѣсколько насмѣшекъ и косвенныхъ замѣчаній на счетъ многихъ отсутствовавшихъ, и наконецъ старикъ У.... бросилъ камешекъ о Вальтерѣ-Скоттѣ и о вновь вышедшемъ Романѣ его — *Вудстокъ*. Тутъ полились, разумѣется, разногласныя сужденія объ этомъ писателѣ, который достался у насъ въ добычу всѣмъ — и профанамъ, и посвященнымъ: всякому хотѣлось намѣкнуть, что онъ читалъ — или Маннеринга, или Аббата, или Антикварія. «Какъ жаль, сказала Графиня О., что мы не можемъ имѣть Вальтеръ-Скотта!» — А почему же не можемъ, позвольте васъ спросить, сударыня? примолвилъ я, слушавшій дотолѣ въ молчаніи нашихъ Аристарховъ — «Причина ясная; у насъ нечего описывать: древніе Русскіе — варвары, а новые — подражатели. Нашъ характеръ не имѣетъ никакихъ отличительныхъ признаковъ; вездѣ утомительное однообразіе, такое же почти, какъ и на землѣ нашей, которая состоитъ изъ ровной степи.» — Вы позабыли о Кавказѣ, Крымѣ, Сибири. — «Они на краяхъ.» — Такъ согласитесь, по крайней мѣрѣ, что наша нищета отъ богатства. Вамъ кажется, что не стоитъ труда упоминать о краяхъ, между тѣмъ какъ эти края больше иной средины: нашъ Крымъ, нашъ Кавказъ.... — «Но въ Исторіи нашей нѣтъ Кавказа....» Я покажу вамъ Шимборазо, если только вы согласитесь смотрѣть на нее не въ уменьшительное

ваше стекло. — «Вы конечно хотите промѣнять мнѣ его на увеличительное?» — Нѣтъ, для Россіи не родился еще Гершель — но мы отклонились отъ Вальтеръ-Скотта. — «Да, да, скажите намъ, что можно описывать у насъ Вальтеръ-Скотту?» воскликнули вдругъ нѣсколько голосовъ, и всѣ гости оборотились ко мнѣ съ торжествующимъ видомъ, какъ бы предугадывая моё замѣшательство. Мнѣ должно было поднять перчатку, хотя очень не хотѣлось говорить.... Я окинулъ взорами моихъ строгихъ судей, и произнесъ имъ слѣдующую рѣчь:

Самое начало нашей Исторіи представляетъ богатую жатву писателю. Здѣсь можетъ онъ изобразить въ противоположности три народа — Норманновъ, Словенъ и Грековъ, изъ коихъ каждый стоялъ на своей ступени образованія, и рѣзко отличался своимъ характеромъ отъ другаго. Я обращу ваше вниманіе только на *нѣкоторыя* черты, дабы вы могли видѣть, какое могъ бы сдѣлать изъ нихъ употребленіе Романистъ. Сперва о Норманнахъ. Симъ мужественнымъ сынамъ сѣвера не жилось на родинѣ; какое-то безпокойство внутреннее выгоняло ихъ изъ сѣверныхъ пустынь Скандинавіи, и они, путеводимые звѣздами, знакомые съ вѣтрами, плавали по всѣмъ морямъ Европейскимъ, купечествовали, искали вездѣ войны и опасностей, грабили берега, и обремененные добычею, обогащенные познаніями, возвращались домой пировать и разсказывать своимъ соотечественникамъ о чудесахъ видѣнныхъ и совершенныхъ. Словене, напротивъ, смирные, покорные, любили жизнь осѣдлую и спокойную, и подвергались игу завоевателей почти безъ сопротивленія. «Кому даете вы дань?» спрашиваетъ Олегъ у Радимичей. Козарамъ. «Не давайте Козарамъ, а мнѣ давайте!» И они даютъ дань Олегу. Оскольдъ и Диръ, по дорогѣ, овладѣваютъ Кіевомъ; Влади-

міръ ниспровергаетъ въ Днѣпръ кумиръ Перуновъ предъ Кіевлянами и велитъ имъ креститься. «Выдыбай нашъ боже!» восклицаютъ они къ своему плывущему богу, а сами идутъ на Почайну. Наконецъ Греки, народъ образованный, но изнѣжившійся, ослабѣлый, развратный, съ пресыщенною душею и притупленными чувствами, дѣйствуетъ только хитростями и кознями. Не любопытно ли видѣть встрѣчу сихъ народовъ, впечатлѣнія взаимно однимъ надъ другимъ произведенныя,— Нормандскую лодку, Словенскую хижину и великолѣпные чертоги Цареградскіе, и проч. и проч.? Вотъ полотно, по которому Романистъ можетъ вышивать всякими узорами, и сколько историческихъ узоровъ у него подъ рукою! — водвореніе Норманновъ въ землѣ Новгородской, бунтъ Вадима, дерзкій походъ Оскольда и Дира подъ Константинополь, ужасъ Грековъ, буря и принятіе устрашенными Варягами христіанской вѣры, чудесные походы Олеговы, бракъ Ольги, отмщеніе Древлянамъ за смерть Игореву, путешествіе ея въ Царьградъ, торжественное принятіе Императоромъ, крещеніе, походы браннոноснаго Святослава на Турецкіе народы, нападеніе Печенѣговъ, междоусобныя войны сыновей его, гибель Полоцка, невѣста Ярополкова Рогнѣда за Владиміромъ—убійцею ея родителя и жениха, ея ревность и неудачное мщеніе, проповѣдники христіанской вѣры въ Кіевѣ, посланники по странамъ Европейскимъ для наблюденія религій, походъ подъ Корсунь, крещеніе, дворъ Ярославовъ — убѣжище несчастныхъ Государей, связь сего Князя съ Европейскими Государствами, браки дочерей его, монастыри съ своими первыми благочестивыми иноками. Впрочемъ Романы, коихъ содержаніе взято изъ сего періода, должны быть облечены въ одежду *пиитическую:* мы не можемъ принимать обыкновеннаго романическаго участія въ лицахъ Свѣнельдовъ, Рог-

щѣдъ, Владиміровъ, — они слишкомъ далеки отъ насъ, и дѣйствія ихъ слишкомъ не похожи на наши; но со времени Ярослава, и еще болѣе со времени Монголовъ, страсти и вообще отношенія Русскихъ между собою опредѣляются, и жизнь принимаетъ форму болѣе *прозаическую*. Здѣсь приходятъ въ соприкосновеніе съ Русскими еще четыре народа — различные: Нѣмцы поселяются на сѣверѣ въ Ригѣ, Италіянцы на югѣ въ Крыму, дикіе Литовцы нападаютъ на Россію съ запада и Монголы съ юговостока. Какое обширное поле открывается Русскому Романисту! Онъ можетъ вывести на сцену весь востокъ со всѣми блестящими его картинами, и сихъ грозныхъ завоевателей, кои изъ ущелій Азіятскихъ являлись періодически въ Европѣ для обновленія вырождавшихся ея жителей; онъ можетъ представить Италію, въ которой начала заниматься тогда заря просвѣщенія, — даже Крестовые походы могутъ войти эпизодически въ его описанія. Въ Россіи же вотъ что преимущественно должно привлечь на себя его вниманіе: шумныя вѣчи въ Новгородѣ; междоусобія граждaнъ въ стѣнахъ и единодушіе за стѣнами въ войнѣ противъ враговъ святой Софіи; отношеніе Новгородцевъ къ Князьямъ своимъ, коихъ они и призывали и выгоняли по своей волѣ; гордость ихъ въ сравненіи съ униженіемъ другихъ Россіянъ, преклонявшихъ выю свою предъ Ханами; походы вольницы Новгородской на Пермь и Вятку; торговля съ Ганзою; первое упражненіе нашего ума политическаго въ проискахъ при Золотой Ордѣ; жизнь Монголовъ, ихъ увеселенія, и проч. Одно семейство Михаила Тверскаго представляетъ рядъ происшествій наизанимательнѣйшихъ: отецъ гибнетъ невинною жертвою своего властолюбиваго племянника и враждебныхъ обстоятельствъ, сынъ не можетъ снести вида злодѣя, предъ глазами Хана лишаетъ его жизни и погибаетъ самъ; другой сынъ

разбиваетъ Татаръ, нападшихъ на область его, и послѣ многихъ приключеній, для спасенія отечества, предаетъ себя во власть Ханскую; получаетъ прощеніе и принимаетъ Княженіе изъ рукъ третьяго брата, который добровольно уступаетъ ему оное. Не забудемъ и о сынѣ Андрея Боголюбскаго — Георгіѣ, который царствовалъ въ Грузіи, — о жизни Александра Невскаго. Характеры Іоанна Великаго, Грознаго, Годунова, Лжедимитрія, Шуйскаго, Софіи, Петра можно вывести на сцену едва ли не съ такимъ же успѣхомъ, съ какимъ Вальтеръ-Скотъ вывелъ Елисавету (въ Кенильвортѣ), Марію Стуартъ (въ Аббатѣ), Кромвеля (въ Вудстокѣ), Іакова (въ Нинджелѣ), Каролину (въ Эдинбургской темницѣ). И въ какихъ происшествіяхъ являются сіи лица! При Іоаннѣ Великомъ: уничтоженіе прежняго феодальнаго правленія, принятіе удѣльныхъ Князей ко двору Великаго Князя, сверженіе Монгольскаго ига, политическая связь съ славнымъ Крымскимъ Менгли-Гиреемъ, переговоры съ Польшею и Литвою, покореніе республиканскаго Новгорода. При Іоаннѣ Грозномъ: угнетеніе бояръ, опричники, покореніе Казани, Астрахани, связь съ Англіею, жизнь Ермака, войны — Ливонская, Польская. При Годуновѣ происки Князей Рюрикова племени. При Лже-Димитріѣ, Поляки въ Россіи. При Царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ: присоединеніе Малороссійскихъ Казаковъ къ Россіи, народные бунты, и проч. и проч. При Петрѣ Великомъ: иностранцы въ Россіи, борьба невѣжества съ просвѣщеніемъ, Стрѣльцы, путешествіе, заговоры Софіи, и проч. и проч.

Вотъ нѣкоторыя *общія* происшествія, въ которыхъ Россійскій Романистъ можетъ заставить свои лица принимать участіе. Творить же сіи лица, представлять ихъ отношенія между собою, изображать ихъ страсти, изобрѣтать частныя происшествія — есть уже, разумѣется, его личное дѣло.

Теперь скажу нѣсколько словъ о другихъ выгодахъ Русскаго Романиста. Въ Россіи есть всѣ религіи, начиная отъ язычника — отъ сѣвернаго звѣролова, который надѣется на томъ свѣтѣ имѣть самую обильную оленью ловлю, — до мудреца, постигающаго Христіанскую вѣру во всемъ ея высокомъ величіи. Наши раскольники, скажу мимоходомъ, представляютъ черты, которыхъ не имѣютъ и Пуритане Шотландскіе.

Далѣе: въ Россіи видимъ мы всѣ степени образованія. Сколько, напримѣръ, ведется еще въ нашихъ провинціяхъ г-жъ Простаковыхъ, кои каждое воскресенье ѣздятъ къ ранней обѣднѣ, по средамъ и пятницамъ пьютъ чай съ липовымъ медомъ, и между тѣмъ не пропускаютъ ни одного дня безъ того, чтобъ не раздѣлываться по-свойски съ своими сухощавыми челядинцами! Сколько есть у насъ Тарасовъ Скотининыхъ, кои за всѣ свои протори и убытки, начиная отъ тысячи, заплаченной за борзую собаку, до тысячи, проигранной на бубновую двойку, доправляютъ съ бѣдныхъ крестьянъ своихъ и холопей — и мытьемъ и катаньемъ! Сколько, ахъ! сколько есть у насъ Митрофанушекъ — и городскихъ, и сельскихъ, кои подъ руководствомъ разныхъ Вральмановъ готовятся служить отечеству, и научившись шаркать, прыгать и болтать по-французски, — затвердивъ сотни каламбуровъ и плоскихъ остротъ, являются на паркетѣ большаго свѣта, и кружатся на ономъ безъ цѣли и безъ плана! Сколько есть у насъ напыщенныхъ магнатовъ, кои гнилые свои пергаменты ставятъ выше всего на свѣтѣ, выше всякаго ума, выше всякихъ познаній!

Какое различіе у насъ въ званіяхъ! У каждаго есть свой языкъ, свой духъ, своя одежда, даже своя походка, свой почеркъ. Однимъ языкомъ говорятъ у насъ священникъ, другимъ купецъ, третьимъ помѣ-

щикъ, четвертымъ крестьянинъ. Какъ легко различить на улицѣ по походкѣ сидѣльца, одѣтаго по-нѣмецки, но руками мѣряющаго ленты, — или философа-семинариста, въ неразрѣзномъ долгополомъ сюртукѣ, съ косичкою, подправленною подъ шейный платокъ, — который идетъ учебнымъ шагомъ и шопотомъ напѣваетъ важныя кантаты! или молодаго подьячаго, въ фуражкѣ на бекрень, съ тросточкой въ рукѣ, съ отвагой на глазахъ!

У насъ есть мало частныхъ странностей, это правда, ибо мало еще техническихъ идей въ оборотѣ; но есть характеры, достойные кисти Скоттовой, — напримѣръ: наши сутяги (хотя и не похожіе на г. Сельдтри въ Эдинбургской темницѣ), которые дышутъ апелляціями, исками и взысками; наши хлѣбосолы, у которыхъ всякой день — что въ печи, то и на столъ мечи; наши охотники до пѣнія, которые съ такимъ же участіемъ говорятъ о какомъ нибудь новомъ напѣвѣ, какъ г. Ольдбукъ говаривалъ о вновь найденной медали; наши закоснѣлые невѣжды, которые ненавидятъ просвѣщеніе, и готовы гнать съ остервенѣніемъ всякаго, кто осмѣливается любить оное.

Наконецъ мы имѣемъ много обычаевъ, коихъ искусственное описаніе можетъ произвести великое дѣйствіе, — напримѣръ: веденіе къ присягѣ, сговоры, дѣвичники, соколиная и псовая охота, кулачные бои, и проч.

У насъ есть всѣ климаты: здѣсь Лапландецъ ѣстъ мерзлую рыбу, которая таетъ у него въ желудкѣ; тамъ Крымскій Татаринъ, томимый зноемъ, съ трубкою въ рукахъ, сидитъ цѣлый день надъ рѣкою, опустивъ въ нее свои ноги. Здѣсь едва ведется мохъ, выгребаемый сѣвернымъ оленемъ изъ-подъ снѣгу; тамъ виноградъ роскошно зрѣетъ на полуденномъ солнцѣ.

У насъ есть всѣ мѣстоположенія — и Шотландіи, и Швейцаріи, и Италіи, у насъ.... — «Ну такъ что жъ вы не пишете!» воскликнули нѣкоторые изъ моихъ слушателей, выведенные изъ терпѣнія длинною моею рѣчью, которой и конца не видно было. Милостивые Государи! — отвѣчалъ я имъ смиренно, — неужели вы думаете, что тотъ, кто можетъ обжигать кирпичи, можетъ и выстроить Римскую церковь св. Петра? неужели.... но тутъ толстый дворецкій, съ салфеткою въ рукѣ, громкимъ голосомъ воскликнулъ, обращаясь къ хозяйкѣ: *кушанье поставлено*, — и всѣ гости, возбужденные сими душистыми словами, съ удовольствіемъ на лицахъ, встали съ мѣстъ своихъ и потянулись за нею парами, позабывъ и Вальтеръ-Скотта, и его Романы, и Русскую Исторію, и все на свѣтѣ.

Погодинъ.

V. *О Партизанской войнѣ.*

Односторонній взглядъ на предметъ или сужденіе о немъ съ мнимою предусмотрительностію, есть причина того понятія о Партизанской войнѣ, которое не престаетъ еще господствовать. *Схватить языка*, предать пламени нѣсколько непріятельскихъ хранилищъ, не далеко отстоящихъ отъ арміи, сорвать внезапно передовую стражу, — или въ умноженіи партій видѣть пагубную систему раздробительнаго дѣйствія арміи, суть обыкновенныя сей войны опредѣленія. И то и другое ложно. Партизанская война состоитъ ни въ весьма дробныхъ, ни въ первостепенныхъ предпріятіяхъ: ибо занимается не сожженіемъ одного или

двухъ анбаровъ, не сорваніемъ пикетовъ, — и не нанесеніемъ прямыхъ ударовъ главнымъ силамъ непріятеля. *Она объемлетъ и пересѣкаетъ все протяженіе путей, отъ тыла противной арміи до того пространства земли, которое опредѣлено на снабженіе ея войсками, пропитаніемъ и зарядами; чрезъ что, заграждая теченіе источника ея силъ и существованія, она подвергаетъ ее ударамъ своей арміи обезсиленною, голодною, обезоруженною и лишенною спасительныхъ узъ подчиненности.* Вотъ Партизанская война въ полномъ смыслѣ слова!

Безъ сомнѣнія, такого рода война была бы менѣе полезна, если бъ воевали однѣми малосильными арміями, не требующими большаго количества съѣстныхъ потребностей, и дѣйствующими однимъ холоднымъ оружіемъ. Но съ тѣхъ поръ, какъ изобрѣтены порохъ и огнестрѣльное оружіе, съ тѣхъ поръ, какъ умножили огромность военныхъ силъ, и наконецъ съ тѣхъ поръ, какъ склонились болѣе къ системѣ сосредоточенія, чѣмъ раздробленія войскъ при размѣщеніи и направленіи ихъ въ походахъ и въ дѣйствіи, — съ тѣхъ поръ и пропитаніе ихъ, извлекаемое изъ того пространства земли, которое они собою покрываютъ, должно было встрѣтить невозможности, а производство зарядовъ въ лабораторіяхъ, обученіе рекрутъ и образованіе резервовъ—необоримыя затрудненія среди тревогъ, битвъ и военныхъ случайностей.

При таковыхъ обстоятельствахъ надлежало искать средства къ снабженію войскъ всѣми для войны необходимыми потребностями не чрезъ извлеченія ихъ изъ пространства земли, войсками покрываемаго, что отъ несоразмѣрности потребителей съ произведеніями было бы невозможно, а изъ предѣловъ, находящихся внѣ боевыхъ происшествій. Отъ сего произошло раздѣленіе театра войны на два поля: на *боевое поле* и на *поле запасовъ* и снабженіе перваго

произведеніями втораго—но не вдругъ и не великими громадами, а по мѣрѣ израсходованія съѣстныхъ и боевыхъ предметовъ, возимыхъ при арміи, дабы не обременять ее излишними тяжестями—и чрезъ то не оковывать ея движеній. Но само собою разумѣется, что изобрѣтеніе это долженствовало произвести и со стороны противника изобрѣтеніе къ прегражденію снабженія непріятельской арміи предмстами, столь для нея необходимыми.

Для достиженія этой цѣли два способа представились при первомъ взглядѣ: или дѣйствіе отрядами на *боевое поле* непосредственно въ тылъ фронта арміи, гдѣ производится раздача привозимыхъ зарядовъ и провіянта и размѣщеніе прибывшихъ войскъ изъ резервовъ, или дѣйствіе оными же отрядами на самое *поле запасовъ*.

Но тутъ же удостовѣрились, что первое съ трудомъ прикосновенно отъ смежности самой непріятельской арміи съ мѣстомъ, назначеннымъ для нападенія, а послѣднее обыкновенно ограждаемо укрѣпленіями, въ срединѣ коихъ заключаются склады продовольствія, приготовляются заряды и производится образованіе резервовъ. Осталось то пространство, по которому всѣ сіи три предмета доставляются въ армію: вотъ *поле Партизанскаго дѣйствія!* Оно не представляетъ тѣхъ препятствій, которыми изобилуетъ и *боевое поле* и *поле запасовъ*: ибо какъ главныя силы арміи, такъ и укрѣпленія, находясь на оконечностяхъ онаго, не въ состояніи защищать его — первыя отъ стремленія всѣхъ усилій на борьбу съ противоположной имъ главной арміей, послѣднія по причинѣ естественной неподвижности своей.

Изъ сего слѣдуетъ, что Партизанская война существовать не можетъ, когда непріятельская армія расположена на самомъ *полѣ запасовъ*; но чѣмъ болѣе она удаляется отъ онаго, и слѣдственно, чѣмъ

болѣе увеличивается пространство, отдѣляющее *боевое поле* отъ *поля запасовъ*, тѣмъ Партизанская война полезнѣе и рѣшительнѣе.

Правда, что осторожные полководцы не минуютъ опредѣлять по всему протяженію главнаго пути, разсѣкающему означенное пространство, и укрѣпленные *этапы*, или *пріюты*, для защиты подвозовъ во время ихъ приваловъ и ночлеговъ, и отряды войскъ, для прикрытія сихъ подвозовъ во время переходовъ ихъ отъ этапы до этапы: мѣры благоразумныя, но далеко уступающія и долженствующія уступить нападенію многочисленныхъ и дѣятельныхъ партій, какъ всякое оборонительное дѣйствіе уступаетъ наступательному. Къ тому же, надо прибавить и то, что эти укрѣпленныя этапы, сколько ни были бы обширны, никакъ не въ состояніи вмѣщать въ себѣ то количество подводъ, которое составляетъ и самый слабый подвозъ армій нашего времени; прикрытіе, сколько ни было бы многолюдно, никогда совокупно итти не можетъ по той причинѣ, что охраняя все протяженіе подвоза, оно принуждено растягиваться по мѣрѣ протяженія онаго во время переходовъ, и по тому всегда быть слабѣе на точкѣ натиска партіи, совокупно дѣйствующей. Независимо отъ этихъ неудобствъ, сколько надо боевой силы для снабженія ею сихъ укрѣпленныхъ этапъ, болѣе и болѣе умножающихся по мѣрѣ движенія впередъ, по мѣрѣ успѣховъ, увлекающихъ наступающую армію далѣе и далѣе отъ *поля запасовъ!*

Теперь, чтобы окончательно выразить всю важность Партизанской войны при огромныхъ ополченіяхъ и системѣ сосредоточенія въ дѣйствіяхъ нашего времени, сдѣлаемъ нѣсколько вопросовъ и отвѣтовъ:

1) Кѣмъ производится война?

Людьми, соединенными въ арміи.

2) Но люди, такъ сказать, съ пустыми руками могутъ ли сражаться?

Нѣтъ. Война не кулачный бой. Этимъ людямъ нужно оружіе; но со времени изобрѣтенія пороха, и оружіе само собою недостаточно: этому оружію нужны и патроны и заряды для произведенія дѣйствія, отъ него требуемаго; а такъ какъ патроны и заряды болѣе или менѣе выстрѣливаются въ каждой битвѣ и дѣланіе ихъ затруднительно при движеніяхъ и дѣйствіи войскъ, то необходимо нужно снабжать оружія новыми зарядами и патронами съ того мѣста, гдѣ они приготовляются. Это ясно доказываетъ, что армія, и съ оружіемъ въ рукахъ, но безъ патроновъ и зарядовъ, не что иное, какъ устроенная толпа людей съ рогатинами, толпа, которая отъ перваго непріятельскаго выстрѣла должна разсѣяться, или, принявъ битву, погибнуть. Словомъ, нѣтъ силы въ арміи, или, можно сказать, что со времени изобрѣтенія пороха — нѣтъ арміи безъ зарядовъ и патроновъ.

3) Требуетъ ли армія подкрѣпленія въ теченіе войны?

Требуетъ, по мѣрѣ потери людей и лошадей въ сраженіяхъ, въ стычкахъ и перестрѣлкахъ, также и отъ ранъ, получаемыхъ ими въ битвахъ, также и отъ болѣзней, умножающихся отъ усиленныхъ переходовъ, ненастья, трудовъ и недостатковъ всякаго рода. Безъ укомплектованія себя, арміи должны мало по малу уменьшаться, и потомъ исчезнуть совершенно. — Наконецъ

4) Нечего спрашивать, нужна ли пища солдату: ибо человѣкъ безъ пищи не только сражаться, но и жить не можетъ; а такъ какъ доказано, что по многолюдству своему, арміи нашего времени не въ состояніи довольствоваться произведеніями того пространства земли, которое онѣ собою покрываютъ, то имъ необходимы подвозы съ пищею, безъ которыхъ онѣ

должны или умереть съ голоду, или, разсѣясь для отысканія пропитанія за кругъ боевыхъ происшествій, превратиться въ развратную толпу бродягъ и грабителей, и погибнуть по частямъ, безъ защиты и славы.

Итакъ, чтобы лишить непріятеля сихъ трехъ, можно сказать, коренныхъ стихій жизненной и боевой силы всякой арміи, какое для сего избрать средство? Нѣтъ другаго, какъ истребленіе ихъ во время ихъ перемѣщенія съ *поля запасовъ* на *боевое поле*, слѣдственно, средствомъ Партизанской войны. Что предприметъ непріятель безъ пищи, безъ зарядовъ и безъ укомплектованія себя войсками? Онъ принужденъ будетъ или прекратить дѣйствіе миромъ, или плѣномъ, или разсѣяніемъ, безъ надежды на соединеніе — три послѣдствія, весьма неутѣшительныя и совершенно противоположныя тѣмъ, которыя стяжаетъ всякая армія при открытіи военныхъ дѣйствій. Независимо отъ гибели, которою угрожаетъ Партизанская война симъ тремъ кореннымъ стихіямъ силы и существованія всякой арміи, есть второстепенныя необходимости, тѣсно связанныя съ благосостояніемъ ея, и не менѣе подвозовъ съ пищею и съ зарядами, не менѣе доставленія къ ней резервовъ подвергающіяся опасности: подвозы съ одеждою, съ обувью и съ оружіемъ на смѣну испорченному отъ чрезмѣрнаго употребленія или потерянному въ сумятицахъ сраженій; хирургическія и госпитальныя вещи; курьеры и адъютанты, возящіе иногда весьма важныя повелѣнія изъ непріятельской главной квартиры къ оставшимся позади областямъ, резервамъ, заведеніямъ, отдѣльнымъ корпусамъ и отрядамъ, такъ какъ и донесенія послѣднихъ въ главную квартиру, — чрезъ что разрушается содѣйствіе всѣхъ частей между собою; транспорты раненыхъ и больныхъ, перевозимыхъ изъ арміи въ больницы, или команды выздоровѣв-

шихъ, возвращающіяся изъ больницъ въ армію; чиновники высшаго званія, переѣзжающіе съ одного мѣста на другое для осмотра отдѣльныхъ частей, или для принятія отдѣльнаго начальства, и проч.

Но этого недостаточно. Партизанская война имѣетъ вліяніе и на главныя операціи непріятельской арміи. Перемѣщеніе ея въ теченіе кампаніи по стратегическимъ видамъ долженствуетъ встрѣтить необоримыя затрудненія, когда первый и каждый шагъ ея можетъ немедленно быть извѣстенъ противному полководцу посредствомъ партій; когда сими же партіями, на первомъ и на каждомъ шагу, она можетъ быть задержана засѣками, истребленными переправами, и атакована всѣми противными силами въ то время, какъ оставя одинъ стратегическій пунктъ, она не успѣла еще достичь до другаго, — что приводитъ намъ на память Сеславина и Малоярославецъ. Таковыми преградами угрожаемъ непріятель и во время отступленія своего. Преграды эти, воздвигнутыя и защищаемыя партіями, способствуютъ преслѣдующей арміи тѣснить отступающую и пользоваться мѣстными выгодами для окончательнаго ея разрушенія: зрѣлище, коему мы были свидѣтелями въ 1812 году, при отступленіи Наполеоновыхъ полчищъ отъ Москвы до Нѣмана.

Но и этого мало. Нравственная часть едва ли уступаетъ вещественной части этого рода дѣйствія. Поднятіе упавшаго духа въ жителяхъ тѣхъ областей, которыя находятся въ тылу непріятельской арміи; отвлеченіе отъ содѣйствія ей людей безпокойныхъ, корыстолюбивыхъ, посредствомъ всякаго рода добычи, отбиваемой у нея и раздѣляемой съ жителями — въ замѣну приманокъ, расточаемыхъ имъ вождями противныхъ войскъ въ однѣхъ только прокламаціяхъ; ободреніе собственной арміи частымъ доставленіемъ къ ней и подъ глаза ея плѣнныхъ солдатъ и чиновни-

ковъ, обозовъ, подвозовъ съ провiантомъ, парковъ и даже орудiй; и сверхъ того потрясенiе и подавленiе духа въ противодѣйствующихъ войскахъ: таковы плоды Партизанской войны, искусно управляемой. Какихъ послѣдствiй не будемъ мы свидѣтелями, когда успѣхи партiй обратятъ на ихъ сторону все народонаселенiе областей, находящихся въ тылу непрiятельской армiи, и ужасъ, посѣянный на ея путяхъ сообщенiя, разгласится въ рядахъ ея? когда мысль, что нѣтъ ни прохода, ни проѣзда отъ партiй, похищая у каждаго воина надежду при немощи на безопасное убѣжище въ больницахъ, устроенныхъ на *полѣ запасовъ*, а въ рядахъ достаточное протитанiе, съ того же поля привозимое, въ первомъ случаѣ произведетъ въ немъ робкую предусмотрительность, въ послѣднемъ увлечетъ его на неизбѣжное грабительство — одну изъ главныхъ причинъ паденiя дисциплины, а съ дисциплиною совершеннаго разрушенiя армiи?

Иностранные писатели излагаютъ законы военнаго искуства не *для* насъ Русскихъ, а *для* государствъ, коимъ принадлежали они, слѣдственно по масштабу и по свойству военной силы, имъ извѣстной, а не по масштабу государства, коего военная сила, средства и мѣстность, и понынѣ находясь за предѣлами понятiй и разсчетовъ ихъ, столь рѣзко разнствуютъ съ другими государствами. Напримѣръ, правила, чтобы *не употреблять легкаго войска на долгое время и на дальное разстоянiе отъ главной армiи*, дабы чрезъ то не лишить ея той числительной силы, которая въ генеральныхъ сраженiяхъ такъ необходима, и что *Партизанская война безопасна только въ собственномъ и въ союзномъ государствѣ, но гибельна и невозможна въ предѣлахъ непрiятеля* — суть правила справедливыя и неоспоримыя относительно

всѣхъ Европейскихъ государствъ, но ошибочныя относительно Россіи.

Легкая Европейская конница составлена изъ людей одинакаго свойства съ людьми, составляющими всѣ другія части линѣйнаго войска. Она различествуетъ отъ нихъ одною одеждой и названіемъ, но ни чѣмъ другимъ — ни особою способностію къ наѣздамъ и поискамъ, ни особою отважностію, сноровкой и подвижностію; слѣдственно, отдѣленіе отъ главной массы такой легкой конницы на предпріятія, по неспособности ея, невѣрныя и гадательныя — есть истинное раздробленіе арміи на части и лишеніе ея силъ необходимыхъ въ генеральныхъ сраженіяхъ. Къ неспособности этой конницы на отдѣльное дѣйствіе надо присовокупить и малочисленность оной, затрудняющую пребываніе ея въ непріятельской землѣ, которой народонаселеніе въ тайной враждѣ или въ явномъ противъ нея возстанія. Все это чуждо для Россійской арміи. Легкая конница ея состоитъ не изъ бригадъ или дивизій, носящихъ только званіе легкаго войска, а изъ цѣлыхъ племенъ воинственныхъ всадниковъ, исключительно занимающихся наѣздами, и изъ рода въ родъ передающихъ способность свою къ сему роду дѣйствія. Конница эта никогда нейдетъ у насъ въ счетъ съ линѣйнымъ войскомъ для генеральныхъ сраженій, — и, мало полезная въ нихъ, превосходна и неподражаема въ отдѣльныхъ поискахъ.

Итакъ, потому что Европейскими арміями не употребляется Партизанская война отъ неимѣнія ни единаго истинно легкаго всадника и отъ необходимости содержать въ общей массѣ даже и тѣхъ, кои носятъ званіе легкихъ всадниковъ, неужели и мы, обладающіе цѣлыми народами летучихъ, неутомимыхъ и врожденныхъ наѣздниковъ, ни мало не ослабляющихъ отсутствіемъ своимъ регулярную ар-

мію, — неужели и мы обязаны воспретить себѣ родъ дѣйствія, для насъ столь полезный, для противниковъ нашихъ столь гибельный? Если бы случилось Россіи воевать государства, у коихъ не было бы ни артиллеріи, ни конницы, неужели надлежало бы отказаться ей отъ употребленія противу нихъ и артиллеріи и конницы? Что сказали бы объ Англіи, если бъ вздумала она заключить флотъ свой въ пристаняхъ, вмѣсто того, чтобы сражаться имъ въ открытомъ морѣ съ флотами, столь много уступающими ему и качествомъ и количествомъ? Вотъ, однако же, что дѣлала Россія въ отношеніи къ своей легкой конницѣ. Насыщенная неразрывнымъ рядомъ побѣдъ и завоеваній, пріобрѣтенныхъ усиліями однихъ линѣйныхъ войскъ своихъ, и потому имѣя все право избѣгать заботы въ изысканіи другаго рода средствъ къ покоренію своихъ противниковъ, она довольствовалась одними прямыми ударами штыка, ядра и сабли, столь усердно служившихъ ей въ теченіе полнаго столѣтія. Послѣ Бородинскаго сраженія приступлено было къ испытанію этого новаго употребленія легкой конницы. Пущено нѣкоторое число казачьихъ отрядовъ на пути сообщенія непріятельской арміи: и едва отдѣлились они отъ главныхъ нашихъ силъ, какъ безмятежные дотолѣ пути сообщенія непріятеля приняли иной видъ; все обратилось на нихъ вверхъ дномъ и въ хаосъ, — и несмѣтное число солдатъ и всякихъ степеней чиновниковъ, подвозовъ съ провіантомъ и съ оружіемъ, парковъ съ зарядами и даже орудій, загромоздили нашу главную квартиру. Безошибочно можно сказать, что болѣе трети войска, отхваченнаго у непріятеля, и всѣ транспорты, къ нему шедшіе и доставшіеся намъ въ сей рѣшительный переломъ судьбы Россіи, принадлежатъ тѣмъ изъ казачьихъ отрядовъ, кои дѣйствовали въ тылу и на флангахъ непріятельской арміи. Если выводъ единаго *испы-*

танія этого, — ибо по малочисленности партій, пущенныхъ тогда на путь сообщенія непріятеля, можно почесть это предпріятіе истиннымъ испытаніемъ, — если выводъ этотъ, говорю я, представляетъ намъ такой огромный выигрышъ, при употребленіи такихъ слабыхъ средствъ: то чего не можно ожидать отъ развитія этого рода дѣйствія, по размѣру, сообразному съ многочисленностію легкой конницы нашей, въ наступательныхъ войнахъ съ Европою?

Надо надѣяться, или лучше сказать, можно съ достовѣрностію ожидать, что со временемъ и эта часть военной силы, считаемая иноземцами недостойною вниманія, — потому что они судятъ о легкихъ войскахъ нашихъ по своимъ легкимъ войскамъ, — что и эта часть отъ большаго и большаго усовершенствованія вскорѣ поступитъ на степень прочихъ частей военной силы Государства.

Огромна наша мать-Россія! Изобиліе средствъ ея дорого уже стоитъ многимъ народамъ, посягавшимъ на ея честь и существованіе; но не знаютъ еще они всѣхъ слоевъ лавы, покоящихся на днѣ ея. Одинъ изъ сихъ слоевъ состоитъ, безъ сомнѣнія, изъ полудикихъ и воинственныхъ народовъ, населяющихъ всю часть Имперіи, лежащую между Днѣпра, Дона, Кубани, Терека и верховъ Урала, и коихъ поголовное ополченіе можетъ выставить въ поле сто, полтораста, двѣсти тысячъ природныхъ наѣздниковъ. Единое мгновеніе Царя нашего — и застонутъ поля непріятелей подъ копытами сей свирѣпой и неутомимо-подвижной конницы, предводимой просвѣщенными чиновниками регулярной арміи? Не разрушится ли, не развѣется ли, не снесется ли прахомъ съ лица земли все, что ни повстрѣчается, живаго и не живаго, на широкомъ пути урагана, направленнаго въ тылъ непріятельской арміи, занятой въ то же время борьбою

съ милліонною нашею арміей — первою въ мірѣ по своей храбрости, дисциплинѣ и устройству?

Еще Россія не подымалась во весь исполинскій ростъ свой — и горе ея непріятелямъ, если она когда-нибудь подымется!

Д. Давыдовъ.

VI. *О согласованіи воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей.*

Жизнь человѣческая проявляется въ переходахъ одного возраста въ другой. Душевныя способности, равно какъ и силы тѣлесныя, развиваются послѣдовательно, въ извѣстномъ и опредѣленномъ порядкѣ возникаютъ, цвѣтутъ, зрѣютъ. Въ дитяти, какъ въ сѣмени, хранятся начала всѣхъ способностей; юноша представляетъ собою время цвѣтенія; мужество соотвѣтствуетъ зрѣлости.

Всѣ сіи различныя состоянія духа нашего обнаруживаются въ трехъ главныхъ его стихіяхъ: чувствѣ, умѣ и волѣ; они-то проходятъ всѣ степени развитія по предначертанному Создателемъ закону. Умственное пріобрѣтеніе знаній, нравственное облагороживаніе воли и образованіе вкуса совершаются въ различныхъ возрастахъ жизни. На первой степени развитія, на лонѣ матери, пробуждаются способности; здѣсь въ особенности образуется чувство. Второй возрастъ — юность, посвящается раскрытію и обогащенію ума, подъ руководствомъ отца или наставника. Переходъ въ возрастъ мужества пред-

назначенъ образованію воли — ея самобытности. Въ это время, при благословеніи Провидѣнія, законъ внѣшній, или общественный, и внутренній, или нравственный, бываютъ ангеломъ хранителемъ человѣка.

Большею частію рѣдкіе успѣхи въ воспитаніи происходятъ отъ трехъ главныхъ погрѣшностей: или начинаютъ ученіе преждевременно и продолжаютъ не послѣдовательно; или стараются о сообщеніи знаній, не заботясь о дѣятельности мыслящей способности; или не всѣ стихіи души нашей развиваются въ воспитаніи. Обыкновенно спрашиваютъ: чему учить надобно сына или дочь? а лучше бы спрашивать о томъ, какъ должно развивать душевныя способности. Дайте имъ правильное развитіе: онѣ будутъ въ состояніи пріобрѣсти всѣ нужныя свѣдѣнія. Воспитывайте чувство, умъ и волю согласно съ ихъ развитіемъ: вотъ простой законъ, въ которомъ заключаются всѣ правила воспитанія! Дитя, еще несвязывающее своихъ представленій въ одно цѣлое понятіе, въ состояніи ли воспринимать многія постороннія понятія? Возможно ли дитяти, непостигающему предметовъ, его окружающихъ, объяснять предметы ученые? Воспитатель тогда только можетъ питать ученіемъ дѣтское вниманіе, когда душевныя силы начнутъ развиваться собственною дѣятельностью.

Желаніе многихъ родителей слишкомъ рано учить дѣтей, губитъ юныя способности, преждевременно ослабляетъ ихъ и препятствуетъ полному ихъ развитію. Въ дитяти преимуществуетъ жизнь растительная; въ немъ духовныя силы едва лишь раскрываются. Въ семъ возрастѣ мать, первая наставница, обязана давать надлежащее направленіе возникающимъ способностямъ. Въ очахъ матери, какъ въ зеркалѣ, дитя учится само себя понимать; ви-

дитъ оно въ семъ зеркалѣ нѣжность и любовь, и въ немъ отразятся тѣ же чувствованія.

Первоначальное проявленіе сихъ чувствованій должно состоять въ повинновеніи и благодарности. Пока дитя еще походитъ на простое чувственное существо, мать должна показывать примѣры благотворительности. Дитя, руководимое разборчивою строгостью, будетъ послушно; любуясь исполненіемъ желаній своихъ, познаетъ оно всю важность благодарности. Напрасно матери при каждомъ требованіи дѣтей торопятся удовлетворять ихъ желанія: ощущаемый недостатокъ возвышаетъ цѣну благодѣянія, скорѣе раждаетъ въ юной душѣ признательность. Напротивъ, изнѣженныя дѣти ни благодарны, ни послушны; они-то оказываются совершенно безнравственными.

Благоразуміе велитъ также обуздывать тѣлесныя побужденія къ лакомству и другимъ прихотямъ; надобно болѣе занимать благороднѣйшія чувства — зрѣніе и слухъ. Чувственность, сколь возможно ранѣе, да уступитъ мѣсто нравственности; съ раннихъ лѣтъ да пріучатся дѣти къ умѣренности и воздержанію. Сіи добродѣтели дѣйствуютъ на здоровье, научаютъ насъ отказывать себѣ въ любимыхъ потребностяхъ, льстящихъ чувствахъ, и обращать вниманіе на сторону духовную. Дѣтскій возрастъ замѣчателенъ тѣмъ, что въ немъ возраждаются различныя склонности. Дитя, какъ нравственное лице, лишь только начинаетъ чувствовать свою дѣятельность, обращается къ познанію себя самого; тогда изъ растительной жизни образуется жизнь разумная. Не откладывайте до другаго дня заботъ о дѣтяхъ: преслѣдованіе направленія пробудившейся дѣятельности душевной столь важно, что одинъ день иногда можетъ быть или зарею ихъ счастія, или началомъ бѣдствій.

Съ раскрытіемъ дѣятельности силъ разгарается и воображеніе: дѣти начинаютъ заводить разныя игры. Давайте имъ волю выбирать забавы: они вѣрно выберутъ ихъ по своимъ склонностямъ; не допускайте только въ игрушкахъ излишества и роскоши. Старайтесь заранѣе пріучать зрѣніе къ изящнымъ видамъ, а слухъ къ изящнымъ звукамъ.

Всего опаснѣе въ этомъ возрастѣ зависть: она своевольно преступаетъ границы между *моимъ* и *твоимъ*, и превращается въ корыстолюбіе. Это самый вредный плевелъ, похищающій у благотворныхъ растеній жизненные соки; его немедленно должно искоренять. Зависть обнаруживается и въ забавахъ: завистливыя дѣти не терпятъ ровесниковъ, отличающихся въ играхъ. За это или должно слѣдовать наказаніе, или надобно возбудить въ дитяти доброе чувство — довести его до того, чтобъ ему было пріятно раздѣлять удовольствіе съ товарищами.

Такъ возбуждаются въ чувственной жизни начала разумныя и нравственныя. За симъ наступаетъ время развитія чувства религіознаго. Въ благоговѣніи родителей является дѣтямъ нѣчто возвышенное. При утренней и вечерней молитвѣ, равно въ церкви, съ умиленіемъ да обращаетъ юная душа мысленные взоры свои къ небесному Отцу, надѣляющему всѣхъ своими дарами и благами. Пусть зрѣніе дитяти мало по малу отвлекается отъ видимыхъ предметовъ, и душа его устремляется къ невидимому виновнику всѣхъ явленій и его собственныхъ дѣйствій. Нѣжный цвѣтокъ, какъ сравнительно можно назвать дитя, заранѣе да согрѣвается лучами этого солнца, и получаетъ силу цвѣсти и созрѣвать при всѣхъ превратностяхъ жизни. Такое приготовленіе къ воспріятію религіознаго чувства располагаетъ душу къ христіанскимъ наставленіямъ.

Переходъ дѣтства въ отрочество ознаменовывается тѣмъ, что сила представительная возрастаетъ, разумѣніе получаетъ способность къ ученію. Въ этомъ возрастѣ представленія возвышаются до понятій, воображеніе становится дѣятельнымъ, а склонности обращаются въ характеръ; умственная сфера беретъ первенство надъ чувственностью: при всемъ томъ дѣйствія воли, какъ нравственное, такъ и религіозное, еще покоятся неразвитыя, хотя онѣ явственнѣе, нежели въ возрастѣ дѣтскомъ. Тутъ воспитаніе переходитъ изъ рукъ матери въ руки отца или наставника. Мать, имѣвшая подъ своимъ надзоромъ чувственный возрастъ дитяти, передаетъ отрока отцу или тѣмъ, которые должны пещись о развитіи умственномъ. Домашнее воспитаніе должно согласоваться съ общественнымъ для того, чтобы разныя стороны, изъ коихъ однѣ совершенствуются въ семейственной жизни, а другія въ училищѣ, всегда согласовались одна съ другою. Разумѣніе въ отрокѣ составляетъ главный предметъ воспитанія: посему родители должны стараться всячески питать любовь къ ученію. Въ усиленіи ея собственно состоитъ преимущество общественнаго воспитанія предъ домашнимъ. Важность ученія въ этомъ возрастѣ не въ количествѣ сообщаемыхъ знаній, а въ возбужденіи сильнѣйшей дѣятельности къ ихъ пріобрѣтенію и къ размышленію о томъ, что пріобрѣтено.

Что жъ принять за руководство въ отроческомъ возрастѣ? Здѣсь главное правило заключается въ томъ, чтобы познать отличительную способность души и ее возбуждать. Отроческій умъ любитъ упражняться въ образованіи изящнаго чувства слуха и зрѣнія: для сего необходимо занятіе живописью и музыкою. Тутъ можно испытывать вниманіе отрока изображеніями чиселъ и протяженій, какъ чувственныхъ воззрѣній мѣста и времени. Въ магнитѣ отъ по-

степеннаго прибавленія тяжести увеличивается сила: такъ усиливается и юное соображеніе исчисленіями. Къ сему же времени относится изученіе языковъ. Непостижимое устроеніе человѣческаго слова, которое въ дѣтствѣ пріобрѣтается навыкомъ, безъ всякой отчетности, преобразуется помощію наукъ въ органическое цѣлое. Странно только, что иные начинають упражнять дѣтей сперва въ мертвыхъ языкахъ, для которыхъ потребно двойное соображеніе, вмѣсто первоначальнаго и простѣйшаго упражненія въ живыхъ языкахъ, особливо въ отечественномъ. Читая образцовыхъ писателей, мы непримѣтно измѣняемъ разговорный языкъ нашъ на изящный языкъ краснорѣчія.

Одно изъ основныхъ правилъ воспитанія состоитъ въ современномъ упражненіи памяти и разсудка. Безполезно учить наизусть безъ соображенія: это съ одной стороны уничтожаетъ занимательность предмета, съ другой затрудняетъ понятія; не обременяйте памяти, особенно изученіемъ чего либо непонятнаго. Въ томъ, что понятно, упражняется она вмѣстѣ съ разсудкомъ; съ укрѣпленіемъ сужденія самая память становится твердою. Иные стараются выучивать много; но чрезъ это ослабляется сужденіе, потому что умъ не имѣетъ достаточной силы обсуживать выученное.

Отроческому возрасту приличны гимнастическія упражненія. Когда жизнь переходитъ въ разумную, тогда и тѣло становится способнымъ къ упражненію въ искусствѣ, требующемъ развитія чувства къ изящному. Лучше остановить слишкомъ быстрое раскрытіе душевныхъ способностей, нежели ослабить тѣло; для развитія отроческой души еще остается впереди много времени, а потерянное время отрочества для тѣла невозвратимо. Движеніе въ физической природѣ то же, что мысль въ духовной; для самаго здоровья

необходимо умѣренное согласованіе силъ душевныхъ и тѣлесныхъ. Наблюдайте таковое уравниваніе духа и тѣла до тѣхъ поръ, пока продолжается развитіе организма.

Умѣренность и воздержаніе, пробужденныя въ дѣтскомъ возрастѣ, должны въ отрочествѣ получить высшее значеніе. Къ симъ свойствамъ, сопровождающимъ умственное развитіе отрока, принадлежитъ развитіе нравственнаго и религіознаго чувства: разумная сфера соотвѣтствуетъ нравственной, дѣтская благодарность и покорность родителямъ — принадлежности перваго періода, — здѣсь переходятъ въ признательность и уваженіе. Если желаете, чтобъ юный нравъ благородствовался: то поддерживайте въ немъ сіи чувства. Не довольно одной привязанности къ домашнимъ; кто готовится для жизни общественной, тотъ долженъ научиться уваженію старшихъ. Дурныя привычки дитяти получаютъ въ отрокѣ значительную силу и не рѣдко переходятъ въ своевольство, упрямство, дерзость. Отъ того, чья воля не свободна еще отъ чувственности, нельзя требовать возвышенныхъ добродѣтелей, каковы: великодушіе, щедрость, и подобныхъ; по крайней мѣрѣ должно возбуждать въ отроческомъ возрастѣ чувство обязанностей общественныхъ. Не надобно питать душу одними только пріятными впечатлѣніями, но и склонять ее къ пожертвованіямъ. То, что сначала бываетъ внѣшнею обязанностію, раскрываетъ мало по малу нравственное чувство и обращается во внутреннюю потребность. Чувство дѣтское зависти въ отрочествѣ можетъ возрасти до корыстолюбія, а потому здѣсь надобно развивать чувство справедливости. Рано, слишкомъ рано можно пробудить готовность къ услугамъ, прямодушіе, честность; въ семъ возрастѣ дѣтская благотворительность переходитъ въ попеченіе о

благополучія ближняго. Возбудить сіи чувствованія — долгъ домашняго и общественнаго воспитанія.

Религіозное чувство отрока столь нѣжно, что трудно бываетъ сберечь его отъ холодности умственнаго образованія. Если въ дитяти уже составилось понятіе о Всевышнемъ; то въ отроческомъ возрастѣ необходимо раскрыть страхъ Божій — начало премудрости. Но не упражняйте ума въ религіозныхъ предметахъ съ тѣмъ намѣреніемъ, чтобы опростить оные для разума: что легко обнимаетъ разумъ, то перестаетъ быть предметомъ безусловнаго почитанія. Здѣсь надлежитъ представить тотъ образецъ, коего видимая жизнь заключается въ существѣ невидимомъ: сей образецъ нашъ Спаситель. Нравственно-чистая и святая жизнь Его, поученія, страданія, смерть и воскресеніе должны напечатлѣться въ сердцѣ отрока. Сей образъ, однажды въ немъ напечатлѣнный, не изгладится во всю жизнь. Вмѣстѣ съ симъ излагается православное ученіе Вѣры, вѣнецъ умственнаго воспитанія. Въ нѣжномъ возрастѣ ученіе Религіи не можетъ быть предметомъ ученія на память. Благочестивое чувство дѣтей подавляется, какъ скоро божественное ученіе становится изнурительнымъ трудомъ для нихъ, и то внушается угрозами, что должно быть для человѣка священнымъ.

Наступаетъ важнѣйшій періодъ воспитанія — юность, время совершеннаго развитія разсудка, вкуса и характера, переходъ духовной жизни въ высшую сферу способностей: умъ, фантазію и волю. Въ семъ періодѣ изъ знаній образуются науки о Богѣ, человѣкѣ и природѣ, чувствованія творятъ идеалы, а склонности обращаются въ нравственныя направленія. Сердечныя чувствованія, прекраснѣйшіе спутники жизни нашей, принимаемыя въ первородной чистотѣ своей, возникаютъ въ юности; въ нихъ обнаруживается воля человѣка, главнѣйшій предметъ

воспитанія. Она получаетъ тогда только высокое достоинство, когда не подчиняется холодному и безжизненному знанію, а напротивъ воспринимаетъ въ себя тѣ лучи свѣта наукъ, кои истекаютъ изъ сердца. Очищайте склонности и чувства, одушевляйте ихъ любовію къ наукамъ и искусствамъ: вы непримѣтно усовершенствуете нравственность. Юноша начинаетъ борьбу со страстями; и хотя воспитаніе не можетъ совершенно отвратить этой борьбы, по крайней мѣрѣ оно даетъ силы къ ихъ преодолѣнію. Науки и искусства такіе два генія, которые укрощаютъ и умѣряютъ страсти. Здѣсь одинъ умъ не удовлетворяетъ юноши; сердце требуетъ своихъ предметовъ, и всѣми силами старается ихъ обрѣсти. Возвышенныя чувства волнуютъ грудь юноши; онъ мечтаетъ о чести и славѣ; фантазія его паритъ за предѣлы здѣшняго міра; вездѣ представляется ему идеалъ счастія. Въ райской жизни идеаловъ согрѣвается и оживляется искусство. Мыслящая способность, вполнѣ раскрытая, уже въ состояніи обнимать весь кругъ человѣческихъ знаній.

Кто жъ руководствуетъ насъ въ этомъ возрастѣ? Юноша выходитъ изъ-подъ надзора материнскаго; зависимость отъ наставника уже для него тягостна; въ это время отецъ довершаетъ воспитаніе сына. Если дѣтство хранитъ попечительная мать; отрочество проходитъ большею частію подъ руководствомъ наставниковъ: то отцу остается согласовать домашнее воспитаніе съ общественнымъ: онъ беретъ сына отъ учителя и вводитъ съ осторожностью въ свѣтъ, старается направлять свободно начинающую дѣйствовать волю къ отличенію добра и зла. Такимъ образомъ юноша созрѣваетъ и становится самобытнымъ; такъ образуется его воля. На поприщѣ жизни наставникъ нашъ — внутренній голосъ совѣсти, а Провидѣніе — звѣзда путеводная; отъ сего зависитъ

исполненіе всѣхъ обязанностей нашихъ общественныхъ, въ чемъ даемъ мы клятву предъ престоломъ Отца Отечества.

Не рѣдко поверхностное многознаніе предпочитается глубокомыслію; не рѣдко человѣкъ знаетъ все, кромѣ самого себя. Но должно заранѣе внушать юношамъ, что всѣ науки суть только отрасли самопознанія; мы только изъ самихъ себя можемъ заимствовать порядокъ, начала, послѣдовательность; каждая наука есть собственно отраженіе нашей духовной жизни, состоящей въ гармоническомъ согласіи трехъ ея стихій: чувства, ума и воли.

Смотрите, какъ юноша, находясь между чувственностью и нравственностью, колеблется въ выборѣ прямаго пути къ своему счастію. Съ одной стороны онъ уже избѣгаетъ принужденія; съ другой еще не владѣетъ нравственнымъ чувствомъ — разумнымъ познаніемъ добра. Различныя склонности имѣютъ еще перевѣсъ надъ закономъ долга, и не позволяютъ дѣйствовать по разумнымъ началамъ воли. Если юное сердце не образовано въ первомъ возрастѣ: то отъ него нельзя ожидать ни доброжелательства, ни великодушія, ни справедливости. Если въ отрочествѣ разумъ и сердце дѣйствуютъ отдѣльно, то и въ юности цѣль нравственности не достигается. Отъ того столь рѣдки успѣхи воспитанія: многіе, выходя на свою волю, предаются мечтательности. Непроникнутый чувствомъ религіознымъ юноша жалокъ: онъ лишенъ главной опоры — бродитъ между безднами пороковъ.

Кромѣ общихъ психологическихъ законовъ воспитанія, каждому человѣку свойственъ особенный способъ образованія; каждый, по своимъ душевнымъ силамъ, самою природою отличается отъ другаго. Отсюда слѣдуетъ, что сангвиника и холерика надлежитъ иначе воспитывать, нежели меланхолика или

флегматика, — постояннаго отлично отъ вѣтреннаго, — чувствительнаго не такъ, какъ суроваго, — кроткаго и послушнаго не одинаково съ дерзкимъ и упрямымъ, — одареннаго талантами еще иначе, нежели того, кто успѣваетъ однимъ неутомимымъ старанiемъ. Одного надлежитъ поощрять, другаго воздерживать; одного надобно увѣщавать и беречь, другаго подстрекать и даже наказывать. Какимъ же образомъ вывести изъ сего частныя правила для воспитанiя? Не должно подавлять въ дитяти того, къ чему природа его назначила; не потушать въ юной душѣ искры господствующей способности, не выставлять себя образцемъ при его воспитанiи, не направлять его согласно съ своимъ направленiемъ. Можетъ быть, оно опредѣлено къ лучшему назначенiю, нежели каково наше собственное; а потому, сколько возможно, необходимо избѣгать односторонности. Гдѣ какое либо направленiе становится господствующимъ, гдѣ одна какая либо способность развертывается въ высшей степени, тамъ легко можетъ нарушиться гармонiя прочихъ силъ, нужныхъ къ составленiю цѣлаго. Нельзя ожидать успѣховъ въ воспитанiи, когда одна изъ низшихъ силъ присвояетъ себѣ господство. Такъ иногда воображенiе превращаетъ желанiя въ страсти, чувство въ изнѣженность, разумъ устремляется къ затруднительнымъ и утонченнымъ изслѣдованiямъ. Одна изъ способностей, преимущественно возвышенная, подчиняетъ себѣ прочiя, производитъ односторонность, и не допускаетъ возрасти ничему великому. Здѣсь въ особенности должно обращать вниманiе на законъ развитiя, обнаруживающiйся постояннымъ стремленiемъ отъ низшаго къ высшему, отъ чувственнаго къ духовному.

И такъ два, по видимому противоположныя, правила представляются воспитателю: первое требуетъ, чтобы не останавливать въ юношѣ ни одного врож-

деннаго влеченія, не ослаблять ни одной силы, ни одной способности, потому что всѣ онѣ необходимы въ цѣломъ организмѣ; природѣ нужна свободная игра ея силъ; другое правило заставляетъ уничтожать одностороннее направленіе для того, чтобы согласіе цѣлаго непрестанно болѣе и болѣе развивалось. То, что называемъ мы геніемъ, не есть какая либо особенная способность, но отраженіе цѣлаго въ какой либо особенной силѣ душевной. Посему не искореняйте въ человѣкѣ того, къ чему природа его назначила; но старайтесь господствующее направленіе вести такъ, чтобы оно служило основаніемъ цѣлаго, и гармонически сливалось съ прочими душевными силами. Такимъ образомъ вы избѣгнете односторонности, а врожденное доброе сѣмя сбережете и возрастите. Воспитателю не нужно преслѣдовать каждый шагъ дитяти, безпрестанно хвалить его или порицать; пусть дѣйствуютъ природныя его склонности: нужно только наблюдать за ихъ развитіемъ, отдѣлять излишнее и вредное, благородныя чувства обращать въ склонности, понятіямъ сообщать теплоту. Тогда воля будетъ охранена двумя могучими дѣятелями, — умомъ и чувствомъ. Долгъ истинно полезнаго воспитанія состоитъ не въ одномъ сообщеніи разнообразныхъ свѣдѣній, но въ совокупности и образованія вкуса, и просвѣщенія ума, и благородствованія сердца.

Вотъ нѣсколько совѣтовъ Психологіи касательно согласованія воспитанія съ развитіемъ душевныхъ способностей. Наука самопознанія должна служить основаніемъ и воспитанію, или развитію самопознанія. Родители, воспитатели и наставники! напитайте юныя сердца христіанскими добродѣтелями: Надеждою, Любовію и Вѣрою. Въ Надеждѣ сосредоточиваются всѣ чувствованія терпѣнія и великодушія; въ Любви — стремленіе къ самопожертвованію для блага

ближняго; въ Вѣрѣ — всѣ нравственныя и общественныя обязанности. Всѣ сіи качества непримѣтно сообщаются воспитанникамъ. Они не пріобрѣтаются изученіемъ; но человѣкъ самъ воспитываетъ ихъ въ себѣ по примѣру другихъ. Ученіе даруетъ намъ только то, что составляетъ предметъ размышленія; но все, что образуетъ сердце, воспитанникъ перенимаетъ отъ тѣхъ, которые его окружаютъ, и усвояетъ себѣ въ теченіе жизни. Дѣянія и поступки наши: вотъ его наставники. Неоспорима истина, что все, исходящее отъ сердца, возвращается къ сердцу. Если воспитатель самъ не имѣетъ добрыхъ качествъ, то никогда не раскроетъ ихъ въ своемъ воспитанникѣ, и всѣ нравственныя наставленія его будутъ только предметомъ памяти и разума. Одни только поступки наши возбуждаютъ другихъ къ подражанію; лишь чувствами согрѣваются чувства. Желаніе настроить волю питомца ни малой не приноситъ пользы, если не подтверждается въ глазахъ его примѣромъ. Юность требуетъ живаго образца, которому подражаетъ во всякое время, и старается образовать полученныя отъ природы способности. Въ этомъ состоитъ вся тайна воспитанія.

И. Давыдовъ.

VII. *Пользы и затрудненія государственнаго знанія.*

Познаніе отечества своего необходимо нужно государственному человѣку. Во всемъ округѣ своемъ оно необъятно, а особливо въ такой землѣ, какова Россія, которая безмѣрнымъ пространствомъ предѣловъ своихъ, различностію климатовъ, нравовъ и обитателей дѣлаетъ самое описаніе свое отмѣнно труднымъ. Настоящіе способы къ пріобрѣтенію сего познанія суть: дѣйствительное участіе въ дѣлахъ государственныхъ, разсматриваніе природы и общежитія въ городахъ и селахъ. Достовѣрныя извѣстія любопытныхъ и вникательныхъ путешественниковъ могутъ быть полагаемы основаніями. Въ разсужденіи описанія природы мы не имѣемъ въ нихъ недостатка. Нѣкоторые въ разныя времена коснулись изысканія древностей и нравовъ. Таковы были Миллеръ и Фишеръ. Сибирь, новая земля въ разсужденіи Россіи, преимущественно привлекла вниманіе ихъ. Славные современники наши, Палласъ, Лепехинъ, Георги, оставили достопамятные знаки любопытства своего въ отдаленныхъ земляхъ, которыя они обозрѣли. Но мы еще ожидаемъ руки, которая умѣла бы пользоваться сими извѣстіями и совершить полное изображеніе государственнаго состоянія Россіи. Академія Наукъ приступила къ сему общеполезному предпріятію, и выдала начертаніе, объемлющее всѣ возможные предметы: землеописаніе, исторію природы и перемѣнъ гражданскихъ, правленіе, хозяйство, промышленость, торговлю. Другія упражненія отвратили сіе ученое общество отъ совершенія сего предпріятія. Таковыя изображенія не могутъ быть постоянно вѣрны, потому что государство не остается всегда въ одинаковомъ поло-

женіи. Нынѣшнее населеніе Россія превышаетъ невѣроятнымъ образомъ то, которое означено первою ревизіею при Государѣ Петрѣ Великомъ. Но сличеніе таковыхъ изображеній, отъ времени до времени издаваемыхъ, подало бы намъ любопытныя свѣдѣнія о причинахъ, умножающихъ государственное благосостояніе, и было бы училищемъ для тѣхъ, которые посвящаютъ себя различнымъ должностямъ правленія. Разсматривая въ близости особенныя части, изъ которыхъ сложена огромная махина государства, удобнѣе научаемся движенію ихъ — ученіе, весьма полезное для тѣхъ, которыхъ званіе опредѣляетъ къ управленію оной. Правитель, министръ, всякій, кому будетъ нѣкогда ввѣрено важное отдѣленіе государственной власти, долженъ почитать обязанностію своею узнать точнѣйшимъ образомъ свойство правленія, законы, пользы, способы, выгоды и удобности земли своей. Государь Петръ Первый, будучи въ Парижской Академіи Наукъ, своею рукою поправилъ погрѣшности, которыя при первомъ взглядѣ примѣтилъ на картѣ Каспійскаго Моря (*). Сіе подробное знаніе земли своей способствовало ему къ воспріятію дальновидныхъ и общеполезныхъ намѣреній. Такимъ образомъ соединилъ онъ Волгу съ Невою, и даровавъ Петербургу неоцѣненную выгоду воднаго сообщенія, предначерталъ соединеніе Волги съ Дономъ. Какимъ образомъ защищать государство отъ нападенія непріятеля, когда не знаешь мѣстоположенія, границъ своихъ, путей проникнуть въ непріятельскую землю, важныхъ проходовъ, которые, удержаны будучи,

---

(*) Сія карта хранится въ Парижской Королевской Библіотекѣ. Французы съ удовольствіемъ показывали ее русскимъ офицерамъ.

прикрываютъ цѣлыя области? Неисчетны различныя примѣненія землеописанія. Но еще важнѣе знаніе народной силы, богатства, потребностей, обычаевъ, просвѣщенія. Не въ однихъ городахъ долженствуетъ остановиться вниманіе наблюдателя, хотя и города заслуживаютъ оное зрѣлищемъ искусствъ, дѣятельностію общества и правленія. Но иногда роскошь и ослѣпляющій блескъ городовъ означаютъ бѣдность полей: торговля и рукодѣлія могутъ быть противны выгодамъ земледѣльства. И сія первая нужда человѣческаго рода, занимающая руки большей части народа, должна удостоиться особеннаго поощренія и покровительства. Таковыя наблюденія частныхъ дѣлъ служатъ иногда основаніемъ важныхъ правилъ въ государственномъ хозяйствѣ. Такимъ образомъ славный политическій писатель, Смитъ, умѣетъ подтверждать настоящими дѣлами свою теорію, вмѣстѣ простую и глубокомысленную. Онъ слѣдуетъ повсюду за трудолюбіемъ народнымъ, и доказываетъ очевидно, какимъ образомъ, извлекая изъ нѣдра земли первыя начала богатства, придаетъ оно имъ новую цѣну отдѣлкою, и посредствомъ выдуманныхъ знаковъ (денегъ), представляющихъ оныя, устремляетъ обращеніе ихъ во всѣхъ *протокахъ* общества; возбуждаетъ прилежность, и съ умноженіемъ населенія, умножаетъ сокровища и силы народныя; дѣлаетъ удобнѣе для каждаго существованіе его, необходимое и пріятное. Самое просвѣщеніе принадлежитъ къ сему послѣднему состоянію. Люди, озабоченные скуднымъ доставленіемъ себѣ ежедневнаго пропитанія, не чувствуютъ охоты теряться въ ощущеніяхъ нѣжныхъ и возвышенныхъ, которыя требуются для упражненія въ прекрасныхъ искусствахъ, или углубляться въ отвлеченныхъ размышленіяхъ, которыя предполагаются въ точныхъ наукахъ и испытаніи естества. Въ составѣ государства, такъ

какъ въ необъятномъ округѣ природы, невидимая нить соединяетъ отдаленнѣйшія части онаго и изъ различныхъ состояній и упражненій составляетъ одно цѣлое. Такимъ образомъ ученый служитъ земледѣльцу и земледѣлецъ ученому. Богатый выдаетъ капиталъ свой, бѣдный продаетъ свою работу: каждый думаетъ, что онъ трудится для себя, но все общество наслаждается трудами ихъ. Надобно покровительствовать всѣмъ похвальнымъ упражненіямъ по мѣрѣ пользы, которую приносятъ они обществу. Нѣтъ ничего вреднѣе, какъ жертвовать одному состоянію уничиженіемъ всѣхъ другихъ. Колбертъ, благопріятствуя излишно системѣ купечества и рукодѣлій, отнялъ полезныя руки у земледѣлія. Цѣлый народъ ученыхъ или предводителей не можетъ существовать нигдѣ, кромѣ воображенія. Ежели мудрость дана человѣку, такъ она должна представляться видимымъ образомъ въ наукѣ правленія. Вотъ для чего Маркъ-Аврелій долженъ быть предпочтенъ Сократу! Быть одушевлену любовію къ человѣчеству, посвятить пользѣ его и сохраненію употребленіе власти, соединить глубокое знаніе людей и своего государства съ ненарушимою благотворительностію, жертвовать жизнію и спокойствіемъ для общаго блага: таково, кажется, было обѣщаніе, которое положилъ въ сердцѣ своемъ *сей вѣнчанный стоикъ*, достойный удивленія во всякомъ другомъ состояніи, но только на престолѣ истинно великій. При немъ Римъ не сожалѣлъ о потерѣ вольности: подъ властію Императора онъ наслаждался ею въ совершенной тишинѣ и безопасности. Рабы Тиберіевы не могли найти доступа къ Марку Аврелію: ему не было нужды въ подлости. Но чтобъ сдѣлать постояннымъ и продолжительнымъ счастіе народовъ, почтеніе законовъ должно быть начертано въ глубинѣ сердецъ. Воспитаніе заблаговременно должно образовать нѣжные нравы

юношества. Ни какое сіяніе государства не въ силахъ вознаградить потерю нравовъ. Развращеніе ихъ и разрушеніе государствъ малѣйшимъ разстояніемъ отдалены другъ отъ друга. Всѣ сіи предметы принадлежатъ къ наукѣ правительства. Нравоученіе служитъ ей основаніемъ. Исторія освѣщаетъ ее, показывая по всему Земному Шару происшествія, перемѣны и вліяніе пороковъ и добродѣтелей. Знаніе законовъ, существенно занимающее одно состояніе въ государствѣ и необходимое всѣмъ другимъ, не можетъ быть разлучено съ градоправительствомъ. Наука о государственныхъ доходахъ, наука торговли, рукодѣлій, внутренняго управленія и благочинія, знаніе внѣшнихъ отношеній къ другимъ государствамъ, искусство защищенія внѣшней безопасности и употребленія военныхъ силъ принадлежатъ къ наукѣ государственнаго человѣка. Древніе прилѣплялися въ ней болѣе къ общимъ правиламъ, ученію и образованію нравовъ, на которомъ образовали они благосостояніе общества. Многіе изъ нихъ начертали, какъ Платонъ, по изволенію, вымышленный образъ самаго лучшаго правленія. Ликургъ болѣе сдѣлалъ: онъ превратилъ гражданъ своихъ въ другой народъ, въ умствованіи созданный. Нынѣшнія государства суть тѣла, несравненно сложнѣйшія передъ древними. Искусства, торговля, союзы, арміи предписываютъ имъ совсѣмъ другое шествіе: обстоятельное знаніе всѣхъ сихъ предметовъ составляетъ государственное знаніе.

Муравьевъ.

VIII. *Кто истинно добрый и счастливый человѣкъ?*

Одинъ тотъ, кто способенъ наслаждаться семейственною жизнію, есть прямо добрый, и слѣдовательно прямо счастливый человѣкъ.

Свѣтъ называютъ театромъ — всякій человѣкъ, въ одно время, и дѣйствующій и зритель. Актеры стараются блеснуть искусствомъ; зрители восклицаютъ: великій умъ! чудесное дарованіе! Но мало однихъ блистательныхъ успѣховъ на театрѣ свѣта, чтобъ пріобрѣсть благородное названіе добрый, чтобы имѣть право называться счастливымъ.

Ты съ честію служишь отечеству; судья справедливый — всѣ приговоры твои сходны съ приговорами закона и совѣсти; смѣлый, благоразумный полководецъ — никто не видалъ, чтобы ты блѣднѣлъ въ виду непріятеля, чтобы терялъ присутствіе духа въ минуту неуспѣха или замѣшательства. Въ обществѣ называютъ тебя пріятнымъ, ласковымъ, забавнымъ; не льзя не плѣниться твоимъ разговоромъ; все, окружающее тебя, оживлено твоимъ остроуміемъ, твоими словами, взглядами, усмѣшками. Говорю смѣло: умный, дѣятельный, любезный, необыкновенный человѣкъ! Скажу ли: добрый и счастливый?

Нѣтъ! я вижу тебя на сценѣ, въ уборѣ, въ минуту представленія, въ минуту торжества: прельщаюсь однимъ наружнымъ, временнымъ твоимъ блескомъ. Ты дѣйствуешь не собственною силою, ты окруженъ безчисленными подпорами: общее мнѣніе хранитель твоихъ добродѣтелей; быть можетъ, источникъ ихъ единое твое честолюбіе. Хочу ли узнать совершенно твой характеръ — я долженъ послѣдовать за тобою во внутренность семейства. Се-

мейство есть тихое, сокрытое отъ людей поприще, на которомъ совершаются самые благородные, самые безкорыстные подвиги добродѣтельнаго. Здѣсь человѣкъ одинъ — всѣ призраки исчезли; онъ дѣйствуетъ безъ свидѣтелей, въ кругу знакомцевъ, слишкомъ короткихъ, слѣдственно для него нестрашныхъ; не можетъ удивлять ложнымъ блескомъ; не слышитъ рукоплесканій; онъ можетъ наслаждаться единымъ скромнымъ, для другихъ непримѣтнымъ, но сладостнымъ и неотъемлемымъ счастіемъ. Здѣсь онъ снимаетъ съ себя заимственные покровы; свободно предается естественнымъ своимъ склонностямъ; никому, кромѣ самого себя, не даетъ отчета; и если я вижу его спокойнымъ, веселымъ, неизмѣняемымъ въ тѣсномъ кругу любезныхъ; когда приходъ его къ супругѣ и дѣтямъ есть сладостная минута общаго торжества; когда отъ взора его развеселяются лица домашнихъ; когда, возвращаясь изъ путешествія, приноситъ онъ въ домъ свой новую жизнь, новую дѣятельность, новое счастіе; когда замѣчаю окрестъ его порядокъ, спокойствіе, довѣренность, любовь — тогда рѣшительно говорю: онъ добръ, онъ счастливъ!

Великіе подвиги, въ присутствіи многочисленныхъ свидѣтелей, бываютъ нерѣдко однимъ чрезвычайнымъ усиліемъ. Нерѣдко человѣкъ, котораго дѣятельность и обширный умъ въ дѣлахъ государственныхъ, котораго пріятность и живость въ блестящемъ кругу свѣта приводятъ насъ въ изумленіе, бываетъ задумчивъ и скученъ среди своихъ домашнихъ, гдѣ онъ свободенъ, гдѣ надобно дѣйствовать безъ всякаго внѣшняго возбужденія; гдѣ все почерпается во внутренности души, гдѣ можешь быть веселъ только тогда, когда твое сердце наполнено чистыми, живыми, неизмѣняющимися ни въ какихъ обстоятельствахъ жизни чувствами.

Быть счастливымъ есть наслаждаться самимъ собою — гдѣ же сіе счастіе, какъ не въ семействѣ? и что его источникъ, какъ не спокойное, невинное, доброе сердце? Человѣкъ-гражданинъ, пользуясь покровомъ общества, трудами своими покупаетъ у него почести и отличія; но добрый получаетъ сіи отличія и почести на ряду съ недобрымъ, имѣющимъ одинакое съ нимъ искусство, дѣятельность, скажу — дарованіе. Въ чемъ же его преимущество, собственное, ни съ кѣмъ нераздѣляемое? Въ счастіи добраго сердца, въ тѣхъ наслажъеніяхъ, которыя вкушаетъ онъ въ кругу семейственномъ — плодъ, заповѣданный для порочнаго.

Не имѣвъ добраго сердца, можно быть въ нѣкоторомъ отношеніи добрымъ гражданиномъ: будь съ дарованіемъ, и будешь успѣшно дѣйствовать на той сценѣ, которая окружена безчисленною толпою судей любопытныхъ и строгихъ. Честолюбіе замѣнитъ для тебя внутреннюю доброту; и та и другая причины произведутъ одинакое видимое дѣйствіе. Но быть хорошимъ семьяниномъ, въ полномъ значеніи сего слова — добрымъ супругомъ, отцемъ, покровителемъ своихъ домашнихъ — говорю безъ исключенія, не льзя, не имѣвъ добраго, нѣжнаго, чувствительнаго сердца. Семейство есть малый свѣтъ, въ которомъ должны мы исполнять, въ маломъ видѣ, всѣ разнообразныя обязанности, налагаемыя на насъ большимъ свѣтомъ; но съ тѣмъ различіемъ, что здѣсь никакое ложное достоинство не можетъ увѣнчано быть должною наградою; здѣсь видятъ тебя такимъ точно, каковъ ты въ самомъ дѣлѣ, и вотъ причина того печальнаго отдаленія, въ которомъ многіе, такъ называемые счастливцы міра, живутъ отъ тихаго, уединеннаго семейственнаго круга: они боятся вступить въ сіе священное общество! Что принесутъ они въ

него съ собою? — Мертвое или испорченное сердце, чуждое наслажденій невинныхъ, смутное посреди спокойствія и порядка, непостоянное въ кругу удовольствій, однообразныхъ, но всегда сладостныхъ для души ясной, веселой и непорочной!

Ты ищешь вѣрнаго счастія? Почитай обязанностію быть дѣятельнымъ для пользы отечества; но лучшія твои наслажденія, но самыя драгоцѣнныя награды твои, да будутъ заключены для тебя въ нѣдрѣ семейства: если душа твоя невинна, если пылаетъ въ ней тихое пламя добра, то въ мирномъ семействѣ найдешь безмятежное, постоянное счастіе. Гдѣ можешь любить съ такою полнотою, съ такою взаимностію, съ такимъ забвеніемъ самого себя? Гдѣ можешь быть столь добродѣтельнымъ и столь непосредственно получать за добродѣтели твои воздаяніе? Гдѣ найдешь такихъ вѣрныхъ, согласныхъ съ тобою товарищей и въ радости, и въ печали? Стремись воображеніемъ къ сему блаженству, когда его еще не имѣешь; образуй для него свою душу; помни, что оно существуетъ для одного невиннаго, благороднаго, исполненнаго высокими чувствами сердца; благодѣтельная, живо-творящая мечта о немъ, да будетъ сопутницею твоихъ юношескихъ лѣтъ! — Совершенствуя себя для мирной обители семейства, ты избѣжишь опасной заразы разврата: плѣнишься ли блестящимъ безобразіемъ порока, имѣя передъ глазами тѣ чистыя наслажденія, ту благородную дѣятельность, которыя неразлучны съ семейственною жизнію? И если твой выборъ уже сдѣланъ, если душа твоя замѣтила существо, для нее необходимое, то окружи себя его воспоминаніемъ; воспоминаніе объ немъ будетъ твоею добродѣтелію, твоею совѣстію! — Такъ, если Провидѣніе опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, рѣдкимъ — но рѣдкимъ потому, что рѣдки сіи люди, которые пола-

гали бы въ немъ первую и самую благородную цѣль своей жизни, которые минутнаго, живѣйшаго наслажденія, или невѣрной и блистательнѣйшей выгоды не предпочли бы сему спокойному, скромному и неразлучному со всѣми добродѣтелями счастію — если Провидѣніе, говорю, опредѣлило тебѣ насладиться симъ благомъ, то смѣло можешь присвоить себѣ титулъ счастливца; ты возвратишь сему титлу его утраченное достоинство: на языкѣ твоемъ счастіе будетъ знаменовать добродѣтель, наслажденіе самимъ собою, прямое просвѣщеніе, истинную мудрость.

Какое зрѣлище, возвышающее душу, представляетъ намъ добрый семьянинъ — истинно добрый и счастливый человѣкъ! Войдите въ его домъ, веселый, скромный, гдѣ царствуетъ опрятность и чистота — при первомъ шагѣ не окружаетъ ли васъ какое-то неизъяснимое, невидимое, трогательное очарованіе? не чувствуете ли во глубинѣ души того утѣшительнаго спокойствія, того внутренняго наслажденія собственнымъ бытіемъ, которое всегда возбуждаетъ въ васъ присутствіе счастія? Вы видите передъ собою довольныя лица, плѣняетесь окружающимъ васъ порядкомъ: здѣсь время пролетаетъ быстро, для каждой минуты есть собственное, необходимое занятіе; минуты отдѣльнаго труда приготовляютъ къ минутамъ свиданія, къ минутамъ общаго удовольствія, и всякій трудъ приноситъ съ собою награду. Послѣдуйте за добрымъ семьяниномъ — и въ свѣтъ, гдѣ исполняетъ онъ обязанности гражданина, и въ домъ его, гдѣ онъ представляется вамъ супругомъ, отцемъ, хозяиномъ, и въ уединенный кабинетъ, гдѣ онъ остается одинъ съ собою, и къ смертному одру, на которомъ онъ ожидаетъ конца, спокойный, увѣренный въ бытіи Божества, неотрицаемаго для сердца, насладившагося истиннымъ счастіемъ, уповающій на безсмертіе, которое ощутительно для сердца, испытавшаго пря-

мую любовь — вездѣ найдете вы его одинаковымъ. Въ тѣхъ самыхъ чувствахъ, которыя дѣлаютъ его счастливымъ посреди домашнихъ, хранится и чистый источникъ гражданскихъ его добродѣтелей. Разлучаясь на время съ своимъ семействомъ, для исполненія обязанностей въ свѣтѣ, онъ соединенъ съ своими любезными, нѣжнымъ, никогда не покидающимъ его сердца, о нихъ воспоминаніемъ; ихъ мысленное присутствіе хранитъ его во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ жизни. Какъ можетъ онъ не дорожить непорочностію своего имени, котораго слава есть слава его любезныхъ? Какъ можетъ не уклоняться отъ зла, когда онъ долженъ приходить невиннымъ передъ судилище безпристрастное, для него драгоцѣнное и святое, передъ судилище своего семейства, гдѣ обитаетъ его неизмѣнный товарищъ, который, вмѣстѣ съ нимъ, одною дорогою, стремится къ одной и той же цѣли — къ счастію, основанному на совершенствѣ нравственномъ, который не узнаетъ его, унизившагося порокомъ, котораго довольный, одобряющій взоръ есть самая утѣшительная для него награда! Но всѣ обязанности, всѣ удовольствія свѣта почитаетъ онъ только посторонними: главная дѣятельность его внутри семейства — мирная, счастливая дѣятельность, которая животворитъ душу его, отдаляетъ отъ нее унылость и скуку, возвышаетъ ее, усиливаетъ, исцѣляетъ. Онъ веселъ, онъ спокоенъ, среди порядка и тишины, которые окрестъ его царствуютъ. Перенеситесь мысленно въ обитель согласныхъ супруговъ, согласныхъ въ понятіи своемъ о жизни, согласныхъ въ выборѣ способовъ ею наслаждаться — здѣсь минуты заботъ не имѣютъ того безпокойства, которое преслѣдуетъ насъ, когда трудимся для однихъ себя: онѣ услаждаются трогательнымъ воспоминаніемъ о существахъ, намъ любезныхъ, которымъ посвятили мы

всю свою жизнь; здѣсь всякое благородное чувство души становится живѣе, возвышеннѣе, непорочнѣе — благотворительность награждается не однимъ тайнымъ одобреніемъ сердца, но вмѣстѣ и нѣжнымъ участіемъ милаго существа, которое въ глазахъ твоихъ есть образъ всѣхъ добродѣтелей; оно сопутствуетъ тебѣ въ хижину печальнаго и нищаго; ты дѣйствуешь не въ одномъ невидимомъ присутствіи Промысла: ты видишь передъ собою Его посланника въ своемъ товарищѣ, къ которому относишь всякое доброе дѣло, всякое доброе чувство; — что можетъ быть трогательнѣе и пламеннѣе молитвы, произносимой въ присутствіи милой супруги вмѣстѣ съ нею, въ полнотѣ своего счастія? Для кого можетъ быть ощутительнѣе Провидѣніе, для кого легче любить своего Создателя, какъ не для нѣжнаго супруга и отца, окруженнаго драгоцѣннѣйшими залогами Ихъ милосердія? Молитва одинокаго человѣка есть требованіе, молитва семьянина есть благодарность.

Но представляя себѣ счастіе, должно воображать и горестныя потери. Супругъ нерѣдко, и слишкомъ рано, лишается супруги; отецъ переживаетъ дѣтей — утраты незамѣняемыя, ибо онѣ разрушаютъ главное счастіе жизни, къ которому относили мы всякое другое. Но развѣ съ утратою любезныхъ теряется для насъ воспоминаніе? Развѣ тому, кто наслаждался настоящимъ, не остается меланхолической, усладительной привязанности къ прошедшему? Ты жилъ для нихъ! ты жилъ вмѣстѣ съ ними! ты радостно летѣлъ къ своей цѣли, окруженный милыми спутниками; спутники твои исчезли .... но ты самъ не измѣнился; поприще твое опустѣло .... но оно все то же, и та же цѣль представляется глазамъ твоимъ въ отдаленіи; стремись къ ней, окруженный знакомыми, дружественными тѣнями! Кто разъ на-

сладился семейственными радостями, тотъ никогда, никогда не узнаетъ уже одиночества: горесть будетъ для него нѣкоторымъ образомъ любовію.

Жуковскій.

IX. *Разсмотрѣніе Рѣчи, говоренной Георгіемъ, Архіепископомъ Могилевскимъ* (*).

«Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше солнце вкругъ насъ ходитъ.» Какое важное и великолѣпное начало! достойное толь великой Монархини и купно чадолюбивой матери, каковую Россія созерцала въ Екатеринѣ Второй. Поистинѣ была Она для ней сіе прекрасное, лучезарное, благотворящее всей природѣ свѣтило. И такъ, при таковомъ расположеніи чувствъ народныхъ, едино изрѣченіе: *наше солнце*, наполняетъ уже сердца слушателей сладкимъ восторгомъ и благоговѣніемъ къ Той, Которая дѣйствительно въ сіе время, подобно солнцу, обтекающему міръ, путешествуя, обтекала Россію. Но искусный проповѣдникъ не удовольствовался изображеніемъ одного Ея великолѣнія, возбужденіемъ одного въ душѣ моей благоговѣнія; нѣтъ, онъ въ то жъ самое время возбуждаетъ еще благодарность и любовь мою

(*) На случай прибытія Екатерины II въ Мстиславль. Рѣчь сія помѣщена ниже, въ своемъ мѣстѣ. *Изд.*

къ Ней, сказавъ: «и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ.» Потомъ, обращаясь къ Ней, говоритъ: «исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего.» Какъ пристойно помѣщены здѣсь сіи, взятыя изъ Священнаго Писанія слова! Женихъ исходитъ изъ чертога своего украшенъ, благозраченъ, веселъ: такъ и Она представляется мнѣ блистающею лучами славы, исходящею изъ великолѣпныхъ храминъ своихъ, осклабляющеюся лицемъ во утѣшеніе предстоящимъ окрестъ Ея народамъ. «Радуйся яко исполинъ тещи путь.» Какъ кратко и сильно сіе выраженіе! Одинъ Славянскій Языкъ удобенъ въ толь немногихъ словахъ соумѣщать такое богатство мыслей. Выраженіе сіе значитъ: имѣя въ себѣ духъ и силы, однимъ великимъ мужамъ свойственныя, имѣя въ себѣ душу, любящую благодѣтельствовать роду смертныхъ, ты съ радостію, съ веселіемъ устремляешься на всякій подвигъ; чѣмъ больше предлежитъ трудъ, тѣмъ сильнѣе возгараешься ты желаніемъ предпріять оный для блага народнаго. — «Отъ края Моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ твоихъ укрыется.» Мы нынѣ охотнѣе говоримъ *укроется*. Чего укроется? «благодѣтельныя теплоты твоея.» Прекрасно! холодъ всю природу умерщвляетъ, холодъ есть образъ жестокости. Теплота, напротивъ, солнечная, благотворная теплота, всякое существо, всякую травку согрѣваетъ, оживляетъ, питаетъ. Теплота есть образъ милосердія: слово сіе весьма здѣсь прилично: «и негорькими хожденіями твоими сидимъ сладко.» Двѣ отрицательныя частицы дѣлаютъ здѣсь красоту. Скажемъ: и не совсѣмъ или не вовсе горькими, хуже. Отнимемъ ихъ, выйдетъ: «и горькими хожденіями» — не хорошо! слишкомъ много сказано, положена чрезъ мѣру яркая, досаждающая взору кра-

ска; надлежитъ пристойною тѣнію смягчить оную, надлежитъ сказать: «и не негорькими хожденіями твоими.» — Но что такое хожденія? труды, подвиги, бдѣнія, попеченія, смѣшанныя съ нѣкоторыми отдохновеніями, особливо же съ удовольствіемъ видѣть народъ свой благоденствующимъ. Сими-то не негорькими ея хожденіями пребываемъ мы въ противномъ тому состояніи: «сидимъ сладко.» Гдѣ? «всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею.» То есть въ дому своемъ, посредѣ семейства своего, подъ кровомъ безопасности, въ тѣни изобилія и спокойства, питаясь отъ собираемыхъ рукою трудолюбія въ мирѣ и тишинѣ плодовъ земныхъ. «Яко же Израиль во дни Соломона.» То есть: какъ народъ Израильскій во времена премудрѣйшаго изъ Царей. «Однако солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе твое.» Какое чувствительное и нѣжное изъявленіе любви и усердія! можетъ ли что быть естественнѣе и приличнѣе сего уподобленія? Извѣстно, что цвѣтокъ, называемый солнечникомъ или подсолнечникомъ, обращаетъ всегда лице свое въ ту страну, гдѣ солнце, такъ какъ бы имѣя смыслъ и зрѣніе, любовался имъ, и не хотѣлъ ни на минуту выпустить его изъ глазъ своихъ. Таковыми и насъ дѣлаетъ проповѣдникъ, вѣщая, что мы, хотя сидя на мѣстѣ, и не слѣдуемъ за сею Великою путешественницею, однако же и очи и сердца наши туда обращаемъ, гдѣ видимъ или слышимъ быть наше лучезарное солнце, возлюбленную нашу владычицу. «Тецы убо, о солнце наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ твоихъ благонамѣреніяхъ.» Весьма хорошо; но послушаемъ, какой послѣ сего прекраснаго взыванія удивительный слѣдуетъ оборотъ: «къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, яко же Іисусъ На-

винъ, и руки и сердца наша простирая, къ небу возопіемъ: стой солнце и не движись, дондеже вся, великимъ твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши.» Вотъ что называется превыспреннимъ въ словесности изреченіемъ, о которомъ Лонгинъ говоритъ, что оно внезапу, какъ молнія, поражаетъ души наши, и производитъ въ нихъ чувствованія восторга и удивленія! Въ самомъ дѣлѣ здѣсь: *стой солнце*, есть такое превыспреннее выраженіе, которому едва ли не уступятъ славныя Корнелевы moi (*) и qu'il mourût (*). Ѳеофанъ, при погребеніи Петра Великаго, началъ проповѣдь свою сими словами: «что слышимъ? что видимъ, о Россіяне! Петра Великаго погребаемъ!» Съ произношеніемъ послѣдняго изъ сихъ словъ самъ онъ не могъ удержаться отъ рыданія, и все, что ни было въ церкви, вмѣстѣ съ нимъ горько зарыдало: толико-то важность обстоятельствъ дѣлаетъ сильнымъ приличествующее онымъ слово! Здѣсь, въ Георгіевой Рѣчи, то жъ примѣчаемъ; то жъ сила обстоятельствъ съ силою краснорѣчія соединяется. Когда я представляю себѣ знаменитаго первосвященника сего во храмѣ, въ облаченіи, предъ лицемъ вельможъ и народа, простирающаго слово свое къ премудрѣйшей, человѣколюбивѣйшей, величайшей изъ вѣнценосныхъ главъ; когда онъ уже и безъ того давно дышащія къ Ней усердіемъ сердца, искусствомъ велерѣчивыхъ словъ своихъ еще болѣе воспламенилъ, такъ, что они въ сіе время ничего кромѣ славы Ея не видятъ, ничего кромѣ блаженства своего и любви къ Ней не чувствуютъ; когда, говорю, онъ, доведя ихъ до сего сладкаго очарованія, вдругъ мысль

(*) Médée, Tragédie de P. Corneille. Acte I. Scène V.
(**) Horace, Tragédie du même auteur. Acte III. Scène VI.

свою на противное обращаетъ, и какъ бы пораженный страхомъ, чтобъ текущее къ западу солнце сіе, отрада и утѣшеніе человѣчеству, опустясь въ воды, вселенной не погрузило въ вѣчную тму, съ ужасомъ возопіетъ *стой, солнце, и не движись:* тогда вподлинну сердце мое, трепетомъ и радостію колеблемое, содрогается и чаетъ внимать превысшему смертныхъ существу, повелительнымъ гласомъ своимъ теченіе природы останавливающему!

Шишковъ.

X. *О Баснѣ и Басняхъ Крылова.*

Что въ наше время называется баснею? Стихотворный разсказъ происшествія, въ которомъ дѣйствующими лицами обыкновенно бываютъ или животныя или твари неодушевленныя. Цѣль сего разсказа — впечатлѣніе въ умѣ какой нибудь нравственной истины, заимствуемой изъ общежитія, и слѣдовательно болѣе или менѣе полезной.

Отвлеченная истина, предлагаемая простымъ и вообще для рѣдкихъ пріятнымъ языкомъ философа-моралиста, дѣйствуя на однѣ способности умственныя, оставляетъ въ душѣ человѣческой одинъ только легкій и слишкомъ скоро исчезающій слѣдъ. Та же самая истина, представленная въ дѣйствіи, и слѣдовательно пробуждающая въ насъ и чувство и воображеніе, принимаетъ въ глазахъ нашихъ образъ вещественный, впечатлѣвается въ разсудкѣ сильнѣе и

должна сохраниться въ немъ долѣе. Какое сравненіе между сухимъ понятіемъ, облеченнымъ въ простую одежду словомъ, и тѣмъ же самымъ понятіемъ, одушевленнымъ, украшеннымъ пріятностію вымысла, имѣющимъ отличительную, замѣтную для воображенія нашего форму? — Таковъ главный предметъ баснописца.

Дѣйствующими лицами въ баснѣ бываютъ обыкновенно или животныя, лишенныя разсудка, или творенія неодушевленныя. Полагаю тому четыре главныя причины. Первая: особенность характера, которою каждое животное отличено одно отъ другаго. Басня есть мораль въ дѣйствіи; въ ней общія понятія нравственности, извлекаемыя изъ общежитія, примѣняются, какъ сказано выше, въ случаѣ частномъ, и посредствомъ сего примѣненія дѣлаются ощутительнѣе. Тотъ міръ, который находимъ въ баснѣ, есть нѣкоторымъ образомъ чистое зеркало, въ которомъ отражается міръ человѣческій. Животныя представляютъ въ ней человѣка, но человѣка въ нѣкоторыхъ только отношеніяхъ, съ нѣкоторыми особенными свойствами, и каждое животное, имѣя при себѣ свой неотъемлемый характеръ, есть, такъ сказать, готовое и для каждаго ясное изображеніе какъ человѣка, такъ и характера, ему принадлежащаго. Вы заставляете дѣйствовать волка — я вижу кровожаднаго хищника; выводите на сцену лисицу — я вижу льстеца или обманщика — и вы избавлены отъ труда прибѣгать къ излишнему объясненію. Второе: перенося воображеніе читателя въ новый мечтательный міръ, вы доставляете ему удовольствіе сравнивать вымышленное съ существующимъ (которому первое служитъ подобіемъ), а удовольствіе сравненія дѣлаетъ и самую мораль привлекательною. Третіе: басня есть нравственный урокъ, который, съ помощію скотовъ и вещей неодушевленныхъ, даете вы человѣку; пред-

ставляя ему въ примѣръ существа, отличныя отъ него натурою, и совершенно для него чуждыя, вы щадите его самолюбіе, вы заставляете его судить безпристрастно, и онъ нечувствительно произноситъ строгій приговоръ надъ самимъ собою. Четвертое: прелесть чудеснаго. На ту сцену, на которой привыкли мы видѣть дѣйствующимъ человѣка, выводите вы могуществомъ стихотворства такія творенія, которыя въ существенности удалены отъ нее природою — чудесность, столь же для насъ пріятная, какъ и въ эпической поэмѣ дѣйствіе сверхъ-естественныхъ силъ, духовъ, сильфовъ, гномовъ и имъ подобныхъ. Разительность чудеснаго сообщается нѣкоторымъ образомъ и той морали, которая сокрыта подъ нимъ стихотворцемъ, а читатель, чтобы достигнуть до этой морали, согласенъ и самую чудесность принимать за естественное.

Напрасно приписываютъ изобрѣтеніе басни рабству, а честь сего изобрѣтенія отдаютъ въ особенности какому-то азіятскому народу. Не знаю, почему рабамъ приличнѣе употреблять иносказанія, нежели свободнымъ. Если невольникъ, опасаясь раздражить тирана, принужденъ скрывать истину подъ маскою вымысла, то человѣкъ свободный, въ угожденіе самолюбію — другаго рода тирану и, можетъ быть, еще болѣе взыскательному — не менѣе обязанъ украшать предлагаемое имъ наставленіе формою пріятною. Въ обоихъ случаяхъ положеніе моралиста одинаково. Что же касается до изобрѣтенія, то басня, кажется намъ, принадлежитъ не одному народу въ особенности, а всѣмъ вообще, равно какъ и всѣ другіе роды поэзіи. Вѣроятно, что прежде она была собственностію не стихотворца, а ритора и философа. И риторъ и философъ, разсуждая о предметахъ политики и нравственности, употребляли, для бо́льшей ясности, сравненія и примѣры, заимствованные изъ общежитія

или природы. Отъ простаго примѣра, въ которомъ представляемо было одно только сходство идеи предлагаемой съ предметомъ заимствованнымъ, легко могли перейти къ баснѣ, въ которой предлагаемая истина выводима изъ дѣйствія вымышленнаго, но имѣющаго отношеніе къ дѣйствію настоящему и, такъ сказать, заступающему его мѣсто (ибо, для произведенія сильнѣйшаго впечатлѣнія, дѣйствіе вымышленное должно быть принимаемо въ баснѣ (условно) за сбыточное, возможное, и какъ будто въ самомъ дѣлѣ случившееся). Примѣръ объясняетъ мысль, но онъ сливается съ предложеніемъ и, такъ сказать, въ немъ исчезаетъ. Басня есть нѣчто отдѣльное и цѣлое: она заключаетъ въ себѣ дѣйствіе для насъ привлекательное — отъ сей отдѣльности и цѣлости и самая мораль получаетъ характеръ отличительный, а будучи выводима изъ дѣйствія привлекательнаго, сама становится для насъ привлекательнѣе.

Въ Исторіи басни можно замѣтить три главныя эпохи: первая, когда она была не иное что, какъ простой риторическій способъ, примѣръ, сравненіе; вторая, когда получила бытіе отдѣльное и сдѣлалась однимъ изъ дѣйствительнѣйшихъ способовъ предложенія моральной истины для ритора или философа нравственнаго — таковы басни, извѣстныя намъ подъ именемъ Езоповыхъ, Федровы и въ наше время Лессинговы; третія, когда изъ области краснорѣчія перешла она въ область поэзіи, то есть, получила ту форму, которою обязана въ наше время Лафонтену и его подражателямъ, а въ древности Горацію (*). Древніе философы — (древнихъ баснописцевъ надлежитъ скорѣе причислить къ простымъ моралистамъ, нежели къ поэтамъ) — не сочиняли басень: они разсказыва-

---

(*) Сатира VI. книга II.

ли ихъ при случаѣ, примѣняя ихъ къ обстоятельствамъ или къ той истинѣ, которую доказать были намѣрены; они хотѣли не нравиться своимъ разсказомъ, а просто наставлять, и для того, употребляя басню, какъ способъ убѣжденія или объясненія, менѣе заботились о формѣ ея, нежели о согласіи своего вымысла съ моральною истиною, изъ него извлекаемою, или тѣмъ случаемъ, заимствованнымъ изъ общежитія, которому онъ служилъ подобіемъ. Слѣдственно отличительный характеръ басень древнихъ должна быть краткость. Моралистъ, имѣя въ предметѣ запечатлѣть въ умѣ читателя или слушателя извѣстное правило практической морали, долженъ необходимо избѣгать всякой излишности въ разсказѣ — слѣдовательно всякое украшеніе почитать излишностію. Языкъ его долженъ быть самый простой и краткій — слѣдовательно проза (Федръ писалъ въ стихахъ, но его стихи отличны отъ простой прозы однимъ только размѣромъ); наконецъ, заставляя дѣйствовать скотовъ и тварей неодушевленныхъ, онъ долженъ употреблять ихъ, какъ одни аллегорическіе образы тѣхъ характеровъ, которые намѣренъ изобразить — слѣдовательно въ одномъ только отношеніи къ симъ характерамъ, а не давать каждому характера собственнаго, ему принадлежащаго, не относительнаго, что отвлекло бы вниманіе отъ главнаго предмета, то есть отъ нравственности, и обратило бы его на принадлежность, то есть на тѣ аллегорическія лица, которыя входятъ въ составъ басни. Лучшимъ образцемъ такихъ басень могутъ быть, по мнѣнію моему, Лессинговы. — Но сдѣлавшись собственностію стихотворца, басня перемѣнила и форму: что прежде было простою принадлежностію — я говорю о дѣйствіи — то сдѣлалось главнымъ и столь же важнымъ для стихотворца, какъ и самая нравственность. Поэзію называютъ подражаніемъ природѣ: цѣль ея нравиться во-

ображенію, образуя разсудокъ и сердце, — слѣдовательно и баснописецъ-поэтъ необходимо долженъ, подражая той природѣ, которую беретъ за образецъ, нравиться воображенію своимъ подражаніемъ. И такъ въ баснѣ стихотворной я долженъ подъ личиною вымысла находить существенный міръ со всѣми его оттѣнками; животныя, герои басни, представляютъ людей; слѣдовательно они должны для воображенія моего сохранить не только собственный данный природою имъ образъ, но вмѣстѣ и относительный, данный имъ стихотворцемъ, такъ, чтобы я видѣлъ предъ собою въ одномъ и томъ же лицѣ и животное, и тотъ человѣческій характеръ, которому оно служитъ изображеніемъ, со всѣми ихъ отличительными чертами. — Баснописецъ-поэтъ составляетъ одинъ мечтательный міръ изъ двухъ существенныхъ: въ одномъ заимствуетъ характеры, свойства нравственныя и самое дѣйствіе, въ другомъ одни только лица. Чего же я отъ него требую? Чтобы онъ плѣнялъ мое воображеніе вѣрнымъ изображеніемъ лицъ; чтобы онъ своимъ разсказомъ принудилъ меня принимать въ нихъ живое участіе; чтобы овладѣлъ и вниманіемъ моимъ и чувствомъ, заставляя ихъ дѣйствовать согласно съ нравственными свойствами, имъ данными; чтобы волшебствомъ поэзіи увлекъ меня вмѣстѣ съ собою въ тотъ мысленный міръ, который созданъ его воображеніемъ, и сдѣлалъ на время, такъ сказать, согражданиномъ его обитателей, и чтобы, наконецъ, удовлетворилъ разсудку моему какою нибудь нравственною истиною, которая не иное что, какъ цѣль, къ которой привелъ онъ меня стезею цвѣтущею. Таковы басни стихотворцевъ новѣйшихъ, и въ особенности Лафонтеновы.

Изъ всего сказаннаго выше слѣдуетъ, что басня (не смотря на Лессингово, нѣсколько натянутое раздѣленіе) можетъ быть естественно: или прозаическая,

въ которой вымыселъ безъ всякихъ украшеній, ограниченный однимъ простымъ разсказомъ, служитъ только прозрачнымъ покровомъ нравственной истины; или стихотворная, въ которой вымыселъ украшенъ всѣми богатствами поэзіи, въ которой главный предметъ стихотворства, запечатлѣвая въ умѣ нравственную истину, нравиться воображенію и трогать чувство.

Что же, спрашиваемъ, составляетъ совершенство басни? Въ прозаической — краткость, ясный слогъ, приличіе вымышленнаго происшествія той нравственности, которая должна быть изъ него извлекаема. Но стихотворная? Она требуетъ гораздо болѣе, и мы, чтобъ получить нѣкоторое понятіе о совершенствѣ ея, взглянемъ на того стихотворца, который, первый показавъ образецъ стихотворной басни, остался навсегда образцемъ неподражаемымъ — я говорю о Лафонтенѣ. Опредѣливъ характеръ сего единственнаго стихотворца, мы въ то же время опредѣлимъ и истинный характеръ совершенной басни.

Нельзя, мнѣ кажется, достигнуть до надлежащаго превосходства въ семъ родѣ стихотворенія, не имѣвъ того характера, который находимъ въ Лафонтенѣ, получившемъ отъ современниковъ наименованіе добродушнаго. Баснописецъ есть сынъ природы, предпочтительно предъ всѣми другими стихотворцами. Самый обыкновенный умъ способенъ украсить нравоученіе вымысломъ, вывесть на сцену скотовъ, дать языкъ вещамъ неодушевленнымъ — но будетъ ли въ произведеніяхъ та прелесть, которую находимъ въ басняхъ и вообще во всѣхъ сочиненіяхъ Лафонтена? Чтобъ принимать живое участіе въ тѣхъ маловажныхъ предметахъ, которые должны овладѣть вниманіемъ баснописца, и сдѣлать ихъ занимательными для самаго хладнокровнаго читателя, надлежитъ имѣть сію неискусственную чувствительность

невиннаго сердца, которая привязываетъ его ко всѣмъ созданіямъ природы безъ изъятія; сію полноту души, съ которою бываемъ мы счастливы при совершенномъ недостаткѣ преимуществъ, доставляемыхъ и обществомъ и фортуною, съ которою мы веселы въ уединеніи, и заняты, не имѣя никакого дѣла; сіе расположеніе къ добру, съ которымъ все представляется намъ и въ обществѣ и въ природѣ прекраснымъ, потому что все бываетъ тогда украшено въ глазахъ нашихъ собственнымъ нашимъ чувствомъ; сію беззаботность, которая оставляетъ намъ полную свободу заниматься съ удовольствіемъ такими вещами, которыя для другихъ какъ будто не существуютъ или кажутся презрѣнными; сіе простодушіе, которое увѣряетъ насъ, что всѣ имѣютъ одинакое съ нами чувство и всѣ способны принимать одинакое съ нами участіе въ тѣхъ предметахъ, которые для насъ однихъ привлекательны; — тогда вся природа наполнена для насъ существами знакомыми и любезными нашему сердцу; всѣ творенія составляютъ наше семейство — мы трогаемся судьбою увядающаго цвѣтка, раздѣляемъ заботливость ласточки, свивающей для малютокъ своихъ гнѣздо, наслаждаемся, внимая пѣнію пустыннаго соловья, и сожалѣемъ объ немъ, будучи искренно увѣрены, что и онъ имѣетъ свои потери; чувства сіи живы, потому что душа, наполненная ими, будучи истинно непорочна, предается имъ съ младенческою беззаботливостію, неразвлекаемая никакимъ посторошнимъ безпокойствомъ, никакою возмутительною страстію. Таковъ характеръ Лафонтена. Можно ли жъ удивляться, что басни его имѣютъ для всѣхъ неизъяснимую прелесть? Лафонтенъ разсказываетъ намъ о тѣхъ существахъ, которыя къ нему близки, и первый совершенно увѣренъ въ истинѣ своего разсказа. Подумаешь, что натура наименовала его историкомъ того міра, въ который

онъ переселился воображенiемъ; онъ разсказываетъ съ чувствомъ о своей родинѣ; онъ хочетъ и васъ заставить полюбить ту сторону, которая такъ мила и знакома; онъ говоритъ съ вами не для того, чтобъ быть вашимъ наставникомъ, но для того, что ему весело говорить; не ищите въ басняхъ его нравственности — ея нѣтъ! но вы найдете въ нихъ его душу, которая вся изливается передъ вами въ прелестныхъ чувствахъ, въ простыхъ для всякаго ясныхъ мысляхъ, безъ умысла, безъ искусства; вы слышите милаго младенца, исполненнаго высокой мудрости; научаясь любить его, вы становитесь сами лучше и довольнѣе собственнымъ бытiемъ, и нечувствительно находите все вокругъ себя прекраснымъ. Читая Лафонтена, замѣчаемъ въ душѣ своей то чувство, которое обыкновенно производитъ въ ней присутствiе скромнаго, милаго, совершенно добродушнаго мудреца — она спокойна, счастлива, довольна и природою, и собою. Съ такимъ единственнымъ характеромъ Лафонтенъ соединялъ и дарованiя поэта въ высочайшей степени. Что называю дарованiемъ поэта? Воображенiе, представляющее предметы живо и съ самой привлекательной стороны, способность изображать сiи предметы для другихъ приличными имъ красками, и такъ, чтобы они представлялись имъ съ такою же ясностiю, съ какою и намъ самимъ представляются; способность (въ особенности необходимая баснописцу) разсказывать просто, прiятно, безъ принужденiя, но разсказывать языкомъ стихотворнымъ, то есть, украшая безъ всякой натяжки простой разсказъ выраженiями высокими, пiитическими вымыслами, картинами, и разнообразя его смѣлыми оборотами. Таковъ Лафонтенъ въ своихъ басняхъ. Никто не умѣетъ столь непринужденно переходить отъ простаго предмета къ высокому, отъ обыкновеннаго разсказа къ стихотворному; никто не

имѣетъ такого разнообразія оборотовъ, такой живописности выраженій, такого искусства сливать съ простымъ описаніемъ остроумныя мысли или нѣжныя чувства. Найдите въ баснѣ: *Ястреба и голуби* (Livre VII. Fable VIII.) описаніе сраженія; читая его, можете вообразить, что дѣло идетъ о Римлянахъ и Германцахъ: такъ много въ немъ поэзіи; но тонъ стихотворца ни мало не покажется вамъ неприличнымъ его предмету. Отчего это? Отъ того, что онъ воображеніемъ присутствуетъ при томъ происшествіи, которое описываетъ, и первый совершенно увѣренъ въ его важности; не мыслитъ васъ обманывать, но самъ обманутъ. Въ этой же баснѣ замѣтите вы удивительное искусство Лафонтена: занимаясь однимъ предметомъ, изображать мимоходомъ предметы посторонніе и пріятные; онъ говоритъ о ястребахъ, и вашему воображенію представляются первыя минуты весны: вы видите молодыя деревья, подъ которыми поютъ птицы, и со всѣмъ тѣмъ ваше вниманіе не отвлечено отъ главнаго предмета; ибо эта прелестная картина естественно сливается съ описаніемъ главнымъ. Далѣе, говоря о голубяхъ, Лафонтенъ одною чертою изображаетъ и ихъ наружность, и ихъ характеръ:

. . . . . Nation
Au col changeant, au cocur tendre et fidèle!

Въ первомъ полустишіи картина, въ послѣднемъ трогательное, нѣжное чувство: стихотворецъ, изображая предметы, сообщаетъ вамъ и то пріятное расположеніе души, съ какимъ онъ самъ на нихъ смотритъ. Таково неподражаемое искусство Лафонтена!

Изъ всего, что сказано выше, легко можно вывести общія правила для баснописца. Оставляя этотъ трудъ нашимъ читателямъ, мы обратимъ глаза на

басни господина Крылова, которыя подали намъ поводъ къ симъ разсужденіямъ (*). Чтобы опредѣлить характеръ нашего стихотворца, надлежитъ разсматривать басни его не съ той точки зрѣнія, съ какой обыкновенно смотримъ на басни Лафонтена. Лафонтенъ, который не выдумалъ ни одной собственной басни, почитается, не взирая на то, поэтомъ оригинальнымъ. Причина ясная: Лафонтенъ, заимствуя у другихъ вымыслы, ни у кого не заимствовалъ ни той прелести слога, ни тѣхъ чувствъ, ни тѣхъ мыслей, ни тѣхъ истинно стихотворныхъ картинъ, ни того характера простоты, которыми украсилъ и, такъ сказать, обратилъ въ свою собственность заимствованное. Разсказъ принадлежитъ Лафонтену, а въ стихотворной баснѣ разсказъ есть главное. Г. Крыловъ, напротивъ, занялъ у Лафонтена (въ большой части басень своихъ) и вымыселъ и разсказъ, слѣдовательно можетъ имѣть право на имя автора оригинальнаго по одному только искусству присвоивать себѣ чужія мысли, чужія чувства и чужой геній. Не опасаясь никакого возраженія, мы позволяемъ себѣ утверждать рѣшительно, что подражатель-стихотворецъ можетъ быть авторомъ оригинальнымъ, хотя бы онъ не написалъ и ничего собственнаго. Переводчикъ въ прозѣ есть рабъ, переводчикъ въ стихахъ — соперникъ. Вы видите двухъ актеровъ, которые занимаютъ искусство декламаціи у третьяго: одинъ подражаетъ съ рабскою точностію и взорамъ и тѣлодвиженіямъ образца своего; другой, напротивъ, стараясь сравниться съ нимъ въ превосходствѣ представленія одинаковой роли, употребляетъ способы собственные, ему одному приличные. Поэтъ оригинальный

(*) Здѣсь говорится о первомъ изданіи басень Г. Крылова, въ одной книжкѣ, 1808 года.

воспламеняется идеаломъ, который находитъ у себя въ воображеніи; поэтъ-подражатель въ такой же степени воспламеняется образцемъ своимъ, который заступаетъ для него тогда мѣсто идеала собственнаго: слѣдственно подражатель, уступая образцу своему пальму изобрѣтательности, долженъ необходимо имѣть почти одинаковое съ нимъ воображеніе, одинаковое искусство слога, одинаковую силу въ умѣ и чувствахъ. Скажу болѣе: подражатель, не будучи изобрѣтателемъ въ цѣломъ, долженъ имъ быть непремѣнно по частямъ. Прекрасное рѣдко переходитъ изъ одного языка въ другой, не утративъ нѣсколько своего совершенства: что же обязанъ дѣлать переводчикъ? Находить у себя въ воображеніи такія красоты, которыя бы могли служить замѣною, слѣдовательно производить собственное, равно и превосходное, — не значитъ ли это быть творцемъ? и не потребно ли для того имѣть дарованіе писателя оригинальнаго? Замѣтимъ, что для переводчика басни, такого рода оригинальность гораздо нужнѣе, нежели для переводчика оды, эпопеи и другихъ возвышенныхъ стихотвореній. Всѣ языки имѣютъ между собою нѣкоторое сродство въ высокомъ, и совершенно отличны одинъ отъ другаго въ простомъ, или, лучше сказать, въ простонародномъ. Оды и прочія возвышенныя стихотворенія могутъ быть переведены довольно близко, не потерявъ своего совершенства; напротивъ басня (въ которую, надобно замѣтить, входятъ и красоты, принадлежащія всѣмъ прочимъ родамъ стихотворства) будетъ совершенно испорчена переводомъ близкимъ. Что жъ долженъ дѣлать баснописецъ-подражатель? Творить въ подражаніи своемъ красоты, отвѣчающія тѣмъ, которымъ онъ удивляется въ подлинникѣ. А если онъ не имѣетъ ни чувства, ни воображенія, ни даже изобрѣтательности того стихотворца, которому подражаетъ, что будетъ

его переводъ? смѣшная карикатура прекраснаго идеала.

Мы позволяемъ себѣ утверждать, что господинъ Крыловъ можетъ быть причисленъ къ переводчикамъ искуснымъ, и потому точно заслуживаетъ имя стихотворца оригинальнаго. Слогъ басенъ его вообще легкій, чистый и всегда пріятный. Онъ разсказываетъ свободно, и нерѣдко съ тѣмъ милымъ простодушіемъ, которое такъ плѣнительно въ Лафонтенѣ. Онъ имѣетъ гибкій слогъ, который всегда примѣняетъ къ своему предмету: то возвышается въ описаніи величественномъ, то трогаетъ насъ простымъ изображеніемъ нѣжнаго чувства, то забавляетъ смѣшнымъ выраженіемъ или оборотомъ. Онъ искусенъ въ живописи, имѣя даръ воображать весьма живо предметы свои, онъ умѣетъ и переселять ихъ въ воображеніе читателя; каждое дѣйствующее въ баснѣ его лице имѣетъ характеръ и образъ, ему одному приличные; читатель точно присутствуетъ мысленно при томъ дѣйствіи, которое описываетъ стихотворецъ.

Лучшими баснями изъ XXIII, имѣющихъ каждая свое достоинство, почитаемъ слѣдующія: *Два Голубя*, *Невѣста*, *Стрекоза и Муравей*, *Пустынникъ и Медвѣдь*, *Лягушки, просящія царя.*

Два Голубя, басня, переведенная изъ Лафонтена, кажется намъ почти столько же совершенною, какъ и басня Г. Дмитріева того же имени: въ обѣихъ разсказъ равно пріятный; въ послѣдней болѣе поэзіи, краткости и силы въ слогѣ; за то въ первой, если не ошибаемся, чувства выражены съ большимъ простодушіемъ.

Два Голубя, какъ два родные брата жили;
Другъ безъ друга они не ѣли и не пили;
Гдѣ видишь одного, другой ужъ вѣрно тамъ,
И радость и печаль все было пополамъ!

Не видѣли они, какъ время протекало:
Бывало грустно имъ, а скучно не бывало!

Въ этихъ шести стихахъ, которые всѣ принадлежатъ подражателю, распространенъ одинъ прекрасный стихъ Лафонтена:

Deux pigeons s'aimaient d'amour tendre.

Но они вѣрно никому не покажутся излишними. Можно ли пріятнѣе представить счастливое согласіе двухъ друзей? Вотъ то, что называется замѣнить красоты подлинника собственными! Вы конечно замѣтили послѣдній простой и нѣжный стихъ:

Бывало грустно имъ, а скучно не бывало.

Ну кажется, куда бъ хотѣть
Или отъ милой, иль отъ друга —
Нѣтъ! вздумалъ странствовать одинъ изъ нихъ летѣть!

И этихъ стиховъ нѣтъ въ подлинникѣ — но они милы тѣмъ простодушіемъ, съ какимъ выражается въ нихъ нѣжное чувство!

Хотите ли картинъ? Вотъ изображеніе бури въ одномъ живописномъ стихѣ:

Вдругъ встрѣчу дождь и громъ!
Подъ нимъ, какъ океанъ, синѣетъ степь кругомъ.

Вотъ изображеніе опасности голубка-путешественника, котораго преслѣдуетъ ястребъ:

Ужъ когти хищные надъ нимъ распущены!
Ужъ холодомъ въ него съ широкихъ крыльевъ пашетъ!

Въ Лафонтенѣ этихъ стиховъ нѣтъ; но подражатель, кажется, хотѣлъ замѣнить ими другіе два, нѣсколько ослабленные имъ въ переводѣ:

. . . . Quand des nues
Fond à son tour un aigle aux ailes étendues.

Сожалѣемъ также, что онъ выпустилъ прекрасный стихъ, который переведенъ такъ удачно у Г. Дмитріева:

Le pigeon profita du conflit des voleurs —
И такъ, благодаря стеченію воровъ.

Стихъ тѣмъ болѣе важный, что въ немъ стихотворецъ мимоходомъ, одною чертою напоминаетъ намъ о томъ, что дѣлается въ свѣтѣ, гдѣ иногда раздоръ злодѣевъ бываетъ спасеніемъ невинности. Это искусство *намѣкать* принадлежитъ въ особенности Лафонтену. Заключеніе басни прекрасно въ обоихъ переводахъ, съ тою только разницею, что Г. Крыловъ замѣнилъ стихи подлинника собственными, а Г. Дмитріевъ перевелъ очень близко Лафонтена и съ нимъ сравнился.

Выпишемъ еще нѣсколько примѣровъ. Вотъ прекрасное изображеніе моровой язвы:

Лютѣйшій бичъ небесъ, Природы ужасъ, Моръ
Свирѣпствуетъ въ лѣсахъ — уныли звѣри!
Въ адъ распахнулись настежь двери;
Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ,
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы,
На часъ по тысячѣ валится ихъ;
А тѣ, которые въ живыхъ,
Такой же части ждя, чуть ходятъ полумертвы.
Тѣ жъ звѣри, да не тѣ въ бѣдѣ великой той:
Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ,
И пища имъ на умъ нейдетъ!
Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Г. Крыловъ занялъ у Лафонтена искусство смѣшивать съ простымъ и легкимъ разсказомъ картины, истинно стихотворныя:

Смерть рыщетъ по полямъ, по рвамъ, по высямъ горъ,
Вездѣ разметаны ея свирѣпства жертвы.

Два стиха, которые не испортили бы никакого описанія моровой язвы въ эпической поэмѣ.

Не давитъ волкъ овецъ, и смиренъ какъ святой;
Давъ курамъ роздыхъ и покой,
Лиса постится въ подземельѣ.

Здѣсь разсказъ стихотворный забавенъ и легокъ, но онъ не составляетъ непріятной противоположности съ піитическою картиною язвы. А въ слѣдующихъ трехъ стихахъ съ простымъ описаніемъ сливается нѣжное чувство:

Съ голубкой голубь врозь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

Это переводъ, и самый лучшій, прекрасныхъ Лафонтеновыхъ стиховъ:

Les tourterelles se fuyaient!
Plus d'amour, partant plus de joie!

Какая разница съ переводомъ Княжнина, который однако не дуренъ:

И горлицы другъ друга убѣгаютъ,
Нѣтъ болѣе любви въ лѣсахъ и нѣтъ утѣхъ.

Вотъ еще нѣсколько примѣровъ: мы оставляемъ замѣтить въ нихъ красоты самимъ читателямъ.

Примѣръ разговора. Стрекоза пришла съ просьбою къ муравью:

Не оставь меня, кумъ милой,
Дай ты мнѣ собраться съ силой,
И до вешнихъ только дней
Прокорми и обогрѣй. —
«Кумушка, мнѣ странно это!
«Да работала ль ты въ лѣто?

— Говоритъ ей Муравей.
До того ль, голубчикъ, было?
Въ мягкихъ муравахъ у насъ,
Пѣсни, рѣзвость всякой часъ,
Такъ, что голову вскружило! и проч.

Лягушки просили у Юпитера царя — и Юпитеръ

Далъ имъ царя—летитъ къ нимъ съ шумомъ царь съ небесъ
И плотно такъ онъ треснулся на царство,
Что ходенемъ пошло трясинно государство.
Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ,
И шепотомъ царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ, не вертопрашенъ,
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ!
Ну, посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто;
Чуть смѣютъ на него глядѣть они — и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку.
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому не пригдядѣлся бъ свѣтъ,
То и онѣ — сперва отъ страха отдохнули,
Потомъ къ царю подползть съ преданностью дерзнули.
Сперва передъ царемъ ничкомъ,
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему бочкомъ,
Дай попытаться сѣсть съ нимъ рядомъ;
А тамъ, которые еще поудалѣй,
Къ царю садятся ужъ и задомъ.
Царь терпитъ все, по милости своей.
Немного погодя, посмотришь, кто захочетъ,
Тотъ на него и вскочитъ.

Можно забыть, что читаешь стихи: такъ этотъ разсказъ легокъ, простъ и свободенъ. Между тѣмъ, какая поэзія! я разумѣю здѣсь подъ словомъ *поэзія* искусство представлять предметы такъ живо, что они кажутся присутственными:

Что ходенемъ пошло трясинно государство!

Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно* прекрасно изображаютъ потрясеніе болота.

Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда кто могъ!

Въ послѣднемъ стихѣ, напротивъ, красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ скачки и прыганье. Вся эта тирада есть образецъ легкаго, пріятнаго и живописнаго разсказа. Смѣемъ даже утверждать, что здѣсь подражаніе превосходитъ подлинникъ, а это весьма много, ибо Лафонтенова басня прекрасна; въ стихахъ послѣдняго, кажется, менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ. Еще одинъ или два примѣра — и кончимъ.

Жилъ нѣкто человѣкъ безродный, *одинакой*,
Вдали отъ города, въ глуши.
Про жизнь пустынную какъ сладко ни пиши,
А въ одиночествѣ способенъ жить не всякой;
Утѣшно намъ и грусть и радость раздѣлить.
Мнѣ скажутъ: а лужокъ? а темная дуброва,
Пригорки, ручейки и мурава шелкова? —
Прекрасны, что и говорить!
А все прискучатся, какъ не съ кѣмъ молвить слова.

Вотъ истинное простодушіе Лафонтена, который вѣрно не могъ бы выразиться лучше, когда бы родился Русскимъ! Замѣтимъ однако здѣсь ошибку:

Г. Крыловъ употребилъ слово *одинакой* (съ кѣмъ или съ чѣмъ-нибудь совершенно сходный) вмѣсто слова *одинокой* (не имѣющій ни родства, ни знакомства, ни связей) (*). — Далѣе, авторъ описываетъ пустынника и друга его, медвѣдя. Первый усталъ отъ прогулки, послѣдній предлагаетъ ему заснуть:

Пустынникъ былъ сговорчивъ, легъ, зѣвнулъ,
Да тотчасъ и заснулъ.
А Миша на часахъ, да онъ и не безъ дѣла:
У друга на носъ муха сѣла —
Онъ друга обмахнулъ —
Взглянулъ —
А муха на щекѣ — согналъ — а муха снова
У друга на носу!

Здѣсь подражаніе несравненно лучше подлинника. Лафонтенъ сказалъ просто:

Sur le bout de son nez une (муха) allant se placer,
Mit l'ours au désespoir — il eut beau la chasser!

Какая разница! Въ переводѣ картина, и картина совершенная; стихи летаютъ вмѣстѣ съ мухою. Непосредственно за ними слѣдуютъ другіе, изображающіе противное, медлительность медвѣдя; здѣсь всѣ слова длинныя, стихи тянутся:

Вотъ Мишенька, не говоря ни слова,
Увѣсистый булыжникъ въ лапы сгрёбъ,
Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу,
Самъ думаетъ: молчи жъ! ужъ я тебя воструху!
И у друга на лбу подкарауля муху,
Что силы есть, хвать друга камнемъ въ лобъ.

Всѣ эти слова: *Мишенька*, *увѣсистый*, *булыжникъ*, *корточки*, *переводитъ*, *думаетъ*, *и у друга*,

---

(*) Эта погрѣшность исправлена Г. Крыловымъ въ послѣдовавшихъ изданіяхъ. См. Басню сію въ 4 томѣ *Учебной книги*. *Изд.*

подкарауля, прекрасно выражаютъ медлительность и осторожность: за пятью длинными, тяжелыми стихами слѣдуетъ быстрое полустишіе:

— Хвать друга камнемъ въ лобъ!

Это молнія! это ударъ! Вотъ истинная живопись, и какая противоположность послѣдней картины съ первою!

Но довольно! Читатели могутъ сами развернуть *Басни Г. Крылова*, и замѣтить въ нихъ тѣ красоты, о которыхъ мы не сказали ни слова, за неимѣніемъ времени и мѣста. Сдѣлаемъ общее замѣчаніе о недостаткахъ: слогъ Г. Крылова кажется намъ въ иныхъ мѣстахъ растянутымъ и слабымъ (за то мы нигдѣ не замѣтили ни малѣйшей принужденности въ разсказѣ); попадаются погрѣшности противъ языка, выраженія противныя вкусу, грубыя и тѣмъ болѣе замѣтныя, что слогъ вообще вездѣ и легокъ и пріятенъ.

Жуковскій.

ГЛАВА ШЕСТАЯ.

ДѢЛОВЫЯ БУМАГИ.

§ 201. *Дѣловыми бумагами* вообще называются сочиненія, употребляемыя въ разныхъ сношеніяхъ по дѣламъ гражданскимъ и государственнымъ.

§ 202. По причинѣ множества и разнообразія сношеній и обстоятельствъ, могущихъ случиться въ дѣлахъ гражданъ и государствъ, дѣловыя бумаги весьма бываютъ между собою различны, какъ но цѣли своей и содержанію, такъ слѣдственно и по слогу. Вообще можно раздѣлить дѣловыя бумаги на три главные разряда: 1) *высокій* заключаетъ съ себѣ сношенія государствъ между собою, или правительствъ съ націями, или обратно цѣлыхъ народовъ или важныхъ частей ихъ съ правительствами; 2) *средній* содержитъ въ себѣ сношенія между собою важнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ, сословій и лицъ, и наконецъ 3) въ *низкомъ* заключаются дѣловыя бумаги по сношенію частныхъ лицъ между собою въ званіи гражданъ. Но сіе раздѣленіе еще не достаточно, ибо *цѣль* бумагъ каждаго изъ сихъ разрядовъ можетъ быть различна: дѣйствовать на волю, чувство, или только на умъ и память читателя. По сей причинѣ, для избѣжанія лишнихъ подраздѣленій, опредѣлимъ сначала различные роды слога дѣловыхъ бумагъ, а потомъ покажемъ, которыя изъ сихъ бумагъ какимъ слогомъ пишутся.

§ 203. *Слогъ* дѣловыхъ бумагъ, какъ и вообще всѣхъ прозаическихъ сочиненій (§ 97), бываетъ *высокій, средній* и *низкій*.

Высокій слогъ.

§ 204. *Высокій слогъ,* или языкъ краснорѣчія, употребляется: 1) въ важнѣйшихъ дипломатическихъ

сношеніяхъ одного государства съ другимъ, когда дѣло идетъ о развязкѣ и рѣшеніи важныхъ выгодъ государственныхъ; 2) въ манифестахъ, исходящихъ отъ монарха къ народу, коихъ цѣль состоитъ въ возбужденіи благородныхъ въ народѣ страстей и чувствованій, для обращенія дѣятельности онаго на пользу отечества; къ нимъ принадлежатъ манифесты о объявленіи войны или заключеніи мира; также рѣчи, произносимыя монархами; 3) въ рѣчахъ, произносимыхъ къ монархамъ отъ лица цѣлаго народа или какого либо цѣлаго сословія гражданъ, также въ донесеніяхъ монархамъ ихъ министровъ и полководцевъ о дѣлахъ необыкновенно важныхъ; 4) во вступленіи нѣкоторыхъ частныхъ просьбъ къ монархамъ, когда обстоятельства требуютъ возбужденія особеннаго вниманія или чувствованій состраданія или милосердія къ просителю.

§ 205. Въ *расположеніи* сихъ сочиненій должно соображаться съ правилами, изложенными въ первой части сей Риторики, § 51, 52, 54, 55.

§ 206. Слогъ сихъ бумагъ требуетъ особенной правильности, чистоты, порядка, благозвучія, торжественности, благородства и живости. Въ сношеніяхъ дипломатическихъ допускается иногда *неопредѣленность;* по причинамъ нравственнымъ (§ 68, 2.)

Средній слогъ.

§ 207. *Средній дѣловой слогъ* употребляется: 1) въ договорахъ мирныхъ, союзныхъ, наступательныхъ, оборонительныхъ, торговыхъ и т. д., заключаемыхъ между различными государствами; 2) въ нотахъ обыкновенныхъ, подаваемыхъ министрами различныхъ государствъ; 3) во всѣхъ узаконеніяхъ; 4) въ просьбахъ, монархамъ подаваемыхъ; 5) во всѣхъ сношеніяхъ министровъ одного и того же государ-

ства, и 6) во всѣхъ бумагахъ, подаваемыхъ въ высшія и среднія присутственныя мѣста и къ начальникамъ, и въ исходящихъ отъ нихъ. — Въ сихъ бумагахъ должно вообще наблюдать правильность и чистоту языка.

§ 208. *Договоры и ноты* министровъ подлежатъ особеннымъ, вообще въ Европѣ установленнымъ формамъ: въ нихъ должны господствовать порядокъ и благородство; допускается иногда неопредѣленность.

§ 209. Отличительное свойство всѣхъ *узаконеній* состоитъ въ ясности, точности и опредѣленности. Слогъ ихъ долженъ быть простъ, кратокъ, благороденъ.

§ 210. *Просьбы*, монархамъ подаваемыя, требуютъ расположенія правильнаго (§ 50), ясности, опредѣленности, единства и благородства. Во вступленіи можно иногда (см. выше § 204) употребить торжественность и живость.

§ 211. *Сношенія министровъ* обращаются или къ монархамъ или къ равнымъ, или же къ подчиненнымъ. Первыя требуютъ преимущественно краткости, единства и благородства: вторыя ясности, а послѣднія точности и опредѣленности. Въ первыхъ двухъ изъ сихъ родовъ, надлежитъ располагать сочиненіе слѣдующимъ образомъ: a) изложеніе самаго дѣла; b) сомнѣнія и возраженія; c) разсмотрѣніе оныхъ; d) мнѣніе. — Въ послѣднемъ: a) изложеніе дѣла; b) сомнѣнія и возраженія; c) законныя или нравственныя причины утвержденія или опровержснія оныхъ; d) рѣшеніе.

§ 212. *Входящія* въ высшія и среднія присутственныя мѣста и къ начальникамъ *бумаги*, и отъ нихъ *исходящія* суть: 1) предписанія, отъ начальства посылаемыя (см. § 211); 2) бумаги, въ самихъ судахъ остающіяся: регистратуры, экстракты, жур-

налы и протоколы или опредѣленія (*); 3) представленія начальству; 4) оправданія подчиненныхъ мѣстъ и лицъ; 5) сношенія съ равными мѣстами и лицами, и предписанія подчиненнымъ; 6) просьбы и жалобы, въ присутственныя мѣста подаваемыя. — Во всѣхъ сихъ бумагахъ должно наблюдать правильность и чистоту языка, особенно же точность въ выраженіяхъ, ясность и опредѣленность, порядокъ мыслей и единство. Въ особенности же можно припомнить еще слѣдующія примѣчанія:

1) На *бумаги, остающіяся въ самихъ судахъ*, установлены законами точныя формы; но притомъ надлежитъ наблюдать: a) чтобъ *регистратура* заключала въ себѣ самое краткое содержаніе входящей или исходящей бумаги; b) чтобы *экстракты*, или извлеченія изъ дѣла, писаны были во всемъ совершенно согласно съ дѣломъ, порядкомъ историческимъ безъ всякой темноты и сбивчивости; c) чтобы *журналъ* содержалъ въ себѣ краткое изложеніе дѣла и послѣдовавшее на оное рѣшеніе; d) чтобы *протоколъ* или *опредѣленіе* составлены были правильно, т. е. aa) чтобы *предисловіе* заключало въ себѣ ясное и точное изложеніе дѣла порядкомъ историческимъ; bb) чтобъ въ *выправкѣ* выведены

(*) *Регистратурою* называется краткое показаніе содержанія входящей или исходящей бумаги, вносимое по порядку въ особо заведенныя *для* того книги. *Экстрактъ* есть краткое, но полное и достаточное извлеченіе изъ цѣлаго дѣла, представляемое Суду или начальству, *для* сообщенія имъ яснаго и точнаго объ ономъ понятія. *Журналъ* есть повседневная записка о дѣлахъ и занятіяхъ присутственныхъ мѣстъ. *Протоколъ, или опредѣленіе,* есть окончательное рѣшеніе Суда или другаго присутственнаго мѣста въ какомъ либо дѣлѣ.

были съ тою же ясностію и точностію всѣ посторонція или преждебывшія обстоятельства, касающіяся до дѣла, а иногда и примѣры подобныхъ дѣлъ съ последовавшими на оныя рѣшеніями; сс) чтобы въ рѣшеніи или самомъ опредѣленіи суда ясно выражены были причина, законъ и заключеніе. Причина есть юридическое извлеченіе изъ всего существа дѣла вопросу или разрѣшенію подлежащаго пункта, къ коему прилагается приличный или соотвѣтствующій законъ, а изъ того и другаго естественно слѣдуетъ заключеніе или собственное рѣшеніе.

2) *Представленія начальству*, составляемыя по предписаннымъ законами формамъ, должны содержать въ себѣ: 1) изложеніе дѣла; 2) сомнѣнія и возраженія; 3) разсмотрѣніе оныхъ; 4) мнѣніе, а иногда и послѣдовавшее рѣшеніе.

3) *Оправданія* подчиненныхъ мѣстъ или лицъ должны содержать въ себѣ: 1) предметъ обвиненія; 2) историческое изложеніе дѣла; 3) побудительныя причины, доводы и доказательства нравственныя, а иногда и законы, согласно съ коими поступлено; 4) опровержевіе обвиненія. — Кромѣ изложенныхъ выше правилъ для составленія бумагъ отъ низшихъ къ высшимъ, оправданія, предъ всѣми прочими требуютъ въ слогѣ своемъ строжайшаго соблюденія почтительности къ начальству.

4) *Сношенія* съ равными мѣстами и лицами, равно какъ и *предписанія* подчиненнымъ, исходятъ изъ присутственныхъ мѣстъ по установленнымъ законами формамъ, согласно съ послѣдовавшими опредѣленіями. Что же принадлежитъ до начальниковъ, то взаимныя ихъ сношенія и предписанія подчиненнымъ должны, при соблюденіи установленныхъ законами формъ, въ расположеніи своемъ согласоваться съ правилами, изложенными выше о сноше-

ніяхъ министровъ (§ 211). — Изъ сего исключаются предписанія подчиненнымъ *военныя*, которыя не должны содержать въ себѣ (кромѣ особенныхъ случаевъ, обстоятельствами предписываемыхъ) ни сомнѣній и возраженій, ни разсмотрѣнія оныхъ, а только изложеніе дѣла и рѣшеніе, иногда же только послѣднее. Такія бумаги, преимущественно предъ всѣми прочими, требуютъ ясности и точности, и самой большей краткости.

5) *Просьбы* и *жалобы*, подаваемыя въ высшія и среднія присутственныя мѣста и къ начальникамъ, имѣютъ также опредѣленныя законами формы, при коихъ однако же надлежитъ наблюдать слѣдующія правила: 1) просьба или жалоба должна содержать въ себѣ подробное, точное и ясное изложеніе дѣла, съ наблюденіемъ, сколько можно, порядка историческаго; всего болѣе должно избѣгать притомъ сбивчивости и примѣси постороннихъ, къ тому собственно дѣлу непринадлежащихъ обстоятельствъ: соблюденіе единства есть одно изъ главнѣйшихъ правилъ при сочиненіяхъ сего рода. Въ просьбахъ или жалобахъ обширныхъ надлежитъ раздѣлить изложеніе дѣла, по главнѣйшимъ онаго эпохамъ; напримѣръ: a) начало дѣла; b) произведенное по оному слѣдствіе; c) рѣшеніе нижней инстанціи; d) принесенная на оное жалоба; e) рѣшеніе средней инстанціи. — 2) За изложеніемъ дѣла надлежитъ помѣстить доводы, доказательства, возраженія, опроверженія, поясненія и т. п. — 3) Послѣ сего помѣщать въ просьбахъ приличные дѣлу законы, а въ жалобахъ законы, въ противность коимъ что именно кѣмъ сдѣлано, а наконецъ: 4) изъ всего того извлечь согласное съ законами существо просьбы.

Низкій слогъ.

§ 213. Низкій дѣловой слогъ употребляется 1) въ низшихъ присутственныхъ мѣстахъ и въ военныхъ канцеляріяхъ; 2) въ актахъ, между правительствомъ и частными людьми заключаемыхъ; 3) въ актахъ, совершаемыхъ между частными людьми; 4) въ дѣловой перепискѣ частныхъ людей. Къ тремъ последнимъ родамъ принадлежатъ контракты, купчія крѣпости, дарственныя записи, вѣрющія, закладныя, заемныя письма и векселя, аттестаты и свидѣтельства разнаго рода, расписки и проч.

§ 214. Въ *слогѣ* сихъ бумахъ нельзя требовать особенной правильности, чистоты или красоты: главнѣйшее онаго достоинство состоитъ въ ясности, опредѣленности и единствѣ. Для соблюденія сихъ свойствъ слога, установлены для всѣхъ бумагъ сего рода особенныя законныя формы.

Примѣчаніе. Въ слѣдующихъ за симъ примѣрахъ помѣщены образцы сочиненій высшаго только разряда; ибо онъ одинъ имѣетъ собственный свой слогъ; бумаги же средняго и низкаго разряда не столько требуютъ отличія въ слогѣ, сколько сохраненія формъ, утвержденныхъ закономъ или введенныхъ обычаемъ.

ПРИМѢРЫ.

I. *Рѣчь, говоренная Сентября 2-го 1793 года, отъ лица Сената и народа Россійскаго* ЕКАТЕРИНѢ II, *по заключеніи мира съ Турками въ Яссахъ.*

ВСЕМИЛОСТИВѢЙШАЯ ГОСУДАРЫНЯ!

Больше тридцати лѣтъ, что Россы, Тобою блаженны, о Тебѣ радуются; но днесь услыши, трикраты торжествующая Побѣдительница, гласъ Сената, восклицанія усерднаго народа, Тобою превознесеннаго. Мы громко вопрошаемъ вселенную: кто царь велій, яко Царица и Матерь наша? И не слышимъ никого, уподобляемаго Тебѣ. Паче всѣхъ и Ты едина стяжала вѣнецъ непомраченныя славы, будучи кротка, премилосерда и благотворительна своимъ подданнымъ, врагамъ однимъ ужасна, когда, поправъ законы міра, принуждали Тебя извлекать острый мечь въ оборону отечества, и да накажутся по дѣламъ своимъ. Три войны отъ странъ южной и полунощной зависть и злоба на насъ устремляли, терзаяся блаженствомъ Россіи, которое во дни Твои зиждется. Не оскудѣло мужество Твое, ратуя во многіе годы: отъ духа Твоего вождь мудрость, воинъ храбрость пріяли: Ты ихъ руку направила, да вознесутъ имя Твое, да прославятъ ополченную Россію знаменитыми побѣдами въ моряхъ и на сушѣ; народъ же Твой не позналъ отъ того ни раны, ни тягости, воеже дивитися міру. Сыны отечества, взыграйте радостію! Враги повержены и не возстанутъ! Наша владычица во мзду своихъ трудовъ свѣтло торжествуетъ! Возстани,

Петръ Первый, и удивися второму преображенію Россіи! Возври на полки, какъ въ новомъ устройствѣ и во умноженіи выводитъ Екатерина II, въ Европѣ, въ Азіи всегда побѣждающая. Взгляни на Флотъ Балтійскій, во младенчествѣ Тобою оставленный, колико раченіемъ Ея возросшій въ исполина, сокрушаетъ въ ближнемъ и отдаленныхъ моряхъ водныя силы нашихъ сопостатовъ. Три части Свѣта многіе вѣки устрашавшая Туреція и собственно Тобою напряженный подвигъ преломившая, виждь, съ какими ранами двукратно падаетъ подъ оружіемъ мужественныя Екатерины: Ты оставилъ поверженнымъ Азовъ, Меотійскія и Эвксинскія Воды Россіи заперты: сильная рука Екатерины воздвигла сей градъ и многіе вновь; расторгнула поносные узы, овладѣла Царствомъ Тавриды, страною древнею Тмутаракань, гдѣ властвовало колѣно Князей Россійскихъ; потребила отъ лица земли хищные роды Татаръ, вѣчно враждовавщихъ нашему отечеству; создала Флотъ новый на Черномъ Морѣ, что при своемъ рожденіи уже побѣдоносецъ; а чрезъ оный простерла предѣлъ Россіи во всѣ концы тѣхъ водъ; ибо на оныхъ Ея созданіе владычествуетъ. Для Персовъ, для Грековъ, и самыхъ Римлянъ, во свое время всесильныхъ, Кавказъ неприступный отверзаетъ входъ оружію Екатерины, и власть Россіи въ него вливается. Отъ сихъ пространныхъ завоеваній обрати душевныя очи на десную страну: Се Двина и Днѣпръ текутъ въ нашихъ объ онъ полъ предѣлахъ; отъ Самогиціи на долготу Днѣстра простерта наша граница. Страны намъ единоплеменныя, отторгнутыя Сарматами, обрѣли свое избавленіе въ вѣкѣ Екатерины Вторыя. Рукою и разумомъ Ея присоединены, яко оторванные члены, къ тѣлу Россіи, и составляютъ нынѣ пять нашихъ провинцій многолюдныхъ и преизобильныхъ. Внимай не единымъ

бранноноснымъ подвигамъ, но и внутреннему нашему блаженству, колико пресыщается онымъ мирный гражданинъ, пользуясь распространенными науками, Тобою насажденными, новыми судилищами, обширными способами торговли и безчисленными милостями всѣмъ и непрестанно благотворящей Монархини. Ты шествовалъ въ страны чужія обрѣсти знанія, недостававшія въ отечествѣ. Очи наши видѣша приходящихъ царей къ Екатеринѣ Второй созерцати дѣянія Ея и поучатися царствовать. Потомство Греціи, разливавшей мудрость всѣмъ народамъ, піетъ теперь источникъ Наукъ въ нашемъ отечествѣ. Насладившися радостію отъ сихъ предуспѣваній, почій, душа безсмертная, пріосѣненная толикою славою Екатерины, ибо ни единъ, какъ Она, изъ преемниковъ Твоего престола, не почтилъ и Твоей памяти толь достойно.

А Ты, Всеавгустѣйшая Монархиня, даждь намъ волю, да въ сей торжественный день восторжествуетъ предъ Тобою народа Твоего совершенная благодарность. Ты возлюбила его яко свое чадо; благотвореній Твоихъ, что въ краткомъ словѣ не вмѣщаются, всѣ состоянія исполнишася. Ни единъ изъ подданныхъ не уронилъ капли слезъ, чего либо лишенный, а проливали отъ радости источники оныхъ, когда Ты каждаго заслуги награждала, когда милости и прощенія текли милліонами. За сію добродѣтель премилосердаго Твоего сердца, за неусыпныя попеченія о благѣ общемъ, мы должны провозгласить Тебя Матерію Отечества; по величію же Твоего духа, что Ты оружіемъ преодолѣла враговъ, а чрезъ Свою мудрость возвратила вѣками утраченное достояніе Россіи, прославила и умножила отечества могущество, расширивъ предѣлы онаго пріобрѣтеніемъ странъ пространныхъ, милліонами людей населенныхъ, посвятить Твоему имени проиме-

нованіе Великая. Хотя мы изъ устъ Твоихъ слышали, что въ жизнь Свою не хощеши сихъ нарѣчій, а оставляешь потомству безпристрастно судить Твои дѣла: но почто же, Всемилостивѣйшая Государыня, честью достойною не намъ, Тебѣ служившимъ, но будущему роду восхвалитися? Почто желаеши, да видящіе умолчатъ и вѣрующіе о Тебѣ возглаголютъ? Когда же не благоволиши о сей жертвѣ сердецъ нашихъ, да знаменуются на Тебѣ вѣчно любовь, и благодарность счастливыхъ чадъ Твоихъ: то мы въ оправданіе своихъ чувствъ не предъ Тобою, а предъ лицемъ Свѣта, предъ согражданами и нашими потомками провозглашаемъ, что титло Матери, титло Великія, принадлежитъ Тебѣ по благости сердца, по дѣламъ Твоего духа. Подвигомъ добрымъ Ты возбудила и возвеличила въ Своемъ народѣ сродныя ему дарованія; аще хощеши прославить и благодарность его, реки: буди вамъ по глаголу вашему; и то даруя, простри намъ въ милость десницу Твою, враговъ сокрушившую, Россію возносящую.

II. *Донесеніе Суворова* Императору Павлу I *о переходѣ чрезъ Альпійскія горы.*

Побѣдоносное воинство Вашего Императорскаго Величества, прославившееся храбростію и мужествомъ на сушѣ и на моряхъ, ознаменовываетъ теперь безпримѣрную неутомимость и неустрашимость и на новой войнѣ — на громадахъ неприступныхъ

горъ. Выступивъ изъ предѣловъ Италіи, къ общему сожалѣнію всѣхъ тамошнихъ жителей, гдѣ сіе воинство оставило по себѣ славу *избавителей*, переходило оно чрезъ цѣпи страшныхъ горъ. На каждомъ шагѣ въ семъ царствѣ ужаса — зіяющія пропасти представляли отверзтые и поглотить готовые гробы смерти; дремучія мрачныя ночи, непрерывно ударяющіе громы, ліющіеся дожди, и густой туманъ облаковъ при шумныхъ водопадахъ, съ каменьями, съ вершинъ низвергающимися, увеличивали сей трепетъ. Тамъ является зрѣнію нашему гора Сентъ-Готардъ, сей величающійся колоссъ горъ, ниже хребтовъ котораго громоносныя тучи и облака плаваютъ;—и другая, уподобляющаяся ей, Фогельсбергъ. Всѣ опасности, всѣ трудности преодолѣваются, и при такой борьбѣ со всѣми стихіями, непріятель, гнѣздившійся въ ущелинахъ и неприступныхъ выгоднѣйшихъ мѣстоположеніяхъ, не можетъ противустоять храбрости войска, являющагося неожидаемо на семъ новомъ театрѣ. Онъ всюду прогнанъ. Войска Вашего Императорскаго Величества проходятъ темную горную пещеру Урзернъ-Лохъ, занимаютъ мостъ, удивительною игрою природы изъ двухъ горъ сооруженный, и проименованный Чортовымъ. Оный разрушенъ непріятелемъ; но сіе не остановляетъ побѣдителей: доски связываются шарфами офицеровъ. По симъ доскамъ бѣгутъ они, спускаются съ вершинъ въ бездны, и, достигая врага, поражаютъ его всюду. Напослѣдокъ надлежало восходить на снѣжную гору Бинтнеръ-Бергъ, скалистую, крутизною всѣ прочія превышающую. Утопая въ скользкой грязи, должно было подыматься противу и посреди водопада, низвергающагося съ ревомъ, и низрыгающаго съ яростію страшные камни и снѣжныя земляныя глыбы, на которыхъ много людей и съ лошадьми съ величайшимъ стремленіемъ летѣли въ преисподнія пучи-

ны, гдѣ многіе убивалися, а многіе спасалися. Всякое израженіе недостаточно къ изображенію сей картины природы во всемъ ея ужасѣ! Единое воспоминаніе преисполняетъ душу трепетомъ и теплымъ благодарственнымъ моленіемъ ко Всевышнему, Его же невидимая, всесильная десница видимо сохранила воинство Вашего Императорскаго Величества, подвизавшееся за святую Его Вѣру.

III. *Рескриптъ* Императора Павла I *Генералиссимусу Князю Италійскому Графу Суворову-Рымникскому.*

Побѣждая повсюду и во всю жизнь вашу враговъ отечества, недоставало вамъ еще одного рода славы — преодолѣть и самую природу. Но вы и надъ нею одержали нынѣ верхъ. Поразивъ еще разъ злодѣевъ Вѣры, вы попрали вмѣстѣ съ ними козни сообщниковъ ихъ, злобою и завистію противъ васъ вооруженныхъ. Нынѣ, награждая васъ по мѣрѣ признательности Моей, и ставя на вышній степень, чести и геройству предоставленный, увѣренъ, что возвожу на оный знаменитѣйшаго полководца сего и другихъ вѣковъ.

Гатчина, окт. 29, 1799.

IV. *Манифестъ* Императора Александра I *о кончинѣ* Великой Княгини Александры Павловны.

(*31-го марта* 1801-*го года.*)

Среди скорби и печали, нанесенной Намъ внезапною кончиною любезнаго Родителя Нашего, Государя Императора Павла I, къ вящшему усугубленію горести Нашей, получили Мы плачевное извѣстіе, что любезнѣйшая Сестра Наша, Государыня Великая Княгиня Александра Павловна, Эрцгерцогиня Австрійская, въ 4 день сего мѣсяца, послѣ девятидневной болѣзни скончалась. Бога Всемогущаго, Коего недовѣдомымъ судьбамъ угодно было таковыми ударами испытать терпѣніе Наше, призывая въ единое Себѣ утѣшеніе, Мы увѣрены, что всѣ Наши вѣрноподданные, любя и почитая кроткія добродѣтели преставльшіяся, раздѣлятъ съ Нами скорбь, Насъ объявшую, и воспіютъ мольбы свои ко Всевышнему, да въ мирныхъ сѣняхъ ангельскихъ душу Ея водворитъ и упокоитъ.

V. *Извѣстіе о занятіи непріятелемъ Москвы.*

Съ крайнею и сокрушающею сердце каждаго сына отечества печалію симъ возвѣщается, что непріятель сентября 3 числа вступилъ въ Москву. Но да не унываетъ отъ сего великій народъ Россійскій. Напротивъ, да поклянется всякъ и каждый воскипѣть новымъ духомъ мужества, твердости и несомнѣнной надежды, что всякое наносимое намъ врагами зло и вредъ обратятся напослѣдокъ на главу ихъ. Непріятель занялъ Москву не отъ того, чтобъ преодолѣлъ силы наши, или бы ослабилъ ихъ. Главнокомандующій, по совѣту съ первенствующими генералами, нашелъ за полезное и нужное уступить на время необходимости, дабы съ надежнѣйшими и лучшими потомъ способами, превратить кратковременное торжество непріятеля въ неизбѣжную ему погибель. Сколь ни болѣзненно всякому Русскому слышать, что первопрестольный градъ Москва вмѣщаетъ въ себѣ враговъ отечества своего; но она вмѣщаетъ ихъ въ себѣ пустая, обнаженная отъ всѣхъ сокровищъ и жителей. Гордый завоеватель надѣялся, вошедъ въ нее, содѣлаться повелителемъ всего Россійскаго Царства, и предписать ему такой миръ, какой заблагоразсудитъ; но онъ обманется въ надеждѣ своей, и не найдетъ въ столицѣ сей не только способовъ господствовать, ниже способовъ существовать. Собранныя и отчасу больше скопляющіяся силы наши окрестъ Москвы не престанутъ преграждать ему всѣ пути, и посылаемые отъ него для продовольствія отряды ежедневно истреблять, доколѣ не увидитъ онъ, что надежда его на пораженіе умовъ взятіемъ Москвы была тщетная, и что по неволѣ долженъ онъ будетъ отворять себѣ путь изъ ней силою оружія. Положеніе его есть слѣдующее: онъ

вошелъ въ землю нашу съ тремя стами тысячъ человѣкъ, изъ которыхъ главная часть состоитъ изъ разныхъ націй людей, служащихъ и повинующихся ему не отъ усердія, не для защиты своихъ отечествъ, но отъ постыднаго страха и робости. Половина сей разнонародной арміи его истреблена, частію храбрыми нашими войсками, частію побѣгами, болѣзнями и голодною смертію. Съ остальными пришелъ онъ въ Москву. Безъ сомнѣнія смѣлое, или лучше сказать, дерзкое стремленіе его въ самую грудь Россіи, и даже въ самую древнѣйшую столицу удовлетворяетъ его честолюбію, и подаетъ ему поводъ тщеславиться и величаться; но конецъ вѣнчаетъ дѣло. Не въ ту страну зашелъ онъ, гдѣ одинъ смѣлый шагъ поражаетъ всѣхъ ужасомъ, и преклоняетъ къ стопамъ его и войска и народъ. Россія не привыкла покорствовать, не потерпитъ порабощенія, не предастъ законовъ своихъ, Вѣры, свободы, имущества. Она съ послѣднею въ груди каплею крови станетъ защищать ихъ. Всеобщее повсюду видимое усердіе и ревность въ охотномъ и добровольномъ противъ врага ополченіи свидѣтельствуютъ ясно, сколь крѣпко и непоколебимо отечество наше, ограждаемое бодрымъ духомъ вѣрныхъ его сыновъ. И такъ, да не унываетъ никто: и въ такое ли время унывать можно, когда всѣ состоянія государственныя дышатъ мужествомъ и твердостію? Когда непріятель съ остаткомъ отчасу болѣе исчезающихъ войскъ своихъ, удаленный отъ земли своей, находится посреди многочисленнаго народа, окруженъ арміями нашими, изъ которыхъ одна стоитъ противъ него, а другія три стараются пресѣкать ему возвратный путь, и не допускать къ нему никакихъ новыхъ силъ? Когда Испанія не только свергла съ себя иго его, но и угрожаетъ ему впаденіемъ въ его земли? Когда большая часть изнуренной и расхищенной отъ него Европы, служа по неволѣ ему,

смотритъ и ожидаетъ съ нетерпѣніемъ минуты, въ которую бы могла вырваться изъ-подъ власти его тяжкой и нестерпимой? Когда собственная земля его не видитъ конца проливаемой ею для славолюбія своей и чужой крови? — При толь бѣдственномъ состояніи всего рода человѣческаго не прославится ли тотъ народъ, который, перенеся всѣ неизбѣжныя съ войною разоренія, наконецъ терпѣливостію и мужествомъ своимъ достигнетъ до того, что не токмо пріобрѣтетъ самъ себѣ прочное и ненарушимое спокойствіе, но и другимъ державамъ доставитъ оное, и даже тѣмъ самымъ, которыя противъ воли своей съ нимъ воюютъ? — Пріятно и свойственно доброму народу за зло воздавать добромъ. Боже Всемогущій! обрати милосердыя очи Твои на молящуюся Тебѣ съ колѣнопреклоненіемъ Россійскую Церковь! Даруй поборающему по правдѣ вѣрному народу Твоему бодрость духа и терпѣніе! Сими да восторжествуетъ онъ надъ врагомъ своимъ, да преодолѣетъ его, и спасая себя, спасетъ свободу и независимость Царей и Царствъ.

VI. *Прошеніе Святѣйшаго Правительствующаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената* Государю Императору Александру I.

Всепресвѣтлѣйшій, Державнѣйшій, Великій Государь, Императоръ, Самодержецъ Всероссійскій.

Воздавъ хвалу, честь, славу и благодареніе Всевышнему Богу, удивившему надъ Тобою милости Свои, Россія, о Тебѣ радующаяся, славою Твоею надъ всѣми Державами превознесенная, Тобою благоденствующая, обращается днесь къ Тебѣ, Помазанникъ Божій! и въ лицѣ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Сената Твоего, совокупно предъ Тобою колѣна преклоняющихъ, приноситъ общую вѣрноподданныхъ Твоихъ жертву, жертву сердецъ, восхищенныхъ великими Твоими подвигами, въ лѣтописяхъ міра примѣра неимущими.—Услыши, Всемилостивѣйшій Государь! воззваніе усердныхъ чадъ Твоихъ, и милостивно пріими возсылаемое изъ глубины душъ ихъ благодареніе. Но какъ достойно возблагодаримъ Тебѣ за ту непоколебимую твердость, съ какою, положась на любовь и преданность Твоихъ подданныхъ, и тѣмъ ихъ возвелича, не усомнился Ты отвергнуть мира съ коварнымъ врагомъ, вторженіемъ въ предѣлы наши возгордившимся? — Что воздадимъ Тебѣ, оградившему безопасность отечества нашего возстановленіемъ независимости Державъ, ему сопредѣльныхъ? — Какія хвалы могутъ довлѣть Тебѣ, отомстившему за насъ дерзкому врагу, не токмо Твоимъ въ столицу его побѣдоноснымъ шествіемъ, но и совершеннымъ низложеніемъ сего страшнаго угнетателя Европы, престолы поколебав-

шаго, и желѣзному скипетру своему всѣ племена и Царства подвергнуть возмнившаго? — Превознося Тебя, яко Побѣдителя, благословляемъ мы и милосердіе Твое, ознаменованное предъ лицемъ Свѣта великодушнымъ прощеніемъ побѣжденныхъ, и избавленіемъ ихъ отъ тиранскаго ига. Кто изъ Владыкъ земныхъ уподобится Тебѣ, Великій! Кто изъ нихъ, подъявъ оружіе въ оборону отечества, пронесъ его изъ края въ край Европы, не ради пріобрѣтенія личныя славы, но для спасенія чуждыхъ народовъ, ярмомъ ненасытнаго властолюбія беззащитно подавляемыхъ, и для возвращенія законныхъ имъ Владѣтелей! Кто мудростію своею, и кроткимъ среди самаго могущества убѣжденіемъ, возмогъ враждебные народы обратить въ союзниковъ себѣ, назидая тѣмъ собственное ихъ благо! — Дѣла Твои, Государь, совѣчны пребудутъ имени Твоему, имени Александра Великаго, великодушнаго защитителя Европы, возстановителя законныхъ Правительствъ. Вселенная, величію Твоему чудящаяся, упреждая гласъ безпристрастнаго потомства, присвояетъ уже Тебѣ всѣ сіи титла. — Ты же, достойный Избранникъ Вышняго, восписуя всѣ великія дѣянія Твои единому всеблагому Его Промыслу, жертвы хваленія не благоволишь, и смиренномудріемъ Твоимъ заграждаешь уста наши. — Покорствуя Тебѣ, Государь, мы не оскорбимъ громкими хвалами кротости Твоея: но всеобщія благословенія и Твоихъ и чуждыхъ народовъ, и благодать Господня, Тебѣ всегда соприсущная, и во всѣхъ Твоихъ предначинаніяхъ знаменующаяся, да оправдаютъ дерзновеніе преданныхъ Тебѣ чадъ Твоихъ, поднести Тебѣ титло, единодушно всѣми утвержденное, благости сердца Твоего, нашимъ къ Тебѣ чувствованіямъ соотвѣтствующее, и безъ стяжанія коего нѣтъ истиннаго величія — титло: Благословенный. Усердно Тебя молимъ! не отрини сего,

Тебѣ отъ сыновъ Твоихъ, приношенія. — Но дабы чувствованія нашей признательности, симъ Тебѣ изъявляемыя, не были безмолвны предъ потомствомъ, мы возжелали увѣковѣчить ихъ видимымъ знаменіемъ, хотя мало достойнымъ Тебя, Государь Безсмертный! и потому дерзаемъ умолять Тебя, Благословенный! не возбрани намъ воздвигнуть въ престольномъ градѣ Твоемъ для грядущихъ вѣковъ памятникъ, гласящій о великихъ Твоихъ подвигахъ: не да приложитъ оный что либо ко славѣ незабвеннаго Твоего имени, но да оправдимся мы предъ потомками нашими. Да не укорятъ насъ нѣкогда нечувствительностію къ изліяннымъ Тобою на насъ благодѣяніямъ, и да сынамъ сыновъ нашихъ до позднѣйшихъ временъ памятникъ сей пребудетъ свидѣтельствомъ нашея къ Тебѣ любви и безпредѣльныя преданности.»

Его Императорское Величество, удостоя Всемилостивѣйшимъ принятіемъ сіе всеподданнѣйшее прошеніе трехъ Государственныхъ Сословій, благоволилъ отвѣтствовать на оное Высочайшимъ Указомъ слѣдующаго содержанія:

Святѣйшему Правительствующему Синоду, Государственному Совѣту и Правительствующему Сенату.

«Внимая посланному ко мнѣ отъ Святѣйшаго Синода, Государственнаго Совѣта и Правительствующаго Сената прошенію, о воздвигнутіи Мнѣ въ престольномъ градѣ памятника и принятіи проименованія Благословенный, не могъ Я во глубинѣ души моей не почувствовать величайшаго удовольствія, видя съ одной стороны дѣйствительно совершившееся надъ нами благословеніе Божеское, а съ другой чувствованія Россійскихъ Государственныхъ Со-

словій, подносящихъ Мнѣ имя самое для Меня лестнѣйшее: ибо всѣ старанія и помышленія души Моей стремятся къ тому, чтобъ теплыми молитвами призывать на Себя и на ввѣренный Мнѣ народъ Божеское благословеніе, и чтобъ быть благословляему отъ любезныхъ Мнѣ вѣрноподданныхъ Моихъ и вообще отъ всего рода человѣческаго. Сіе самое есть верхъ Моихъ желаній и Моего благополучія! Но, при всемъ тщаніи Моемъ достигнуть до сего, не позволяю Себѣ, яко человѣкъ, дерзновенія мыслить, что Я уже достигъ до того, и могу смѣло званіе сіе принять и носить. Тѣмъ паче почитаю Я оное съ правилами и образомъ мыслей Моихъ несогласнымъ, что всегда и вездѣ преклоняя вѣрноподданныхъ Моихъ къ чувствамъ скромности и смиренія духа, Самъ первый покажу несоотвѣтствующій тому примѣръ. Сего ради, изъявляя совершенную Мою признательность, убѣждаю Государственныя Сословія, оставить оное безъ всякаго исполненія. Да соорудится Мнѣ памятникъ въ сердцахъ вашихъ, какъ оный сооруженъ въ чувствахъ Моихъ къ вамъ! Да благословляетъ Меня въ сердцахъ своихъ народъ Мой, какъ Я въ сердцѣ Моемъ благословляю оный! Да благоденствуетъ Россія, и да будетъ надо Мною и надъ нею благословеніе Божіе!

ГЛАВА СЕДЬМАЯ.

РѢЧИ.

§ 215. *Рѣчь*, или *Слово* (въ тѣсномъ смыслѣ) есть сочиненіе, написанное по правиламъ Риторики, назначенное *для* изустнаго произнесенія, и имѣющее цѣлію убѣдить слушателей въ какой либо истинѣ, дѣйствуя на умъ, воображеніе, чувство и волю ихъ, всѣми средствами краснорѣчія.

§ 216. Рѣчь отличается отъ Разсужденія (§ 185 и слѣд.) тѣмъ, что имѣетъ цѣлію убѣжденіе не одного ума, но и всѣхъ прочихъ душевныхъ способностей, преимущественно же дѣйствіе на волю человѣка. Въ Разсужденіи авторъ скрываетъ собственную свою личность, въ Рѣчи же онъ непремѣнно долженъ быть дѣйствующимъ лицемъ. — Въ Рѣчи особенно является сила *краснорѣчія*, или таланта составлять сочиненія сего рода, и произносить оныя пріятно и убѣдительно. Обладающій симъ даромъ именуется *ораторомъ*, или *витіею*.

Примѣчаніе. По причинѣ важности Рѣчей и особенной трудности составлять оныя, большая часть Риторикъ занимается ими исключительно.

§ 217. Ораторъ можетъ имѣть, при составленіи Рѣчи, три намѣренія: научить, убѣдить, тронуть слушателей; но въ большой части Рѣчей всѣ сіи намѣренія совокупляются между собою, и одно другому вспомоществуетъ. *Для* того, чтобъ научить, Рѣчь должна быть составлена съ ясностію, полнотою и подробностію; *для* убѣжденія, должны въ ней господствовать истина и сила доводовъ, а *для* того, чтобъ тронуть, Ораторъ долженъ въ собственномъ своемъ сердцѣ чувствовать всю важность своего

предмета, долженъ представить его сильно и живо чувству и воображенію слушателя.

§ 218. Въ Рѣчи, какъ и во всякомъ сочиненіи, должно господствовать *единство*. Ораторъ избираетъ *тему*, или *предметъ*, о которомъ ему надлежитъ говорить исключительно. Иногда вдается онъ въ мнимыя отступленія, но единственно для того, чтобъ вновь обратиться къ главному предмету, и подкрѣпить частными доводами силу господствующей мысли.

§ 219. О *прiисканiи матерiяловъ*, или изобрѣтенiи, въ подробности изложено въ первой части Риторики §§ 16 — 40. Должно однако замѣтить, что всѣ правила сiи подчиняются чувству и смыслу самого оратора, и что они суть только вспомогательныя средства: если онъ въ своемъ умѣ, въ душѣ и сердцѣ не найдетъ матерiяловъ, то тщетно будетъ искать ихъ въ книгахъ.

§ 220. *Расположенiе* матерiяловъ есть одна изъ важнѣйшихъ статей въ правилахъ о сочиненiяхъ сего рода. Рѣчь, подобно всякому другому сочиненiю, состоитъ преимущественно изъ трехъ частей: *вступленiя*, *предложенiя* и *заключенiя* (§ 51, 52, 53, 54); но сiи главные разряды имѣютъ еще нѣкоторыя подраздѣленiя, и Рѣчь составляется обыкновенно изъ слѣдующихъ частей: 1. Вступленiе. 2. Изложенiе предмета и его раздѣленiе. 3. Объясненiе. 4. Доказательство. 5. Возбужденiе страсти. 6. Заключенiе.

§ 221. Во *вступленiи* ораторъ старается обратить на себя и на предметъ свой вниманiе слушателей. Для сего представляетъ онъ имъ съ скромностiю свое намѣренiе, показываетъ, сколь важенъ его предметъ или отклоняетъ предразсудки и сомнѣнiя въ занимательности и истинѣ онаго. Вступленiе должно быть легко и естественно, должно проистекать изъ самаго предмета; въ расположенiи и выраженiяхъ

онаго надлежитъ особенно наблюдать правильность, чтобъ въ самомъ началѣ не произвесть невыгоднаго на слушателей впечатлѣнія. Между тѣмъ не должно включать во вступленіе ни одной изъ существенныхъ частей самой Рѣчи, чтобъ не охладить любопытства слушателей и не быть принужденнымъ къ повтореніямъ. Величина вступленія соразмѣряется съ величиною рѣчи. Тонъ вступленія долженъ быть спокоенъ, тихъ, величественъ: рѣдко случается, чтобъ ораторъ начиналъ Слово свое съ полнымъ жаромъ.

§ 222. *Изложеніе* или *опредѣленіе предмета*, должно быть кратко и ясно, ибо отъ онаго зависитъ ясность и понятность всей рѣчи. Въ предметахъ сложныхъ (особенно въ Духовныхъ Рѣчахъ) слѣдуетъ непосредственно за изложеніемъ, раздѣленіе предмета и самой Рѣчи на части.

§ 223. Цѣль *объясненія*, или *изслѣдованія* есть сообщить слушателямъ ясное и сообразное съ намѣреніемъ оратора понятіе о предметѣ или мысли, въ истинѣ или важности коихъ онъ хочетъ убѣдить ихъ. Онъ долженъ разобрать мнѣнія и происшествія запутанныя, привесть оныя въ надлежащій порядокъ, объяснить мысли скрытыя и неизвѣстныя. Бываютъ случаи, въ которыхъ точное объясненіе предмета замѣняетъ всѣ прочія доказательства.

§ 224. *Доводы* и *доказательства* могутъ быть различныхъ родовъ: основанныя на очевидности, или аксіомы; выведенныя изъ опыта и общаго чувства людей; употребляемыя по аналогіи или по сходству и сношеніямъ предмета съ другими, и наконецъ историческія, или извлеченныя изъ свидѣтельствъ и преданій, неподверженныхъ сомнѣнію. Ораторъ долженъ искусно пользоваться всѣми сими пособіями: не употреблять доводовъ слишкомъ обыкновенныхъ и обветшалыхъ или употребляя оные, облекать ихъ

въ новую, примайчивую одежду; умѣть располагать и связывать ихъ между собою: въ началѣ представлять доводы слабѣйшіе и потомъ переходить къ сильнѣйшимъ, но переходить естественно и нечувствительно; можно также совокуплять слабые доводы въ одно мѣсто, для взаимнаго ихъ усиленія.

§ 225. *Возбужденіе страсти* есть главнѣйшая часть Рѣчи и важнѣйшій трудъ оратора. Истощивъ доводы, дѣйствующіе на умъ слушателей, онъ употребляетъ всѣ средства краснорѣчія на то, чтобъ плѣнить ихъ воображеніе, тронуть сердце, потрясти душу, и возбудивъ въ нихъ страсть, соотвѣтствующую его намѣреніямъ, (жалость, гнѣвъ, и т. п.) довершить дѣйствіе своей Рѣчи. Главныя средства къ возбужденію страстей суть: во-первыхъ, живое изображеніе предмета и обстоятельствъ, къ нему принадлежащихъ; изображеніе сіе отличается отъ вышеприведеннаго (§ 223) объясненія тѣмъ, что дѣйствуетъ не столько яснымъ и близкимъ, сколько сильнымъ, яркимъ и блистательнымъ описаніемъ своего предмета; въ немъ противорѣчія не опровергаются доводами, а скрываются или уничтожаются силою краснорѣчія. Во-вторыхъ: пробужденіе въ сердцѣ и душѣ слушателей нравственныхъ понятій о чести, справедливости, славѣ, любви къ отечеству, благочестіи и пр. Въ семъ послѣднемъ случаѣ ораторъ долженъ тронуть нѣжныя струны природы человѣческой, долженъ тронуть ихъ не столько средствами посторонними, сколько выраженіемъ собственныхъ чувствованій, доказательствомъ, что и въ его сердцѣ господствуетъ та страсть, которую онъ въ нихъ возбудить намѣренъ. — Иногда обязанъ ораторъ обратить вниманіе свое на *утоленіе* въ слушателяхъ страсти, разумѣется той, которая противна его намѣренію: для сего онъ старается уничтожить или ослабить побудительныя причины противной страсти, или замѣнить оную дру-

гою, болѣе его цѣли благопріятствующею. — *Для* возбужденія и утоленія страстей, оратору нужно имѣть *познаніе сердца человѣческаго* и каждой страсти, ея тайныхъ, побудительныхъ причинъ, хода, дѣйствій.

§ 226. *Заключеніе* Рѣчи сообразуется съ ея содержаніемъ, свойствомъ и ходомъ. Если она основана на однихъ доводахъ, то ораторъ вкратцѣ повторяетъ главныя доказанныя имъ истины, и сообщаетъ легкое обозрѣніе цѣлаго; если же главною оной цѣлію было тронуть, убѣдить слушателей, то онъ, соединивъ въ одну точку всѣ средства краснорѣчія, заключаетъ Рѣчь свою изъявленіемъ глубокаго чувствованія или сильной мысли, чтобъ оставить въ душахъ слушателей выгодное для себя впечатлѣніе, и утвердить ихъ въ тѣхъ мысляхъ и чувствованіяхъ, которыми онъ самъ исполненъ.

Примѣчаніе. Должно замѣтить, что сіе расположеніе не есть непремѣнное: весьма часто ораторы избираютъ другіе пути, ведущіе къ той же цѣли.

§ 227. Всѣ сіи части должны находиться между собою въ естественной связи. Переходъ отъ одной къ другой долженъ быть нечувствителенъ, и приготовленъ къ предъидущей части.

§ 228. Рѣчи, по предметамъ своимъ, раздѣляются на *духовныя* и *свѣтскія*; послѣднія же суть: *политическія*, *судебныя*, *академическія* и *похвальныя*.

§ 229. Въ *Словахъ Духовныхъ* предлагаются истины, касающіяся вообще до Вѣры (Проповѣди) или относящіяся къ какимъ нибудь особеннымъ случаямъ (Рѣчи надгробныя, и т. п.). Духовное Краснорѣчіе, требующее основательнаго познанія во всѣхъ частяхъ Богословія, преподается въ особенной наукѣ, именуемой *Гомилетикою*.

§ 230. Рѣчи *Политическія* и *Судебныя* заключаютъ въ себѣ изложеніе предметовъ, касающихся до управленія государствомъ, или обвиненіе преступника и оправданіе невиннаго.

Примѣчаніе. Политическое красноречіе существуетъ въ государствахъ представительныхъ, а судебное тамъ, гдѣ судъ производится всенародно.

§ 231. *Академическія*, или *Учебныя Рѣчи* сочиняются и произносятся въ ученыхъ сословіяхъ при особенныхъ случаяхъ или относятся къ какимъ либо предметамъ наукъ и литературы. Въ первомъ случаѣ должно избирать предметы, имѣющіе отношеніе къ тому случаю, который подалъ поводъ къ сочиненію Рѣчи, а въ послѣднемъ надлежитъ стараться, чтобъ Рѣчь не сдѣлалась простымъ Разсужденіемъ.

§ 232. Особенное вниманіе заслуживаютъ *Слова Похвальныя* (панегирики), произносимыя въ честь знаменитымъ особамъ, живымъ или умершимъ. Въ сочиненіяхъ сего рода является вся сила, все изящество Краснорѣчія. Ораторъ не обязанъ изображать всю жизнь прославляемаго имъ героя: онъ предполагаетъ, что она извѣстна его слушателямъ, и старается только отличить, возвысить и достойнымъ образомъ восхвалить его добродѣтели и отличныя качества, представивъ точную, живую картину его характера, и украсивъ истину всѣми цвѣтами философіи и краснорѣчія.

§ 233. *Краткія Рѣчи*, поздравительныя и т. п., могутъ назваться *привѣтствіями*. Въ нихъ нѣтъ возвышенности и строгой правильности Рѣчей похвальныхъ: чувство, живость, новость и естественность оборотовъ придаютъ имъ особенную цѣну.

§ 234. *Слогъ* Рѣчей измѣняется по предметамъ, въ нихъ излагаемымъ, и по лицамъ, къ которымъ онѣ обращаются. Слогъ Рѣчей духовныхъ торжественъ,

благороденъ, величественъ; языкъ ихъ преимущественно заимствуетъ приличныя выраженія славянскія. — Въ Рѣчахъ Политическихъ и Судебныхъ вообще господствуютъ благородство, краткость, торжественность; иногда, когда дѣло идетъ о сношеніяхъ и случаяхъ обыкновенныхъ (напримѣръ о финансахъ), допускаются выраженія простыя. — Въ Рѣчахъ Академическихъ или вообще ученыхъ, когда содержаніе оныхъ есть предметъ науки, возвышенность слога господствуетъ только во вступленіи и заключеніи, то есть тамъ, гдѣ ораторъ говоритъ о поводѣ и случаѣ своей Рѣчи: остальная оной часть пишется слогомъ Разсужденія. Если же предметъ Ученой Рѣчи не взятъ изъ какой либо науки, а заключаетъ въ себѣ истину общую, нравственную или умственную, то и слогъ оной возвышеннѣе и ровнѣе. — Въ *Словахъ Похвальныхъ* является, какъ выше сказано (§ 232), вся сила Краснорѣчія (§ 4), возвышающагося надъ предѣлами прозы въ область поэзіи, заимствующаго мысли и картины свои не изъ одного воображенія, но преимущественно изъ вѣчныхъ свойствъ души человѣческой и огромнаго хранилища нашихъ уроковъ и опытовъ — Исторіи. Слогъ Похвальныхъ Словъ долженъ отличаться благородствомъ, силою, полнотою, торжественностію. — Выше сказано, что слогъ Рѣчей измѣняется и по лицамъ, къ которымъ онѣ обращаются: Слова, произносимыя въ намѣреніи дѣйствовать на людей необразованныхъ, должны быть писаны слогомъ простымъ и трогательнымъ своею простотою; если слушатели сіи суть поселяне, то ораторъ долженъ тронуть ихъ воспоминаніемъ о добродѣтеляхъ и обычаяхъ праотцевъ, тѣми, такъ сказать, *народными* звуками, которые найдутъ отголосокъ въ сердцахъ ихъ. Рѣчь, обращаемая къ солдатамъ, должна при той же простотѣ, отличаться силою, краткостію и строгимъ воинскимъ тономъ.

§ 235. Ораторъ, кромѣ знанія, какъ располагаются и сочиняются Рѣчи, долженъ быть свѣдущъ и опытенъ въ искусствѣ *произношенія* оныхъ, съ приличными къ тому движеніями лица и тѣла; но сіи правила, какъ уже сказано въ первой части сей Риторики (§ 100), относятся къ второму, полнѣйшему ея курсу.

§ 236. Русская Литература имѣетъ многихъ отличныхъ ораторовъ во всѣхъ почти родахъ: изъ духовныхъ достойны особеннаго уваженія: *Ѳеофанъ* (Прокоповичъ), *Гедеонъ*, *Платонъ*, *Анастасій*, *Георгій*, (Конисскій), Протоіерей *Леванда*, *Августинъ*, *Михаилъ* (митрополитъ санктпетербургскій), *Филаретъ* (митрополитъ московскій), *Амвросій* (архіепископъ казанскій), *Иннокентій*, (епископъ харьковскій). Изъ свѣтскихъ: *Ломоносовъ* и *Карамзинъ*. Въ примѣръ Академическихъ Словъ можно привести Рѣчи многихъ профессоровъ Московскаго Университета и пр.

Примѣчаніе. Политическихъ и судебныхъ рѣчей у насъ немного: лучшими образцами въ первомъ родѣ можетъ служить рѣчь, помѣщенная въ предъидущей главѣ, на стр. 198.

ПРИМѢРЫ.

A. Рѣчи Духовныя.

I. *На коронованіе* Императора Александра I.

И такъ сподобилъ насъ Богъ узрѣть Царя своего, вѣнчанна и превознесенна! — Что же теперь возглаголемъ мы, что сотворимъ, о Россійстіи сынове! Возблагодаримъ ли Вышнему Царю Царей за таковое о любезномъ Государѣ нашемъ и о насъ благоволеніе? И мы благодаримъ всеусерднѣйше. — Возслемъ ли къ Нему моленія, да добротѣ сей подастъ силу? И мы молимъ Его всею вѣрою нашею. — Принесемъ ли что либо въ даръ Господу? — И Онъ благихъ нашихъ не требуетъ; а и сей самый вѣнецъ, и скипетръ, и державу, и Россію, и всѣхъ насъ сердца и утробы приносимъ Ему, и вручаемъ Ему. — Привѣтствовать ли Ваше Императорское Величество съ симъ облеченіемъ славы? И мы привѣтствуемъ всеподданнѣйше. — Изъявлять ли намъ Вашему Величеству свое усердіе и вѣрность? И мы то свидѣтельствуемъ предъ лицемъ неба и земли, предъ лицемъ сего олтаря, и предъ лицемъ Бога и Ангеловъ Его. — Пожелать ли Вашему Императорскому Величеству счастливаго и долголѣтняго царствованія? — О! забвенна буди десница наша, аще не всегда будемъ оную воздѣвать къ небесамъ въ жару моленій нашихъ. — Молиться ли, да Богъ Самъ управляетъ Тобою, просвѣщая мысль и удобряя сердце? — О! прилпни языкъ нашъ къ гортани нашей, аще на что другое онъ будетъ обращенъ,

а не на таковыя токмо моленія. — Пасть ли намъ предъ престоломъ Величества Божія, да находя въ Монархѣ своемъ чадолюбиваго Отца, будемъ мы къ Нему привержены любовію, яко чада? И мы падаемъ и громко предъ Нимъ вопіемъ: Премудрый Художникъ! мы предъ Тобою бреніе; сотвори изъ бренія сего сосуды не въ безчестіе, но сосуды въ честь — Таковымъ образомъ, многоразличныя обращая въ сердцахъ чувствія, усматриваемъ нѣчто особаго вниманія и озабочиванія достойное.

Вселюбезнѣйшій Государь! сей вѣнецъ на главѣ Твоей есть слава наша: но Твой подвигъ. Сей скипетръ есть нашъ покой: но Твое бдѣніе. Сія держава есть наша безопасность: но Твое попеченіе. Сія порфира есть наше огражденіе: но Твое ополченіе. Вся сія утварь Царская есть намъ утѣшеніе: но Тебѣ бремя.

Бремя по истинѣ и подвигъ! Предстанетъ бо лицу Твоему пространнѣйшая въ свѣтѣ Имперія, каковую едва ли когда видѣла вселенная, и будетъ отъ мудрости Твоея ожидать во всѣхъ своихъ членахъ и во всемъ тѣлѣ совершеннаго согласія и благоустройства! — Узриши сходящіе съ небесъ вѣсы правосудія, со гласомъ отъ Судіи неба и земли: да судиши судъ правый, и вѣсы Его да не уклониши ни на шуее, ни на десное. — Узриши въ лицѣ благаго Бога сходящее къ Тебѣ милосердіе, требующее, да милостивъ будеши ко вручаемымъ Тебѣ народамъ. — Достигнутъ бо престола Твоего вдовицы, и сироты, и бѣдные, утѣсняемые во зло употребленною властію, и лицепріятіемъ, и мздоимствомъ лишаемые правъ своихъ, и вопить не престанутъ, да защитиши ихъ, да отреши ихъ слезы, и да устроиши ихъ вездѣ проповѣдывать Твою промыслительную державу. — Предстанетъ и самое человѣчество въ первородной своей и нагой простотѣ, безъ вся-

каго отличія порожденій и происхожденій: взирай, возопіетъ, общій Отецъ! на права человѣчества: мы равно всѣ чада Твои. Никто не можетъ быть предъ Тобою извергомъ, развѣ утѣснитель человѣчества и подымающій себя выше предѣловъ его. — Наконецъ благочестію Твоему предстанетъ и Церковь, сія мать, возродившая насъ духомъ, облеченная въ одежду, обагренною кровію Единороднаго Сына Божія. Сія Августѣйшая Дщерь Неба, хотя довольно для себя находитъ защиты въ единой Главѣ своей, Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, яко огражденная силою креста Его, но и къ тебѣ, Благочестивѣйшій Государь, яко къ первородному сыну своему, прострѣтъ она свои руки, и ими объявъ Твою любезнѣйшую выю, умолять не престанетъ: да сохраниши залогъ Вѣры цѣлъ и невредимъ, да сохраниши не для Себя токмо, но паче да явиши Собою примѣръ благочестія, и тѣмъ да заградиши нечестивыя уста вольнодумства, и да укротиши злый духъ суевѣрія и невѣрія.

Но съ Ангелами Божіими не усомнятся предстать и духи злобы. Отважатся окрестъ престола Твоего пресмыкатися и ласкательство, и клевета, и пронырство, со всѣмъ своимъ злымъ порожденіемъ, и дерзнутъ подумать, что аки бы подъ видомъ раболѣпности можно имъ возобладать Твоею прозорливостію. — Откроетъ безобразную главу свою мздоимство и лицепріятіе, стремясь превратить вѣсы правосудія. — Появится безстыдно и роскошь, со всѣми видами нечистоты, къ нарушенію святости супружествъ и къ пожертвованію всего единой плоти и крови въ праздности и суетѣ.

При таковомъ злыхъ полчищъ окруженіи, обымутъ Тя истина и правда, и мудрость и благочестіе, и будутъ, охраняя державу Твою, вкупѣ съ Тобою желать и молить: да воскреснетъ въ Тебѣ Богъ, и расточатся врази Твои.

Се подвигъ Твой, Державнѣйшій Государь! се брань, требующая, да препояшеши мечъ Твой по бедрѣ Твоей, о Герой! и наляцы, и успѣвай, и царствуй, и наставитъ Тя дивно десница Вышняго.

Дивно, глаголемъ; — ибо отъ всего того предохранить себя, все то превозмочь, все управить въ мирѣ и благоустройствѣ, требуетъ силъ болѣе, нежели человѣческихъ. Почему, судя о Тебѣ, хотя превознесенномъ паче всѣхъ человѣкъ, но яко о человѣкѣ, и должны бы мы свои радости и восторги торжественные въ своихъ предѣлахъ удержать.

Удержать, — но что же означаетъ сіе, днесь надъ Тобою совершившееся дѣйствіе? Состоитъ ли оно въ одной наружности? составляетъ ли только одинъ простой обрядъ? — Ахъ, нѣтъ! О Давидѣ, егда избранъ былъ онъ Богомъ въ Царя Израилю, и святымъ елеемъ помазанъ, слово Божіе гласитъ: *и ношашеся Духъ Господень надъ Давидомъ отъ того дне и потомъ*. Сіе духа Господня ношеніе въ день сей осѣнило и освятило главу Твою. Не тщетны желанія всея Россіи; не тщетны моленія всея Церкви. Призираетъ Господь на молитву смиренныхъ и не уничижитъ моленія ихъ.

Да и самое души Твоея расположеніе привлекаетъ таковое призрѣніе Господне; ибо точно можемъ мы о Тебѣ, Государь! то же сказать, что сказано о помазанникѣ Давидѣ: *и Давидъ красенъ, добръ очами, и благъ взоромъ Господеви*. Что само по себѣ не толико бъ было важно, ежели бъ оно не было точнымъ знаменіемъ Твоея красоты душевныя, доброты мыслей и благости сердечныя.

И такъ, великодушнѣйшій Государь! симъ укрѣпися и ободрися. Съ такою помощію небесною, съ таковымъ дарованнымъ Тебѣ духомъ Владычнимъ, подвигъ Твой будетъ удобенъ, бдѣніе Твое будетъ сладостно, попеченіе Твое будетъ успѣшно, бремя

легко, и ополченіе Твое будетъ побѣдительно и торжественно.

Но се! и еще подаетъ Тебѣ Богъ Своего о Державѣ Твоей промышленія печать видимую. — Вложилъ Онъ въ сердце Вашему Императорскому Величеству, да и любезнѣйшую Свою Супругу, Ея Императорское Величество, сотвориши участну Своея чести и славы вѣнчанія и помазанія. Сіе сходственно съ уставомъ Предвѣчнаго. Когда священный супружества союзъ совокупилъ Васъ воедино, и когда уставлено Богомъ быти женѣ помощницею своему мужу, то и честь ихъ должна быть нераздѣльна. Благоразуміе же и добродѣтели Ея Величества оправдятъ благую всѣхъ насъ о Ней надежду, конечно оправдитъ Она слово Господне, дабы быть вѣрною Вашему Величеству въ ношеніи общественнаго бремени помощницею.

Видя таковымъ образомъ отвсюду огражденна и укрѣпленна Тебе, Великій Государь! и радуемся, и торжествуемъ, и привѣтствуемъ, и благодаримъ Господа, и вопіемъ: *Благословенъ Господь, яко посѣти и сотвори избавленіе людемъ своимъ, и вознесе рогъ Христа Своего!*

Но прежде всѣхъ и паче всѣхъ да возрадуется душа Твоя, Благочестивѣйшая Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, о благословенномъ плодѣ чрева Твоего! О коль сладостенъ, коль питателенъ для насъ есть сей плодъ Твой! Святая Твоя кровь течетъ по жиламъ Его, и все, что въ ней есть животворное и добротное, сообщено и Ему. Давно Апостолъ провозгласилъ: аще корень святъ, то и вѣтви. Корень вѣтви оживляетъ, а вѣтви корень украшаютъ. Не есть ли сіе въ сердцѣ Твоемъ, Благочестивѣйшая Государыня! живоносным источникомъ полныя радости? Ежели какая была и есть въ душѣ Твоей скорбь: не доволенъ ли источникъ сей

оную усладить? Ежели какія бурныя тучи помрачили мысль Твою: сіе возсіявшее отъ Тебя свѣтило не довольно ли разогнать весь мракъ сей? — И такъ, видя днесь, яко матерь Соломонова, Сына Своего вѣнчанна и превознесена, возрадуйся и возвеселися и возблагодари Господу, столь милостиво Тя посѣтившему. А мы всѣ вкупѣ, со всею Россіею, послѣдуя Тебѣ, яко ликоначальницѣ Маріамѣ, ударяя въ тимпаны и кимвалы нашихъ сердецъ, предъ священнѣйшимъ лицемъ Боговѣнчаннаго Монарха нашего взыграемъ и воспоемъ, и услышано будетъ до послѣднихъ земли: съ нами Богъ! разумѣйте языцы и покоряйтеся! могущіи покоряйтеся! Аще бо паки возможете, и паки побѣждени будете, яко съ нами Богъ!

Платонъ.

II. *Рѣчь на прибытіе* Екатерины II *въ Мстиславль.*

Пресвѣтлѣйшая Императрица!

Оставимъ астрономамъ доказывать, что земля вкругъ солнца обращается: наше *Солнце* вкругъ насъ ходитъ, и ходитъ для того, да мы въ благополучіи почиваемъ. Исходиши, милосердая Монархиня, яко женихъ отъ чертога своего; радуешися, яко исполинъ, тещи путь. Отъ края Моря Балтійскаго до края Эвксинскаго шествіе Твое, да тако ни единъ изъ подданныхъ Твоихъ укрыется благодѣтельныя

теплоты Твоея! Хотя же мы и покоимся Твоимъ безпокойствіемъ, и не негорькими хожденіями Твоими сидимъ сладко, всякъ подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею, якоже Израиль во дни Соломона; однако, солнечнику цвѣту подобясь, туда и очи и сердца наши обращаемъ, аможе теченіе Твое.

Тецы убо, о *Солнце* наше! спѣшно; тецы исполинными стопами во всѣхъ Твоихъ благонамѣреніяхъ: къ западу только жизни Твоея не спѣши; въ семъ бо случаѣ, якоже Іисусъ Навинъ, и руки и сердца наша простирая къ небу, возопіемъ: стой, *Солнце*, и не движись, дондеже вся, великимъ Твоимъ намѣреніямъ противная, торжественно побѣдиши!

Георгій.

III. Императору Николаю I — *на прибытіе Его въ Москву, 1830 года, во время холеры.*

Благочестивѣйшій Государь!

Цари обыкновенные любятъ являться царями славы, чтобы окружить себя блескомъ торжественности, чтобы принимать почести. Ты являешься нынѣ среди насъ какъ Царь подвиговъ, чтобы опасности съ народомъ Твоимъ раздѣлять, чтобы трудности препобѣждать. Такое царское дѣло выше славы человѣческой, поелику основано на добродѣтели христіанской. Царь Небесный провидитъ сію жерт-

ву сердца Твоего, и милосердо хранитъ Тебя, и долготерпѣливо щадитъ насъ. Съ крестомъ срѣтаемъ Тебя, Государь, да идетъ съ Тобою воскресеніе и жизнь.

IV. Императрицѣ Маріи Ѳеодоровнѣ — *на прибытіе Ея въ Москву, въ 1826 году.*

Благочестивѣйшая Государыня!

Нѣкто видѣлъ, и вопрошалъ внезапное видѣніе: *кто сія проницающая аки утро?* (Пѣсн. VI. 9).

Мы видимъ, и не какъ внезапно явившуюся вопрошаемъ, но, какъ всегда вожделѣнную, Тебя призываемъ: пріиди, *проницающая аки утро*, сквозь остающійся еще сумракъ, послѣ глубокой предшествовавшей нощи, — восходящая, какъ тихая заря, предвѣстница новаго солнца, изъ Тебя Россіи возсіявшаго, нами съ нетерпѣніемъ ожидаемаго.

Пріиди, Матерь Царей! Отецъ свѣтовъ да благословитъ входъ Твой, и да совершитъ приносимую намъ Тобою надежду — вскорѣ увидѣть въ полнотѣ священной славы, уже сіяющаго царскими доблестями, Николая — Твое и наше утѣшеніе.

V. *Слово въ недѣлю третію по пятидесятницѣ.*

И о одежди что печется? смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ. (Матѳ. VI. 38. 39.)

Можно предугадывать, что говорено будетъ противъ излишнихъ попеченій объ одеждѣ и уборахъ; и, можетъ быть, при сей догадкѣ, нѣкоторые уже помышляютъ, что сей предметъ слишкомъ малъ для того, чтобы занять вниманіе христіанскаго собранія, въ часъ, назначенный для спасительнаго ученія. Но излишества и въ малыхъ вещахъ не суть малости. Излишество въ пищѣ и питіи въ самомъ началѣ своемъ есть источникъ немощей и болѣзней; а въ своемъ продолженіи можетъ превратиться въ медленное самоубійство. Такъ и вредъ суетныхъ попеченій объ одеждѣ простирается отъ тѣла до души: это уже не малость! Есть люди, у которыхъ сіи попеченія составляютъ не малую долю ежедневныхъ упражненій, и похищаютъ великую часть времени, которое все безъ остатка нужно для пріобрѣтенія вѣчности: это никакъ не малость! Кому, не смотря на сіе, поученіе объ одеждѣ и уборахъ кажется малостію: тотъ пусть помыслитъ, могъ ли величайшій подъ солнцемъ учитель учить малостямъ? Не слушайте, если не угодно, малыхъ людей, разсуждающихъ о малостяхъ: но вы не должны оставить безъ вниманія того, чему Небесный Учитель насъ поучаетъ.

О одеждѣ что печется? смотрите кринъ сельныхъ, како растутъ: не труждаются, ни прядутъ. Глаголю же вамъ, яко ни Соломонъ во всей славѣ своей облечеся, яко единъ отъ сихъ.

Что такое одежда? въ порядкѣ естественномъ — средство для защищенія человѣческаго тѣла отъ разрушительнаго дѣйствія стихій; въ порядкѣ нравственномъ — защита стыдливости; въ порядкѣ гражданскомъ — искусственное прикрытіе членовъ тѣла, приспособленное къ отправленію того или другаго званія общественнаго, и вмѣстѣ отличительный знакъ званій и степеней, въ нихъ постановленныхъ. Хотя изъ сихъ понятій тотчасъ можно усмотрѣть, что попеченіями объ одеждѣ должны управлять необходимость, скромность, постоянство; впрочемъ не остановимся на сихъ понятіяхъ, которыя болѣе показываютъ правильное употребленіе одежды человѣками и обществами, нежели ея происхожденіе и первоначальное назначеніе отъ Творца человѣковъ и обществъ человѣческихъ. Съ сего священнаго мѣста можно и должно видѣть далѣе, нежели обыкновенно видитъ міръ, и его стихійная мудрость.

Возведите мысли ваши къ первымъ днямъ вселенныя, въ которые человѣческій родъ заключался въ одной четѣ, только вышедшей изъ рукъ Создателя въ совершенной чистотѣ и святости: вы не найдете тамъ никакого слѣда одежды. *Бѣста*, говоритъ книга Бытія, *оба нага, Адамъ же и жена его, и не стыдястася.* (Быт. II. 25.) Можно даже сказать безъ противорѣчія свидѣтельству Слова Божія, что они не были и наги, потому что не имѣли и не ощущали того недостатка, который мы называемъ наготою: подобно какъ тотъ не есть еще гладенъ, кто не принимаетъ пищи, но и не чувствуетъ въ ней нужды. Но вкусили прельщенные лукавымъ зміемъ отъ запрещеннаго плода: — и, *разумѣша, яко нази бѣша.* (Быт. III. 7.) Вотъ начало наготы! Ядъ грѣха, принятый въ душу и сердце, быстро разлился по всему существу ихъ; страсти возбудились, и произвели безпорядочныя движенія въ тѣлѣ; и, похоть ли, которая

зачении раждаетъ грѣхъ (Іак. I. 15.), сама тотчасъ родилась отъ перваго грѣха, или несчастные родоначальники устыдились будущаго племени, которое носили въ чреслахъ своихъ, и котораго сдѣлались теперь убійцами; — только они прежде всего поспѣшили закрыть сіи чресла. *И сшиста листвіе смоковное и сотвориста себѣ препоясанія.* (Быт. III. 7.) Вотъ происхожденіе одежды!

И такъ, что есть одежда наша? — Она есть произведеніе беззаконія; она есть обязаніе грѣховной раны, и притомъ пустое, безъ цѣлебнаго елея; она есть слабое средство для кратковременнаго сохраненія осужденнаго тѣла отъ дѣйствія стихій, совершающихъ его казнь; она есть прикрытіе нравственнаго безобразія, содѣлавшагося естественнымъ; она есть защита отъ стыда тѣлесной наготы, изобрѣтенная обнаженнымъ въ совѣсти человѣкомъ; она есть видимый знакъ человѣка преступника; она есть всеобщій и всегдашній трауръ, наложенный раскаяніемъ по смерти первобытной непорочности; она есть знамя побѣды, которое намъ врагъ выставилъ наружу, овладѣвъ нашею внутренностію. Что же дѣлаютъ тѣ, которые съ такою заботливостію наперерывъ стараются блистать красотою и великолѣпіемъ одеждъ? Едва ли что нибудь болѣе, какъ только возобновляютъ и украшаютъ торжество древняго врага человѣческаго рода. Что значитъ сія гордость, съ которою имѣющій на себѣ дорогую одежду едва удостоиваетъ взора покрытую вретищемъ или полураздѣтую нищету, — сія ненасытимость, съ какою нѣкоторые со дня на день умножаютъ, — сіе непостоянство, съ которымъ такъ часто перемѣняютъ уборы? — Не есть ли сіе нѣчто подобное тому, какъ если бы больной вздумалъ тщеславиться множествомъ своихъ струповъ и красотою обязаній; или если бы рабъ, принужденный

носить оковы, желалъ имѣть ихъ въ великомъ числѣ, и выработанныя съ разнообразнымъ искусствомъ.

Правда, Богъ нѣкоторымъ образомъ освятилъ то, что есть въ одеждѣ простѣйшаго и вмѣстѣ необходимѣйшаго. *И сотвори Господь Богъ Адаму и женѣ его ризы кожаны: и облече ихъ.* (Быт. III. 21.) Но чрезъ сіе самое вновь осуждается безразсудная заботливость о украшеніи тѣла. Если вещество, по наставленію самаго Бога употребленное для составленія одѣянія, была кожа: то для чего нѣкоторые или несчастными или презрѣнными представляютъ себѣ тѣхъ, которые носятъ простой ленъ и грубую волну? Для чего намъ непріятно, если не на насъ прядетъ шелковой червь; не для насъ земля раждаетъ злато, и море перла? къ чему столь дѣтскія прихоти? Чего вамъ лучше и благолѣпнѣе той одежды, которую для васъ готовитъ Самъ Богъ? ибо можно сказать, что Онъ и для каждаго изъ насъ, какъ для Адама и его жены, творитъ потребныя ризы. Въ какой странѣ міра Онъ предопредѣляетъ намъ произойти на свѣтъ, въ той же и производитъ все, что по качеству сея страны потребно для тѣла нашего; и для снисканія того, что необходимо потребно, почти всегда довольно средствъ влагаетъ въ руки наши Его премудрый Промыселъ. Для чего же мы еще нерѣдко желаемъ, чтобы одежда наша превышала не только требованіе необходимости, но и приличіе нашего состоянія? Для чего иногда мы недовольны своими украшеніями потому только, что оныя не похищены у отдаленнѣйшихъ братій нашихъ? Посмотрите — такъ премудрость Божія постыждаетъ не только суетныя попеченія о излищнемъ, но и о потребномъ излишнія — посмотрите на полевые цвѣты, какъ они растутъ; не прядутъ и не трудятся: а вы, маловѣры, мучите себя по произволу изыскиваемыми заботами о вашемъ одѣяніи; какъ

будто Провидѣніе меньше занимается вами, нежели биліемъ, нынѣ цвѣтущимъ, а завтра увядающимъ; и будто оно забыло близъ васъ произвести для васъ потребное!

И какой же предметъ столь нетерпѣливыхъ заботъ? Нѣжная ткань, драгоцѣнные камни, чистое золото — пусть приложатъ къ сему исчисленію, что еще угодно — какъ все сіе мало и недостойно заботить того, кто хотя мало размышляетъ! Не знаю, что можетъ давать золоту на вѣсахъ разумнаго человѣка такую же тяжесть, какъ и на вѣсахъ торжника, если это не есть тяжесть бѣдъ, которыми обременяетъ оно родъ человѣческій? То, что называютъ лучшею водою въ камняхъ, не суть ли слезы несчастныхъ жертвъ, которыя въ живѣ, сто кратъ глубже мертвыхъ, погребаются во мрачномъ чревѣ горъ, для извлеченія оттуда сихъ драгоцѣнныхъ бездѣлицъ? Лучшія произведенія искусныхъ рукъ могутъ ли составить чью нибудь славу, кромѣ своего художника? И далеко ли простирается сія слава? Художникъ міра положилъ предѣлъ для тщеславія смертнаго искусства въ самыхъ обыкновенныхъ дѣлахъ природы. Посмотрите еще разъ на полевые цвѣты: Соломонъ во всей славѣ своей, не облачался такъ, какъ послѣдній изъ нихъ, говоритъ Истина.

Если вы, смотря на полевые цвѣты, не обрѣтаете въ себѣ мудрости пчелъ, дабы собрать съ оныхъ тонкій духовный медъ; если зрѣлище природы не приноситъ вамъ наставленія, которое бы обратилось въ васъ, въ силу и жизнь: изберите себѣ другое, высшее зрѣлище; возвысьте духъ вашъ, и воззрите не на образъ и тѣнь истины, но на самое лице ея, на красоту не созданную, на цвѣтъ совершенства; — воззрите, члены тѣла Христова, на главу свою, — и всмотритесь пристально, пристанутъ ли ей любимыя ваши украшенія? — Какая несообразность! —

Глава во *ясляхъ*, на соломѣ, а члены хотятъ почивать на своихъ сѣдалищахъ, и утопать въ одрахъ своихъ! Глава въ уничиженіи, въ нищетѣ, а члены только и помышляютъ о богатствѣ и великолѣпіи! Глава орошается кровавымъ потомъ, а члены умащаются и обливаются благовоніями! Со главы падаютъ слезы, а члены жемчугъ осѣняетъ! Глава въ терніи, а члены въ розахъ! Глава багрѣетъ отъ истекшей крови, и смертною объемлется блѣдностію, а члены лукавымъ искусствомъ дополняютъ у себя недостатокъ естественной живости; и, думая сами себѣ дать красоту, въ которой природа имъ отказала, превращаетъ живой образъ человѣческій въ изображеніе художественное! Глава то въ наготѣ, то въ одеждѣ поруганія, а члены любятъ покоиться подъ серебрянымъ виссономъ, подъ златымъ руномъ, или вмѣсто наготы Распятаго, съ презрѣніемъ стыда и скромности вымышляютъ себѣ одежду, которая бы не столько покрывала, какъ обнажала! Но — *да не возглаголютъ уста моя дѣлъ человѣческихъ!* (Псал. XVI. 4). Должно опасаться, чтобы не почтено было неблагопристойностію обличеніе обычаевъ, которымъ однакожъ послѣдовать неблагопристойностію не почитается.

Что жъ? — спросятъ, вѣроятно, люди, болѣе желающіе избавиться отъ обличенія, нежели исправить обличаемое: неужели всѣ должны отвергнуть всякое благолѣпіе, и облечься въ рубища? — Нѣтъ, совопросники, *мудрые еже творити злая, благо же творити не познавшіе*! (Iер. IV. 22.) Никто сего не требуетъ. Божественный Учитель нашъ обличаетъ, а потому и насъ обязываетъ обличать, и особенно излишнія, суетныя, пристрастныя. *О одежди что печетеся?* Впрочемъ извѣстно, что и самъ Онъ (безъ сомнѣнія, дабы не лишить утѣшенія и награды людей, служившихъ Его тѣлеснымъ потребностямъ)

носилъ драгоцѣнный нешвенный хитонъ, который пожалѣли раздрать и раздѣлявшіе ризы Его. Есть родъ и степень благолѣпія, и даже великолѣпія въ одѣяніи, который назначаетъ не пристрастіе, но благоприличіе, не суетность, но состояніе, не тщеславіе, но долгъ и обязанность. Но попеченіе безъ конца, пышность безъ мѣры, расточеніе безъ цѣли, ежедневные перемѣны уборовъ потому только, что есть люди, которые имѣютъ низость заниматься изобрѣтеніями сего рода, и что слишкомъ много такихъ, которые имѣютъ рабскую низость подражать симъ дѣтскимъ изобрѣтеніямъ — невѣроятная безразсудность! Безразсудность тѣмъ болѣе странная и нелѣпая, что безъ сомнѣнія многіе виновные въ ней признаютъ ее, и однакожъ не престаютъ вновь дѣлаться виновными въ ней! И пусть бы оставалась она безразсудностію: бѣдственно то, что ею порождаются и питаются беззаконія. Спросите, напримѣръ, нѣкоторыхъ пришедшихъ въ сіе священное мѣсто не прежде начала, но уже въ продолженіе общественныхъ молитвъ и священно-дѣйствія, спросите, и сами себя, вы, съ которыми сіе случилось: какъ похищено сіе время у Бога и у души? — Окажется, что у нѣкоторыхъ оно посвящено было тѣлу, изъ котораго творили тогда кумиръ. Не видите ли, какъ явно мнимыя малости ваши обращаются въ оскорбленіе Великаго Бога? — Или, посмотрите, какъ иногда на торжищѣ безъ вниманія проходятъ мимо нищаго, просящаго мелкой монеты на хлѣбъ насущный, и тысячи отдаютъ за ненужное украшеніе. Кто дерзнетъ сказать, что тутъ не нарушена любовь къ ближнему? Кто же не видитъ изъ сихъ немногихъ примѣровъ, какъ легко извиняемая міра суетность можетъ сдѣлать человѣка повиннымъ обѣимъ скрижалямъ закона Божія?

Христіане! какъ наслѣдники и будущіе возоб-

новители рая, не облѣняйтесь исторгать изъ сердецъ вашихъ и малое быліе нечистыхъ страстей, дабы не умножились плевелы, и не возрасло терніе, и не было подавлено сѣмя Божественное. Лучше лишиться тысячи украшеній тѣла, нежели представить Всевидцу малѣйшее пятно въ душѣ и совѣсти. Ахъ! хотя бы подъ рубищемъ, только бы сохранить то царственное облаченіе, о которомъ написано: *Елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся.* (Гал. III. 27). Аминь.

VI. *Слово въ Великій Пятокъ.*

Одному благочестивому пустыннику надлежало сказать что либо братіи, ожидавшей отъ него наставленія. Проникнутый глубокимъ чувствомъ бѣдности человѣческой, старецъ (*), вмѣсто всякаго наставленія, воскликнулъ: «Братіе, давайте плакать,» и всѣ пали на землю и пролили слезы.

Знаю, братія, что и вы ожидаете теперь слова назиданія; но уста мои невольно заключаются, при видѣ Господа, почивающаго во гробѣ. Кто осмѣлится разглагольствовать, когда Онъ безмолвствуетъ?... И что можно сказать вамъ о Богѣ и Его правдѣ, о человѣкѣ и его неправдѣ, чего стократъ сильнѣе не говорили бы сіи язвы? Кого не тронутъ онѣ, тотъ тронется ли отъ слабаго слова человѣческаго? — На

(*) Антоній Великій.

Голгоѳѣ не было проповѣди; тамъ только рыдали и били *въ перси свои* (*). И у сего гроба мѣсто не разглагольствію, а покаянію и слезамъ.

Братія! Господь и Спаситель нашъ во гробѣ: начнемъ же молиться и плакать! — Аминь.

Иннокентій.

VII. *Слово въ Великій Пятокъ.*

Паки Голгоѳа и крестъ! Паки гробъ и плащаница! Итакъ есть еще фарисеи и книжники, убіеніемъ невинныхъ *мнящіеся службу приносити Богу* (**); есть еще Іуды, лобызающіе устами и предающіе руками; есть еще Пилаты и Ироды, ругающіеся истинѣ и омывающіе руки въ крови праведниковъ! Но, братія, есть ли между нами еще вѣрные и мужественные Іоанны, для принятія божественнаго всыновленія со креста? Есть ли благоразумные сотники, достойные стоять на стражѣ у гроба Сына Божія? Есть ли Іосифы и Никодимы, дерзающіе внити къ Пилату и просить тѣла Іисусова? Есть ли Саломіи и Магдалины, для принятія первой вѣсти о воскресеніи? Господь, по свидѣтельству Псалмопѣвца, *приниче* нѣкогда *съ небесе на сыны человѣческіе видѣти, аще есть разумѣваяй или взыскаяй Бога*, и не узрѣлъ ни единаго: *вси уклонишася, неключими бы-*

(*) Лук. 23. 48.
(**) Іоан. 16. 2.

ша; нѣсть творяй благостыню, нѣсть до единаго (*). Теперь, братія, чтобы ближе видѣть, Господь приникаетъ не съ неба, не съ престола славы, а со креста, изъ гроба; приникаетъ видѣти уже не на сыны человѣческіе, а на сыны благодати своея: аще есть разумѣваяй силу смерти Его, сраспинаяйся Ему въ духѣ. Что же, Господи, зришь Ты теперь между нами? Болѣе ли, лучше ли прежняго? Видишь многократныя поклоненія, слышишь многочисленныя величанія; но и на Голгоѳѣ Ты видѣлъ покиванія главою, и въ преторіи Пилата Ты слышалъ: *радуйся*, *царю Іудейскій!* Видишь на очахъ нѣкоторыхъ слезы; слышишь изъ устъ нѣкоторыхъ воздыханія: но и съ Голгоѳы многіе возвращались *біюще въ перси своя* (**); и, не смотря на сіе, Твои перси оставались на крестѣ для уязвленія ихъ копіемъ.

Нѣтъ, братія, не то потребно для Господа и Спасителя нашего; не для поклоненія и величаній, даже самыхъ усердныхъ, не для вздоховъ и слезъ, даже самыхъ горькихъ, благоволитъ Онъ являться намъ висящимъ на крестѣ и лежащимъ во гробѣ. У гроба сего должно быть большему: *здѣсь судъ міру* (***), — судъ нашимъ мыслямъ, нравамъ и дѣяніямъ. Здѣсь, въ настоящее время, долженъ происходить разсчетъ домовладыки съ рабами, Спасителя съ душами, искупленными Его кровію. *Пріидите*, вѣщаетъ Онъ намъ чрезъ Пророка, *пріидите и истяжимся* (****)!

Смотрите, что Я сдѣлалъ для васъ! — У Меня была ваша глава, и она въ терновомъ вѣнцѣ; у Меня

(*) Псал. 13. 2.
(**) Лук. 23. 48.
(***) Іоан. 12. 31.
(****) Иса. 1. 18.

были ваши руки и ноги, и онѣ прободены; у Меня было ваше сердце, и оно отверсто для васъ копіемъ; у Меня была ваша плоть и кровь, и Я отдалъ ее за всѣхъ, и доселѣ питаю ими васъ въ причащеніи. Единъ духъ мой Я предалъ со креста не вамъ, — ибо въ сіи минуты вы не умѣли бы сохранить его, — а Отцу; но, по вознесеніи Моемъ на небо, Я ниспослалъ вамъ и Духа Св. отъ Отца. Вотъ что Я сдѣлалъ для васъ: Я весь вашъ! Явите, что вы сдѣлали для Меня, или паче для себя; ибо все мое для васъ: *пріидите и истяжимся!*

Можемъ ли, братія, уклониться отъ сего призванія? Итакъ, служитель алтаря, стань у гроба сего и дай отчетъ. Чтобы раздрать завѣсу церковную, закрывавшую отъ тебя святое святыхъ, и содѣлать тебѣ свободнымъ доступъ къ престолу благодати, Спаситель твой взошелъ на крестъ. Какъ пользуешься ты драгоцѣннымъ правомъ и какъ предстоишь у престола благодати? Низводишь ли благословеніе на себя и предстоящихъ? Возвѣщаешь ли имъ пути живота? Предходишь ли примѣромъ благой жизни? — Если ты право правишь слово истины и спасенія; если для тебя нѣтъ большей радости, какъ видѣть или слышать, что духовныя чада твои *ходятъ во истинѣ* (*) Христовой; если, въ случаѣ нужды, ты, по примѣру великаго Пастыреначальника, готовъ душу свою положить за овцы своя: то благо тебѣ; ты іерей по чину Іисусову; приступай къ сему гробу съ дерзновеніемъ; лобызай сіи язвы, и вдыхай изъ нихъ новый духъ мужества и любви на новые подвиги. По окончаніи чреды служенія на землѣ, ты внидешь въ нерукотворенную скинію на небеси, *идѣже Предтеча о насъ вниде Іисусъ* (**) — Но если

(*) 3 Іоан. 1. 4.
(**) Евр. 6. 20.

руки твои подъемлются горѣ, а сердце постоянно вращается долу; если ѳиміамъ восходитъ къ небу; а мысли всегда блуждаютъ по землѣ; если, предстоя трапезѣ Господней и преломляя хлѣбъ жизни для другихъ, ты самъ гладенъ духомъ и, вмѣсто манны, ищешь мясъ египетскихъ: то удались отъ сего гроба; здѣсь земля святая: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Каіафы!

Властелинъ судьбы ближнихъ, коему дано право вязать и рѣшить, стань у гроба сего и дай отчетъ. И ты не имѣешь власти никоеяже, *аще не бы ти дано свыше* (*); и ты творишь судъ Божій. Памятуешь ли сіе и со страхомъ ли Божіимъ держишь вѣсы правды? Чтобы ты не страшился за истину потерять, въ случаѣ нужды, имя друга Кесарева, пріязнь сильныхъ земли, Голгоѳскій Страдалецъ пріобрѣлъ для тебя имя друга Божія; чтобы ты всегда умѣлъ отличать невинность отъ преступленія, слабость отъ злонамѣренности, Онъ, въ помощь мерцанію твоей совѣсти, придалъ свѣтильникъ слова своего: пользуешься ли ты симъ средствомъ во благо ближнихъ, и твердо ли идешь путемъ закона и долга? Если ты не зришь на лица; побораешь по истинѣ, какъ бы она ни была презрѣна другими; если твой лиѳостротонъ не омытъ ни кровію, ни слезами неправедно осужденныхъ: то приступи къ будущему Судіи своему и Господу, лобызай язвы Его, и вдыхай изъ нихъ новую силу къ побѣжденію лжи и лукавства, къ сраженію съ искушеніями и соблазнами, къ священнодѣйствію правды. Тамъ — на всемірномъ судѣ — и ты станешь одесную, пріимешь милость и будешь увѣнчанъ вѣнцемъ правды. Но если ты, имѣя власть пустить невиннаго и зная невинность его, тѣмъ не менѣе готовъ пре-

(*) Іоан. 19. 11.

дать его въ руки враговъ, чтобы не оскорбить ихъ гордости; если, вмѣсто суда и защиты невинности, ты глумишься надъ ея несчастіями и заставляешь ее влачиться изъ одного судилища въ другое; если твоя правда состоитъ только въ омовеніи рукъ предъ народомъ: то удались отъ гроба сего — твое мѣсто не здѣсь, а въ преторіи Пилата!

Наперсникъ мудрости, ты, который всю жизнь проводишь въ изысканіи истины, въ познаніи таинъ природы, стань угроба сего и дай отчетъ. Чтобы тебѣ не блуждать напрасно по лабиринту человѣческихъ заблужденій и не исчезать въ суетныхъ помышленіяхъ о началѣ и концѣ вещей и человѣка, для сего самъ единородный Сынъ Божій *сый въ лонѣ Отчи* (*), *пріиде въ міръ и* *далъ есть намъ разумъ и свѣтъ, да познаемъ Бога истиннаго, и да будемъ во истиннѣмъ Сынѣ Его Іисусѣ Христѣ* (**). Въ пользу ли тебѣ сіе снисхожденіе и руководство? Послѣ толикихъ трудовъ и усилій, позналъ ли ты, что есть истина? Увѣрился ли, что ея нѣтъ ни на землѣ, ни на небѣ, какъ токмо въ томъ, кто есть истина и источникъ всякія истины по самому существу своему, въ единородномъ Сынѣ и Словѣ Божіемъ? Увѣрившись въ семъ, памятуешь ли, что *есть истина во Христѣ* (***); что она состоитъ *не въ препрѣтельныхъ человѣческія премудрости словесѣхъ, но въ явленіи духа* (****) и силы; не въ высокоумныхъ мечтаніяхъ, а въ томъ, чтобы *отложить ветхаго человѣка, тлѣющаго въ похотехъ прелестныхъ*, и *облещися въ новаго, созданнаго по Богу въ правдѣ и въ препо-*

(*) Іоан. 1. 18.
(**) 1 Іоан. 5. 20.
(***) Еф. 4. 21.
(****) 1 Кор. 2. 4.

добіи истины (*)? Если ты право правишь слово истины, *не сокрывая ее въ неправдѣ* (**) ни своего, ни общественнаго мнѣнія; если на служеніе истинѣ взираешь, какъ на служеніе самому Богу; если слава Божія и благо ближнихъ, а не самолюбіе и корысть, движутъ и руководятъ тебя въ твоихъ изысканіяхъ: то приступай съ дерзновеніемъ къ сему гробу величайшаго Свидѣтеля и Творца истины; лобызай язвы, понесенныя за истину, и почерпай мужество на новые подвиги для истины. Любя ее здѣсь, ты пріимешь за нее и отъ нее все на небѣ; будешь представленъ туда, гдѣ одна истина, одинъ свѣтъ, одна радость. Но если святая истина въ занятіяхъ твоихъ служитъ токмо средствомъ къ достиженію другихъ, земныхъ цѣлей; если ты съ равнымъ усердіемъ готовъ защищать ложь, для тебя выгодную; если плодомъ твоихъ изысканій были одни сомнѣнія, превращеніе умовъ, возмущеніе совѣстей; если ты готовъ издѣваться надъ истиною, потому что она, какъ Іисусъ предъ Иродомъ, кажется тебѣ странною: то удались отъ сего гроба — святое *буйство* (***) креста не по тебѣ: твое мѣсто не здѣсь, а во дворѣ Ирода!

Нужно ли глашать всѣхъ по имени? Каждый, кто носитъ имя христіанина, стань у гроба сего и дай отчетъ. Ты крестился въ смерть Христову; ты облекся въ бѣлую одежду заслугъ Христовыхъ; ты пріялъ обрученіе Святаго Духа; сочетался на вѣки Христу, отрекшись міра, діавола и всего служенія его. Какъ исполняешь все сіе? Гдѣ невинность и духъ? Гдѣ вѣра и вѣрность? Яви теперь, у гроба сего, что ты: ученикъ или предатель, другъ или на-

(*) Еф. 4. 22 — 24.
(**) Рим. 1. 18.
(***) 1 Кор. 1. 23.

вѣтникъ? Если ты всю жизнь проводишь такъ, какъ бы не вступалъ ни въ какое обязательство съ своимъ Спасителемъ; если дѣйствуешь во всѣхъ случаяхъ, какъ бы для тебя не было ни суда, ни вѣчности: то за чѣмъ являешься теперь здѣсь? Для чего возмущаешь смертный покой Божественнаго Страдальца? Кое причастіе сему кресту и твоему Веліару? Кое общеніе сему гробу и твоей мамонѣ? — У тебя есть другія божества, — иди, покланяйся имъ; у тебя есть другія язвы, — иди, лобызай ихъ.

Такъ, братія, у гроба Христова мѣсто токмо невинности или покаянію. Души вѣрныя Господу, Іосифы, Никодимы, Саломіи, Магдалины, явитесь! Се ваше мѣсто, се вашъ часъ! Божественному Страдальцу нужна плащаница: облеките Его вашими святыми помыслами; Ему нужна смирна: представьте ваши молитвы. Ангелы Божіи, явитесь и смѣните насъ, недостойныхъ стрещи великую стражбу!

Но, братія, земные Ангелы, подобно небеснымъ, всегда на божественной стражѣ; они всегда носятъ *на себѣ язвы своего Господа* (*); самый животъ ихъ всегда *сокровенъ со Христомъ въ Богѣ* (**). Что речемъ о самихъ себѣ? Какъ согласимъ нашу нечистоту съ неприступностію сего священнаго мѣста? Дерзнемъ ли приблизиться ко гробу Жизнодавца? Но лобызаніе нечистыми устами не будетъ ли новою язвою для пречистаго тѣла?—Дерзнемъ ли, гонимые неправдами нашими, оставить лежащаго во гробѣ Господа? Но *къ кому идемъ* (***)? *Нѣсть иного подъ небесемъ, о немъ же подобаетъ спастися* (****), кромѣ

(*) Гал. 6. 17.
(**) Кол. 3. 3.
(***) Іоан. 6. 68.
(****) Дѣян. 4. 12.

имени Его всеосвящающаго. — Что же сотворимъ, братія? Сотворимъ то, что сдѣлалъ Петръ, отвергшійся Господа. Изшедши изъ сего храма, удалившись отъ сего гроба, въ какомъ либо святомъ уединеніи, омоемъ горькими слезами прежнія неправды наши и дадимъ обѣтъ не отвергаться впредь Господа и святаго закона Его. Послѣ таковаго покаянія, Господь не отвергнетъ и насъ; и, если не предастъ намъ, какъ покаявшемуся Апостолу, ключей, то не заключитъ, по крайней мѣрѣ, отъ насъ дверей царствія. Аминь.

Иннокентій.

VIII. *Слово, при совершеніи годичнаго поминовенія по воинахъ, на брани Бородинской животъ свой положившихъ.*

Смерть есть общій всѣхъ человѣковъ жребій. Но умереть за Вѣру, и царя, за отечество, есть подвигъ, исполненный безсмертія и славы. Герой, вооружающійся для защищенія святыни, имъ почитаемой, ради спасенія соплеменныхъ своихъ, любезенъ и великъ предъ очами Божіими и человѣческими, — и *память его во благословеніихъ* (*).

Какая брань можетъ сравниться съ тою ужасною бранію, которая въ сей день Россійскихъ воиновъ по-

(*) Іисуса сына Сирахова гл. 45 ст. 1.

крыла славою на Поляхъ Бородинскихъ? Гордый и ненасытный завоеватель кровавый мечъ свой внесъ уже во внутренность отечества нашего, уже разрушилъ древнюю твердыню, уже достигъ предѣловъ той счастливой области, гдѣ возноситъ златые верхи свои первопрестольная, величественная, священная столица Россійской Державы. Восхищенный успѣхами, онъ воскликнулъ: еще шагъ, — и Москва падетъ къ ногамъ нашимъ. — Но что жъ? — Посѣдѣвшій во бранѣхъ вождь противопоставляетъ ему твердыню крѣпче мѣди и мрамора; противопоставляетъ ему собственную опытность, благоразуміе и мужество; противопоставляетъ вѣрность и храбрость воиновъ, имъ предводительствуемыхъ. — Засверкали мечи, загремѣли громы, восколебался воздухъ, потряслися сердца горъ; *крѣпкая Моавля пріятъ трепетъ.* Самый врагъ, который заставлялъ все трепетать предъ собою, вострепеталъ, и неустрашимый устрашился, и непобѣдимый отчаялся въ побѣдѣ. — Вселенная, взирая на сіе кровавое позорище, познала могущество и храбрость Россовъ; гадая, она рекла въ сердцѣ своемъ: рано *ли*, поздо *ли*, кроткій Давидъ побѣдитъ гордаго Голіафа. — Поля Бородинскія! откуда безчисленные холмы сіи, которые доселѣ не покрывали васъ? Не могилы *ли* избіенныхъ враговъ, стремившихся разрушить Россійское Царство, и подъ развалинами оныхъ погребсти блаженство наше? — Чѣмъ наполнены пространныя нѣдра ваши? Не костями *ли* злодѣевъ нечестивыхъ, хотѣвшихъ истребить вѣру отецъ нашихъ? *Тмы темъ падоша иноплеменныхъ,* и *сокрушишася оружія бранная* (*).

Но ахъ! въ семъ толь славномъ *для* воинства нашего сраженіи, сколь великія потери претерпѣли мы

(*) Кн. Царствъ II. *гл.* 1. *ст.* 27.

сами? Сколько погибло опытныхъ и мощныхъ воиновъ? Сколько благороднаго дворянства еще въ цвѣтѣ юности, подобно нѣжной розѣ, увяло отъ громовъ сея кровопролитныя брани? Сколько пало или уязвлено искусныхъ и мужественныхъ вождей? — Храбрый Багратіонъ! и твои геройскіе подвиги кончились на поляхъ Бородинскихъ!

Православные воины, положившіе животъ свой за Вѣру, за царя, за отечество! кіими похвальными вѣнцы увяземъ васъ? Какія почести воздадимъ безсмертнымъ подвигамъ вашимъ? какую жертву благодаренія и признательности принесемъ? — Защитники Церкви и отечества, *возлюбленніи и прекрасніи, неразлучни въ вѣрѣ и вѣрности; благолѣпни въ животѣ своемъ, и въ смерти своей не разлучистеся, паче орловъ легцы, и паче львовъ крѣпцы* (*). Такъ, пали они отъ ударовъ врага, но гласъ крове ихъ, яко гласъ крове Авелевой, возопіялъ отъ земли, умоляя Господа Силъ о отмщеніи. Такъ, ихъ пламенное рвеніе и мужество не увѣнчались желаннымъ успѣхомъ, и сынъ нечестія плѣнилъ столицу; съ мечемъ и пламенникомъ вошелъ въ достояніе Господне, и осквернилъ храмъ святый Его; но силы его уже были ослаблены, лукъ преломленъ, щитъ сокрушенъ. Пораженные врагомъ положили начало того ужаснаго пораженія, которое ожидало его самого. Среди пламени, пожиравшаго градъ сей, смущаемый страхомъ, терзаемый злобою, онъ, яко Каинъ, трясся и трепеталъ. Наконецъ, гонимый свыше, предался постыдному бѣгству; — и вои его, колесницы, тристаты его, погрязли въ пучинахъ снѣжныхъ. *Кто Богъ велій яко Богъ нашъ? Ты еси Богъ творяй чудеса* (**)!

(*) Кн. Царствъ II. гл. 1. ст. 23.
(**) Псал. 76. ст. 14 и 15.

И такъ много потеряло отечество во брани сей: но можно ли цѣнить то, что оно пріобрѣло? Сею жестокою битвою спасена цѣлость государства, сохранено величіе и слава народа, возвращена безопасность и тишина, и гордый Фараонъ позналъ, что Россіяне суть языкъ избранный, людіе Божіи, и Россія есть страна, покровительствуемая Небомъ.

Сколь убо ни велики потери наши, утѣшимся, прекратимъ стенанія, отремъ слезы! — Но ахъ, нѣжная супруга! гдѣ отецъ милыхъ дѣтей твоихъ? Онъ не возвращался еще съ Полей Бородинскихъ. Онъ тамъ; и дѣти твои сироты. — Прижми, прижми ихъ къ сердцу своему, ороси слезами. — Онъ тамъ; — да почіетъ съ миромъ почтенный прахъ его! Ты разлучилась съ нимъ на вѣки, но любовь его къ тебѣ и дѣтямъ прешла съ нимъ въ вѣчность. Небесный Отецъ будетъ отцемъ сиротъ твоихъ и утѣшителемъ тебя самой. Отецъ отечества, Помазанникъ Господень, призритъ на васъ окомъ Своея всеобъемлющія благости, и милостями Своими усладитъ горести ваши. — Сердобольные родители! и вашъ сынъ палъ среди кровавой брани: оплачьте его; но вмѣстѣ и утѣшьтесь тою Вѣрою, въ которой вы сами наставляли и утверждали его и словомъ и примѣромъ. Онъ убитъ еще въ цвѣтѣ юности; но онъ довольно жилъ для отечества, довольно для чести своей и вашей. Онъ не достигъ высшихъ и знаменитыхъ почестей; но вѣнецъ страдальческій уготованъ ему въ небеси. Онъ не наслѣдуетъ достоянія вашего, но получитъ наслѣдіе Іисусъ Христово. Святая Церковь не престанетъ молить Господа, какъ о немъ, такъ и о всѣхъ сподвижникахъ его; да воздастъ имъ за временные труды и язвы животъ вѣчный и блага вѣчная, да проліетъ имъ источники блаженства небеснаго, и увѣнчаетъ славою у Себе самого.

Земля отечественная! храни въ нѣдрахъ своихъ

любезные останки поборниковъ и спасителей отечества; не отяготи собою праха ихъ; вмѣсто росы и дождя, окропятъ тебя благодарныя слезы сыновъ россійскихъ. Зеленѣй и цвѣти до того великаго и просвѣщеннаго дне, когда возсіяетъ заря вѣчности, когда солнце правды оживотворитъ вся сущая во гробѣхъ. — Аминь.

Августинъ.

IX. *Рѣчь на погребеніе* Самуила, *Митрополита Кіевскаго.*

Пастырь успе! дѣлатель винограда Христова отъ трудовъ своихъ почилъ! Но что за новое покоище его? Тутъ ли сонъ поспѣлъ, гдѣ мы видѣли его, приступающаго къ престолу благодати, слушали славословящаго имя Божіе, окружали воздѣвающаго руки о насъ и низводящаго небесныя благословенія на насъ? Что за сонъ, страшный природѣ и сердцамъ! — Утро не пробудило пастыря къ стаду своему. Солнце не взошло для дѣлъ званія его. Дни уклонились отъ пастыря на вѣкъ. За вечеромъ жизни наступила безпредѣльная нощь. Гдѣ жъ спаситель, Который говорилъ: Иду и возбужду его. Нѣтъ! послѣдняя уже труба, воскрешающая мертвыхъ, возбудитъ его. Спаситель недавно глашалъ пастыря по имени. Пастырь, услышалъ гласъ Господа своего, поспѣшилъ къ Нему. — Что жъ намъ на дорогѣ во гробъ приказалъ? Остаться сиротами.

Перемѣна горькая! Горесть, извѣстная тому, кѣмъ овладѣла смерть — зло, выпущенное изъ нѣдръ адовыхъ на насъ. Сердце бѣдное оставлено себѣ. Прощаются съ сердцемъ нашимъ, когда оно, влекомое на крестъ, распинаемое положеніемъ печальнымъ, воззываетъ со Христомъ: Боже мой! Боже мой! почто мя оставляеши?

Гласъ сѣтующія матери, Церкви, разитъ пораженныхъ. Она, собирая насъ, говоритъ: Пріидите, чада, отдайте послѣднее цѣлованіе вашему отцу! Онъ послѣдній разъ являлъ вамъ лице и сердце отеческое, бесѣдовалъ, повелѣвалъ думать о любви и кротости; сердце сіе теперь спѣшитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите, учащіеся сироты, отдайте послѣднее цѣлованіе вашему руководителю, просвѣтителю, покровителю! Послѣдній разъ вы видѣли его усердіе, его милосердіе къ вамъ: мысли и попеченіе его о васъ скрываются съ нимъ во гробъ. Пріидите, нищіе, меньшая братія Христова, отдайте послѣднее цѣлованіе вашему сострадателю, человѣколюбцу, милователю! Онъ въ послѣднее простиралъ руки свои на облегченіе вашего тягостнаго жребія. Щедрота его вселяется съ нимъ во гробъ.* Пріидите невинные, оправданные на судѣ, отдайте послѣднее цѣлованіе вашей судьбы скорому рѣшителю, вашей невинности оправдателю, избавителю! Готовность сія ко избавленію нисходитъ съ нимъ во гробъ. Пріидите, наслаждавшіеся въ паствѣ сей правленіемъ кроткимъ, немздоимнымъ, нелицепріятнымъ, отдайте послѣднее цѣлованіе вашему пастырю! Кротость и благость сія познала западъ свой, удаляется съ пастыремъ во гробъ. Пріидите, Вѣры поборники, истины Христовой ревнители, добродѣтелей Христовыхъ подражатели, отдайте послѣднее цѣлованіе сему рѣдкому любителю Христа, рачителю истины Его, вѣры, терпѣнія, благотворенія, правилъ

Его последователю! Все сіе сокровище сердца его скрывается отъ очей нашихъ въ сей мрачный гробъ. Свѣтильникъ, возженный для свѣта, горѣвшій и свѣтившій доселѣ, нынѣ, для наведенія мрака, полагается подъ спудъ. Остается имя любимое и память благъ, пресѣкшихся съ жизнію. Отдайте долгъ послѣдній! Но чѣмъ, кромѣ слезъ, слезъ, оправданныхъ тогда, когда Спаситель у гроба Лазарева прослезился, и сказано: *виждь, како любляше его.*

Просили ученики Христа: *облязи съ нами, яко къ вечеру есть, и преклонился есть день.* Не хотѣлось имъ разлучаться со Христомъ тогда, когда ночь темная постигала ихъ, когда при собесѣдникѣ семъ горѣло сердце ихъ, егда глаголаше имъ на пути: Онъ же творяшеся далечайше итти. Просили и мы того же Пастыреначальника Христа, наградившаго насъ пастыремъ симъ, дабы Онъ, взирая на сердце наше къ нему, не отзывалъ его отъ насъ; но пастырь творится далечайше итти; далечайше — ибо въ вѣчность, гдѣ тонутъ вѣки и не составляютъ къ измѣренію ея ни мгновенія одного; гдѣ входъ намъ неизбѣженъ, исходъ невозможенъ. Кажется, что любящая насъ душа его единожды остановилась въ человѣколюбивомъ его сердцѣ, оживотворяетъ оное и говоритъ: «сила любви и духъ благодарно«сти съ вами есть. Любите и во гробѣ преданнаго «вамъ; сопутствуйте мнѣ сердцемъ ко Христу, но не «лейте слезъ, якоже неимущіи упованія. Мы скоро «соединимся у Христа для торжества надъ смертію. «Я потщуся и всегда имѣти васъ по моемъ исходѣ «память о сихъ творити. Довлѣетъ помнить, кто «жизнію жертвовалъ вашимъ пользамъ, вашему вѣч«ному благу.»

Бѣдное сердце для того ли счастливо таковыми отцами, плѣнено ихъ благотвореніемъ, любитъ ихъ дарованія, добродѣтель, совершенства, дабы ихъ ли-

шиться и стенать? Горести, коими отягощается сердце въ цѣлой жизни, должны по закону тлѣнія довершиться разрушеніемъ бытія сердца самаго и любимыхъ ему. Есть ли убо бѣднѣе того, кто рожденъ чувствовать?

Но посреди бѣдствій быть безсмертну не новое ли и нестерпимѣйшее бѣдствіе есть? А посему неминуемо надобно для безсмертія другой и лучшей жизни быть. Се при горестяхъ нашихъ намѣреніе Всеблагаго Творца! Иначе правда и премудрость Его вѣчно не допустила бы столько зла на насъ; не позволила бы ни Христу на главѣ Своей, ни намъ на сердцѣ терновый вѣнецъ носить.

Явись намъ, награжденная душа, изъ свѣтлостей святыхъ! Гдѣ, если не тутъ, застала ты исполненіе обѣтовъ Отца Небеснаго, о коихъ въ жизни воздыхала къ Нему? Гдѣ остановилась Вѣра твоя, какъ не тутъ, когда откровенно увидѣла ты вѣруемаго твоего? Гдѣ надежды твои, подвиги терпѣнія увѣнчались, какъ не тутъ, куда недавно препроводилъ тебя духъ Божій, укрѣплявшій тебя въ вѣрѣ и подвизѣхъ житія, утѣшавшій въ часъ непостыдныя кончины? Тутъ увидѣла ты предшественниковъ твоихъ, Свѣтилъ Церкви, великихъ Василіевъ, ревнительныхъ Григоріевъ, златословесныхъ Іоанновъ. Предстань поне очамъ души! если печаль о лишеніи твоемъ отнятою быть не можетъ, растворенна будетъ отрадою сею.

Но вѣра видитъ его ясно тутъ. На кого бо Вѣры Начальникъ и Совершитель Іисусъ Христосъ указуетъ намъ, глаголя: сей на судъ не пріидетъ, но прейдетъ отъ смерти въ животъ?

Боже жизни! у Котораго мертвыхъ нѣтъ — вси бо нисходящіе во гробъ къ Тебѣ текутъ, у Тебя собираются въ невидимомъ мірѣ, Тебѣ живи суть — Котораго воля одна святая, одна благая и совершенная;

ей повиноваться, значитъ Божество. Мы, увидѣвъ пастыря близъ гроба, говорили къ Тебѣ, Источнику живота: мимо неси отъ насъ чашу сію, обаче не якоже мы хощемъ, но якоже Ты, буди воля Твоя! — Се постигъ насъ часъ воли Твоея! Ты Самъ воззвалъ его съ небесъ, вторицею глаголя: Самуиле! — Се азъ, Господи! онъ въ послѣднее тутъ изрекъ — и уже нѣтъ его для насъ.

Да водворяется убо онъ, да начинаетъ радость и торжество свое въ селеніяхъ Твоихъ предъ лицемъ Твоимъ! Но сира и вдову пріемляй, посли благодать Твою, исцѣляющую наши сердца; съ любовію пріемля пастыря во славу Твою, и помянувъ жалость, съ коею онъ оставлялъ насъ сиротами, покровительствуй насъ; положи на сердце Царево, которое, давно будучи въ руцѣ Твоей, народамъ благотворитъ, дать намъ пастыря — болѣе желать не дерзаемъ — подобнаго Самуилу! Тако милостей Твоихъ и любви воззваннаго пастыря будетъ вѣчная память.

Іоаннъ Леванда.

X. *Слово на погребеніе Бецкаго.*

И такъ — мужъ, исполненный долготою дней, скончался вмалѣ! — Рука приближенныхъ закрыла хладными вѣждями померкшій на вѣки взоръ его. — Бездыханное тѣло его предается благочестно гробу. — Признательность начертаетъ на камени имя его. — Чувствительное сердце оросить слезою гробницу

его. . . . И симъ ли свершилось воздаяніе тѣмъ подвигамъ его прехвальнымъ, извѣстнымъ престолу, отечеству, Свѣту? — Потомство сплететъ ему вѣнецъ хвалы? — Но глава, увядшая подъ смертнымъ серпомъ, носить его уже не можетъ. Бытописанія возвѣстятъ дѣла его? — Но сему не внемлетъ болѣе слухъ, прилегшій къ сердцу земли, котораго и гласъ грома не потрясаетъ. Воздвигнутъ въ честь его мѣдь или мраморъ? — Но подъ тяжестію сего изнемогаютъ кости, кои природа тихимъ маніемъ преклонила въ мирѣ уснуть и почить.

Боже Великій! для сего ли всемогущая благость Твоя призываетъ человѣка во страну сію отцевъ и матерей, дабы только родиться и умереть? — Что жъ будетъ онъ предъ злакомъ, гибнущимъ отъ зноя на полѣ сельномъ; или предъ муравіемъ, издыхающимъ подъ ногою путника скоротечнаго? Богоподобная добродѣтель! для сего ли любители твои жертвуютъ, изъ ревности къ тебѣ, всѣмъ сердцемъ и душею, всею крѣпостію силъ и самою жизнію, дабы, собравъ всеобщія хвалы дань, оставить ее у отверзтія гроба? — Но и сего стяжанія не имѣютъ тѣ, кои любви своея къ тебѣ имѣли свидѣтелемъ одну совѣсть и Бога.

Свѣтъ сей есть для добродѣтели подвигъ; но не въ немъ ея награда. Мы память ея украшаемъ тлѣнными вѣнцами: ибо не можемъ украсить ее нетлѣнными. Такъ! самая смерть добродѣтельныхъ есть доказательствомъ безсмертія и того блаженства, которое подвигамъ благочестивымъ предоставлено во странахъ небесныхъ, въ Царствѣ вѣчности!

Добродѣтель, съ которой стороны ни воззримъ на лице ея, вездѣ чиста, прекрасна, божественна. Обращено ли оно къ Богу? На немъ изображено исполненіе всѣхъ тѣхъ отношеній, каковыми разумная тварь обязана къ своему Создателю. Обращено

ли оно къ человѣку? На немъ сіяютъ сіи сердечныя мысли: се ближній мой! я люблю его, яко самого себя. Обращено ли оно на грудь свою? На немъ зрится напечатлѣнно вниманіе къ собственнымъ и достоинствамъ и обязанностямъ своимъ: азъ есмь церковь Бога живаго, прославлю Бога и въ душѣ и въ тѣлеси своемъ. — Добродѣтель и во свѣтѣ просвѣщенія тѣмъ сіятельнѣе: она блистательна и среди мрака заблужденій. Зерцало ея есть солнце, или паче Богъ; да будетъ истина и правда ея яко полудне, яко совершенства Бога. Она величественна въ порфирѣ; она и въ рубищахъ любезна. Преславна подъ шлемомъ и щитомъ; знаменита и на нивѣ при ралѣ. Достохвальна во храмѣ у священнаго алтаря; благословенна и въ домѣ, во градѣ и веси.

Украшенъ ли добродѣтелію умъ? Тогда размышленія его невинны, познанія спасительны, предпріятія кротки, намѣренія безвредны, совѣты благіе. Тогда мысль возносится къ Виновнику бытія, дабы повергнуться предъ Нимъ со благоговѣніемъ. Разсматриваетъ дѣла Божія, дабы прославить премудрость Его. Познаетъ совершенства Господа своего, дабы имѣть ихъ основаніемъ и закономъ жизни. — Любитель мудрости уже есть нѣчто больше, нежели человѣкъ, который иногда предъ очами высокомѣрія является презрѣннѣе праха; но когда при мудрости сіяетъ душа его красотою добродѣтели, не есть ли онъ, яко Ангелъ Божій?

Воодушевлено ли добродѣтелію сердце? Тогда желанія его непорочны, надежды небесныя, любовь къ Богу чистѣйшая, человѣколюбіе безъ лицепріятія, искренность безъ лести, благотворенія безъ величавости. Тогда сердце кротко, яко агнецъ; мирно, яко утренняя заря. Его страсти не раздираютъ, не влекутъ въ плѣнъ рабства чувственныя прелести. Не намъ, не намъ токмо таковое сердце любезно. Оно

обращаетъ на себя взоръ Сердцевѣдца. Небесная нѣкая радость и неизобразимое удовольствіе суть или знаменіемъ присутствующаго уже въ немъ Божества, или вѣстниками приближенія Его по обѣщанію: *Имѣяй заповѣди моя и соблюдаяй ихъ, той есть любяй Мя, и азъ возлюблю его, и явлюся ему Самъ,* глаголетъ Спаситель.

Сопутствуетъ ли добродѣтель по степенямъ счастія, на которое возводитъ промыслъ Вышняго? Тогда власть и могущество для прибѣгающихъ подъ кровъ ихъ суть яко матернія крылія для птенцовъ невосперенныхъ. Тогда богатство и изобиліе проливаются рѣкою, коея благотворными струями утоляетъ бѣдность жажду свою. Тогда слава есть торжественный примѣръ: или мужества, коего трепещетъ не меньше высокомѣрный врагъ, какъ и лукавый порокъ; или великодушія, столь же терпѣливо преносящаго удары напастей, какъ и беззлобно прощающаго обиды; или ревности къ Вѣрѣ и закону; или вѣрности къ отечеству и любви къ Государю. — Сіи опыты добродѣтели не суть плодъ воображенія и мечты.

Воскресите, воскресите въ памяти вашей тѣхъ мужей, кои были красотою и утѣшеніемъ человѣческаго рода. Всевышній хранилъ ихъ, яко зѣницу ока, и для добродѣтелей ихъ усугублялъ благословенія свои въ людяхъ. Онъ, взирая на нихъ, преклонялся долготерпѣніемъ и къ тѣмъ, кои служили идолу порока, кои достойны были Его праведнаго пораженія. — Вообразите и нынѣ, въ теченіе сея нашея жизни, въ нашемъ отечествѣ, въ Россійстѣй Церкви, во градѣ семъ, и въ семъ, безъ сомнѣнія, храмѣ находящихся, кои красотою души и сердца своего, красотою дѣяній своихъ плѣняютъ сердца и души наши. Мы съ радостію жертвуемъ имъ удивленіемъ, любовію, благодарностію, прославленіемъ: ибо принесть другой

жертвы не можемъ. Такъ уже ли мысль, воспаряющая чрезъ предѣлы міра ко престолу Предвѣчнаго, созерцающая совершенства Его, и на земли для служенія Ему сооружающая духовный алтарь, мысль, обтекающая во едино мгновеніе и небо и землю, прошедшіе вѣки и грядущіе, и даже въ вѣчности не находящая быстрому полету своему предѣловъ, смѣшается со прахомъ? Уже ли тотъ духъ, духъ мудрости и разума, духъ совѣта и крѣпости, духъ вѣдѣнія и благочестія; духъ страха Господня, погаснетъ подобно смертному факелу? Уже ли то сердце, украшенное благостію и правдою, истиною и святостію, кротостію, и человѣколюбіемъ, доброжелательствомъ и благотвореніемъ, пожерто будетъ тлѣніемъ? Тѣ желанія святыя, тѣ надежды небесныя исчезнутъ какъ дымъ, какъ мечта? Для сего ли премудрость Божія возвышаетъ человѣка до такой степени совершенствъ въ естественномъ и нравственномъ свѣтѣ, дабы тѣмъ стремительнѣе повергнуть его въ бездну ничтожества? Для сего ли хвалимся носити образъ Предвѣчнаго Создателя нашего, дабы содѣлаться тѣмъ вожделѣннѣйшею добычею все чувственное поглощающія смерти? — Гдѣ же тѣ обѣщанія Евангельскія: *Вѣруяй въ Мя не погибнетъ, но иматъ животъ вѣчный* (*)? Гдѣ та отрада, которую добродѣтель вливаетъ въ сердце среди горести и несчастія? Гдѣ та совѣсть, внушающая любити честность ни по страху человѣческому, ни для похвалъ внѣшнихъ? гдѣ Вѣра? гдѣ законъ? гдѣ праведный Богъ? — Что чувствовалъ тогда порфироносный Пророкъ, когда, разсматривая суетность гибнущихъ удовольствій, сказалъ: *Азъ правдою явлюся лицу Твоему, Боже! насыщуся, внегда явитимися славѣ Твоей* (**). Какою надеждою

(*) Іоан. 6. 47.
(**) Псал. 16.

столь живо, столь несомнительно былъ воодушевленъ Божественный Апостолъ, когда произнесъ: *Дерзаемъ и благоволимъ паче отъити отъ тѣла, и внити ко Господу?* Откуда та радость, съ которою страдальцы святые послѣднее испускали дыханіе, вѣщая: *Боже! въ руцѣ Твои предаю духъ мой!* И мы, благочестивые Христіане! и мы не речемъ ли съ Апостоломъ Павломъ: *Аще въ животѣ семъ точію уповающи есмы во Христа, окаяннѣйши всѣхъ человѣковъ есмы?*

По понятію, какое имѣли ненаказанные еще во дни Соломона, что съ тѣломъ, обратившимся въ пепелъ, и *духъ разліется, яко мягкій воздухъ* (*); по сему немилосердому и вмѣстѣ богохульному понятію, что была бы жизнь наша, какъ не время проклинать день рожденія своего, и оплакивать будущее свое исчезновеніе? О таковой кончинѣ праведника не воздохнутъ ли небеса, гдѣ душа его полагала отечество свое? Не возстенаетъ ли вѣчность, которыя блаженствомъ уже преднаслаждалось сердце его? По сему понятію, Богъ нѣсть Богъ живыхъ, а мертвыхъ.

Упоенный прелестями нечестія и разврата порокъ! онъ-то плѣннику своему льститъ конечнымъ бытія разрушеніемъ. По его внушеніямъ вѣчность мечта: ибо всѣ удовольствія его остаются по сю сторону гроба. Онъ, восхищая иногда временное достояніе добродѣтели, мнитъ быти честность и правоту ея суетными, и тщетными всѣ подвиги ея. — Дѣламъ, совершаемымъ изъ любви Бога и Его закона, остаться безъ воздаянія, есть то же, что душѣ богоподобной обратиться въ ничто. Если бы праведнику за подвиги его, кои онъ сѣетъ иногда при

(*) Прем. Сол. 2. 3.

толикихъ озлобленіяхъ, орошаетъ нерѣдко толь многими слезами, предоставлено было собирать здѣсь на земли воздаяній жатву: то возмогъ ли бы кто лишить его принадлежащаго ему права? Злымъ зло, благо добрымъ: истина сія вѣчна. Гдѣ же она воздѣйствуетъ во всей силѣ, когда жизнь сія есть брань, гдѣ побѣда нерѣдко остается на противной сторонѣ? Судъ Бога нѣсть яко же судъ человѣка. *Азъ*, глаголетъ Господь, *Азъ воздамъ комуждо по дѣломъ его* (*). Есть Богъ, Богъ праведный. Воздаяніе добродѣтели въ руцѣ Его. Оно столь же нетлѣнно, какъ безсмертная душа; столь велико, сколь благъ мздовоздаятель Господь. — Такъ мужъ, исполненный небесныхъ надеждъ, совершивъ подвиги благіе, возлегаетъ съ веселіемъ на смертный одръ! Святая Вѣра разсыпаетъ весь тотъ страхъ, отъ котораго не можетъ не содрогаться сердце, воображающее, кто есть Богъ, и какая къ Нему обязанность человѣка. Онъ оставляетъ память о себѣ въ имени и дѣлахъ: въ имени, написанномъ въ книгѣ вѣчнаго живота; въ дѣлахъ, увѣнчанныхъ небесною славою. Если память его можно по достоинству почтить на землѣ, то подражаніемъ жизни его, взирая на кончину его. Добродѣтель не преселяется во страну вѣчности, не напечатлѣвъ красными стопами на мѣстѣ бытія своего любезнѣйшихъ слѣдовъ.

Такъ!... И гдѣ почившаго нынѣ сего знаменитаго мужа, предлежащаго въ сей гробницѣ, въ семъ храмѣ, предъ очами нашими, гдѣ душа его не ознаменовала доброты своея? Священная память временъ Отца Отечества, Петра Великаго, есть началомъ бытія его, яко человѣка, и жизни его, яко сына отече-

---

(*) Іерем. 17. 10.

ства: тридесять пятый годъ благословеннаго царствованія премудрыя Екатерины II, Матери нашея, есть предѣломъ девятидесятилѣтняго теченія дней его. Сіи единицы, толь великія, толь высокознаменитыя во вселенной эпохи, уже дѣлаютъ періодъ жизни его достопримѣчательнымъ. Но, при благородномъ сердцѣ, при нѣжномъ чувствованіи честнаго и похвальнаго, при свѣтѣ любомудрія Божественнаго и человѣческаго, при мудромъ правленіи толь великихъ скипетровъ, стяжалъ онъ и по личнымъ достоинствамъ право на общее отъ всѣхъ уваженіе къ особѣ своей. — Кто сидящаго на престолѣ Человѣколюбія исполнилъ ревностно волю, призрѣть на несчастныхъ сиротъ, повергаемыхъ на распутія? — Онъ. Кто во храмѣ художествъ, воздвигнутомъ мудростію, пекущеюся о просвѣщеніи подчиненныхъ, поспѣшествовалъ усердно намѣреніямъ Ея, соблюлъ свято Ея уставы? — Онъ. Кого Великая Монархиня, при изліяніи щедротъ своихъ на новое учрежденіе и распространеніе воспитанія благороднаго юношества обоего пола, удостоила быть правителемъ? Его. Кому Высочайше благоволила повѣрить смотрѣніе надъ сооруженіемъ безсмертнаго памятника Петру Первому Екатерина Вторая? — Ему. Нева! Нева, гордясь красотою бреговъ, свидѣтельствуетъ о тщаніи его къ исполненію велѣній Монаршихъ. — Его любовь къ человѣчеству не щадила иждивеній, не болящимъ токмо подавая помощь, но самой природѣ, мучащейся рожденіемъ во свѣтъ безсильнаго младенца. — Сколько воспитанниковъ запечатлѣли въ сердцѣ своемъ его благодѣянія! Великая Государыня благоволила наконецъ, при многихъ знакахъ отличностей, украсить его собственнымъ его изображеніемъ: такъ онъ былъ подобенъ себѣ въ намѣреніяхъ, въ совѣтахъ, въ благоразуміи, въ некорыстолюбіи, въ вѣрности, въ любви къ отечеству и законамъ.

Боже Праведный! Боже Спасителю! у Тебе мѣрило нашихъ дѣлъ. — Къ Тебѣ, яко Создателю своему, восходитъ духъ, когда мертвенное жилище его разрушается. — Тебѣ любезна добродѣтель: ибо Ты Святъ; упокой душу раба Твоего, Болярина Іоанна, идѣже праведные водворяются.

Анастасій.

ОТДѢЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

В. Свѣтскія Рѣчи.

I. *Слово похвальное блаженной памяти Государю* Императору Петру Великому, *говоренное Апрѣля 26-го дня 1755 года.*

Священнѣйше помазаніе и вѣнчаніе на Всероссійское Государство Всемилостивѣйшія Самодержицы нашея празднуя, слушатели, подобное видимъ къ Ней и къ общему отечеству Божіе снисхожденіе, каковому въ Ея рожденіи и въ полученіи отеческаго достоянія чудимся. Дивно Ея рожденіе предзнаменованіемъ царства; преславно на престолъ восшествіе покровеннымъ свыше мужествомъ; благоговѣйныя радости исполнено пріятіе отеческаго вѣнца съ чудными побѣдами отъ руки Господнии. Хотя бы еще кому сомнительно было, отъ Бога ли на земли обладатели поставляются, или по случаю державы достигаютъ; однако единымъ рожденіемъ Великія Государыни нашея увѣриться о томъ должно, видя, что Она уже тогда избрана была владычествовать надъ нами. Не астрологическія сомнительныя гаданія, отъ положенія планетъ произведенныя, ни другія по теченію натуры бывающія перемѣны и явленія, но ясные признаки Божія Провидѣнія послужатъ сему въ доказательство. Преславная надъ непріятелями Петрова подъ Полтавою побѣда съ рожденіемъ сея Великія Дщери Его въ единъ годъ приключилась, и въѣзжающаго въ Москву съ торжествомъ побѣдителя приходящая въ

міръ встрѣтила Елисавета. Не перстомъ ли здѣсь указующій является Промыслъ? Не слышимъ ли мысленнымъ ухомъ вѣщающаго гласа: видите исполненіе обѣтованнаго вамъ предзнаменованіями благоденствія? Петръ торжествовалъ, побѣдивъ внѣшнихъ непріятелей и своихъ искреннихъ измѣнниковъ; Елисавета для подобныхъ родилась тріумфовъ. Петръ, возвративъ законному Государю корону, въ отеческій градъ шествовалъ; Елисатета въ общество человѣческое вступила для возвращенія себѣ потомъ отеческой короны. Петръ, сохранивъ Россію отъ расхищенія, вмѣсто мрачнаго страха, принесъ безопасную и пресвѣтлую радость; Елисавета увидѣла свѣтъ, дабы пролить на насъ сіяніе отрады, избавивъ отъ мрака печалей. Петръ велъ за собою многочисленныхъ плѣнниковъ, не меньше великодушіемъ, сколько мужествомъ побѣжденныхъ; Елисавета отъ утробы разрѣшилась, дабы послѣ плѣнить сердца подданныхъ человѣколюбіемъ, кротостію, щедротою. Коль чудныя Божія судьбы видимъ, слушатели! Съ рожденіемъ побѣду, съ облегченіемъ Родительницы избавленіе отечества, съ обыкновенными при рожденіи обрядами чрезвычайное торжественное шествіе, съ пеленами побѣдительные лавры, и съ первымъ младенческимъ гласомъ всерадостные плески и восклицанія! Не всѣми ли сими рожденной тогда Елисаветѣ предвозвѣщены отеческія добродѣтели, предвозвѣщено отеческое Царство?

Въ доступленіи онаго сколь много всемогущій Промыслъ споспѣшествовалъ Ея геройству, о томъ радостныя воспоминанія вовѣки не умолкнутъ. Ибо Его силою и духомъ подвигшись героиня наша, Всероссійскому Государству, достодолжной его славѣ, великимъ дѣламъ и намѣреніямъ Петровымъ, внутреннему сердецъ нашихъ удовольствію и общему блаженству знатной части свѣта принесла спасе-

ніе и обновленіе. Велико дѣло есть избавленіе единаго человѣка; то коль несравненно больше спасеніе цѣлаго народа! Въ тебѣ, дражайшее отечество, въ тебѣ видимъ сего довольные примѣры. Междоусобными предковъ нашихъ враждами, неправдами, грабленіями и братоубійствами раздраженный Богъ поработилъ тебя нѣкогда чуждому языку, и на пораженное глубокими язвами твое тѣло наложилъ тяжкія вериги! Потомъ стенаніемъ твоимъ и воплемъ преклоненный послалъ тебѣ храбрыхъ Государей, свободителей отъ порабощенія и томленія, которые, соединивъ твои раздробленные члены, возвратили тебѣ и умножили прежнюю силу, величество и славу. Не меньшаго паденія избавила Россійскій Народъ предводимая Богомъ на отеческій престолъ Великая Елисавета; но большаго удивленія достойнымъ образомъ. Внутреннія болѣзни бываютъ бѣдственнѣе наружныхъ; такъ и въ нѣдрахъ государства воспитанная опасность вредительнѣе внѣшнихъ нападеній. Удобнѣе наружныя язвы исцѣляются, нежели внутреннія поврежденія. Но сличивъ исцѣленіе Россіи отъ пораженія, варварскимъ оружіемъ извнѣ нанесеннаго, съ удивительнымъ кроющагося внутрь вреда врачеваніемъ, Елисаветиною рукою произведеннымъ, противное находимъ. Тогда, для исцѣленія ранъ наружныхъ, обагрены были поля и рѣки не меньше россійскою, сколько и агарянскою кровію. Въ благословенные дни наши великодушная Елисавета вкоренившійся вредъ внутрь Россіи безъ всѣхъ нашихъ томленій истребила въ краткое время, и болѣзнующее отечество, яко бы единымъ Божественною силою исполненнымъ словомъ исцѣлила, сказавъ: *возстани и ходи; возстани и ходи, Россія! Отряси свои сомнѣнія и страхи; и радости и надежды исполненна, красуйся, ликуй, возвышайся!*

Таковыя изображенія въ мысляхъ представляетъ намъ, слушатели, воспоминаніе тогдашней радости! Но оныя усугубляются, когда помыслимъ, что мы не токмо отъ утѣсненія, но и отъ презрѣнія тогда свободились. Что прежде избавленія нашего народы о насъ разсуждали? Не отзываются ли еще ихъ рѣчи въ памяти нашей? Россіяне, Россіяне! Петра Великаго забыли! За Его труды и заслуги не воздаютъ должнаго благодаренія; не возводятъ Дщерь Его на престолъ отеческій; Она оставлена, не помогаютъ: Она отринута, не возвращаютъ; Она пренебрегаема, не отмщаютъ. О коль великъ стыдъ и посмѣяніе! Но несравненная Героиня восшествіемъ своимъ отняла поношеніе отъ сыновъ россійскихъ, и предъ всѣмъ Свѣтомъ оправдала, что не нашего усердія недоставало: но сносило ея великодушіе; не наша ревность оскудѣвала: но Она не хотѣла пролитія крови; не нашему малодушію оное приписывать должно, но Божескому Промыслу, Который благоволилъ показать тѣмъ Свою власть, Ея мужество, и нашу радость усугубить. Таковыя благодѣянія устроилъ намъ Вышній вступленіемъ на отеческій престолъ Великія Елисаветы! Что жъ нынѣшній праздникъ? Верхъ и вѣнецъ преждереченныхъ! Вѣнчалъ Господь Ея чудное рожденіе, вѣнчалъ преславное восшествіе, вѣнчалъ безприкладныя добродѣтели. Вѣнчалъ благодатію, ободрилъ благонадежною радостію, и благословилъ громкими побѣдами, восшествію Ея подобными. Ибо какъ внутренніе враги побѣждены безъ пролитія крови; такъ и внѣшніе съ малымъ урономъ преодолѣны были.

Облачается Монархиня наша въ порфиру; помазуется на царство, вѣнчается; пріемлетъ скипетръ и державу. Радуются Россіяне, и плесками и восклицаніями воздухъ наполняютъ; ужасаются сопостаты и блѣднѣютъ; уклоняются, даютъ хребетъ россійско-

му войску, укрываются за рѣки, за горы, за болота: но вездѣ утѣсняетъ ихъ сильная рука вѣнчанныя Елисаветы; отъ единаго Ея великодушія ослабу получаютъ. Коль ясны предзнаменованія благословеннаго Ея владѣнія во всемъ вышереченномъ видимъ, и вожделѣнному событію ихъ съ радостію чудимся! По примѣру великаго своего родителя, даетъ Государямъ короны, успокоиваетъ мирныхъ оружіемъ Европу, утверждаетъ россійское наслѣдство; истекаетъ злато и сребро изъ нѣдръ земныхъ къ Ея и къ общему удовольствію; избавляются подданные отъ тягостей; земля не обагряется россійскою кровію ни внутрь, ни внѣ государства; умножается народъ, и доходы прирастаютъ; возвышаются великолѣпныя зданія, исправляются суды, насаждаются науки среди государства; повсюду возлюбленная тишина и Монархинѣ нашей подобное время господствуетъ.

И такъ, когда несравненная Государыня наша предзнаменованное въ рожденіи, полученное мужествомъ, утвержденное побѣдоносныхъ вѣнчаніемъ и и украшенное преславными дѣлами отеческое Царство возвысила: то по справедливости всѣхъ дѣлъ и похвалъ Его истинная наслѣдница. Слѣдовательно, похваля Петра, похвалимъ Елисавету.

Давно долженствовали науки представить славу Его ясными изображеніями, давно желали въ нарочномъ торжественномъ собраніи превознести несравненныя дѣла своего Основателя; но вѣдая, коль великое искусство требуется къ сложенію Слова, ихъ достойнаго, понынѣ умолчали: ибо о семъ героѣ должно предлагать, чего о другихъ еще не слыхано. Нѣтъ въ дѣлахъ Ему равнаго; нѣтъ равныхъ примѣровъ въ краснорѣчіи, которымъ бы мысль послѣдуя, могла безопасно пуститься въ толикую глубину ихъ множества и величества. Однако нако-

нецъ разсудилось лучше въ краснорѣчіи, нежели въ благодарности показать недостатокъ; лучше съ произносимыми отъ усердной простоты разговорами соединить искренностію украшенное Слово, нежели молчать между толиками праздественными восклицаніями, наипаче, когда Всевышній Господь всѣхъ торжествъ нашихъ красоту усугубилъ, пославъ во младомъ Государѣ Великомъ Князѣ Павлѣ Петровичѣ всевожделѣнный залогъ Своея къ намъ божественныя милости, которую въ продолженіи Петрова племени почитаемъ. И такъ, оставивъ боязливое сомнѣніе, и уступивъ ревностной смѣлости мѣсто, сколько есть духа и голоса, должно употребить, или паче истощить на похвалу нашего героя. Сіе предпринимая, откуда начну мое слово? Отъ тѣлесныхъ ли Его дарованій? отъ крѣпости ли силъ? Но оныя явствуютъ въ преодолѣніи трудовъ тяжкихъ, трудовъ неисчетныхъ, и въ разрушеніи ужасныхъ препятствій. Отъ геройскаго ли вида и возраста, съ величественною красотою соединеннаго? Но кромѣ многихъ, которые начертанное въ памяти его изображеніе живо представляютъ, удостовѣряютъ разныя государства и города, которые, славою Его движимы, во срѣтеніе стекались и дѣламъ Его соотвѣтствующему и великимъ Монархамъ приличному взору чудились. Отъ бодрости ли духа пріиму начало? Но доказываетъ Его неусыпное бдѣніе, безъ котораго невозможно было произвести дѣлъ толь многихъ и великихъ. Того ради непосредственно приступаю къ ихъ предложенію, вѣдая, что удобнѣе принять начало, нежели конца достигнуть; и что великій сей Мужъ ни отъ кого лучше похваленъ быть не можетъ, кромѣ того, кто подробно и вѣрно труды Его исчислитъ, если бы только исчислить возможно было.

И такъ, сколько сила, сколько краткость опредѣленнаго времени позволитъ, важнѣйшія токмо дѣла

Его упомянемъ; потомъ преодолѣнныя въ нихъ сильныя препятствія; наконецъ Его добродѣтели, въ таковыхъ предпріятіяхъ споспѣшествовавшія.

Къ великимъ своимъ намѣреніямъ премудрый Монархъ предусмотрѣлъ за необходимо нужное дѣло, чтобы всякаго рода знаніе распространить въ отечествѣ, и людей искусныхъ въ высокихъ наукахъ, также художниковъ и ремесленниковъ размножить; о чемъ Его отеческое попеченіе хотя прежде сего мною предложено, однако ежели оное описать обстоятельно, то цѣлое мое слово еще къ тому не достанетъ. Ибо неоднократно облетая, на подобіе орла быстропарящаго, европейскія государства, отчасти повелѣніемъ, отчасти важнымъ своимъ примѣромъ побудилъ великое множество своихъ подданныхъ оставить на время отечество, и искусствомъ увѣриться, коль великая происходитъ польза человѣку и цѣлому государству отъ любопытнаго путешествія по чужимъ краямъ. Тогда отворились широкія врата великія Россіи; тогда чрезъ границы и пристани, на подобіе прилива и отлива, въ пространномъ океанѣ бывающаго, то выѣзжающіе для пріобрѣтенія знаній въ разныхъ наукахъ и художествахъ сыны россійскіе, то приходящіе съ разными искусствами, съ книгами, съ инструментами иностранные, безпрестаннымъ текли движеніемъ. Тогда математическому и физическому ученію, прежде въ чародѣйство и волхвованіе вмѣненному, уже одѣянному порфирою, увѣнчанному лаврами и на Монаршескомъ престолѣ посажденному, благоговѣйное почитаніе въ освященной Петровой особѣ приносилось. Таковымъ сіяніемъ величества окруженныя науки и художества всякаго рода какую принесли намъ пользу, доказываетъ избыточествующее изобиліе многоразличныхъ нашихъ удовольствій, которыхъ прежде великаго Россіи Просвѣтителя предки наши не токмо лиша-

лись, но о многихъ и понятія не имѣли. Коль многія нужныя вещи, которыя прежде изъ дальныхъ земель съ трудомъ и за великую цѣну въ Россію приходили, нынѣ внутри государства производятся, и не токмо насъ довольствуютъ, но избыткомъ своимъ и другія земли снабдѣваютъ! Похвалялись нѣкогда окрестные сосѣди наши, что Россія, государство великое, государство сильное, ни военнаго дѣла, ни купечества безъ ихъ спомоществованія надлежащимъ образомъ производить не можетъ, не имѣя въ нѣдрахъ своихъ не токмо драгихъ металловъ для монетнаго тисненія, но и нужнѣйшаго желѣза къ пріуготовленію оружія, съ чѣмъ бы стать противъ непріятеля. Исчезло сіе нареканіе отъ просвѣщенія Петрова: отверсты внутренности горъ сильною и трудолюбивою Его рукою. Проливаются изъ нихъ металлы, и не токмо внутрь отечества обильно распростираются, но и обратнымъ образомъ, яко бы заемные, внѣшнимъ народамъ отдаются. Обращаетъ мужественное россійское воинство противъ непріятеля оружіе, пріуготовленное изъ горъ россійскихъ россійскими руками.

О семъ для защищенія отечества, для безопасности подданныхъ и для безпрепятственнаго произведенія внутрь государства важныхъ предпріятій, о семъ нужномъ учрежденіи порядочнаго войска, коль великое имѣлъ Великій Монархъ попеченіе, коль стремительное рвеніе, коль рачительное всѣхъ способовъ, всѣхъ путей изысканіе: тому всему когда надивиться довольно не можемъ, возможемъ ли изобразить оное словомъ? Родитель премудраго нашего героя, блаженныя памяти Великій Государь Царь Алексѣй Михайловичъ, между многими преславными дѣлами, положилъ начало регулярнаго войска, котораго вспомоществованіемъ сколько на войнѣ имѣлъ успѣха, свидѣтельствуютъ счастливые его походы въ

Польшѣ и пріобрѣтенныя обратно къ Россіи провинціи. Но все Его о военномъ дѣлѣ попеченіе съ жизнію пресѣклось. Возвратились старинные безпорядки, и россійское воинство больше въ многолюдствѣ, нежели въ искусствѣ показать могло свою силу, которая сколько потомъ ослабѣла, явствуетъ изъ бывшихъ тогда противъ Турокъ и Татаръ безполезныхъ военныхъ предпріятій, а болѣе всего изъ необузданныхъ и пагубныхъ стрѣлецкихъ возмущеній, отъ неимѣнія порядочной расправы и расположенія происшедшихъ. Въ таковыхъ обстоятельствахъ кто могъ помыслить, чтобы двѣнадцати лѣтъ отрокъ, отлученный отъ правленія государства, и только подъ премудрымъ покровительствомъ чадолюбивыя своея Родительницы отъ злобы защищаемый, между безпрестанными страхами, между копьями, между мечами, на Его родственниковъ и доброжелателей и на Него самого обнаженными, началъ учреждать новое регулярное войско, котораго могущество въ скоромъ послѣ времени почувствовали непріятели, почувствовали, и вострепетали, и которому нынѣ вся вселенная по справедливости удивляется? Кто могъ помыслить, чтобы отъ дѣтской, какъ казалось, игры толь важное, толь великое могло возрасти дѣло? Иные, видя нѣсколько молодыхъ людей съ младымъ Государемъ обращающихъ разнымъ образомъ легкое оружіе, разсуждали, что сіе одна Ему только была забава, и потому сіи новонабранные люди Потѣшными назывались. Нѣкоторые, имѣя большую прозорливость, и примѣтивъ на юношескомъ лицѣ цвѣтущую геройскую бодрость, изъ очей сіяющее остроуміе и въ движеніяхъ católicaсановитую поворотливость, размышляли, коль храбраго героя, коль великаго Монарха могла уже тогда ожидать Россія! Но набрать многіе и великіе полки, пѣхотные и конные, удовольствовать всѣхъ одеждою, жалованьемъ, ору-

жіемъ и прочимъ военнымъ снарядомъ, обучить новому артикулу, завести по правиламъ артиллерію полевую и осадную, къ чему не малое знаніе геометріи, механики и химіи требуется, и паче всего имѣть во всемъ искусныхъ начальниковъ, казалось по справедливости невозможное дѣло: ибо во всѣхъ сихъ потребностяхъ знатный недостатокъ и лишеніе Государевой власти отняли послѣднюю къ тому надежду и малѣйшую вѣроятность. Однако что потомъ послѣдовало? Паче общенароднаго чаянія, противу невѣроятія оставившихъ надежду и свыше препинательныхъ происковъ и язвительнаго роптанія самой зависти загремѣли внезапно новые полки Петровы, и въ вѣрныхъ Россіянахъ радостную надежду, въ противныхъ страхъ, въ обоихъ удивленіе возбудили. — Невозможное учинилось возможно чрезвычайнымъ раченіемъ, а наипаче всего неслыханнымъ примѣромъ. Взирая нѣкогда Сенатъ Римскій на Траяна Цесаря, стоящаго предъ консуломъ, для принятія отъ него консульскаго достоинства, возгласилъ: *Чѣмъ ты болѣе, тѣмъ ты величественнѣе*! Какія восклицанія, какіе плески Петру Великому быть долженствовали для Его безприкладнаго списхожденія? Видѣли, видѣли отцы наши вѣнчаннаго своего Государя не въ числѣ кандидатовъ римскаго консульства, но межъ рядовыми солдатами; не власти надъ Римомъ требующаго, но подданныхъ своихъ мановенія наблюдающаго. О вы, мѣста прекрасны, мѣста благополучны, которыя толь чуднымъ зрѣніемъ насладились! О какъ вы удивлялись дружественному непріятельству полковъ единаго Государя, начальствующаго и подчиненнаго, повелѣвающаго и повинующагося! О какъ вы удивлялись осадѣ, защищенію и взятію домашнихъ новыхъ крѣпостей не для настоящія корысти, но ради будущія славы; не для усмиренія сопротивныхъ, но ради ободренія единоплеменныхъ учинен-

ному! Мы, нынѣ взирая на оныя минувшія лѣта, представляемъ, коль великою любовію, коль горячею ревностію къ Государю воспалялось начинающееся войско, видя Его въ своемъ сообществѣ, за однимъ столомъ ту же пріемлющаго пищу, видя лице Его, пылью и потомъ покрытое, видя, что отъ нихъ ничѣмъ не разнится, кромѣ того, что въ обученіи и въ трудахъ всѣхъ прилежнѣе, всѣхъ превосходнѣе. Таковымъ чрезвычайнымъ примѣромъ премудрый Государь, происходя по чинамъ съ подданными, доказалъ, что Монархи ничѣмъ такъ величества, славы и высоты своего достоинства прирастить не могутъ, какъ подобнымъ сему снисхожденіемъ. Таковымъ поощреніемъ укрѣпилось Россійское воинство, и въ двадцатилѣтнюю войну съ короною шведскою и потомъ въ другіе походы наполнило громомъ оружія и побѣдоносными звуками концы вселенныя. Правда, что первое подъ Нарвою сраженіе было неудачливо; но противныхъ преимущество и россійскаго воинства уступленіе къ ихъ прославленію и къ нашему уничиженію больше отъ зависти и гордости увеличены, нежели каковы были самою вещію. Ибо хотя россійское войско было по большей части двулѣтное противъ стараго и къ сраженіямъ пріобыкшаго; хотя несогласіе учинилось между нашими полководцами, и злохитрый переметчикъ открылъ непріятелю всѣ обстоятельства нашего стана; и хотя Карлъ вторыйнадесять скоропостижнымъ нашествіемъ не далъ времени Россіянамъ построиться: однако они по отступленіи отняли у непріятеля смѣлость продолжать бой и докончать побѣду, такъ что оставшаяся въ цѣлости россійская лейбъ-гвардія и не мало прочаго войска за тѣмъ только напасть на непріятеля не отважились, что не имѣли главныхъ предводителей, которыхъ онъ, призвавъ для мирнаго договора, удержалъ, какъ своихъ плѣнниковъ. Того ради гвардія

и прочее войско съ оружіемъ, съ военною казною, распустивъ знамена и ударивъ въ барабаны, въ Россію возвратились. Что сія неудача больше для показанныхъ несчастливыхъ обстоятельствъ, нежели для неискусства войскъ россійскихъ приключилась, и что Петрово новое войско въ младенчествѣ своемъ уже могло побѣждать привыкшіе полки противныхъ, показали въ слѣдующее лѣто и потомъ многія одержанныя надъ ними преславныя побѣды.

Я къ вамъ обращаю мое слово, нынѣ мирные сосѣди! когда вы сіи похвалы военныхъ дѣлъ нашего героя, когда вы превозносимыя мною побѣды россійскаго воинства надъ вами услышите, не въ поношеніе, но больше въ честь вашу припишите. Ибо стоять долгое время противъ Петра Великаго, противъ мужа, посланнаго отъ Бога на удивленіе вселенныя, и наконецъ быть отъ Него побѣжденнымъ, есть славнѣе, нежели побѣдить слабые полки подъ худымъ предводительствомъ. Почитайте по справедливости истинною своею славою храбрость героя вашего Карла, и по согласію всего свѣта утверждайте, что едва бы кто возмогъ устоять предъ лицемъ его гнѣва, когда бы чудною божескою судьбою не былъ въ отечествѣ нашемъ противъ его воздвигнутъ Петръ Великій. Его храбрые и введеннымъ регулярствомъ устроенные полки воспослѣдовавшими въ скоромъ времени побѣдами доказали, коль горяча ихъ ревность, каково въ военномъ дѣлѣ искусство, пріобрѣтенное отъ премудраго наставленія и примѣра. Оставляя многочисленныя побѣды, которыя Россійское воинство сраженіями числить пріобыкло, не упоминая великаго множества взятыхъ городовъ и твердыхъ крѣпостей, имѣемъ довольное свидѣтельство въ двухъ главныхъ побѣдахъ, подъ Лѣснымъ и подъ Полтавою. Гдѣ болѣе удивилъ Господь Свою на насъ милость? Гдѣ явственнѣе открылось, коль силь-

ные имѣло успѣхи въ заведеніи новаго войска благословенное начинаніе и ревностное раченіе Петрово? Что сего чуднѣе, что невѣроятнѣе могло воспослѣдовать? Войско, къ регулярству давно прі͡обыкшее, изъ областей непріятельскихъ дерзостію къ бою приведенное, подъ предводительствомъ славныхъ начальниковъ, въ воинскомъ упражненіи все время положившихъ; войско, всякими снарядами преизобильно снабдѣнное, уклоняется отъ сраженія съ новыми россійскими полками, числомъ много меньшими. Но они, не дая сопротивнымъ отдохновенія, быстрымъ теченіемъ постигли, сразились, побѣдили; и главный ихъ предводитель съ малыми остатками едва плѣненія избылъ, чтобы принести своему Государю плачевныя вѣсти, которыми хотя онъ сильно возмутился, однако мужественнымъ и стремительнымъ духомъ бодрствуя, еще поощрялся противъ Россіи; еще не могъ увѣриться, чтобы малолѣтное войско Петрово могло устоять противъ его возмужавшей силы, наступающей подъ его самого предводительствомъ; и надѣясь на дерзостныя обнадеживанія безсовѣстнаго Россіи измѣнника, не усомнѣлся вступить въ украинскіе предѣлы нашего отечества. Обращалъ высокомѣрными размышленіями Россію, и весь Сѣверъ чаялъ уже быть подъ ногою своею. Но Богъ въ награжденіе трудовъ неусыпныхъ, воздалъ Петру совершенною побѣдою надъ симъ презрителемъ Его раченій, который, противу своего чаянія, не токмо очевиднымъ былъ свидѣтелемъ невѣроятныхъ героя нашего въ военномъ дѣлѣ успѣховъ, но и бѣгствомъ своимъ не могъ избѣгнуть мечтающейся въ мысляхъ стройной храбрости россійской.

Толь знатными побѣдами прославивъ съ собою Великій Монархъ во всемъ свѣтѣ свое воинство, наконецъ доказалъ, что Онъ сіе больше для нашей безопасности учредить старался! Ибо не токмо узако-

нилъ, чтобы оное никогда не распускать, ниже во время безмятежнаго мира, какъ то при бывшихъ прежде государяхъ, не рѣдко, къ малому упадку могущества и славы отечества, происходило, но и содержать всегда въ исправной готовности. О истинное отеческое попеченіе! Многократно напоминалъ Онъ своимъ ближнимъ вѣрнымъ подданнымъ, иногда со слезами прося и цѣлуя, чтобы толь великимъ трудомъ и съ толь чуднымъ успѣхомъ предпріятое обновленіе Россіи, а паче военное искусство, не было послѣ Него въ нерадѣніи оставлено. И въ самое то всерадостное время, когда благословилъ Богъ Россію славнымъ и полезнымъ миромъ со шведскою короною, когда усердныя поздравленія и должные ему титулы *Императора*, *Великаго*, *Отца Отечества*, приносились, не преминулъ подтвердить публично Правительствующему Сенату, что, надѣясь на миръ, не надобно ослабѣвать въ военномъ дѣлѣ. Не симъ ли назнаменовалъ ясно, что Ему сіи высокіе титулы не были пріятны безъ наблюденія и содержанія впредь завсегда регулярнаго войска?

Обозрѣвъ скорымъ окомъ на сухомъ пути силы Петровы, въ младенчествѣ возмужавшія, и обученіе свое съ побѣдами соединившія, простремъ чрезъ воды взоръ нашъ, слушатели; посмотримъ тамъ дѣла Господни, и чудеса Его въ глубинѣ, Петромъ показанныя и свѣтъ удивившія.

Пространная Россійская Держава, на подобіе цѣлаго Свѣта, едва не отовсюду великими морями окружается, и оныя себѣ въ предѣлы поставляетъ. На всѣхъ видимъ распущенные россійскіе флаги. Тамъ великихъ рѣкъ устья и новыя пристани едва вмѣщаютъ судовъ множество; индѣ стонутъ волны подъ тягостью россійскаго флота, и въ глубокой пучинѣ огнедышущіе звуки раздаются. Тамъ позлащенные и на подобіе весны процвѣтающіе корабли,

въ тихой поверхности водъ изображаясь, красоту свою усугубляютъ; индѣ, достигнувъ спокойнаго пристанища плаватель, удаленныхъ странъ избытки выгружаетъ, къ удовольствію нашему. Тамъ новые Колумбы къ невѣдомымъ берегамъ поспѣшаютъ для приращенія могущества и славы Россійской; индѣ другой Тифисъ между сражающимися горами плыть дерзаетъ; со снѣгомъ, со мразомъ, съ вѣчными льдами борется, и хочетъ соединить востокъ съ западомъ. Откуда толикая слава и сила россійскихъ флотовъ по толь многимъ морямъ въ краткое время распространилась? откуда матеріи? откуда искусство? откуда махины и орудія, нужныя въ толь трудномъ и многообразномъ дѣлѣ? Не древніе ли исполины, вырывая изъ густыхъ лѣсовъ и горъ превысокихъ великіе дубы, по берегамъ повергли къ строенію? Не Амфіонъ ли сладкимъ лирнымъ играніемъ подвигнулъ разновидныя части къ сложенію чудныхъ крѣпостей, летающихъ чрезъ волны? Таковымъ бы истинно вымысламъ чудная поспѣшность Петрова въ сооруженіи флота приписалась, если бъ такое невѣроятное и выше силъ человѣческихъ быть являющееся дѣло въ отдаленной древности приключилось, и не было бъ въ твердой памяти у многихъ очевидныхъ свидѣтелей; и въ письменныхъ безъ всякаго изъятія достовѣрныхъ извѣстіяхъ. Въ сихъ мы съ удивленіемъ читаемъ, отъ оныхъ не безъ сердечнаго движенія въ дружелюбныхъ разговорахъ слышимъ, что нельзя опредѣлить, сухопутное ли или морское войско учреждая, больше труда положилъ Петръ Великій. Однако о томъ нѣтъ сомнѣнія, что въ обоихъ былъ неутомимъ, въ обоихъ превосходенъ. Ибо какъ для знанія всего, что ни случается въ сраженіяхъ на сухомъ пути, не токмо прошелъ всѣ чины, но и всѣ мастерства и работы испыталъ собственнымъ искусствомъ, дабы ни надъ кѣмъ не про-

смотрѣть упущенія должности, и ни отъ кого излишества свыше силъ не потребовать, подобнымъ образомъ и во флотѣ, не учинивъ опыта, ничего не оставилъ, въ чемъ бы только Его проницательныя мысли, или трудолюбивыя руки могли упражняться. Съ того самаго времени, когда онаго, вещію малаго ботика, но дѣйствіемъ и славою великаго, изобрѣтеніе побудило неусыпный духъ Петровъ къ полезному раченію основать флотъ, и морской глубинѣ показать россійское могущество, устремилъ и распростеръ великаго разума своего силы во всѣ важнаго сего предпріятія части, которыя разсматривая, увѣрился, что въ толь трудномъ дѣлѣ успѣховъ имѣть невозможно, ежели Онъ самъ довольнаго въ немъ знанія не получитъ. Но гдѣ оное постигнуть? Что Великій Государь предпріемлетъ? Чудилось прежде безчисленное народа множество, стекщееся видѣть восхищающее позорище на поляхъ московскихъ, когда нашъ герой, едва выступивъ изъ лѣтъ младенческихъ, въ присутствіи всего Царскаго Дома, при знатныхъ чинахъ Россійскаго Государства, и при знатномъ собраніи дворянства, то радующихся, то поврежденія здравію Его боящихся, трудился размѣривая регулярную крѣпость, какъ мастеръ; копая рвы и взвозя землю на раскаты, какъ рядовой солдатъ, всѣмъ повелѣвая, какъ Государь; всѣмъ дая примѣръ, какъ премудрый учитель и просвѣтитель. Но вящшее возбудилъ удивленіе, вящшее показалъ позорище предъ очами всего свѣта, когда сначала на малыхъ водахъ московскихъ, потомъ на большей ширинѣ Озеръ Ростовскаго и Кубинскаго, наконецъ въ пространствѣ Бѣлаго Моря увѣрясь о несказанной пользѣ мореплаванія, отлучился на время изъ своего Государства, и сокрывъ величество своея особы, между простыми работниками въ чужой землѣ корабельному дѣлу обучаться не погнушался. Удивлялись сперва чудному дѣлу прилучив-

шіеся съ нимъ купно въ обученіи, какъ Россіянинъ толь скоро не токмо простой плотнической работѣ научился, не токмо ни единой части къ строенію и сооруженію кораблей нужной не оставилъ, которой бы своими руками не умѣлъ сдѣлать; но и въ морской архитектурѣ толикое пріобрѣлъ искусство, что Голландія не могла уже удовольствовать Его глубокаго понятія. Потомъ, коль великое удивленіе во всѣхъ возбудилось, когда увѣдали, что не простой то былъ Россіянинъ, но самъ толь великаго государства обладатель къ тягостнымъ трудамъ простеръ рожденныя и помазанныя для ношенія скипетра и державы руки. Но только ли было, что для одного любопытства, или по крайней мѣрѣ для указанія и повелительства въ Голландіи и въ Британіи достигъ совершенной теоріи и практики къ сооруженію флота и въ мореплавательной наукѣ? Вездѣ Великій Государь не токмо повелѣніемъ и награжденіемъ, но и собственнымъ примѣромъ побуждалъ къ трудамъ подданныхъ! Я вами свидѣтельствуюсь, великія россійскія рѣки, я къ вамъ обращаюсь, счастливые берега, посвященные Петровыми стопами и потомъ Его орошенные! Коль часто раздавались на васъ бодрые и ревностные клики, когда тяжкіе къ составленію корабля пріуготовленные члены, не рѣдко тихо отъ работающихъ движимые, наложеніемъ руки Его къ скорому теченію устремлялись, и оживленное примѣромъ Его множество съ невѣроятною поспѣшностію совершало великія громады! Коль чуднымъ и ревностному сердцу чувствительнымъ зрѣніемъ наслаждались стекшіеся народы, когда оныя великія зданія къ сошествію на воду приближались; когда неусыпный ихъ основатель и строитель многократно то на верху оныхъ, то подъ ними обращаясь, то кругомъ обходя, примѣчалъ твердость каждой части, силу махинъ, всѣхъ предосторожностей точность, и

усмотрѣнные недостатки исправлялъ повелѣніемъ, ободреніемъ, догадкою и неутомимыхъ рукъ своихъ поспѣшнымъ искусствомъ! Симъ неусыпнымъ раченіемъ, симъ непобѣдимымъ въ трудѣ постоянствомъ баснословная древнихъ поспѣшность не вымыслами, но правдою во дни Петровы показалась.

Коль радостны были великому Государю толикіе въ морскомъ дѣлѣ успѣхи, къ несказанной пользѣ и славѣ государства, раченіемъ Его произведенные, легко изъ того усмотрѣть можно, что не токмо воздаяніемъ удовольствовалъ спотрудившихся съ собою, но и безчувственному дереву показалъ преславный знакъ благодарности. Покрываются невскія струи судами и флагами; не вмѣщаютъ берега великаго множества стекшихся зрителей; колеблется воздухъ и стонетъ отъ народнаго восклицанія, отъ шума веселъ, отъ трубныхъ гласовъ, отъ звука огнедышащихъ махинъ. Какое счастіе, какую радость намъ небо посылаетъ! Кому на срѣтеніе Монархъ нашъ съ таковымъ великолѣпіемъ выходитъ? Ветхому ботику, но въ новомъ и сильномъ первенствующему флотѣ! Представя сего величество, красоту, могущество и славныя дѣйствія, и купно онаго малость и худость, видимъ, что сего никому въ свѣтѣ произвести не было возможно, кромѣ исполинской смѣлости въ предпріятіи и неутомимой въ совершеніи бодрости Петровой.

Превосходенъ на земли, несравненъ на водахъ силою и славою военною былъ великій нашъ защитникъ!

Отъ краткаго сего и часть нѣкоторую трудовъ Его содержащаго исчисленія уже чувствую утомленіе, слушатели; но великое и пространное похвалъ Его вижу поле предъ собою! И такъ, дабы къ совершенію теченія слова моего силы и опредѣленнаго

времени достало, употреблю возможную поспѣшность.

Къ основанію и произведенію въ дѣйство толь великой морской и сухопутной силы, сверхъ сего къ строенію новыхъ городовъ, крѣпостей, пристаней, къ сообщенію рѣкъ великими каналами, къ укрѣпленію пограничныхъ линій валами, къ долговременной войнѣ, къ толь частымъ и дальнимъ походамъ, къ строенію публичныхъ и приватныхъ зданій новою архитектурою, къ сысканію искусныхъ людей и всѣхъ другихъ способовъ для распространенія наукъ и художествъ, на содержаніе новыхъ чиновъ, придворныхъ и статскихъ, коль великая казна требовалась, всякому ясно представить можно и разсудить, что къ тому не могли достать доходы Петровыхъ предковъ. Того ради премудрый Государь крайнее приложилъ стараніе, какъ бы внутренніе и внѣшніе Государственные сборы умножить безъ народнаго разоренія; и по врожденному своему просвѣщенію усмотрѣлъ, что не токмо казнѣ великая прибыль воспослѣдуетъ, но и общее подданнымъ спокойство и безопасность единымъ учрежденіемъ утвердится. Ибо когда еще не было число всего Россійскаго Народа и каждаго человѣка жилище извѣстно, своевольство не пресѣчено, каждому, куда хочетъ, переселиться и странствовать по своему произволенію не запрещалось; наполнены были улицы безстыдною и шатающеюся нищетою; дороги и великія рѣки не рѣдко запирались злодѣйствомъ воровъ и цѣлыми полками душегубныхъ разбойниковъ, отъ которыхъ не токмо села, но и города разорялись. Превратилъ премудрый герой вредъ въ пользу, лѣность въ прилежаніе, разорителей въ защитниковъ, когда исчислилъ подданныхъ множество, утвердилъ каждаго на своемъ жилищѣ, наложилъ легкую, но извѣстную подать; чрезъ что умножилось и учинилось извѣ-

стное количество казенныхъ внутреннихъ доходовъ и число людей въ наборахъ; умножилось прилежаніе и строгое военное ученіе. Многихъ, которые бы въ прежнихъ обстоятельствахъ остались вредными грабителями, принудилъ готовыми быть къ смерти за отечество.

Сколько другія къ сему служащія премудрыя учрежденія спомоществовали, о томъ умолчеваю; упомяну о приращеніи внѣшнихъ доходовъ. Всевышняго Промыслъ споспѣшествовалъ добрымъ намѣреніямъ и раченіямъ Петровымъ: отворилъ рукою Его новыя пристани на Варяжскомъ Морѣ при городахъ, храбростію Его покоренныхъ и собственнымъ трудомъ воздвигнутыхъ. Совокуплены великія рѣки для удобнѣйшаго проходу россійскаго купечества, сочинены пошлинные уставы, утверждены купеческіе договоры съ разными народами. И такъ прирастая внутрь и внѣ довольство, сколько спомоществовало, явствуетъ изъ самаго начала сихъ учрежденій: ибо, продолжая двадцать лѣтъ трудную войну, Россія отъ долговъ была свободна.

Что жъ? ужели всѣ великія дѣла Петровы изображены слабымъ моимъ начертаніемъ? О коль много еще размышленію, голосу и языку моему труда остается! Я вамъ, слушатели, я вашему знанію препоручаю, коль много требовало неусыпности основаніе и установленіе правосудія, учрежденіе Правительствующаго Сената, Святѣйшаго Синода, Государственныхъ Коллегій, Канцелярій и другихъ мѣстъ присутственныхъ съ узаконеніями, регламентами, уставами; расположеніе чиновъ, заведеніе внѣшнихъ признаковъ для оказанія заслугъ и милости; наконецъ политика, посольства и союзы съ чужими Державами: вы все сіе сами въ просвѣщенныхъ Петромъ умахъ вашихъ представьте. Мнѣ только остается предложить единократное всего изоб-

раженіе. Когда бы прежде начала Петровыхъ предпріятій приключилось кому отлучиться изъ россійскаго отечества въ отдаленныя земли, гдѣ бы Его имя не загремѣло, буде такая земля есть на свѣтѣ; потомъ бы, возвратясь въ Россію, увидѣлъ новыя въ людяхъ знанія и искусства, новое платье и обходительства, новую архитектуру съ домашними украшеніями, новое строеніе крѣпостей, новый флотъ и войско, всѣхъ сихъ не токмо иной образъ, но и теченіе рѣкъ и морскихъ предѣловъ усмотрѣлъ перемѣну: что бы тогда помыслилъ? Не могъ бы разсудить иначе, какъ что онъ былъ въ странствованіи многіе вѣки: либо все то учинено въ толь краткое время общими силами человѣческаго рода; или творческою Всевышняго рукою; или наконецъ все мечтается ему въ сонномъ привидѣніи.

Изъ сего моего почти тѣнь едину Петровыхъ славныхъ дѣлъ показующаго Слова видѣть можно, коль они велики! Но что сказать о страшныхъ и опасныхъ препятствіяхъ, бывшихъ на пути исполинскаго Его теченія? Больше похвалу Его возвысили! Подвержено таковымъ перемѣнамъ состояніе человѣческое, что изъ благополучныхъ противныя, изъ противныхъ благополучныя слѣдствія раждаются. Что приращенію нашего благополучія могло быть сего противнѣе, когда Россію обновляющему Петру и купно отечеству извнѣ нападенія, извнутрь огорченія, отовсюду опасности грозили и пагубныя слѣдствія пріуготовлялись? Война дѣла домашнія, домашнія дѣла войну отягощали, которая еще прежде начала своего начала быть вредительна. Подвигнулся великій Государь изъ отечества съ великимъ посольствомъ видѣть европейскія государства, познать ихъ преимущества, дабы, возвратясь, употребить ихъ въ пользу своихъ подданныхъ. Только лишь прешелъ владѣнія своего предѣлы, вездѣ ощутилъ великія и

тайно поставленныя препоны. Однако оныхъ, какъ по всему свѣту извѣщенныхъ, нынѣ не упоминаю. Мнѣ кажется, и бездушныя вещи чувствовали опасность, приближающуюся къ россійской надеждѣ. Чувствовали струи двинскія, и будущему своему повелителю, между густымъ льдомъ, къ спасенію отъ устроенныхъ коварствъ, стезю открыли, и преодолѣнныя Имъ опасности балтійскимъ берегамъ, разливаясь, возвѣстили. Избывъ отъ опасности, поспѣшалъ въ радостномъ пути своемъ, довольствуя очи и сердце, и обогащая разумъ. Но ахъ! неволею пресѣкаетъ свое преславное теченіе. Какую имѣлъ самъ съ собою распрю! Съ одной стороны влечетъ любопытство и знаніе отечеству нужное, съ другой стороны само бѣдствующее отечество, которое къ Нему, къ единому своему упованію, простерши руки, восклицало: Возвратися, поспѣшно возвратися: меня терзаютъ внутрь измѣнники! Ты странствуешь для моего блаженства — со благодареніемъ признаваю; но прежде укроти свирѣпыхъ. Ты разстался со своимъ домомъ, со своими кровными для приращенія моей славы — съ усердіемъ почитаю; но успокой опасное нестроеніе. Оставилъ данный Тебѣ отъ Бога вѣнецъ и скипетръ, и простымъ видомъ скрываешь лучи своего величества для моего просвѣщенія — съ радостною надеждою того желаю; но отврати мрачную грозу неспокойства съ домашняго горизонта. Такими движеніями сердца проницаясь, возвратился для утоленія страшныя бури! Таковыя противности воспящали герою нашему въ славныхъ подвигахъ! Коль многими отвсюду окруженъ былъ непріятелями! Извнѣ воевали Швеція, Польша, Крымъ, Персія, многіе восточные народы, Оттоманская Порта; извнутрь стрѣльцы, раскольники, козаки, разбойники. Въ домѣ отъ самыхъ ближнихъ, отъ своей крови злодѣйства, ненависть, предательства на дражайшую

жизнь Его пріуготовлялись; что все подробно описать трудно и слушать не безболѣзненно! Къ радости въ радостное время обратимся. Помогъ Всевышній Петру преодолѣть всѣ тяжкія препятствія, и Россію возвысить. Споспѣшествовалъ Его благочестію, премудрости, великодушію, мужеству, правдѣ, снисходительству, трудолюбію. Усердіе и вѣра къ Богу во всѣхъ Его предпріятіяхъ извѣстна; первое Его веселіе былъ домъ Господень: не слушатель токмо предстоялъ Божественной службѣ, но самъ чиноначальникъ. Умножалъ вниманіе и благоговѣніе предстоящихъ своимъ Монаршескимъ гласомъ, и внѣ государскаго мѣста съ простыми пѣвцами на ряду стоялъ передъ Богомъ. Много имѣемъ примѣровъ Его благочестія; но единъ нынѣ довлѣетъ. Выѣзжая въ срѣтеніе тѣлу святаго и храбраго Князя Александра, благоговѣнія исполненнымъ дѣйствіемъ подвигнулъ весь градъ, подвигнулъ струи невскія. Чудное видѣніе! Гребутъ кавалеры, самъ Монархъ на кормѣ управляетъ, и къ простыхъ людей труду предъ всѣмъ народомъ помазанныя руки простираетъ, Вѣры ради; ею укрѣпляясь, избылъ многократно стремленія кровожаждущихъ измѣнниковъ. Осѣнилъ Господь надъ главою Его силою свыше въ день Полтавскія Брани, и не допустилъ къ ней прикоснуться смертоносному металлу! Разсыпалъ предъ Нимъ, какъ нѣкогда ерихонскую, нарвскую стѣну, не во время ударовъ изъ огнедышащихъ махинъ, но во время божественной службы.

Освященнаго и огражденнаго благочестіемъ одарилъ Богъ несравненною премудростію. Какая важность въ разсужденіяхъ, безпритворная въ словахъ краткость, въ изображеніяхъ точность, въ произношеніи сановитость, жадность къ познанію, прилѣжное вниманіе благоразумныхъ и полезныхъ разговоровъ, въ очахъ и на всемъ лицѣ разума постоян-

ство! Чрезъ сіи Петровы дарованія приняла иный видъ Россія, основаны науки и художества, учреждены посольства и союзы, отвращены хитрые умыслы нѣкоторыхъ державъ противъ нашего отечества, и государямъ, иному сохранено королевство и самодержавство, иному возвращена отнятая непріятелями корона. Изо всего предреченнаго довольно явствующей, свыше вліянной Ему премудрости, споспѣшествовало Его геройское мужество: оною удивилъ вселенную, симъ устрашилъ противныхъ. Въ самомъ своемъ нѣжномъ младенчествѣ показалъ при военныхъ обученіяхъ безстрастіе. Когда всѣ смотрители новаго дѣла, метанія бомбъ на означенное мѣсто, весьма опасались поврежденія: младый Государь въ близости смотрѣть всѣми силами порывался, и слезами своея Родительницы, прошеніемъ братнимъ и знатныхъ персонъ моленіемъ едва былъ одержанъ. Странствуя въ чужихъ государствахъ для ученія, коль многія презиралъ опасности для обновленія Россіи! Плаваніе по непостоянной морской пучинѣ служило Ему вмѣсто увеселенія. Коль много кратъ морскія волны, возвышая гордые верхи свои, непревратной смѣлости были свидѣтели, быстротекущимъ флотомъ разсѣкаемы, въ корабли ударяли, и съ ярымъ пламенемъ и ревущимъ по воздуху металломъ въ едину опасность совокупляясь, Его не устрашили! Кто безъ ужаса представить можетъ летящаго по Полямъ Полтавскимъ въ устроенномъ къ бою своемъ войскѣ Петра, между градомъ пуль непріятельскихъ, около главы Его шумящихъ, возвыщающаго сквозь звуки гласъ свой, и полки къ смѣлому сраженію ободряющаго! И ты, знойная Персія, ни быстрыми рѣками, ни топучими болотами, ни стремнинами горъ превысокихъ, ни ядовитыми источниками, ни раскаленными песками, ни внезапными набѣгами непостоян-

ныхъ народовъ не могла препятить нашествію нашего героя, не могла удержать торжественнаго въѣзда въ наполненные потаеннымъ оружіемъ и лукавствомъ городы!

Больше примѣровъ о геройскомъ Его духѣ для краткости не предлагаю, слушатели: не упоминаю многихъ сраженій и побѣдъ, въ Его присутствіи и Его предводительствомъ бывшихъ; но представляю Его великодушіе, великимъ героямъ сродное, которое украшаетъ побѣды, больше движитъ сердца человѣческія, нежели храбрые поступки. Въ побѣдахъ имѣетъ участіе храбрость воиновъ, вспоможеніе союзниковъ, мѣста и времени удобность, и больше всего присвояетъ себѣ счастіе, какъ бы нѣкоторое собственное свое достояніе. Великодушію побѣдителеву все принадлежитъ единому. Славнѣйшую получаетъ побѣду, кто себя побѣждаетъ. Не имѣютъ въ ней ни воины, ни союзники, ни время, ни мѣсто, ни само господствующее дѣлами человѣческими счастіе ни малѣйшаго жребія. Правда, побѣдителямъ разумъ удивляется; но великодушныхъ любитъ сердце наше. Таковъ былъ великій нашъ защитникъ. Отлагалъ гнѣвъ свой купно со оружіемъ, и не токмо изъ непріятелей никто живота лишенъ не былъ, какъ только противъ Его ополченный, но и безприкладная честь имъ показана. Скажите, шведскіе военачальники, подъ Полтавою плѣненные, что вы тогда помышляли, когда, ожидая связанія, препоясаны были поднятыми противъ насъ мечами своими; ожидая посажденія въ темницы, посажены были за столомъ побѣдительскимъ; ожидая посмѣянія, поздравлены были нашими учителями? Коль великодушнаго побѣдителя вы имѣли!

Великодушію сродно и часто сопряжено есть правосудіе. Первое знаніе поставленныхъ отъ Бога на земли обладателей есть управляти міръ въ преподобіи

и правдѣ, награждать заслуги, наказывать преступленія. Хотя военныя дѣла и великія другія упражненія, а особливо прекращеніе вѣку много препятствовали Великому Государю установить во всемъ непремѣнные и ясные законы, однако сколько на то трудовъ Его положено, несомнѣнно удостовѣряютъ многіе указы, уставы и регламенты, которыхъ составленіе многочисленные дни отдохновенія, многочисленныя ночи сна Его лишили. Докончить и привести къ совершенству судилъ Богоподобной таковому Родителю Дщери въ безмятежное и благословенное Ея владѣніе.

Но хотя ясными и порядочными законами не утверждено было до совершенства, однако въ сердцѣ Его написано было правосудіе. Хотя не все въ книгахъ содержалось, но дѣло совершалось. При всемъ томъ милость на судѣ хвалилась въ самыхъ тѣхъ случаяхъ, когда многимъ Его дѣламъ препятствующія злодѣянія къ строгости принуждали. Изъ многихъ примѣровъ одинъ докажетъ. Простивъ многихъ знатныхъ особъ за тяжкія преступленія, объявилъ свою сердечную радость пріятіемъ ихъ къ столу своему и пушечною пальбою. Не отягощаетъ Его казнь стрѣлецкая. Представьте себѣ, и помыслите, что Ему ревность къ правдѣ, что сожалѣніе о подданныхъ, что своя опасность въ сердцѣ говорила. Пролита неповинная кровь по домамъ и по улицамъ Московскимъ, плачутъ вдовы, рыдаютъ сироты, воютъ насилованныя жены и дѣвицы, сродники мои въ домѣ моемъ предъ очами моими живота лишились, и острое оружіе было къ сердцу моему приставлено. Я Богомъ сохраненъ, сносилъ, уклонялся, и внѣ града странствовалъ. Нынѣ полезное мое путешествованіе пресѣкли, вооружась явно противъ отечества. За все сіе ежели не отмщу, и конечной пагубы не пресѣку казнію, уже вижу напередъ площади наполнены тру-

повъ, расхищаемые домы, разрушаемы храмы, Москву со всѣхъ сторонъ объемлему пламенемъ, и любезное отечество повержено въ дыму и въ пепелѣ. Всѣ сіи пагубы, слезы, кровь на мнѣ Богъ взыщетъ. Такого конечнаго правосудія наблюденіе принудило Его къ строгости.

Ничѣмъ не могу я больше доказать Его милостиваго и кроткаго сердца, какъ безприкладнымъ снисходительствомъ къ Его подданнымъ. Превосходенъ дарованіями, возвышенъ величествомъ, возвеличенъ преславными дѣлами; но все сіе больше безприкладнымъ снисхожденіемъ умножилъ, украсилъ. Часто межъ подданными своими просто обращался, не имѣя великаго и монаршеское присутствіе показующаго великолѣпія и раболѣпства. Часто пѣшему свободно было просто встрѣтиться, слѣдовать, итти вмѣстѣ, зачать рѣчь, кому потребуется. Многихъ прежде Государей рабы на плечахъ, на головахъ своихъ носили; Его снисхожденіе превознесло выше самихъ Государей. Во время самаго веселія и отдохновенія предлагались дѣла важныя; важность не умаляла веселія, и простота не унижала важности. Какъ ожидалъ, принималъ и встрѣчалъ своихъ вѣрныхъ! какое увеселеніе за столомъ Его было! Спрашиваетъ, слушаетъ, отвѣчаетъ, разсуждаетъ какъ съ друзьями; и сколько время стола малымъ числомъ пищей сокращалось, столько продолжалось снисходительными разговорами. Межъ толь многими государственными попеченіями жилъ какъ съ пріятелями въ прохлажденіи. Въ коль малыя хижины художниковъ вмѣщалъ свое величество! И самыхъ низкихъ, но искусныхъ и вѣрныхъ рабовъ ободрялъ своимъ посѣщеніемъ! Коль часто съ ними упражнялся въ художествахъ и въ трудахъ разныхъ! Ибо Онъ привлекалъ къ тому больше примѣромъ, нежели принуждалъ силою; и ежели что тогда казалось принужде-

ніемъ, нынѣ явилось благодѣяніемъ. За отдохновеніе почиталъ себѣ трудовъ своихъ перемѣну. Не токмо день или утро, но и солнце на восходѣ освѣщало Его на многихъ мѣстахъ за разными трудами. Государственныя правительствующія и судебныя мѣста, Имъ учрежденныя, въ Его присутствіи дѣла вершили. Различныя художества не токмо Его присмотромъ, но и рукъ Его вспоможеніемъ къ приращенію поспѣшали; публичныя строенія, корабли, пристани, крѣпости всегда видѣли и имѣли Его въ основаніи показателя, въ трудѣ ободрителя, въ совершеніи наградителя. Что жъ Его путешествія, или лучше быстропарящія летанія? Едва услышало гласъ повелѣнія Его Бѣлое, уже чувствуетъ Балтійское Море; едва путь Его скрылся на водахъ азовскихъ, уже шумятъ уступающія Ему каспійскія волны. И вы, великія рѣки, Южная Двина и Полночная, Днѣпръ, Донъ, Волга, Бугъ, Висла, Одра, Алба, Дунай, Секвана, Тамиза, Рейнъ и прочія, скажите, сколь много кратъ вы удостоились изображать видъ Великаго Петра въ струяхъ вашихъ? Скажите; я не могу исчислить. Мы нынѣ только съ радостнымъ удивленіемъ смотримъ, по какимъ путямъ Онъ шествовалъ, подъ которымъ древомъ имѣлъ отдохновеніе, изъ котораго источника утолялъ жажду, гдѣ съ простыми людьми, какъ простой работникъ, трудился, гдѣ писалъ законы, гдѣ начерталъ корабли, пристани, крѣпости, и гдѣ между тѣмъ какъ пріятель обращался съ подданными своими. Какъ небесныя свѣтила теченіемъ, какъ море приливомъ и отливомъ, такъ Онъ попеченіемъ и трудами для насъ былъ въ непрестанномъ движеніи.

Я въ полѣ межъ огнемъ, я въ судныхъ засѣданіяхъ межъ трудными разсужденіями; я въ разныхъ художествахъ между многоразличными махинами; я при строеніи городовъ, пристаней, каналовъ, между

безчисленнымъ народа множествомъ, я межъ стенаніемъ валовъ Бѣлаго, Чернаго, Балтійскаго, Каспійскаго Морей и самаго Океана, духомъ обращаюсь; вездѣ Петра Великаго вижу въ потѣ, въ пыли, въ дыму, въ пламени; и не могу самъ себя увѣрить, что одинъ вездѣ Петръ, но многіе; и не краткая жизнь, но лѣтъ тысяча. Съ кѣмъ сравню Великаго Государя? я вижу въ древности и въ новыхъ временахъ обладателей, великими названныхъ. И правда предъ другими великими, однако предъ Петромъ малы. Иной завоевалъ многія государства; но свое отечество безъ призрѣнія оставилъ. Иной побѣдилъ непріятеля, уже великимъ именованнаго; но съ обѣихъ сторонъ, пролилъ кровь своихъ гражданъ ради одного своего честолюбія, и вмѣсто тріумфа слышалъ плачъ и рыданіе своего отечества. Иной многими добродѣтельми украшенъ; но вмѣсто, чтобъ воздвигнуть, не могъ удержать тягости падающаго государства. Иной былъ на земли воинъ; однако боялся моря. Иной на морѣ господствовалъ; но къ землѣ пристать страшился. Иной любилъ Науки; но боялся обнаженной шпаги. Иной ни желѣза, ни воды, ни огня не боялся; однако, человѣческаго достоянія и наслѣдства, не имѣлъ разума. Другихъ не употреблю примѣровъ, кромѣ Рима. Но и тотъ недостаточенъ. Что въ двѣсти пятьдесятъ лѣтъ, отъ первой Пунической Войны до Августа, Непоты, Сципіоны, Маркеллы, Регулы, Метеллы, Катоны, Суллы произвели: то Петръ сдѣлалъ въ краткое время своея жизни. Кому жъ я героя нашего уподоблю? Часто размышлялъ я, каковъ Тотъ, Который всесильнымъ мановеніемъ управляетъ небо, землю и море; дхнетъ духъ Его, и потекутъ воды; прикоснется горамъ, и воздымятся. Но мыслямъ человѣческимъ предѣлъ предписанъ: Божества постигнуть не могутъ! Обыкновенно представляютъ Его въ человѣческомъ

видѣ. И такъ, ежели человѣка Богу подобнаго по нашему понятію найти надобно, кромѣ Петра Великаго не обрѣтаю.

За великія къ отечеству заслуги назвавъ Онъ Отцемъ Отечества. Однако малъ Ему титулъ. Скажите, какъ его назовемъ за то, что Онъ родилъ Дщерь, Всемилостивѣйшую Государыню нашу, которая на отеческій престолъ мужествомъ вступила, гордыхъ враговъ побѣдила, Европу усмирила, благодѣяніями своихъ подданныхъ снабдила?

Услыши насъ, Боже! награди, Господи! за великіе труды Петровы, за попеченіе Екатерины, за слезы, за воздыханія, которыя двѣ Дщери Петровы разлучаясь проливали, за несравненныя всѣхъ въ Россіи благодѣянія, награди долгоденствіемъ и потомствомъ!

А ты, великая душа, сіяющая въ вѣчности и героевъ блистаніемъ помрачающая, красуйся! Дщерь Твоя царствуетъ; Внукъ Наслѣдникъ, Правнукъ по желанію нашему родился; мы Тобою возвышены, укрѣплены, просвѣщены, украшены; Ею избавлены, ободрены, защищены, обогащены, прославлены. Прими въ знакъ благодарности недостойное сіе приношеніе. Твои заслуги больше, нежели всѣ силы наши!

Ломоносовъ.

II. *Слово похвальное Государынѣ Императрицѣ* Елисаветѣ Петровнѣ. (*)

Если бы въ сей пресвѣтлый праздникъ, слушатели! въ который подъ благословенною державою Всемилостивѣйшія Государыни нашея покоящіеся многочисленные народы торжествуютъ и веселятся о преславномъ Ея на Всероссійскій Престолъ восшествіи, возможно было намъ, радостію восхищеннымъ, вознестися до высоты толикой, съ которой бы могли мы обозрѣть обширность пространнаго Ея владычества, и слышать отъ восходящаго до заходящаго солнца безпрерывно простирающіяся восклицанія и воздухъ наполняющія именованіемъ Елисаветы: коль красное, коль великолѣпное, коль радостное позорище намъ бы открылося! Коль многоразличными празднующихъ видами духъ бы нашъ возвеселился, когда бы мы себѣ чувствами представили, что во градѣхъ, крѣпче миромъ, нежели стѣнами огражденныхъ, въ селахъ, плодородіемъ благословенныхъ, при моряхъ, отъ военной бури и шума свободныхъ, на рѣкахъ, изобиліемъ протекающихъ между веселящимися брегами, въ поляхъ, довольствомъ и безопасностію украшенныхъ, на горахъ, верхи свои благополучіемъ выше возносящихъ, и на холмахъ, радостію препоясанныхъ, разные обитатели разными образы, разные чины разнымъ великолѣпіемъ, разныя племена разными языками едину превозносятъ, о единой веселятся, единою Всемилостивѣйшею своею Самодержицею хвалятся! Тамъ, со благоговѣніемъ предстоя алтарю Господню, чинъ священный, съ куреніемъ благоуханій возвышаетъ молитвенные гласы

(*) Говоренное ноября 26 дня 1749 года.

и сердце свое къ Богу о покрывающей и украшающей Церковь Его въ тишинѣ глубокой; индѣ, при радостномъ звукѣ и мирнаго оружія, достигаютъ до облаковъ торжественные плески Россійскаго воинства, показующаго свое усердіе къ благополучной и щедрой своей Государынѣ. Тамъ, сошедшись на праздничное пиршество, градоначальники и граждане, въ любовной бесѣдѣ воспоминаютъ труды Петровы, совершаемые нынѣ бодростію Августѣйшія Его Дщери; индѣ, по прошествіи плодоноснаго лѣта, при полныхъ житницахъ ликуя, скачутъ земледѣльцы, и простымъ, но усерднымъ пѣніемъ Покровительницу свою величаютъ. Тамъ плаватели, покоясь въ безопасномъ пристанищѣ, въ радости волненіе воспоминаютъ, и сугубымъ веселіемъ день сей препровождаютъ; индѣ, по пространнымъ полямъ азійскимъ разъѣзжая, степные обитатели, хитрымъ искусствомъ стрѣлы свои весело пускаютъ и показуютъ, коль они готовы устремить ихъ на враговъ своея Повелительницы. Но хотя естественные предѣлы силъ человѣческихъ не дозволяютъ радостному взору нашему до толикаго возвышенія достигнуть и толикимъ зрѣніемъ насладиться; однако духомъ возносимся, ревностными крылами мыслей возлетаемъ, и всеобщія увеселенія повсюду видимъ умными очами, которыя наипаче къ древнему царствующему граду, вожделѣннымъ присутствіемъ Всепресвѣтлѣйшія Государыни нашея осіянному, простираются. Часто мысленный взоръ нашъ, обозрѣвъ разные торжествъ образы, благословенное Ея владѣніе въ день сей украшающіе, на пресвѣтлое Ея лице обращается, и разсѣянныя повсюду увеселенія на немъ единомъ находитъ. На немъ истинное благочестіе, веселящее Церковь, на немъ мужественную бодрость, укрѣпляющую воинство, на немъ кроткое правосудіе, примѣръ судящимъ и отраду судимымъ дающее, на

немъ прозорливую премудрость, на отдаленныя мѣста и на грядущія времена взирающую, ясно и въ отсутствіи видимъ, и равно какъ въ присутствіи благоговѣйно почитаемъ. Но кто ревностнымъ усердія зрѣніемъ яснѣе оный видитъ, какъ сіе для распространенія Наукъ въ Россіи Петромъ Великимъ установленное Общество, несказаннымъ Ея великодушіемъ обновленное? Ни горы, ни лѣса закрыть не могутъ божественнаго Ея зрака, начертаннаго въ душахъ нашихъ. Обращаются предъ нами живо Ея сладчайшія уста, повелѣвающія насъ возставить, и очи, человѣколюбно къ намъ сіяющія, и щедрая рука, подписующая благополучіе наше. Ободрить начинающіяся науки, не щадя своихъ иждивеній; утвердить ихъ благосостояніе, предписавъ полезные законы; оградить своею милостію, принявъ въ собственное свое покровительство; отворить имъ къ себѣ свободный доступъ, поручивъ ихъ доброхотному предстателю изъ своихъ ближайшихъ, есть толь великое благодѣяніе, которое въ мысляхъ и сердцахъ нашихъ во вѣки незагладимо пребудетъ, и за которое мы, по всей возможности и силѣ нашей стараясь о приращеніи Наукъ, и превознося великую Благодѣтельницу похвалами, дѣломъ и словомъ благодареніе приносить должны.

Но когда наипаче къ изъявленію благодарности нашей должно быть намъ возбужденнымъ, какъ въ сей торжественный день, пресвѣтлымъ Ея на отеческій престолъ восшествіемъ осіянный, въ который съ нашимъ особливымъ веселіемъ общее празднество соединяется! Не можетъ неописанная радость наша въ тѣсныхъ предѣлахъ сердца нынѣ удержаться, но на лице и на языкъ изливается. Напрягаются крайнія силы разума и слова изобразить монаршескія Ея добродѣтели, увеселеніе подданныхъ, удивленіе Свѣта, славу и украшеніе временъ нашихъ.

Велико дѣло и мѣру моего разума превосходящее предпріемлю, когда при толь знатномъ собраніи, именемъ сего ученаго общества, за несказанное благодѣяніе величайшей на свѣтѣ Государынѣ благодареніе и похвалу приносить начинаю. Но разсудивъ прилѣжно, обрѣтаю оное легко и способно: ибо гдѣ обильнѣйшую матерію сыскать краснорѣчіе, гдѣ обширнѣе распространиться разумъ, гдѣ быстрѣе устремиться искренняя ревность можетъ, какъ въ преславныхъ добродѣтеляхъ толь великія Монархини? Когда языкъ мой, щедротами Ея ободренный, удобнѣе обращаться, когда голосъ мой, великодушіемъ Ея укрѣпленный, громче возвыситься можетъ, какъ проповѣдуя и превознося несравненныя Ея достоинства? Не снисканіемъ многословнаго мыслей распространенія увеличено, не витіеватымъ сложеніемъ замысловъ, или пестрымъ преложеніемъ реченій украшено, ниже риторскимъ пареніемъ возвышено будетъ сіе мое Слово; но все свое пространство и величество отъ несравненныхъ свойствъ Монархини нашея, всю свою красоту отъ прекрасныхъ Ея добродѣтелей, и все свое возвышеніе отъ устремленія къ ней искренніи ревности пріиметъ. Ибо приносится благодареніе Государынѣ благочестивѣйшей: свидѣтельствуютъ созидаемые и украшаемые храмы Господни, пощенія, молебства и трудныя путешествія благоговѣнія ради. Приносится благодареніе Государынѣ мужественной: свидѣтельствуютъ надъ внутренними и внѣшними врагами Ея преславныя побѣды. Приносится благодареніе Государынѣ великодушной: свидѣтельствуютъ прощенныя преступленія внутреннихъ и продерзости внѣшнихъ непріятелей, и кроткое наказаніе Ея злодѣевъ. Приносится благодареніе Государынѣ премудрой: свидѣтельствуютъ прозорливо предпріемлемыя учрежденія, внутреннее и внѣшнее спокойство утверждающія. Приносится благодаре-

ніе Государынѣ человѣколюбивой: свидѣтельствуетъ матернее къ подданнымъ ея снисходительство и возлюбленная къ нимъ кротость. Приносится благодареніе Государынѣ премилосердой: свидѣтельствуетъ безчисленное множество свобожденныхъ отъ смерти и данный ей отъ Бога мечъ на казнь повинныхъ, кровію еще необагренный. Приносится благодареніе Государынѣ прещедрой: свидѣтельствуетъ преизобильное снабденіе вѣрности, избыточествующее заслугъ награжденіе, споможеніе добродѣтельной скудости и возстановленіе несчастіемъ разоренныхъ. Въ пріятномъ и великолѣпномъ раю разумъ мой нынѣ обращается, и отъ одной цвѣтущей добродѣтели отвлекается красотою другія! Всѣ преславны, всѣ прелюбезны! Изъ всѣхъ явствуетъ, коль благороденъ есть корень, отъ котораго сей насажденный добродѣтелями виноградъ произрастши процвѣтаетъ. Изъ всѣхъ достоинствъ Монархини нашея показуется, коль велики были Ея предки, которыми оживленная, возставленная, укрѣпленная, возвеличенная, просвѣщенная Россія нынѣ надъ всѣми земными Царствами главу свою возноситъ, которыхъ славныя дѣла и заслуги къ отечеству не меньше надлежатъ къ похвалѣ Ея Величества, нежели кровь оныхъ къ Ея рожденію послужила. Для того описалъ бы я нынѣ вамъ младаго Михаила, для стенанія и слезъ прадѣдовъ нашихъ пріемлющаго съ вѣнцемъ царскимъ тяжкое бремя поверженныя Россіи, обновляющаго разсыпанныя стѣны, сооружающаго расточенныхъ гражданъ, наполняющаго расхищенныя Государственныя сокровища, исторгающаго корень богоотсутственныхъ хищниковъ Россійскаго Престола, и Москву отъ жестокаго пораженія и глубокихъ ранъ исцѣляющаго; изобразилъ бы я нынѣ премудраго и мужественнаго Алексѣя, бодрымъ своимъ духомъ ободряющаго Россію, начавшую паки дви-

гать свои мышцы, утверждающаго благополучіе подданныхъ спасительными законами, полки военною наукою, Церковь истребленіемъ ереси, простирающаго побѣдоносный мечь свой на Сармацію, и Россіи издревле принадлежащія великія Княжества праведнымъ оружіемъ Россіи возвращающаго; представилъ бы я Петра,именемъ Великаго, дѣлами большаго, вліянною себѣ отъ Бога премудростію просвѣщающаго Россію и мужествомъ вселенную устрашающаго, единою рукою мечъ и скипетръ обращающаго, къ художествамъ простирающаго другую, правленіемъ всѣхъ земныхъ Монарховъ, трудами рабовъ своихъ превосходящаго, искореняющаго невѣжество и Науки насаждающаго, наполняющаго новыми полками землю и море новымъ флотомъ покрывающаго, военные свои законы собственнымъ примѣромъ утверждающаго, и славу свою со славою отечества до небесъ возносящаго; начерталъ бы я въ умахъ вашихъ героиню прекрасную, Августѣйшую Екатерину, среди варварскихъ набѣговъ, среди гремящаго оружія, среди шумящихъ ядръ непоколебимому духомъ, премудрому Государю премудрые совѣты дающую, вѣнчаему потомъ Его рукою, и пресѣченныя смертію предпріятыя дѣла многотрудившагося Россійскаго Геркулеса на рамена свои пріемлющую; но Слово мое къ собственнымъ добродѣтелямъ и достоинствамъ Монархини нашея поспѣшаетъ; на нихъ единыхъ истощитъ всю свою силу, не исчисляя подробно, но токмо знатнѣйшія представляя. Того ради не изображаю словомъ блистающія лѣпоты лица Ея, являющія прекрасную душу, ни сановитаго возраста, Монархинѣ приличнаго, ни величественной главы, къ ношенію вѣнца рожденной, ни устъ, щедроту источающихъ, ни очей, воззрѣніемъ оживляющихъ: ибо ко всѣмъ человѣколюбивая Государыня взоръ свой

обращаетъ. Всякъ видитъ, всякъ въ умѣ своемъ изображаетъ, что такъ Великій Петръ обращалъ свои очи, взирая на обновляющуюся Россію; такъ произносилъ свой голосъ, укрѣпляя воинство и ободряя къ трудамъ подданныхъ; такъ простиралъ свою руку, учреждая Художества и Науки, повелѣвая устроить полки ко брани и выходить флоту въ море; такъ возносилъ главу, въѣзжая въ побѣжденные грады, и попирая поверженное непріятельское оружіе; толь бодро шествовалъ, осматривая свои начинающіяся стѣны, строящіеся корабли, исправляющіяся суда, и среди моря со дна возстающія пристани и крѣпости. Не представляю внѣшнихъ Монархини нашея достоинствъ, но внутреннія душевныя токмо изобразить потщусь Ея дарованія, которыхъ лику предходитъ любезное Богу, любезное человѣкамъ благочестіе, крѣпкое утвержденіе Государствъ, красота вѣнцевъ Царскихъ, непостыдная надежда во брани, неразрывное соединеніе человѣческаго общества. Коль великія нестроенія, брани и человѣкоубійства въ народахъ единой крови и единаго языка отъ раздѣленія Вѣры происходятъ; толь напротивъ того крѣпко взаимнымъ любви союзомъ сопрягаетъ ихъ единство Вѣры, которая хотя много ученіемъ, однако больше примѣрами укрѣпляется. Благополучна Россія, что единымъ языкомъ едину Вѣру исповѣдуетъ, и единою Благочестивѣйшею Самодержицею управляема, великій въ Ней примѣръ къ утвержденію въ православіи видитъ! Видитъ повсюду какъ звѣзды небесныя блистающія и Ею сіяніе свое умножающія Церкви; съ удивленіемъ взираетъ, что толь многихъ Государствъ Повелительница, которой земля, море и воздухъ къ удовольствію служатъ, часто твердостію Вѣры укрѣпляема, строгимъ пощеніемъ и сухояденіемъ тѣло свое изнуряетъ, которой не токмо великолѣпныя колесницы и избран-

ные кони, но и руки и главы сыновъ россійскихъ къ ношенію готовы, вперенна усердіемъ, купно съ подданными далекій путь къ мѣстамъ священнымъ пѣшешествуетъ. Коль горячимъ усердіемъ воспаляются сердца наши къ Вышнему, и коль несомнѣнно милосердія Его себѣ ожидаемъ, когда купно съ нами предстоящую и молящуюся съ крайнимъ благоговѣніемъ свою Самодержицу предъ очами имѣемъ! Коль мужественно дерзаютъ противъ сопостатовъ Россійскіе воины, зная, что Богъ, крѣпкій во брани Богъ, Благочестивѣйшую ихъ Государыню любящій, купно съ ними на сраженіе выходитъ! Коль великою радостію восхищаются мѣста священныя, посѣщаемыя часто Ея богоугоднымъ присутствіемъ! Украшенная святымъ Ея усердіемъ, аки невѣста въ день брачный, торжествующая Россійская Церковь, блистая порфирою и златомъ, и паче радостію сіяя, возвышается окруженна славою къ пресвѣтлому Жениха своего престолу, и показуя Ему свое великолѣпіе, вѣщаетъ: такъ украшаетъ меня на земли возлюбленная Твоя Елисавета: украси державу и вѣнецъ Ея неувядающею добротою славы; возноситъ рогъ мой въ поднебесной: вознеси Ее надъ всѣми обладательми земными; посѣщаетъ меня посѣщеніемъ усерднымъ: посѣти Ее благодатію Твоею неотступно; утверждаетъ столпы мои въ Россіи: утверди здравіе Ея непоколебимо; споспѣшествуетъ мнѣ въ побѣжденіи невѣрія: споспѣшествуй Ей въ побѣжденіи гордыхъ и завистливыхъ сопостатовъ, и благословеніемъ Твоимъ и силою Твоею свыше осѣни Ея воинство! Сему священному Церкви святыя гласу согласуется всѣхъ подданныхъ желаніе; посему вѣруемъ, что непобѣдимый благочестивыхъ поборникъ, Славы Господь, во всѣхъ предпріятіяхъ и дѣлахъ Августѣйшія Единодержицы нашея есть предводитель и защитникъ, и высокою десницею Своею

управляетъ Ея мужествомъ, которому ни внутрь Россіи вкоренившіеся, ни отвнѣ наступающіе непріятели не могли стать противу. Сіи побѣждены въ едино лѣто, а оные въ едину ночь низвержены. Окруженный крѣпкою стражею вѣнецъ отеческій, и скипетръ, сильною рукою держимый, и великою властію объятую Россію взять въ свое повелительство, есть дѣло и мужескому сердцу страшное и великому герою едва преодолимое. Но Богомъ предводимая Героиня наша съ малымъ числомъ вѣрныхъ сыновъ отечества презираетъ всѣ препятства, безъ пролитія крови торжествуетъ, и къ общей нашей радости пріемлетъ свое наслѣдство. Чудное и прекрасное видѣніе въ умѣ моемъ изображается, когда себѣ представляю, что предходитъ со крестомъ Дѣвица, послѣдуютъ вооруженные воины! Она отеческимъ духомъ и Вѣрою къ Богу воспаляется, они ревностію къ Ней пылаютъ; Она исполнитъ желаніе всѣхъ Россіянъ, они изволеніе Тоя совершить поспѣшаютъ; Она приближаясь къ побѣдѣ, кровопролитной побѣды не желаетъ, они всему Свѣту стать противу за оную усердствуютъ. Но что сему послѣдуетъ? Омертвѣли стрегущіе, видя пришествіе Петровой Дщери, и безчувственное оружіе предъ законною своею Государынею, изъ трепещущихъ рукъ падши, преклонилось! Просвѣтился Монаршескій домъ Ея входомъ, возсіялъ престолъ вступленіемъ, и веселящимся Россіянамъ казалось, что и стѣны Петровы двигались радостію оживленны. Ужаснулись тогда вѣроломные Балтійскіе бреги; приступающіе уже къ предѣламъ нашимъ кичливые сопостаты оцѣпенѣли, и завистливый взоръ свой вспять обращая, больше о бѣгствѣ, нежели о сраженіи помышляли. Изображался въ устрашенныхъ умахъ ихъ Петръ Великій, въ мужественной своей Дщери живущій; представлялись имъ отцы ихъ въ

мысли, лежащіе въ крови своей на Поляхъ Полтавскихъ, и многія тысячи ихъ народа, ведомаго въ плѣнъ на отдаленныя половиною свѣта степи; мечтались имъ горящіе ихъ грады и веси, приготовленныя россійскія галеры ходить по суху, какъ по морю: россійскія галеры и выѣзжающіе противъ нихъ изъ волнъ морскихъ всадники. Правда, что побѣждены уже были непріятели при стѣнахъ вильманстрандскихъ, однако сраженіе было жестоко; чувствовали храбрыя Россійскія руки сопротивленіе, и побѣда куплена немалымъ пролитіемъ крови. Но когда отеческій скипетръ и мечъ приняла мужественная Елисавета, тогда какъ нѣкоторымъ бурнымъ дыханіемъ возметаемы непріятели съ трепетомъ въ бѣгство обратились; и при защищеніяхъ своихъ, при крѣпкихъ стѣнахъ, при непроходныхъ засѣкахъ и при рѣкахъ, быстрыми водами стремящихся, не токмо противиться не дерзнули, но и оглянуться на нихъ едва смѣли, видя, что ни топкія болота, ни мшистыя озера, ни стремнины крутыя не могутъ препятствовать праведному Елисаветину гнѣву и ревности молніеносныхъ Ея воиновъ. Наконецъ такъ утѣснены отвсюду, такъ окружены были моремъ и землею отъ Россійской силы, что если бы не толь великодушную побѣдительницу имѣли, то никто бы изъ нихъ спасенъ не былъ, и о конечной бы ихъ погибели въ отечествѣ ихъ возвѣстить было нѣкому, кромѣ звучныя славы Ея Величества. Сія побѣда тѣмъ паче прочихъ была предивна, что казалось, якобы и Марсъ, подражая кроткому Государыни нашея нраву, ненавидѣлъ пролитія человѣческія крови; и вся Европа разсуждала, что Россія не войну съ непріятелями имѣла, но токмо продерзкихъ вѣроломцевъ за неистовство наказала. За сродное Государыни нашея свойство вселенная почитаетъ поступать со врагами великодушно. Сего не токмо при совер-

шенномъ внѣшнихъ непріятелей посрамленіи, но еще во время преславнаго Ея на отеческій престолъ вступленія великій примѣръ надъ внутренними супостатами Ею показанъ. Прибѣгла къ Ней сиущенная Россія, и гласомъ избранныхъ сыновъ своихъ вѣщала: пріими меня въ матернія Твои объятія, пріими наслѣдную Твою державу, и врожденнымъ Тебѣ бодрымъ отеческимъ духомъ презирай всѣ препятства. Надѣйся на Бога: Онъ праведному Твоему предпріятію предводитель будетъ. Надѣйся на себя: Ты едина истинная Наслѣдница; Ты дщерь моего Просвѣтителя. Надѣйся на меня: я всѣ свои силы подвигну къ Твоему защищенію, и чрезъ главы и трупы Твоихъ непріятелей отворю путь къ престолу. Но великодушная Государыня паче изволила наслѣдной своей короны до времени лишаться, нежели оной доступать пролитіемъ крови, и наконецъ, больше опасаясь бѣдствія отечеству, нежели себѣ величества желая, склонилась къ правленію, или вящше къ сохраненію Государства. Восшедъ на высоту толикія власти, отлучившимъ Ее отъ законнаго наслѣдства, согрубившимъ неистовою гордостію и безсовѣстнымъ утѣсненіемъ огорчившимъ, кое мщеніе наноситъ? По закону Божію, по Государственнымъ правамъ и по желанію Россійскаго народа на лютую смерть и на растерзаніе осужденныхъ токмо отдаленіемъ отъ пресвѣтлаго лица своего наказуетъ; недостойныхъ жизни токмо самовольныя жизни лишаетъ, и великое восшествія своего геройское дѣло украшаетъ крайнимъ своимъ великодушіемъ, которымъ такъ обильно одарена Монархиня наша, что оное въ пространной Россіи не вмѣщается, но истекаетъ и ко внѣшнимъ народамъ. Побѣждена Швеція Ея великодушіемъ; страшится Ея непобѣдимыя силы, но больше чудится великому и благородному духу. Ибо пріобрѣтши толь великія преимущества, непобѣдимая Государыня съ побѣж-

деньными въ конецъ миръ заключаетъ; но справедливѣе сказать, преступившимъ вину прощаетъ. Кто всю врага своего силу въ рукахъ имѣетъ, и всю свою волю надъ нимъ исполнить можетъ, однако отдаетъ все обратно, и уже поверженнаго и противиться немогущаго возставляетъ, тотъ не больше ли прощаетъ, нежели примиряется? Но далѣе простирается прехвальная сія Монархини нашея добродѣтель; большій примѣръ великодушія показуетъ Россійская героиня. Ибо не токмо отпуствивъ врагамъ своимъ продерзость, миръ и тишину и земли покоренныя возвращаетъ, но и оружіе свое простираетъ къ ихъ защитѣ; отвращаетъ съ другой страны грозящую имъ войну, и наслѣдство ихъ престола купно съ вольностію утверждаетъ. Сіе разсуждая и взирая на цвѣтущее состояніе Россійскаго Государства, на изобиліе пространнаго нашего отечества и на умѣренность, съ которою Государыня наша толикое множество поклоняющихся Ей народовъ управляетъ, возможно ли помыслить вамъ, сосѣды наши, чтобы Ея благородное сердце къ присвоенію чужихъ земель склонилося? Имѣющая толикое пространство полей плодоносныхъ, болотъ ли непроходимыхъ пожелаетъ? Простирающая скипетръ свой на протекающія въ Ея послушаніи, изобильныя и великій Нилъ превосходящія рѣки, на зыбучіе ли мхи польстится? Господствующая въ земли, медъ и млеко точащей, на камни ли неплодные съ желаніемъ взирать будетъ? Что храброе россійское воинство ко брани устроено, что флотъ готовъ къ покрытію водъ балтійскихъ, что всѣ военныя пріуготовленія успѣваютъ, сіе все не войну отъ Россіи наносимую предвозвѣщаетъ, но показуетъ премудрость прозорливыя нашея героини. Искусный мореплаватель не токмо въ страшное волненіе и бурю, но и во время кротчайшія тишины бодрствуетъ, укрѣпляетъ орудія, готовитъ парусы,

наблюдаетъ звѣзды, примѣчаетъ перемѣны воздуха, смотритъ на возстающія тучи, исчисляетъ разстояніе отъ береговъ, мѣритъ глубину моря, и отъ потаенныхъ водою камней блюдется. Подобнымъ образомъ премудрая Елисавета хотя радуяся взираетъ на своихъ подданныхъ, наслаждающихся дарованнымъ отъ Ней возлюбленнымъ покоемъ; однако и о будущей ихъ безопасности печется: ограждаетъ ихъ распростертымъ по земли и по морю оружіемъ, и тѣхъ, которые мечемъ не могутъ, но мыслями воюютъ, проницательнымъ окомъ назираетъ; открываетъ потаенныя тихими струями лести непріятельскія коварства; разсуждаетъ о прошедшемъ, разсматриваетъ настоящее, будущее предвидитъ. Того ради, если кто изъ завистниковъ благополучія нашего дерзнетъ неистовымъ или коварнымъ озлобленіемъ миролюбивое Монархини нашея сердце на гнѣвъ подвигнуть, то познаетъ о всемъ премудрый Ея промыслъ; и хотя онъ пространными морями, великими рѣками, или превысокими горами отъ насъ покрытъ и огражденъ будетъ; однако почувствовавъ свое наказаніе, помыслитъ, что изсякло море, прекратили теченіе рѣки, и горы, опустившись, въ равныя поля претворились; помыслитъ, что не флотъ россійскій, но цѣлая Россія къ брегамъ его пристала. Покойся въ радости, возлюбленное отечество, и безмятежнымъ вѣкомъ подъ кровомъ премудрыя твоея Повелительницы наслаждайся! Коль безопасно твое благополучіе! Коль несравненно съ прочими твое блаженство! Другіе на дымящіяся развалины разоренныхъ отъ непріятеля градовъ своихъ со слезами взираютъ; но ты на восходящія къ облакамъ новыя великолѣпныя зданія радостный взоръ возводишь. Другіе день и ночь страхомъ объяты трепещутъ, видя съ обнаженными мечами бѣгающихъ другъ за другомъ гражданъ и единородную кровь по стогнамъ проливающихъ;

но ты единодушныхъ сыновъ единыя общія всѣхъ Матери согласнымъ подданствомъ украшаешься. Иные отъ пресѣченія купечества, отъ разрушенія Художествъ, отъ попранія земледѣльства наготу и алчбу претерпѣваютъ; но въ тебѣ купечеству пути открыты, отворены пристани, наполнены богатствомъ торжища, возрастаютъ науки и художества, и житницы твои преизобилуютъ. Иные хотя отъ военнаго шума и страха свободились, однако видятъ плачевные слѣды своихъ сопостатовъ, и суровый оныхъ видъ ясно еще изображается въ ихъ мысляхъ; но тебя, въ безпрерывной тишинѣ покоящуюся, ниже въ сонныхъ привидѣніяхъ военные страхи возмущаютъ. Сіе твое дражайшее и святое спокойство отъ единаго премудраго попеченія прозорливыя твоея Государыни происходитъ. Ея провидѣніе и промыслъ довольствуетъ тебя изобиліемъ, увеселяетъ общимъ согласіемъ, обогащаетъ купечествомъ и безмятежнымъ земледѣльствомъ, украшаетъ возлюбленнымъ миромъ, и громкою твоею славою вселенную наполняетъ. Сіе совершенное наше удовольствіе, общее увеселеніе, обильное обогащеніе, пріятное украшеніе, сію всемірную нашу славу умножаетъ несравненная Монархиня божественнымъ своимъ человѣколюбіемъ, когда возвышенная до толикой высоты власти и величества, которой уже человѣческое могущество превзойти не можетъ, крайнимъ къ подданнымъ своимъ снисходительствомъ превыше смертныхъ жребія восходитъ. Что пріятнѣе человѣческому сердцу, и что чрезвычайнѣе на свѣтѣ быть можетъ, какъ Государыню, Повелительницу величайшей части Свѣта, отъ всѣхъ племенъ и владыкъ земныхъ почитаемую, ласковымъ взоромъ, кроткою бесѣдою и милосердымъ пріятіемъ рабовъ своихъ удостоивающую видѣть? Но мы таковымъ пріятнымъ зрѣніемъ услаждаемся по вся дни. Отличается человѣколюби-

вая Государыня наша отъ великаго множества окружающихъ Ея подданныхъ не кичливымъ воззрѣніемъ, не уничтожительнымъ гласомъ, не страшнымъ повелѣніемъ, но прекраснымъ величествомъ, тихою властію, благороднымъ снисходительствомъ и нѣкоторою божественною силою, вливающею несказанную радость въ сердца наши. Обращается при вратахъ пресвѣтлаго Ея дому не ужасъ и трепетъ, но кроткое человѣколюбіе, привлекающая сердца всѣхъ милость и надежный стражъ величества — вѣрная любовь подданныхъ. Входящіе въ него не озираются безпрестанно, стѣнъ самихъ ужасаясь, ниже трепещущія стопы сомнительно простираютъ; но предваряющему ихъ веселію едва въ слѣдъ успѣвая, въ священныя Ея чертоги свѣтлымъ лицемъ шествуютъ. Нѣтъ нужды испытать сокровенныя ихъ мысли: является у каждаго на очахъ красота общаго удовольствія, и на распростертыхъ челахъ радостныхъ сердецъ знаки написаны. Коль пріятнымъ чувствіемъ обливаются сердца взирающихъ на толь снисходительное величество! и кое прохлажденіе втекаетъ въ кровь оцѣпенѣвающихъ повинныхъ, когда о милосердіи своея Государыни помышляютъ, къ изображенію котораго человѣческое слово едва довольно быть можетъ! Ничто есть толь похвально, какъ кротость, ни единой добродѣтели благоутробія нѣтъ любезнѣе, ничѣмъ естество человѣческое къ божественнымъ свойствамъ не подходитъ ближе, какъ прощеніемъ повинныхъ и свобожденіемъ отъ надлежащей казни. Но гдѣ велегласнѣе милость на судѣ хвалится, гдѣ крѣпче объемлется правосудіе и милосердіе, гдѣ обвиненіе и прощеніе тѣснѣе сопрягаются, гдѣ осужденіе и свобожденіе союзнѣе другъ друга лобзаютъ, какъ предъ Высочайшимъ Ея Величества престоломъ? Пускай другіе, лишая жизни, обагряя мечъ свой кровію, умаляя число подданныхъ, повергая

предъ народомъ растерзанные человѣческіе члены, устрашить злыхъ и пороки истребить тщатся; но премилосердая Монархиня наша больше благоутробіемъ и щедротою успѣваетъ. Пускай другіе ужасными, но Мати Россійская радостными примѣрами исправляетъ человѣческіе нравы. Иные строгою и нерѣдко безчеловѣчною казнію хотятъ искоренить злобу; но Она щедрымъ награжденіемъ вкореняетъ добродѣтель. Если кто, имѣя великій садъ, только объ одномъ истребленіи тернія печется, забывъ плодоносныя древа и прекрасные цвѣты напаять потребною влагою, тотъ не въ долгомъ времени увидитъ древа свои сухи и безплодны и цвѣты увянувшіе отъ зноя; напротивъ того, кто древа плодоносныя и процвѣтающія травы въ пристойное время орошаетъ, презирая плевы и токмо прохожденіемъ попирая, тотъ насладится изобиліемъ древъ плодоносныхъ и красотою цвѣтовъ возвеселится, которые усилившись изсушатъ тучность и соки негодныхъ и вредныхъ прозябеній, прекратится тѣхъ ращеніе и корень истлѣетъ. Подобнымъ образомъ хотя и полезно есть строгое надъ повинными исполненіе законовъ, но безъ награжденія добродѣтели тщетно, и больше приводитъ въ уныніе добрыхъ, нежели злыхъ исправляетъ; напротивъ того: награжденіе добродѣтели и снабдѣніе заслугъ при кроткомъ наказаніи пороковъ едино сильно, едино къ исправленію народовъ человѣческихъ довольно: ибо чувствуя себя презрѣнныхъ и попранныхъ злые, и видя возвышенную добродѣтель, наслаждающуюся праведною своею мздою, завистію угрызаемы истаютъ, или, обратившись, ревностнымъ подражаніемъ того же достойными себя учинить стараться будутъ. Таковымъ благоразумнымъ милосердіемъ щедрая Государыня въ распростирающейся широко Россіи расплодить добродѣтель и пороки искоренить тщится! На-

казуетъ матерски, Монаршески снабдѣваетъ, исправляетъ безъ строгости, съ избыткомъ награждаетъ, воскрешаетъ избавленіемъ преступившихъ, заслуживших благодѣяніемъ ободряетъ. Таковую Ея Величества особливую добродѣтель хотя всякъ вѣрный подданный, хотя все Россійское Государство чувствуетъ, хотя повсюду щедрая Ея рука обильные дары изливаетъ, такъ что скорѣе голосъ мой ослабѣетъ, языкъ притупится и слово оскудѣетъ, нежели подробно Ея благодѣянія исчислитъ; однако учрежденное отъ дражайшихъ Ея Родителей сіе собраніе великодушнымъ щедролюбивыя Государыни призрѣніемъ такъ удовольствовано и такъ снабдѣно, что, крайнѣйшею благодарностію усердствуя, ни вящшаго себѣ благополучія представить, ниже къ засвидѣтельствованію своего удовольствія и рабской искренности удобныхъ способовъ изобрѣсти можетъ. Сіе благодѣяніе тѣмъ больше, тѣмъ преславнѣе и Петровой Дщери достойнѣе, что не токмо до насъ единыхъ, не токмо до учащагося здѣсь юношества, но до всякаго чина и званія, до всего Россійскаго Государства, до всего рода человѣческаго касается. Ибо не токмо мы, довольствуясь Ея Величества щедротами, иные въ откровеніи естественныхъ таинъ и въ изслѣдованіи пречудныхъ дѣлъ премудраго Создателя въ спокойствѣ услаждаемся; иные, преподая наставленіе учащимся, съ радостію чувствуемъ являющіеся плоды трудовъ нашихъ; не токмо учащіеся питаемы обильною Ея рукою безъ попеченія о своихъ потребностяхъ, только о наученіи стараться могутъ, но общее благополучіе предлагается. Нѣтъ ни единаго мѣста въ просвѣщенной Петромъ Россіи, гдѣ бы плодовъ своихъ не могли принести науки; нѣтъ ни единаго человѣка, который бы не могъ себѣ ожидать отъ нихъ пользы. Что святѣе и что спасительнѣе быть можетъ, какъ поучаясь въ дѣлахъ Господ-

нихъ, на высокій славы Его престолъ взирать мысленно, и проповѣдывать Его величество, премудрость и силу? Къ сему отворяетъ астрономія пространное рукъ Его зданіе; весь видимый міръ сей и чудныхъ дѣлъ его многообразную хитрость физика показуетъ, подая обильную и богатую матерію къ познанію и прославленію Творца отъ твари. Что полезнѣе есть человѣческому роду ко взаимному сообщенію своихъ избытковъ, что безопаснѣе плавающимъ въ морѣ, что путешествующимъ по разнымъ государствамъ нужнѣе, какъ знать положеніе мѣстъ, теченіе рѣкъ, разстояніе градовъ, величину, изобиліе и сосѣдство разныхъ земель, нравы, обыкновенія и правительства разныхъ народовъ? Сіе ясно показуетъ географія, которая всея вселенныя обширность единому взгляду подвергаетъ. Чѣмъ военныя сердца вящше къ мужественному противъ враговъ дѣйствію и къ храброму защищенію отечества побуждаются, какъ славными примѣрами великихъ героевъ? Сіи приводитъ на память исторія и стихотворство, которое, прошедшія дѣянія живо описуя, какъ настоящія представляетъ: обоими прехвальныя дѣла великихъ государей изъ мрачныхъ челюстей ѣдкія древности исторгаются. Что превосходнѣе себѣ представить можно, какъ такое средство, которое управляетъ разумъ, показуетъ непрелестный путь произволенію, укрощаетъ человѣческія страсти, и естественные и гражданскіе законы утверждаетъ? Сіе исполняетъ философія. Что есть человѣку жизни своей дороже и что любезнѣе здравія? Обои сіи медициною сохраняются и продолжаются. Что въ человѣческомъ обществѣ нужнѣе есть употребленія разныхъ махинъ и знанія внутренняго вещей сложенія? Сіе открываетъ химія; механика оныя составляетъ. Всѣ сіи точною и осторожною математикою управляются. Всѣ къ приращенію блаженства человѣческаго хотя разными образы, однако

согласною пользою служать. Но всѣ сіи чрезъ особливое щедролюбивыя Государыни нашея благодѣяніе въ Россіи умножатся, процвѣтутъ, и принесутъ обильные плоды въ свое время. Произрастетъ здѣсь насажденное Петромъ, огражденное милостію и напоенное щедротою достойныя толикаго Родителя Дщери прекрасное премудрости древо; возрастетъ и вѣтви свои распрострѣтъ по всей вселенной. Отверзта богатою Ея Величества рукою широкая дверь наукамъ въ пространную Россію, въ которой онѣ, во всякомъ довольствіи и въ полной безопасности распростираясь, новое приращеніе, новое украшеніе, новое просвѣщеніе и новую славу пріобрящутъ, и въ новомъ великолѣпіи на нечаянной высотѣ, на самомъ верху своего совершенства поставленныхъ себя всему свѣту покажутъ, и полнымъ своимъ сіяніемъ оставшуюся ночь варварства изъ самыхъ отдаленныхъ и нынѣ едва извѣстныхъ мѣстъ разсыплютъ. Ибо гдѣ удобнѣе совершиться можетъ звѣздочетная и землемѣрная наука, какъ въ обширной Ея Величества Державѣ, надъ которою солнце цѣлую половину своего теченія совершаетъ, и въ которой каждое свѣтило восходящее и заходящее въ едино мгновеніе видѣть можно? Многообразные виды естественныхъ вещей и явленій гдѣ способнѣе изслѣдовать, какъ въ поляхъ, великое свое пространство различнымъ множествомъ цвѣтовъ украшающихъ, на верхахъ и въ нѣдрахъ горъ, выше облаковъ восходящихъ и разными сокровищами насыпанныхъ, въ рѣкахъ, отъ знойныя Индіи до вѣчныхъ льдовъ протекающихъ, и на многихъ пространныхъ моряхъ, полныхъ дивными Божіими чудесами, подъ Елисаветиною Державою волны свои преклоняющихъ? Гдѣ безопаснѣйшее жилище музы обрѣсти могутъ, какъ въ пространной и безмятежной Россіи, прозорливостію Монархини нашея успокоенной и непобѣ-

димою Ея силою огражденной? О коль великое благодѣяніе отъ сего Монархини нашея щедролюбія во весь свѣтъ распространится! О коль вожделѣнно благополучіе ваше, Россійскіе юноши, которые толикою милостію щедрыя Государыни питаемы, въ радостныхъ трудахъ упражняетесь! Представьте себѣ будущее ваше состояніе, къ которому вы избраны; со благоговѣніемъ внимайте, что Августѣйшая Императрица, довольствуя васъ своею казною, матерски повелѣваетъ: обучайтесь прилежно: Я видѣть Россійскую Академію, изъ сыновъ Россійскихъ состоящую, желаю; поспѣшайте достигнуть совершенства въ наукахъ; сего польза и слава отечества, сего намѣреніе Моихъ Родителей, сего Мое произволеніе требуетъ. Не описаны еще дѣла Моихъ предковъ, и не воспѣта по достоинству Петрова великая слава. Простирайтесь въ обогащеніи разума и въ украшеніи Россійскаго слова. Въ пространной Моей державѣ неоцѣненныя сокровища, которыя натура обильно приноситъ, лежатъ потаенны, и только искусныхъ рукъ ожидаютъ; прилагайте крайнее стараніе къ познанію вещей естественныхъ, и ревностно старайтесь заслужить Мою милость. Сіе щедрое Ея Величества повелѣніе слыша, дерзайте, бодрствуйте, успѣвайте въ теченіи вашемъ! И вы, которымъ входъ къ наукамъ свободно отворенъ, употребляйте сію щедроту въ пользу сыновъ вашихъ, и намѣренія Петрова, попеченія Екатеринина и Елисаветина великодушія тщетно не оставляйте! Не всуе среди сего царствующаго града жилище наукамъ воздвигнуто, но чтобы управляющіе гражданскими дѣлами изъ мѣстъ судебныхъ, упражняющіеся въ военномъ дѣлѣ со стѣнъ Петровыхъ, предстоящіе монаршескому лицу изъ пресвѣтлаго Ея дома, строящіе и управляющіе флотомъ Россійскимъ съ верховъ корабельныхъ, и обращающіеся въ купечествѣ съ судовъ и

съ пристанища на сіе зданіе взирали, среди своихъ упражненій о наукахъ помышляли, и къ нимъ бы любовію склонялись. Правда, что прекрасное сіе музъ жилище, къ несказанной нашей и крайней горести, печали и сокрушенію, нечаяннымъ заключеніемъ отъ грознаго пожара пріятный видъ свой на плачевное позорище перемѣнило, на которое мы едва безъ стенанія и слезъ взирать можемъ; но въ сей нашей скорби едино имѣемъ утѣшеніе, на едино щедролюбіе Всемилостивѣйшія Государыни нашея уповаемъ, вѣдая, что нѣтъ такой напасти, нѣтъ такого несчастія, которое бы великодушіемъ Ея превышено и щедрою рукою отвращено не было. Толь велико есть щедролюбіе несравненныя Монархини нашея! Толикою добродѣтелію украшенъ престолъ Всероссійскій! Таковыхъ Монарховъ посылаетъ Богъ на землю, когда Онъ смертныхъ милуетъ! толь благочестивыхъ, когда моленія ихъ слышать и приношенія пріимать соизволяетъ; толь мужественныхъ и великодушныхъ, когда враговъ ихъ повергнуть и посрамить хочетъ; толь премудрыхъ, когда блаженство ихъ умножить предпріемлетъ; толь человѣколюбивыхъ, толь милосердыхъ и толь щедрыхъ, когда ихъ утѣшить, умножить и ущедрить преклоняется! Красуйся великими сими Вышняго дарами, Всемилостивѣйшая Государыня, и божественными Твоими благодѣяніями увеселяйся! Куда Твое пресвѣтлое око ни обратится, вездѣ радостныя лица Твоихъ подданныхъ, вездѣ избавленныхъ Твоимъ великодушіемъ, и только милосердіемъ Твоимъ живущихъ, вездѣ обильно Тобою награжденныхъ и Тобою возвышенныхъ видитъ. Вся сѣверная страна хотя во всякое время, однако особливо въ сей пресвѣтлый праздникъ, по прошествіи плодоноснаго лѣта и при окончаніи благословенной осени, отъ земли плодами, отъ моря богатствомъ, отовсюду Твоимъ счастіемъ

изобилующая, многочисленными торжествующихъ гласы превозноситъ Твое славное на отеческій престолъ восшествіе, и оныя восклицанія, которыя тогда отъ внезапной радости и отъ истинной любви происходили, нынѣ многократно повторяетъ. Наше неописанное удовольствіе и крайняя благодарность хотя никоимъ краснорѣчіемъ изображены быть не могутъ; однако искреннюю ревность и рабскую вѣрность нашу Величеству Твоему симъ засвидѣтельствовать тщимся по мѣрѣ силъ нашихъ, вѣдая, что Богъ и Божію власть на земли имѣющіе не столько на хитросплетенныя риторическія сложенія, сколько на чистое усердіе взираютъ.

Ломоносовъ.

III. *Побѣды* Екатерины II.

Сколь часто поэзія, краснорѣчіе и мнимая философія гремятъ противъ славолюбія завоевателей! Сколь часто укоряютъ ихъ безчисленными жертвами сей грозной страсти! Но истинный философъ различаетъ, судитъ и не всегда осуждаетъ. Прелестная мечта всеміpнаго согласія и братства, столь милая душамъ нѣжнымъ! для чего ты была всегда мечтою? Нравственность народовъ и государей не есть нравственность частныхъ людей; благо сихъ послѣднихъ требуетъ, чтобы первые болѣе всего думали о внѣш-

ней безопасности: а безопасность есть — могущество! Слабый народъ трепещетъ, сильный подъ эгидою величія, свободно наслаждается политическимъ бытіемъ. Сія истина раждаетъ правила для Монарховъ. Исчезни, память кровожадныхъ Аттилъ, которые хотѣли побѣждать единственно для славы побѣдъ! но цвѣти, имя героевъ, которые разили враговъ отечества, и побѣдами запечатлѣли его благоденствіе! Петръ и Екатерина хотѣли пріобрѣтеній, но единственно для пользы Россіи, для ея могущества и внѣшней безопасности, безъ которой всякое внутреннее благо ненадежно. Монархиня знала, что Имперія Оттоманская, по своему закону и духу правленія, есть опасный врагъ Россіи; что всѣ союзы, всѣ дружественные договоры съ нею будутъ только краткимъ перемиріемъ, и что единственный способъ утвердить покой нашего государства есть ослабить сего природнаго и вѣчнаго непріятеля Христіанъ; — знала и совершила. Но Европа видѣла, что Екатерина, будучи всегда готовою къ войнѣ, по особенной любви къ справедливости, никогда Сама не разрывала мира; когда же мечъ, извлеченный для обороны, блисталъ въ рукѣ Ея, тогда — горе врагамъ безразсуднымъ!

Едва Монархиня успѣла привести въ лучшій порядокъ внутреннее правленіе государства, уже дерзостный Мустафа оскорбилъ величіе Россіи, объявилъ себя союзникомъ Польскихъ мятежниковъ, требовалъ, чтобы войско наше оставило Станислава имъ въ жертву, и наконецъ, презирая священныя права народовъ, заключилъ въ темницу того, кто при его дворѣ былъ образомъ Екатерины!

Уже Ея воины разили Оттомановъ; уже на берегахъ днѣстровскихъ развѣвались наши побѣдоносныя знамена; — но взоръ Екатерины еще искалъ полководца, достойнаго Ея довѣренности и великихъ

намѣреній. Она не хотѣла войны обыкновенной; не хотѣла жертвовать людьми по волѣ случая: хотѣла дѣйствіемъ превосходнаго ума предписать законъ року. Искала, и нашла — Румянцова! Сей великій мужъ славно отличилъ себя во время Войны Прусской; взялъ Колбергъ; удивлялся хитрости искуснаго Фридриха, но часто угадывалъ его тайные замыслы; сражался съ нимъ и видѣлъ нѣсколько разъ побѣгъ его воинства. Талантъ великихъ душъ есть узнавать великое въ другихъ людяхъ; и Екатерина, избравъ Румянцова, ускорила паденіе Турецкой Имперіи.

Герой, пріявъ начальство, перемѣнилъ всѣ воинскія распоряженія; отвергнулъ всѣ малодушныя осторожности, похожія на робость, и введенныя въ нашихъ арміяхъ чужеземными военачальниками. *Не рогатки, а огнь и мечь защита ваша*, сказалъ онъ россійскимъ легіонамъ, — и вдохновеніе геройства оживило ихъ. Пошли — и съ того времени каждый ударъ Россіянъ былъ пораженіемъ для Оттомановъ.

Дѣла неимовѣрныя, чудесныя! Сіи страшные завоеватели Востока, ужасъ Европы, истребители славныхъ армій ея, не могутъ стоять предъ лицемъ Румянцова! Восемьдесятъ тысячъ отборнаго Турецкаго войска, подъ начальствомъ Хана Селима, исчезли какъ прахъ на берегахъ Прута; ни высокая гора, ни укрѣпленный станъ не спасли ихъ. Сего мало: — туда, гдѣ рѣка Прутъ вливаетъ быстрыя воды свои въ величественный Дунай; туда, гдѣ Великій Петръ, окруженный невѣрными, отчаялся быть побѣдителемъ и требовалъ мира, — туда Геній Екатерины привелъ Румянцова, и поставилъ его между врагами безчисленными. Съ одной стороны Ханъ Крымскій горѣлъ ревностію загладить стыдъ своего пораженія; съ другой самъ Визирь уже торжествовалъ въ мысляхъ побѣду. Сограждане! каждый изъ васъ слыхалъ о ве-

ликомъ Боѣ Кагульскомъ и проливалъ радостныя слезы, достойныя русскаго сердца; я проливалъ ихъ, внимая вашему повѣствованію, герои именитые, счастливые сподвижники Румянцова! и никогда въ моемъ воображеніи не затмится сія величественная картина. Семнадцать тысячъ Русскихъ, на разсвѣтѣ прекраснѣйшаго дня, въ глубокомъ молчаніи идутъ умереть со славою противъ ста пятидесяти тысячъ непріятелей; тихое веселіе на ихъ лицахъ; въ груди предчувствіе геройскаго безсмертія. Всѣ повелѣнія были отданы, и вождь казался спокойнымъ; одно величество блистало въ его взорахъ. — Вдругъ громы возвѣстили явленіе солнца, и тучи дыма сокрыли его; оно снова возсіяло — и гдѣ враги многочисленные? Я вижу трофеи наши, и среди ихъ героя Румянцова, который, не измѣнивъ всегдашняго спокойнаго лица своего, пишетъ къ Монархинѣ донесеніе о славнѣйшей побѣдѣ въ мірѣ. Духъ Петра Великаго! Ты утѣшился. Отнынѣ сліяніе Прута съ Дунаемъ будетъ радостнымъ памятникомъ для Россіянъ.

За симъ торжествомъ Екатерининой славы, міръ увидѣлъ другое, не менѣе чудесное. Сама природа заграждаетъ, кажется, дальній путь нашимъ флотамъ, окружая льдами гавани Россіи на двѣ трети года; но геній Монархини побѣждаетъ природу, и волны изумленнаго Геллеспонта пѣнятся подъ рулями россійскими. Священныя воспоминанія исторіи волновали сердца нашихъ плывущихъ героевъ, когда они узрѣли берега Италіи. Имъ казалось, что великія тѣни Фабриціевъ, Камилловъ, Сципіоновъ, паря надъ гробомъ древней республики, съ любопытствомъ и удивленіемъ взирали на гордый и симъ морямъ неизвѣстный флагъ Екатерины; имъ казалось, что Россія есть новый Римъ своимъ величествомъ. Съ такими чувствами наши аргонавты приближались къ странамъ, еще древнѣйшимъ въ лѣтописяхъ славы, и

равно богатымъ великими идеями; они надѣялись воскресить тамъ геройство Ликурговыхъ и Солоновыхъ потомковъ; надѣялись именемъ новой Аѳинеи воззвать къ жизни и великимъ дѣламъ потомковъ Мильціада, Аристида, Ѳемистокла. Но долговременное рабство навѣки умертвило тамъ сердца людей; грубый слухъ не внималъ уже сладкому имени свободы, и герои россійскіе увидѣли, что имъ надлежало думать только о славѣ Екатерины. Не за тѣмъ окружили они Европу, не за тѣмъ оставили за собою берега африканскіе, чтобы творить дѣла обыкновенной храбрости.... и Геллеспонтъ пылаетъ!... О зрѣлище, для самаго воображенія ужасное! мысль смѣлая и великая! исполненіе дерзостное и счастливое! Молніеносные Россіяне повелѣваютъ стихіями: огнь и волны истребляютъ врага! вѣками уготованныя морскія силы его исчезаютъ съ дымомъ! Все оттоманское гибнетъ, кромѣ однихъ трофеевъ для побѣдителя, — и Монархиня возлагаетъ ихъ, скромно и величественно, на гробъ Петра Перваго! — Чесма безсмертна, подобно Полтавѣ и Кагулу, и семидесятый годъ минувшаго вѣка есть самый цвѣтущій годъ нашей воинской славы (*).

Слѣдующее лѣто также осѣнило насъ лаврами. Что началъ Царь Іоаннъ Грозный, то довершила Екатерина Великая. Сіи славные глубокіе окопы, которые отъ Чернаго Моря простираются до Азовскаго, не могли остановить торжественнаго теченія Ея воиновъ, и Крымъ, послѣднее убѣжище варваровъ, бывшихъ нѣкогда ужасомъ и бичемъ нашего отечества, палъ къ стопамъ россійскаго генія. — Берега Дуная не преставали обагряться кровію невѣр-

---

(*) Въ сей же годъ были взяты Бендеры Графомъ Петромъ Ивановичемъ Панинымъ.

ныхъ, и Константинополь трепеталъ, внимая близкимъ громамъ нашего флота. Мустафа смирился, и Румянцовъ опустилъ мечъ свой; но еще не пришелъ конецъ бѣдствіямъ Оттомановъ. Мирные переговоры не имѣли счастливаго успѣха, и Полководецъ Екатерины украсилъ Ея корону новыми лаврами; разилъ, истреблялъ, очистилъ себѣ путь къ Адріанополю, отрѣзалъ, окружилъ Визиря, — и геройскою рукою своею подписалъ славный для Россіи мирный трактатъ, который открылъ намъ моря турецкія и Дарданеллы, даровалъ независимость Крыму, обогатилъ казну Государственную милліонами, утвердилъ за Россіею Азовъ и Таганрогъ. Никогда еще отечество наше не заключало толь блестящаго мира съ Портою!

Безпримѣрные подвиги сей войны украсили книгу Россійскаго Дворянства тремя именами славы. Римъ имѣлъ Сципіоновъ Африканскихъ, Азіятскихъ; Екатерина воскресила сію награду, достойную Ея величія, — и Россія имѣетъ своего Задунайскаго, Чесменскаго, Крымскаго.

Послѣднимъ торжествомъ Румянцова былъ тотъ день, когда Екатерина именемъ отечества изъявила ему благодарность. Отягченный лаврами, онъ сходитъ съ театра славы, и скрывается отъ глазъ нашихъ; но Исторія пріемлетъ его во святилище безсмертія. Такъ она скажетъ Россіянамъ: «Во дни Екатерины Румянцовъ открылъ вамъ тайны всегда побѣждать невѣрныхъ, малымъ числомъ безчисленность, усѣявать поля трупами ихъ, и сохранять цѣлость рядовъ вашихъ!» — Если таланты изъясняются сравненіемъ, то Задунайскаго можно назвать Тюреннемъ Россіи. Онъ былъ *мудрый* полководецъ; зналъ своихъ непріятелей, и систему войны образовалъ по ихъ свойству; мало вѣрилъ слѣпому случаю, и подчинялъ его вѣроятностямъ разсудка; казался отваж-

ным, но былъ только проницателенъ; соединялъ рѣшительность съ тихимъ и яснымъ дѣйствіемъ ума; не зналъ ни страха, ни запальчивости; берегъ себя въ сраженіяхъ единственно для побѣды; обожалъ славу, но могъ бы снести и пораженіе, чтобы въ самомъ несчастіи доказать свое искусство и величіе; обязанный геніемъ натурѣ, прибавилъ къ ея дарамъ и силу науки; чувствовалъ свою цѣну, но хвалилъ только другихъ; отдавалъ справедливость подчиненнымъ, но огорчился бы во глубинѣ сердца, если бы кто нибудь изъ нихъ могъ сравняться съ нимъ талантами: судьба избавила его отъ сего неудовольствія. — Такъ думаютъ о Задунайскомъ благодарные ученики его.

Теперь обращается взоръ нашъ на ту, нѣкогда мощную республику, которой имя и бытіе уже исчезли въ Европѣ. Давно ли еще наглая и злобная Польша терзала наше отечество? Давно ли она, пользуясь его изнеможеніемъ, хищною рукою хватала въ свое подданство цѣлыя княжества россійскія? Давно ли древняя столица Владиміра носила ея цѣпи? Давно ли и ты, Москва цвѣтущая, лежала у ногъ гордаго вождя сарматскаго? Но Россія, подобно спавшему исполину, возстала въ гнѣвѣ своемъ: враги ея, въ ихъ чреду, упали на колѣна предъ нею, и возвратили похищенное. Такъ! Монархиня взяла въ Польшѣ только древнее наше достояніе, и когда уже слабый духъ ветхія республики не могъ управлять ея пространствомъ. Сей раздѣлъ есть дѣйствіе могущества Екатерины и любви Ея къ Россіи. Полотскъ и Могилевъ возвратились въ нѣдра своего отечества, подобно дѣтямъ, которыя, бывъ долго въ горестномъ отсутствіи, съ радостію возвращаются въ нѣдра счастливаго родительскаго семейства.

Крымъ былъ независимъ; но Крымъ былъ еще гнѣздомъ разбойниковъ, опасныхъ для Россіи. Сія

прекрасная часть нашей Имперіи, гдѣ природа столь щедро награждаетъ трудолюбіе, и за каждое лону ея ввѣренное зерно даетъ богатый класъ земледѣльцу; гдѣ на тучныхъ паствахъ разсыпаются стада безчисленныя; гдѣ свирѣли и нѣжныя пѣсни веселыхъ пастырей, простота нравовъ, миролюбіе и общее добродушіе жителей напоминаютъ воображенію счастливые берега Ладона, — Малороссія не могла быть покойною въ сосѣдствѣ неукротимыхъ варваровъ. Екатерина повелѣла, — и воинство Ея, не обнаживъ меча, заняло Полуостровъ Крымскій, древнюю Тавриду, столь извѣстную въ исторіи и въ самой миѳологіи. Монархиня еще не вѣдала, что сіе важное пріобрѣтеніе возвратило Россіи ея нѣкогда именитое Княжество Тмутараканское или столицу его, которая скрывалась доселѣ (*) отъ любопытства нашихъ историковъ. Такимъ образомъ пресѣклись грозные набѣги Татаръ, столь бѣдственные для нашего отечества. Сама же Таврида будетъ всегда прекрасною частицею Россійской Имперіи, и со временемъ важною для торговли съ Архипелагомъ и Востокомъ. Уже любопытные изъ отдаленныхъ земель пріѣзжаютъ видѣть сію чудесную страну, которая представляетъ взору и гранитныя горы Швейцаріи, и плодоносныя долины піемонтскія; страну, гдѣ творческая натура съ нѣжными красотами соединила величественныя; гдѣ въ одно время и зима свирѣпствуетъ и весна улыбается; гдѣ мудрый наблюдатель природы находитъ для себя разнообразныя богатства, и гдѣ чувствительное сердце, наскучивъ свѣтомъ, можетъ насладиться самымъ пріятнѣйшимъ уединеніемъ.

Оттоманская Порта содрогнулась, и хотя, по занятіи Крыма нашими войсками, возобновила мирный

(*) На островѣ Таманѣ.

трактатъ съ Россіею, но скоро тайная злоба ея воспылала. . . .

Здѣсь напомню вамъ, сограждане! славное путешествіе Монархини въ страны, Ею населенныя или завоеванныя. Она желала видѣть Тавриду и новые плоды своего счастливаго царствованія. Зрѣлище восхитительное, достойное Екатерины! Отъ самыхъ береговъ Невскихъ до волнъ Понта Эвксинскаго шествіе Великія казалось торжествомъ побѣдительницы міра. Не цѣпи невольниковъ гремѣли вокругъ торжественной колесницы, но радостныя восклицанія довольныхъ подданныхъ; милліоны упадали предъ Нею какъ предъ божествомъ благодѣтельнымъ. Такъ нѣкогда обожаемая Семирамида, въ сіяніи славы, при звукѣ безчисленныхъ мусикійскихъ орудій, шествовала по цвѣтущимъ областямъ ея, изумляя подданныхъ своимъ величіемъ и щедротами!... Какъ сладостно было сердцу Монархини, когда искреннее усердіе вѣщало ей: «Сіи трудолюбіемъ и художествомъ украшенныя мѣста недавно были горестною пустынею, дикою степью; гдѣ сіи обширные сады зеленѣютъ и гордыя палаты возвышаются, тамъ одни песчаные холмы представлялись унылому взору! Въ семъ юномъ городѣ (*), Тобою сотворенномъ, уже цвѣтетъ торговля. Здѣсь Востокъ и Западъ мѣняются своими богатствами. Здѣсь все исполнено имени и славы Твоей!» — Тамъ два вѣнценосца встрѣтили Монархиню, какъ будто для того, чтобы еще болѣе украсить торжество Ея. Екатеринѣ обязанъ былъ Станиславъ короною, и славился тѣмъ предъ свѣтомъ. Іосифъ внималъ Ея премудрымъ намѣреніямъ для блага человѣчества, когда Она чрезъ волны эвксинскія устремляла священный взоръ на

(*) Въ Херсонѣ.

градъ Константина. Цари Италіи спѣшили посольствами изъявить радость свою о приближеніи сѣверной Царицы къ странамъ ихъ.

Сіе путешествіе и догадки Европы о свиданіи Екатерины съ Іосифомъ послужили Оттоманскому Двору предлогомъ къ разрыву мира. Война снова возгорѣлась. Уже Румянцовъ не былъ главнымъ, дѣятельнымъ начальникомъ; но духъ его жилъ въ россійскихъ арміяхъ, — и невѣрные, увидѣвъ ихъ, вострепетали: они узнали прежнихъ своихъ разителей, узнали по ихъ быстрымъ движеніямъ, смертоноснымъ громамъ, сокрушительнымъ ударамъ; бѣжали съ полей открытыхъ, милыхъ геройству, страшныхъ робости, и заключились въ крѣпкихъ оградахъ. Но ни искусство, ни природа не могли защитить ихъ, — и сія война ознаменовалась для славы нашей двумя, чудесно смѣлыми и счастливыми приступами. Только Россіяне могутъ быть предметомъ сравненія для Россіянъ. Очаковъ палъ нѣкогда предъ Минихомъ; но Очаковъ не былъ еще укрѣпленъ тогда всѣми хитростями искусства. Теперь падаетъ онъ во всемъ своемъ величіи, чтобы тѣмъ болѣе увеличить славу нашу. Продолжительная осада была только дѣйствіемъ человѣколюбія Екатерины и доказательствомъ непоколебимаго терпѣнія нашихъ воиновъ, которые въ открытомъ станѣ презирали всѣ ужасы зимніе. Монархиня щадила жизнь людей; надѣялась, что врагъ покорится; — но когда военачальникъ произнесъ Ея именемъ рѣшительное слово, герои вошли въ крѣпость по трупамъ непріятелей. — Взятіе Измаила было еще славнѣе. Тамъ армія обороняла городъ; высокія стѣны, глубокіе рвы, страшная артиллерія, — все обѣщало ему безопасность. Пришелъ Суворовъ!... казалось для того, чтобы видѣть неприступность города. Воинство невѣрныхъ, въ грозной многочисленности представъ очамъ Россіянъ на валу

крѣпости, хотѣло однимъ видомъ своимъ поразить ихъ. Уже гордый начальникъ Измаила думалъ, что онъ видитъ смятеніе нашего героя, что Суворовъ ожидаетъ ночи для сокрытія неминуемаго бѣгства. Ночь прошла, — и Суворовъ въ Измаилѣ! 20,000 Оттомановъ легло въ окопахъ. Съ изумленіемъ узнала Европа, что наши, столь легко вооруженные донскіе воины подъ начальствомъ героя, превращаются въ фалангу македонскую и берутъ крѣпости.

Іосифъ былъ вѣрнымъ другомъ Россіи; но счастіе и слава, еще вѣрнѣйшіе друзья наши, не хотѣли его признать своимъ союзникомъ. Воинство его ужаснулось сверкающихъ кинжаловъ, грознаго вопля невѣрныхъ и страшнаго имени Аллы, призываемаго ими въ сраженіяхъ. Баннатъ былъ свидѣтелемъ австрійскихъ несчастій. Оттоманы, спасенные бѣгствомъ отъ меча россійскаго, разили воиновъ Іосифа, тѣхъ, которые прежде сами побѣждали храбрѣйшія арміи въ Европѣ. Украшенный лаврами старецъ, совмѣстникъ великаго Фридриха, былъ вызванъ изъ мирнаго уединенія, спасти отечество. Западъ жизни его еще озарился лучемъ славы, но кратковременнымъ, и Лаудонъ, взявъ Бѣлградъ, безъ успѣха приступалъ къ Орсовѣ. Одни Россіяне могли ободрить унылые легіоны австрійскіе; одинъ Рымникскій могъ принести славу и счастіе въ станъ ихъ, — и принесъ. Семь тысячъ Русскихъ указали имъ путь къ побѣдѣ. . . . Австрійцы сразились храбро. . . . Визирь изумился! но увидѣвъ впереди знамена Екатерины, услышавъ имя Суворова, въ первый разъ показалъ тылъ нашимъ союзникамъ. Въ сей-то незабвенный день Австрійцы узнали чудеснаго Суворова, и когда, чрезъ десять лѣтъ послѣ того, надлежало имъ противъ храбрыхъ республиканцевъ поставить вождя крѣпкаго, они, забывъ народную гордость свою, требовали героя Рымникскаго.

Екатерина въ сіе время имѣла еще другихъ враговъ. Порта, Англія и Пруссія обольстили Густава; онъ дерзнулъ объявить войну Россіи. Когда извѣстіе о первыхъ его непріятельскихъ дѣйствіяхъ пришло въ наши столицы, тогда, тогда надлежало видѣть безпримѣрное усердіе Россіянъ къ отечеству и къ Монархинѣ. Всѣ воспылали гнѣвомъ на врага вѣроломнаго и ревностію наказать его; всѣ мирные граждане готовы были летѣть на поле брани. Сіе воспоминаніе еще живо въ сердцахъ вашихъ, сограждане, воспоминаніе незабвенное и радостное для патріотовъ! Могли ли Готы, неохотные исполнители беззаконной воли (*), стоять противъ сыновъ обожаемой Екатерины, сильныхъ любовію къ отечеству и ненавистію къ виновнику сей войны неправедной? Густавъ думалъ, что его нечаянное нападеніе приведетъ въ трепетъ Россію, и откроетъ ему путь къ столицѣ. Онъ забылъ имена и подвиги нашихъ избранныхъ легіоновъ, столь ужасныхъ для его предковъ! Сіи герои стремились возобновить прежнюю славу свою въ каменистомъ отечествѣ Финновъ, и доказать міру, что стража Монарховъ Россійскихъ достойна своего имени и сана. Гдѣ только Готы сражались, тамъ Россіяне побѣждали, на водахъ и на сушѣ. Густавъ истощилъ всѣ способы ума и дерзости своей — напрасно и безъ успѣха! Екатерина внимала грому флотовъ его, но покойно и величественно гуляла въ садахъ своихъ. Король, ослѣпленный высокомѣріемъ и лживыми союзниками, увидѣлъ наконецъ заблужденіе, и прибѣгнулъ къ великодушію Монархини. Она даровала ему миръ, который единственно могъ спасти бѣдные остатки силъ его.

(*) По законамъ Швеціи, Король не могъ начинать войны безъ согласія другихъ властей, то есть сейма.

Порта Оттоманская видѣла предъ собою конечную гибель. Твердѣйшія опоры ея пали; воинство унывало; страшные янычары страшились одного имени Россіянъ; море, отверзтое для нашихъ флотовъ, всякій день могло представить очамъ Султана флагъ Екатерины.... Но Монархиня желала успокоить своихъ воиновъ, и не отвергла мира. Она могла взять Константинополь, но взяла только Очаковъ, и слѣдъ турецкаго владѣнія истребился на семъ берегу Днѣстра. Всѣ дворы удивились ея умѣренности; но Екатерина знала время, обстоятельства; хотѣла видѣть слѣдствіе нѣкоторыхъ новыхъ европейскихъ перемѣнъ (*), и отсрочила дальнѣйшіе успѣхи россійскаго оружія.

Польша была также предметомъ Ея вниманія. Остатки сей республики волновались и кипѣли злобою на Россію. Безпокойные умы испровергли древніе законы, утвержденные Екатериною; собирали войско и не скрывали своихъ опасныхъ для нашей Имперіи умысловъ. Но благоразумные требовали заступленія Монархини. Она повелѣла возстановить древній Уставъ Республики: толпы мятежниковъ были разсѣяны горстью нашихъ воиновъ, и Польша могла бы еще успокоиться подъ эгидою россійскою.... Но послѣдній часъ ея насталъ. Не смѣя ратоборствовать съ героями въ полѣ, она хотѣла умертвить ихъ въ объятіяхъ сна, и драгоцѣнная кровь россійская обагрила стогны варшавскіе. Слабодушные убійцы! стыдъ Сѣвера, который, издревле довольствуясь славою побѣждать Югъ во браняхъ, оставлялъ ему гнусную славу коварныхъ злодѣйствъ подъ сѣнію мира! Варшава напоминала ужасы сициліянскіе!... Сердце Екатерины содрогнулось. Державная рука

(*) Французской Революціи.

Ея бросила въ урну сей недостойной республики жребій уничтоженія, и Суворовъ, подобно ангелу грозному, обнажилъ мечъ истребленія; пошелъ — и вождь мятежниковъ спасается отъ смерти плѣномъ; и Прага, крѣпкая ихъ отчаяніемъ, дымится въ своихъ развалинахъ, — и Варшава падаетъ къ стопамъ Екатерины. Совершилось!... Но Монархиня, подобно божеству, самымъ наказаніемъ благотворитъ человѣчеству. Польши нѣтъ; но мятежные и несчастные жители ея, утративъ имя свое, нашли миръ и спокойствіе подъ державою трехъ союзныхъ государствъ. Республика, безъ добродѣтели и геройской любви къ отечеству, есть неодушевленный трупъ. Аѳинская, Спартанская, Римская имѣли свое цвѣтущее время: Польская была всегда игралищемъ гордыхъ вельможъ, театромъ ихъ своевольства и народнаго униженія. Развалины храмовъ добродѣтели горестны для сердца; но пусть вѣтръ развѣваетъ пепелъ тѣхъ капищъ, гдѣ тиранство было идоломъ! Никто не жалѣетъ о Польшѣ. Богатѣйшія страны ея достались на часть Россіи.

Взятіемъ Варшавы заключилъ при Екатеринѣ подвиги свои герой, котораго имя и дѣла гремятъ еще въ Италіи и на вершинахъ альпійскихъ; на котораго какъ будто еще взираетъ изумленная имъ Европа, хотя мы уже осыпали цвѣтами гробъ его, — цвѣтами, не кипарисами: ибо смерть великаго воина, который полвѣка жилъ для славы, есть торжество безсмертія, и не представляетъ душѣ ничего горестнаго. Суворовъ былъ одинъ изъ самыхъ счастливѣйшихъ полководцевъ; подобно Александру, сколько разъ сражался, столько разъ побѣждалъ; подобно Кесарю, ставилъ себя выше рока, и рокъ не смѣлъ изобличить его въ ошибкѣ. Что въ другомъ оказалось бы гибельною дерзостію, то въ немъ было спасительною надежностію и предчувствіемъ событія. Онъ не шелъ

а летѣлъ къ славѣ, которая, съ своей стороны, встрѣчала его на половинѣ пути. Вся военная теорія его состояла въ трехъ словахъ (*): *взоръ*, *быстрота*, *ударъ*; — но *взоръ* сей даетъ природа немногимъ; но *быстрота* сія была тайною для самихъ Аннибаловъ; но *ударъ* сей разителенъ единственно съ Суворовымъ. Онъ не любилъ ничего, кромѣ славы; ко всему прочему казался невнимательнымъ, нечувствительнымъ. Объ искусствѣ военачальниковъ судилъ всегда по ихъ успѣхамъ: какихъ же высокихъ мыслей надлежало ему быть о самомъ себѣ? Нѣкоторые считали его жестокимъ — несправедливо: онъ *любилъ* побѣжденныхъ непріятелей, ибо они были живыми его трофеями. Суворовъ не хотѣлъ знать, какъ искусный полководецъ спасаетъ остатки разбитой арміи: ибо мѣсто перваго несчастнаго сраженія было бъ ему могилою. — Изображеніе героевъ Задунайскаго и Рымникскаго принадлежитъ къ царствованію Екатерины: Она выбрала одного, употребляла другаго, и слава ихъ есть часть Ея славы. Градъ Святаго Петра созерцаетъ ихъ памятники, вмѣстѣ столпціе: тамъ юные воины отечества будутъ произносить обѣты геройства. И въ семъ ревностномъ твореніи слабаго моего таланта, да сіяютъ вмѣстѣ имена нашихъ первыхъ военачальниковъ! Уничтоженіе Польской Республики возвратило независимость Курляндіи, завоеванію храбрыхъ Тевтоническихъ Рыцарей, странѣ плодоносной, извѣстной въ самыхъ древнихъ лѣтописяхъ по своимъ рудокопнямъ, минеральнымъ водамъ и прекрасному янтарю, собираемому на берегахъ ея. Но Курляндія, зная, что независимость всегда бываетъ несчастіемъ для области безсильной, хотѣла славы

(*) Написанныхъ имъ въ его Тактикѣ, краткомъ, но любопытномъ сочиненіи.

принадлежать Екатеринѣ. Монархиня пріяла ее подъ Свою державу, и Россія обогатилась новыми портами, драгоцѣнными для успѣховъ торговли.

Уже орлы наши парили подъ небесами Востока; уже крылатая молва несла въ страны Великаго Могола имя Россійской Монархини; уже воинство наше, то подымаясь къ облакамъ на хребтѣ горъ туманныхъ, то спускаясь въ глубокія долины, дошло до славныхъ *Вратъ Каспійскихъ*; уже *Стѣна Каспійская*, памятникъ величія древнихъ Монарховъ Персіи, разступилась предъ онымъ; уже смѣлый вождь его пріялъ сребряные ключи Дербента изъ рукъ старца, который въ юности своей вручилъ ихъ Петру Великому, и сей градъ, основанный, по восточному преданію, Александромъ Македонскимъ, осѣнился знаменами Екатерины.... когда всемогущая Судьба пресѣкла дни Монархини и теченіе побѣдъ Ея. Таинство великой души намъ неизвѣстно. Чудесныя дѣла Екатерины могли быть увѣнчаны новымъ чудомъ; Война Персидская могла имѣть предметъ важный; могла открыть путь въ Россію несмѣтнымъ богатствамъ Востока: могла успокоить народы мятежные, которые, подъ вліяніемъ счастливѣйшаго неба, служатъ примѣромъ бѣдствій; могла.... Но, повторю: таинство великой души намъ неизвѣстно.

Монархиня оставила Россію на вышней степени геройскаго величія, обогащенную новыми странами, гаванями и милліонами жителей; безопасную внутри, страшную для внѣшнихъ непріятелей. Міръ не зналъ, какъ побѣждаютъ Россіянъ, и Россія не знала, какъ не сокрушить врага. Ихъ стихія была слава: и симъ-то чувствомъ Великая готовила побѣды! Она умѣла награждать воинскія заслуги достойнымъ ихъ образомъ: отличала воинскія дарованія лестнымъ благоволеніемъ, — и герой, который имѣлъ счастіе лобызать Ея державную руку, слы-

щать восхитительныя слова милости, пылалъ новою ревностію геройства, не думая о жизни. Юноши, осыпанные цвѣтами роскоши, среди столицы усыпленные нѣгою, при первомъ звукѣ Марсовой трубы пробуждались, срывали съ себя вѣнки грацій, и стремились на поле чести искать опасностей и вѣнковъ лавровыхъ. Только во время Екатерины видѣли мы сіи, можно сказать, волшебныя превращенія нѣжныхъ Сибаритовъ въ суровыхъ чадъ Лакедемона; видѣли тысячи россійскихъ Алкивіадовъ! — Европа съ благоговѣніемъ взирала на тронъ Россіи, поручивъ ему вѣсы свои. Одно слово Монархини рѣшило судьбу государствъ: ибо вслѣдъ за нимъ готовы были летѣть непобѣдимые!

Не токмо благо нашего отечества, но и благо цѣлаго міра утверждено побѣдами Екатерины. Давно ли еще знамя лжепророка грозило стѣнамъ Вѣнскимъ? Новый Магометъ II могъ быть новымъ истребителемъ государствъ европейскихъ: сколь же бѣдственны успѣхи оттоманскаго оружія для человѣчества и просвѣщенія? Теперь варвары уже неопасны для Европы; теперь слабый паша Виддина презираетъ могущество Порты!... И сія безопасность есть дѣло Великой Екатерины, Которая потрясла и отчасти разрушила сей колоссъ ужасный.

Карамзинъ.

IV. *Рѣчь, произнесенная въ собраніи Россійской Академіи, Декабря 5-го 1818 года.*

Милостивые Государи!

Первымъ словомъ моимъ должна быть благодарность, за честь, которой вы меня удостоили; честь дѣлить съ вами труды полезные, въ то время, когда Великій Монархъ, новыми щедротами, излiянными на Академію, даровалъ ей новыя средства дѣйствовать съ успѣхомъ для образованія языка, для ободренія талантовъ, для славы отечества. Цѣль важная и достойная ревности знаменитаго общества, основаннаго Екатериною Второю, утвержденнаго Александромъ Первымъ! Не здѣсь нужно доказывать пользу сихъ благородныхъ упражненій разума. Вы знаете, Милостивые Государи, что языкъ и словесность суть не только способы, но и главные способы народнаго просвѣщенія; что богатство языка есть богатство мыслей; что онъ служитъ первымъ училищемъ для юной души, незамѣтно, но тѣмъ сильнѣе впечатлѣвая въ ней понятія, на коихъ основываются самыя глубокомысленныя науки; что сіи науки занимаютъ только особенный, весьма немногочисленный классъ людей, а словесность бываетъ достояніемъ всякаго, кто имѣетъ душу; что успѣхи наукъ свидѣтельствуютъ вообще о превосходствѣ разума человѣческаго, успѣхи же языка и словесности свидѣтельствуютъ о превосходствѣ народа, являя степень его образованія, умъ и чувствительность къ изящному.

Академія Россійская ознаменовала самое начало бытія своего твореніемъ важнѣйшимъ для языка, необходимымъ для авторовъ, необходимымъ для вся-

каго, кто желаетъ предлагать мысли съ ясностію, кто желаетъ понимать себя и другихъ. Полный Словарь, изданный Академіею, принадлежитъ къ числу тѣхъ феноменовъ, коими Россія удивляетъ внимательныхъ иноземцевъ: наша, безъ сомнѣнія, счастливая судьба, во всѣхъ отношеніяхъ, есть какая-то необыкновенная скорость: мы зрѣемъ не вѣками, а десятилѣтіями. Италія, Франція, Англія, Германія славились уже многими великими писателями, еще не имѣя Словаря: мы имѣли церковныя, духовныя книги; имѣли стихотворцевъ, писателей, но только одного истинно классическаго (Ломоносова), и представили систему языка, которая можетъ равняться съ знаменитыми твореніями Академій Флорентинской и Парижской. Екатерина Великая.... кто изъ насъ и въ самый цвѣтущій вѣкъ Александра I можетъ произносить имя Ея безъ глубокаго чувства любви и благодарности?... Екатерина, любя славу Россіи, какъ собственную, и славу побѣдъ и мирную славу разума, приняла сей счастливый плодъ трудовъ Академіи съ тѣмъ лестнымъ благоволеніемъ, коимъ Она умѣла награждать все достохвальное, и которое осталось для васъ, Милостивые Государи, незабвеннымъ, драгоцѣннѣйшимъ воспоминаніемъ.

Утвердивъ значеніе словъ, избавивъ писателей отъ многотрудныхъ изысканій, недоумѣній, ошибокъ, Академія предложила и систему правилъ для составленія рѣчи: твореніе не первое въ семъ родѣ, ибо Ломоносовъ, давъ намъ образцы вдохновенной поэзіи и сильнаго краснорѣчія, далъ и грамматику; но академическая рѣшитъ болѣе вопросовъ, содержитъ въ себѣ болѣе основательныхъ замѣчаній, которыя служатъ руководствомъ для писателей.

Не имѣвъ участія въ сихъ трудахъ, я только пользовался ими: слѣдственно могу хвалить ихъ безъ

нарушенія скромности и съ чувствомъ внутренняго удостовѣренія.

Но дѣятельность Академіи, при новыхъ лестныхъ знакахъ монаршаго къ ней вниманія, не должна ли, если можно, удвоиться? Изданіемъ Словаря и Грамматики заслуживъ нашу благодарность, Академія заслужитъ конечно и благодарность потомства ревностнымъ, неутомимымъ исправленіемъ сихъ двухъ главныхъ для языка книгъ, всегда богатыхъ, такъ сказать, бѣлыми листами для дополненія, для перемѣнъ необходимыхъ по естественному, безпрестанному движенію живаго слова къ дальнѣйшему совершенству: движенію, которое пресѣкается только въ языкѣ мертвомъ. Сколько еще трудовъ ожидаетъ васъ, Милостивые Государи! Выгодою или пользою всякаго общества бываетъ свободное, взаимное сообщеніе мыслей, наблюденій, судъ, возраженія, утверждающія истину. Здѣсь нѣтъ личности, нѣтъ самолюбія: честь и слава принадлежатъ всей Академіи, не лицамъ особеннымъ. Главнымъ дѣломъ вашимъ было и будетъ систематическое образованіе языка: непосредственное же его обогащеніе зависитъ отъ успѣховъ общежитія и словесности, отъ дарованія писателей, — а дарованія единственно отъ судьбы и природы. Слова не изобрѣтаются Академіями: они раждаются вмѣстѣ съ мыслями или въ употребленіи языка или въ произведеніяхъ таланта, какъ счастливое вдохновеніе. Сіи новыя, мыслію одушевленныя слова, входятъ въ языкъ самовластно, украшаютъ, обогащаютъ его, безъ всякаго ученаго законодательства съ нашей стороны: мы не даемъ, а принимаемъ ихъ. Самыя правила языка не изобрѣтаются, а въ немъ уже существуютъ: надобно только открыть или показать оныя.

Но Академія, облегчая для таланта способы пріобрѣтать нужныя ему свѣдѣнія, можетъ еще содѣй-

ствовать успѣхамъ его и другими средствами: наградами, опредѣлеными въ уставѣ, и еще болѣе справедливымъ оцѣненіемъ всякаго новаго труда, имѣющаго признаки истиннаго дарованія, хотя еще и не зрѣлаго, хотя еще и слабаго, неукрашеннаго искусствомъ: ибо слабый лучъ бываетъ иногда предтечею яркаго свѣта, и кедръ выходитъ изъ земли наравнѣ съ низкимъ злакомъ. Никто не предпишетъ законовъ публикѣ: она властна судить и книги и сочинителей; но ея мнѣніе всегда ли ясно, всегда ли опредѣлительно? Сіе мнѣніе ищетъ опоры; если Академія посвятитъ часть досуговъ своихъ критическому обозрѣнію Россійской Словесности, то удовлетворитъ безъ сомнѣнія и желанію общему и желанію писателей, слѣдуя правилу, внушаемому намъ и любовію къ добру и самою любовію къ изящному: болѣе хвалить достойное хвалы, нежели осуждать, что осудить можно. Иногда чувствительность бываетъ безъ дарованія, но дарованіе не бываетъ безъ чувствительности; должно щадить ее. Употребимъ сравненіе не новое, но выразительное: что дыханіе хлада для цвѣтущихъ растеній, то излишно строгая критика для юныхъ способностей души: мертвитъ, уничтожаетъ, а мы должны оживлять и питать, — привѣтствовать славолюбіе, не устрашать его: ибо оно ведетъ ко славѣ, а слава автора принадлежитъ отечеству. Пусть низкое самолюбіе утѣшаетъ себя нескромнымъ охужденіемъ, въ надеждѣ возвыситься униженіемъ другихъ: но вамъ извѣстно, что самый легкій умъ находитъ несовершенства; что только умъ превосходный открываетъ безсмертныя красоты въ сочиненіяхъ. Гдѣ нѣтъ предмета для хвалы, тамъ скажемъ все — молчаніемъ. Когда увидимъ важныя злоупотребленія, новости неблагоразумныя въ языкѣ, замѣтимъ, предостережемъ безъ язвительной укоризны. Судя о произведеніяхъ чувства и воображенія, не забудемъ, что приговоры

наши основываются единственно на вкусѣ, неизъяснимомъ для ума; что они не могутъ быть всегда рѣшительны; что вкусъ измѣняется и въ людяхъ и въ народахъ; что удовольствіе читателей раждается отъ ихъ тайной симпатіи съ авторомъ, и не подлежитъ закону разсудка; что мы никогда не согласимся съ Англичанами или Нѣмцами во мнѣніи о Шекспирѣ или Шиллерѣ; что примѣръ изящнаго сильнѣе всякой критики дѣйствуетъ на успѣхи литературы; что мы не столько хотимъ учить писателей, сколько ободрять ихъ нашимъ къ нимъ вниманіемъ, нашимъ сужденіемъ, исполненнымъ доброжелательства. Какъ ни пріятна для автора хвала публики и самое одобреніе Академіи, но будетъ еще пріятнѣе, если соединится съ благонамѣреннымъ разборомъ книги его, съ показаніемъ ея красотъ особенныхъ; когда опытный любитель искусства углубится взоромъ, такъ сказать, въ сокровенность души писателя, чтобы вмѣстѣ съ нимъ чувствовать, искать выраженій и стремиться къ какому-то образцу мысленному, который бываетъ цѣлію болѣе или менѣе ясною для всякаго дарованія. Самолюбіе грубое довольствуется и нѣмою хвалою: она нѣма, когда не изъясняетъ своего предмета; но самолюбіе нѣжное требуетъ хвалы красноречивой: она красноречива, когда изображаетъ хвалимое.

Академія, желая возбудить дѣятельность умовъ, и прежде задавала темы писателямъ, обѣщая награды успѣху: сей способъ, ободряемый примѣромъ знаменитѣйшихъ ученыхъ обществъ, Французской Академіи и другихъ, безъ сомнѣнія также весьма дѣйствителенъ, когда выборъ предметовъ, соотвѣтствуя образованію народа, заманчивъ для ума и воображенія, благопріятствуетъ новости, богатству идей или картинъ, обращаетъ вниманіе на истинное достояніе искусства, гдѣ вещество ждетъ руки художника или мысль изображенія. Скажутъ, что всякій писатель

слѣдуетъ собственному внутреннему влеченію: избираетъ, что ему нравится, и не имѣетъ нужды въ указаніяхъ. Нѣтъ! сіи указанія бываютъ иногда плодотворны: чуждое, новое, неожидаемое имѣетъ особенную силу для разума дѣятельнаго; онъ спѣшитъ присвоить данную ему мысль, въ слѣдъ за нею стремится къ другимъ, и находитъ сокровища, которыя, безъ сего внѣшняго побужденія, остались бы для него, можетъ быть, недоступными. Обширное поле предъ нами: философія нравственная съ своими наблюденіями, исторія съ преданіями, поэзія съ вымыслами, свѣтская и семейственная жизнь съ картинами и характерами: вездѣ предметы для генія, не чуждаго Россіянамъ и въ самыя темныя времена невѣжества: ибо онъ не ждетъ иногда наукъ и просвѣщенія, летитъ, и блескомъ своимъ озаряетъ пустыни. Такъ въ остаткахъ нашей древности, въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, въ нѣкоторыхъ пѣсняхъ народныхъ — сочиненныхъ, можетъ быть, дѣйствительно во мракѣ пустынь — видимъ явное присутствіе сего генія, видимъ живость мыслей, ему свойственную; чувствуемъ, такъ сказать, его дыханіе. Но онъ любитъ искусство и гражданское образованіе: мелькаетъ и во мракѣ, но красуется постоянно во свѣтѣ разума: не есть наука, но заимствуетъ отъ нея силу для вышняго паренія. Не дикіе имѣютъ Гомеровъ и Виргиліевъ. Прекрасный союзъ дарованія съ искусствомъ заключенъ въ колыбели человѣчества: они братья, хотя и не близнецы. Жалѣемъ объ утраченныхъ пѣсняхъ древняго соловья, Бояна; жалѣемъ, что Слово о полку Игоревѣ одно служитъ для насъ памятникомъ Россійской Поэзіи XII вѣка; но вѣкъ Перикловъ, Августовъ, еще впереди для Россіи: да настанетъ онъ въ благословенное царствованіе Александра I, и да назовется Его великимъ именемъ!

По крайней мѣрѣ желаемъ того. Видимъ новыя

училища, новыя средства воспитанія, новыя ободренія для наукъ и талантовъ; видимъ счастливыя дарованія, любовь ко знаніямъ и къ изящному, несомнительные успѣхи языка и вкуса; сильнѣйшее движеніе въ умахъ — и слѣдственно можемъ надѣяться. Пусть смѣлые приговоры нѣкоторыхъ критиковъ осуждаютъ нашу словесность на подражаніе, утверждая, что она не имѣетъ въ себѣ ничего самороднаго, особеннаго: можемъ согласиться съ ними, не охлаждая ревности нашихъ писателей, или не согласиться, доказавъ неосновательность сего приговора. Петръ Великій, могучею рукою своею преобразивъ отечество, сдѣлалъ насъ подобными другимъ Европейцамъ. Жалобы безполезны. Связь между умами древнихъ и новѣйшихъ Россіянъ прервалася навѣки. Мы не хотимъ подражать иноземцамъ, но пишемъ, какъ они пишутъ: ибо живемъ, какъ они живутъ; читаемъ, что они читаютъ; имѣемъ тѣ же образцы ума и вкуса; участвуемъ въ повсемѣстномъ, взаимномъ сближеніи народовъ, которое есть слѣдствіе самаго ихъ просвѣщенія. Красоты особенныя, составляющія характеръ словесности народной, уступаютъ красотамъ общимъ: первыя измѣняются, вторыя вѣчны. Хорошо писать для Россіянъ: еще лучше писать для всѣхъ людей. Если намъ оскорбительно итти позади другихъ, то можемъ итти рядомъ съ другими, къ цѣли всемірной для человѣчества, путемъ своего вѣка, не Мономахова, и даже не Гомерова: ибо потомство не будетъ искать въ нашихъ твореніяхъ ни красотъ Слова о полку Игоревѣ, ни красотъ Одиссеи, но только свойственныхъ нынѣшнему образованію человѣческихъ способностей. Тамъ нѣтъ бездушнаго подражанія, гдѣ говоритъ умъ или сердце, хотя и общимъ языкомъ времени; тамъ есть особенность личная, или характеръ, всегда новый, подобно какъ всякое твореніе физиче-

ской природы входитъ въ классъ, въ статью, въ семейство ему подобныхъ, но имѣетъ свое частное значеніе. Съ другой стороны, Великій Петръ, измѣнивъ многое, не измѣнилъ всего кореннаго Русскаго: для того ли, что не хотѣлъ, или для того, что не могъ: ибо и власть самодержцевъ имѣетъ предѣлы. Сіи остатки, дѣйствіе ли природы, климата, естественныхъ или гражданскихъ обстоятельствъ, еще образуютъ народное свойство Россіянъ, подобно какъ юноша еще сохраняетъ въ себѣ нѣкоторыя особенныя черты его младенчества, въ физическомъ и нравственномъ смыслѣ. Сходствуя съ другими европейскими народами, мы и разнствуемъ съ ними, въ нѣкоторыхъ способностяхъ, обычаяхъ, навыкахъ, такъ, что хотя и не можно иногда отличить Россіянина отъ Британца, но всегда отличимъ Россіянъ отъ Британцевъ: во множествѣ открывается народное. Сію истину отнесемъ и къ словесности: будучи зерцаломъ ума и чувства народнаго, она также должна имѣть въ себѣ нѣчто особенное, незамѣтное въ одномъ авторѣ, но явное во многихъ. Имѣя вкусъ Французовъ, имѣемъ и свой собственный: хвалимъ, чего они не хвалятъ; молчимъ, гдѣ они восхищаются. Есть звуки сердца русскаго, есть игра ума русскаго въ произведеніяхъ нашей словесности, которая еще болѣе отличится ими въ своихъ дальнѣйшихъ успѣхахъ. Молодые писатели нерѣдко подражаютъ у насъ иноземнымъ, ибо думаютъ, ложно или справедливо, что мы еще не имѣемъ великихъ образцевъ искусства: если бы сіи писатели не знали творцевъ чужеземныхъ, что бы сдѣлали? подражали бы своимъ; но и тогда списки ихъ остались бы бездушными. А кто рожденъ съ избыткомъ внутреннихъ силъ, тотъ и нынѣ, начавъ подражаніемъ, свойственнымъ юной слабости, будетъ наконецъ самъ собою — оставитъ путеводителей, и

свободный духъ его, какъ орелъ дерзновенный, уединенно воспаритъ въ горнихъ пространствахъ.

Сему-то возвышенію отечественныхъ талантовъ мы должны содѣйствовать, Милостивые Государи, для ихъ и нашей славы, для ихъ и нашего удовольствія. Слава! чье сердце, пока живо, можетъ совершенно охладѣть къ ея волшебнымъ прелестямъ, не смотря на всю обманчивость ея наслажденій? Плѣняя юношу своими лучезарными призраками, вѣнкомъ лавровымъ и плескомъ народнымъ, она манитъ и старца къ своимъ монументамъ долговѣчнымъ, къ памятникамъ заслугъ и благодарности. Мы желали бы изъ самаго гроба дѣйствовать на людей подобно невидимымъ добрымъ геніямъ, и по смерти своей еще имѣть друзей на землѣ. Но ежели слава измѣняетъ, то есть другая, вѣрнѣйшая, существеннѣйшая награда для писателя, отъ рока и людей независимая: внутреннее услажденіе дѣятельнаго таланта, изъясняющее для насъ удивительную любовь къ трудамъ и терпѣніе, коему мы обязаны столь многими безсмертными твореніями, и которое Бюфонъ называлъ превосходнѣйшимъ даромъ: ибо не одни сочинители фоліантовъ, не одни антикваріи имѣютъ нужду въ терпѣніи: оно, можетъ быть, еще нужнѣе для великаго поэта, для великаго оратора или великаго живописца природы. «Удаленный отъ свѣта (сказалъ мнѣ, въ «юности моей, старецъ Виландъ) не имѣя ни читате«лей, ни слушателей, въ дикой пустынѣ, среди не«обитаемаго острова, я въ восторгѣ бесѣдовалъ бы съ «уединенною музою, неутомимо исправляя стихи мои, «хотя бы и неизвѣстные міру.» Вотъ тайна писателей, часто, но не всегда ласкаемыхъ славою! Сильная мысль, истина, красота образа, выразительное слово, внезапно представляясь уму, оживляютъ душу и питаютъ ее такимъ чистымъ, полнымъ, ей сроднымъ удовольствіемъ, что она въ сіи счастливыя минуты за-

бываетъ всякое иное земное счастіе. Когда, въ торжественномъ безмолвіи храма и пышнаго Двора Лудовикова, указывая на гробъ Великаго Конде, безсмертный Боссюэтъ гремѣлъ священнымъ гласомъ Вѣры, совлекалъ блестящіе покровы съ суетнаго величія, обнажалъ ничтожность мірскихъ идоловъ, унижалъ гордыню, но возвышалъ душу откровеніями Неба: тогда, волнуя сердца, видя вездѣ слезы и самъ обливаясь ими, онъ безъ сомнѣнія наслаждался полнотою чувствъ своихъ и дѣйствія ихъ на слушателей; но, можетъ быть, еще болѣе наслаждался, когда писалъ сію вдохновеніемъ ознаменованную рѣчь; когда, углубясь въ свою душу, черпалъ въ ней сіи разительныя слова и мысли! Юноши, рожденные съ истинными дарованіями! призываемъ васъ къ ученію и къ трудамъ; вы въ нихъ найдете для себя благороднѣйшія, неизъяснимыя пріятности: награду, которая выше похвалъ и славы!

Внутреннее удовольствіе любимца музъ дѣйствуетъ всегда и на душу читателей: они вмѣстѣ съ нимъ восхищаются умомъ или сердцемъ, забывая иногда житейскія безпокойства, преселяясь духомъ въ тихій, спокойный міръ умозрѣній, гдѣ обитаютъ вѣчныя истины, или вкушая сладость чувствъ добродѣтельныхъ, которыя одни имѣютъ силу приводить насъ въ умиленіе. Видимъ иногда злоупотребленіе таланта; но цвѣты его на ядовитомъ полѣ разврата скоро увядаютъ и тлѣютъ: неувядаемость принадлежитъ единственно благу. Въ самыхъ мнимыхъ красотахъ порочнаго есть безобразіе, оскорбительное не только для чувства нравственнаго, но и для вкуса въ изящномъ, коего единство съ добромъ тайно для разума, но извѣстно сердцу. Низкія страсти унижаютъ, охлаждаютъ дарованіе; пламень его есть пламень добродѣтели.

Будучи источникомъ душевныхъ удовольствій

для человѣка, словесность возвышаетъ и нравственное достоинство государствъ. Великія тѣни Паскалей, Бюссюэтовъ, Фенелоновъ, Рассиновъ, спасали знаменитость ихъ отечества и въ самыя ужасныя времена его мятежей народныхъ. Если бы Греки, если бы самые Римляне только побѣждали, мы не произносили бы ихъ имени съ такимъ уваженіемъ, съ такою любовію; но мы плѣнялись Иліадою и Энеидою, вмѣстѣ съ Аѳинянами слушали Демосѳена, съ Римлянами Цицерона. Побѣждали и Моголы: Тамерланы затмили бы Ѳемистокловъ и Цесарей; но Моголы только убивали, а Греки и Римляне питаютъ душу самаго отдаленнаго потомства вѣчными красотами своихъ твореній. Для того ли образуются, для того ли возносятся державы на Земномъ Шарѣ, чтобы единственно изумлять насъ грознымъ колоссомъ силы и его звучнымъ паденіемъ; чтобы одна, низвергая другую, чрезъ нѣсколько вѣковъ обширною своею могилою служила вмѣсто подножія новой державѣ, которая въ чреду свою падетъ неминуемо? Нѣтъ! и жизнь наша, и жизнь имперій должны содѣйствовать раскрытію великихъ способностей души человѣческой; здѣсь все для души, все для ума и чувства; все безсмертно въ ихъ успѣхахъ! Сія мысль, среди гробовъ и тлѣнія, утѣшаетъ насъ какимъ-то великимъ утѣшеніемъ. — Возвеличенная, утвержденная побѣдами, да сіяетъ Россія всѣми блестящими дарами ума безсмертнаго; да умножаетъ богатства наукъ и словесности; да слава Россіи будетъ славою человѣчества — и да исполнится такимъ образомъ желаніе Екатерины Второй и Александра Перваго!

Карамзинъ.

V. *Рѣчь произнесенная въ торжественномъ засѣданіи Академіи Наукъ, по случаю празднованія столѣтняго ея существованія, 29 Декабря 1826 года.*

Празднуемое нынѣ столѣтіе Санктпетербургской Академіи Наукъ представляетъ не только торжество перваго хранилища отечественнаго просвѣщенія, но возобновляетъ еще въ одно время всѣ великія воспоминанія истекшаго столѣтія. Академія Наукъ — послѣдняя мысль, послѣднее твореніе неутомимаго генія Петра Великаго, коей онъ умирающей рукою начерталъ завѣтъ своихъ высокихъ предназначеній, взяла, такъ сказать, свое начало на смертномъ одрѣ мудраго Преобразователя Россіи. Сія мысль даетъ сегоднишнему празднеству нашему какую-то особую черту умиленія, и сближаетъ насъ мгновенно съ событіями, наполняющими лѣтописи сего знаменитаго столѣтія. Въ глубокихъ размышленіяхъ своихъ о славѣ и благоденствіи Россіи, Петръ I увидѣлъ, какое мѣсто искусства и науки занимаютъ въ бытіи народа могущественнаго. Сильная десница, пріобыкшая поперемѣнно владѣть мечемъ и трезубцемъ, держать бразды правленія и разсѣвать по обширной имперіи сѣмена будущаго ея величія, десница, образовавшая всѣ части государственнаго состава, озарила наконецъ факеломъ наукъ и просвѣщенія величественное твореніе свое. Петръ, странствуя по Европѣ, видѣлъ вліяніе наукъ и художествъ на судьбу государствъ; постигъ, что безъ сильнаго ихъ содѣйствія не довершился бы исполинскій его трудъ; онъ видѣлъ, что просвѣщеніе, слiявшись съ жизнію европейскихъ народовъ, составляетъ одно изъ необходимыхъ началъ обществъ образованныхъ и долговѣчныхъ. Онъ рѣшился по-

хитить для насъ искру дивнаго огня, коимъ давно гордились цвѣтущія страны Европы, и на берегахъ Невы воздвигнуть святилище наукъ, долженствующее распространить до отдаленныхъ предѣловъ Россіи знанія общеполезныя и возродить въ умахъ стремленіе къ мирнымъ подвигамъ на поприщѣ гражданскаго достоинства — онъ основалъ Академію Наукъ.

Но Монархъ, похищенный внезапно посреди мудрыхъ его начинаній и безсмертныхъ трудовъ, хотя и положилъ основаніе Академіи въ 1724 году, но не успѣлъ самъ довершить любимую мысль, занимавшую его и въ послѣднія минуты жизни. Супругѣ — преемницѣ его, предназначено было исполнить сіе, столь важное порученіе: въ концѣ Декабря 1725 года Екатерина I повелѣла открыть Академію Наукъ. Ею были призваны Эйлеръ, братья Бернулли, Делиль и Байеръ. Попеченіе ея объ Академіи было достойно великаго ея супруга.

Слѣды генія неизгладимы; поколѣніе, образованное подъ глазами Петра I, знаменитые сподвижники его въ дѣлахъ мира и войны, остались вѣрными его завѣту, и долго еще налагали на государственное управленіе особенную печать силы и устройства, печать Петра и его ума всезрящаго. Подъ сими благотворными признаками, Академія, не взирая на кратковременныя препятствія, начала укрѣпляться и процвѣтать; составленная изъ членовъ избранныхъ Петромъ, руководствуясь правилами имъ начертанными, стремясь къ цѣли, которую онъ предназначилъ, Академія, лишенная безсмертнаго своего основателя, не преставала находиться подъ его вліяніемъ, и когда на тронъ Россіи возсѣла Императрица Елисавета, то попеченіе монархини обратилось на Академію съ особою дѣятельностію; Академія почувствовала, что на тронѣ дочь Петра I.

Въ царствованіе Елисаветы, Россія, ограждаемая снаружи подвигами нашихъ войскъ, внутри охраняемая общею безопасностію и повсемѣстнымъ обиліемъ, наслаждалась первыми плодами образованности и утвердилась на степени государствъ независимыхъ и сильныхъ. Таковое положеніе благопріятствовало развитію умовъ и страсти къ благороднымъ занятіямъ просвѣщенія и общежитія. Науки приняли новую жизнь подъ сѣнію трона великолѣпнаго и твердаго. Академія, обезпеченная въ своемъ существованіи Регламентомъ 1747 года, распространила кругъ своей дѣятельности; естественныя науки представляли новое, неизмѣримое поле, тѣмъ болѣе любопытное и важное, что основательное познаніе обширнѣйшей имперіи въ свѣтѣ въ физическихъ разнообразныхъ ея видахъ было сопряжено съ ихъ успѣхами. Одинъ изъ тѣхъ необыкновенныхъ геніевъ, коихъ лучъ наукъ озаряетъ внезапно среди мрачной и низкой доли, Ломоносовъ, создавшій и языкъ поэзіи и словарь физическихъ наукъ, употребилъ тогда дѣятельное усердіе къ распространенію славы и трудовъ Академіи. Поощренные прекраснымъ его примѣромъ, многіе изъ соотечественниковъ нашихъ прославились на поприщѣ наукъ; и Академія, воздвигнувъ ему памятникъ, ознаменовала свою признательность къ его заслугамъ.

Но всѣ сіи полезныя предпріятія служили нѣкоторымъ образомъ только пріуготовленіемъ къ трудамъ, подъятымъ Академіею въ славный вѣкъ Екатерины II. Сія великая Монархиня, возсѣвши на тронъ Россіи, распространила вокругъ онаго неизвѣстный дотолѣ блескъ; силою генія быстраго, проницательнаго, — глубокаго знанія людей, необыкновеннаго искусства ими управлять, — даже чародѣйствомъ ума тонкаго, гибкаго, плѣнительнаго, свойственнаго ея полу, Екатерина II присвоила

себѣ первое мѣсто между государями, а счастливой Россіи первое мѣсто между государствами Европы. Она на тронѣ покровительствовала наукамъ; въ тишинѣ кабинета ими утѣшалась; въ ихъ бесѣдѣ отдыхала она отъ бремени державы; и доселѣ Академія хранитъ съ благоговѣніемъ опыты глубокихъ ея размышленій о законодательствѣ и многократныхъ наблюденій человѣческаго ума въ отношеніи къ наукѣ государственнаго управленія.

Подъ руководствомъ великой Екатерины путешествія академиковъ по Россіи, начавшіяся уже въ 1733 году отправленіемъ Крашенинникова въ Камчатку (*), возобновлены были, при новыхъ соображеніяхъ, съ вящшею дѣятельностію. Тогда прославились: Палласъ, Фалкъ, Георги, Гильденштетъ, Рычковъ, Румовскій, Гмелинъ, Лепехинъ, и многіе другіе, коихъ имена останутся незабвенными въ лѣтописяхъ Академіи и въ памяти Россіи. Иные, занимаясь астрономическими и географическими наблюденіями, странствовали по отдаленнѣйшимъ краямъ имперіи и возвращались, повѣривъ положеніе главнѣйшихъ мѣстъ Россіи и обогативъ астрономію важными открытіями. Другіе, посвятивъ себя наукамъ естественнымъ, дѣлили между собою обширное поле предъ ними лежавшее и дотолѣ неприкосновенное; нѣкоторые, углубляясь въ нѣдрахъ земли, открыва-

(*) Отправлены были тогда во вторую Камчатскую Экспедицію профессоры: Іоганнъ Георгъ Гмелинъ, Миллеръ и Делиль де ла Кройеръ, къ коимъ между прочими былъ приданъ Крашенинниковъ. Академики не доѣхали до Камчатки, почему и весь трудъ палъ на Крашенинникова, возвратившагося въ С. Петербургъ 1743 года.

ли богатѣйшіе источники въ царствѣ минералогіи; ботаники узнавали и приводили въ систематическую связь красивую флору сибирскихъ странъ; зоологи распространяли науку свою обильными изслѣдованіями и разнообразными наблюденіями; вмѣстѣ съ симъ собирались въ первый разъ вѣрныя свѣдѣнія о народонаселеніи, о климатахъ, о теченіи рѣкъ, о земледѣліи, о природной промышлености той или другой отдаленной области имперіи; открывались средства къ лучшему устроенію торговыхъ сношеній и мѣстнаго управленія; ближе знакомились съ духомъ и съ обычаями народовъ, соединенныхъ подъ однимъ скипетромъ, но тогда еще болѣе, нежели теперь, различествовавшихъ между собою степенями образованія и даже признаками разнороднаго происхожденія своего. Географическія карты, исполненныя дотолѣ ошибками, мало по малу исправились; памятники исторіи и языковъ, поясненные трудами Байера, Миллера, Шлецера, возбудили общее вниманіе; словомъ, науки, выходя изъ тѣсныхъ предѣловъ ученаго кабинета и оставляя характеръ мечтательныхъ умозрѣній, поступили на поприще гражданской дѣятельности; и Академія, какъ животворимая духомъ великаго Петра, продолжала болѣе и болѣе сближаться съ цѣлію, ей предназначенною.

Къ картинѣ сихъ полезныхъ трудовъ Академіи можно присовокупить, что отличнѣйшіе изъ воспитанниковъ тогда существовавшей Академической Гимназіи были по волѣ Императрицы отправляемы въ чужіе края для усовершенствованія своихъ познаній. Безсмертный Эйлеръ, который, выѣхавъ изъ Россіи, поселился въ Берлинѣ, былъ опять призванъ и насладился особеннымъ покровительствомъ и личнымъ уваженіемъ великой Монархини; равномѣрно былъ удостоенъ онаго и почтенный Палласъ

и нѣсколько современниковъ его. Сіе самое зданіе, въ коемъ Академія имѣетъ нынѣ счастіе видѣть столь знаменитое собраніе, было тогда воздвигнуто; Гершелевъ телескопъ и рукописи Кеплера, купленныя въ Англіи и Франкфуртѣ, ею подарены Академіи; всѣ коллекціи, составляющія музей оной, были оживлены ея богатыми дарами, изъ коихъ драгоцѣннѣйшій есть, безъ сомнѣнія, Наказъ Коммиссіи Законовъ, собственною Ея рукою начертанный.

Покровительство, оказываемое Русскими Государями Академіи Наукъ, осталось въ своей силѣ въ царствованіе Императора Павла I. Сей монархъ, просвѣщенный цѣнитель трудовъ ума, обозрѣвшій Европу въ прежнемъ ея блескѣ, и въ такое время, въ коемъ успѣхи просвѣщенія и общежитія были предметомъ общаго къ нимъ стремленія, — Монархъ, удостоившій Академію Наукъ принять, вмѣстѣ съ Фридрихомъ II, званіе почетнаго ея члена, удержалъ Академію на степени, до коей достигла она прежними своими трудами, и безпрерывно оказывалъ ей благодѣтельное свое вниманіе. Августѣйшая супруга его, украсивъ нѣкогда своимъ присутствіемъ пятидесятилѣтнее празднество Академіи, и на которую мы нынѣ обращаемъ взоры съ особеннымъ, глубокимъ чувствомъ умилительнаго благоговѣнія, подражала супругу въ любви къ наукамъ и въ уваженіи къ цѣли и трудамъ Академіи.

Новый Регламентъ, 25 Іюля 1803 года, былъ первымъ опытомъ безсмертныхъ щедротъ Императора Александра. Симъ уставомъ удвоены доходы Академіи, умножены ея права, расширенъ кругъ ея дѣйствій. Александръ безпрерывно благодѣтельствовалъ Академіи, и 25-тилѣтнее, благополучное его царствованіе останется навсегда эпохою, достопамятною въ ея лѣтописяхъ. Кто изъ Русскихъ не вспо-

мнить съ восторгомъ о тѣхъ годинахъ испытанія, въ коихъ отечество наше, спасенное Александромъ, вмѣстѣ съ нимъ вознеслось до высшей степени чудесной, неподражаемой славы? но кто не вспомнитъ также съ чувствомъ умиленія и признательности о тѣхъ годахъ мира и тишины, въ коихъ съ довѣренностію, съ жаромъ, съ исполинскою силою души благородной, Александръ ознаменовалъ уже свою державу порывомъ ко всему высокому и прекрасному: то обращая вниманіе на устройство обширной имперіи, то бесѣдуя о законодательствѣ, то воздвигая памятники наукамъ и просвѣщенію и твердою рукою сближая свой вѣкъ съ вѣками Перикла и Августа. Но Александра не стало, и сія потеря слишкомъ близка, чувство сердецъ слишкомъ глубоко, чтобы нынѣ исчислить достойно всѣ благодѣянія, проліянныя имъ на твореніе Петра, на первое хранилище наукъ въ Россіи. Если не разрывается смертію все, связующее тлѣнное съ безсмертнымъ, — бѣдную, мимотекущую жизнь съ жилищемъ безконечнаго, совершеннѣйшаго бытія; если чувства сердецъ высокихъ и чистыхъ, горящихъ святымъ огнемъ любви къ своему народу, обращаясь къ источнику вѣчной любви, тамъ не вовсе исчезаютъ: то духъ Петра, духъ Екатерины и Александра паритъ конечно въ сей часъ надъ симъ святилищемъ наукъ, ими воздвигнутымъ, или хранимымъ; кажется, будто сей храмъ просвѣщенія наполняется мгновенно всѣми отличными мужами, которые въ теченіе достопамятнѣйшаго столѣтія нашей исторіи были орудіями великихъ монарховъ и украсили отечество неувядаемымъ лавромъ любви къ наукамъ и доблести гражданской. Вліяніе ихъ невидимаго присутствія даетъ моему слабому голосу силу изобразить еще разъ предъ вами Петра I, пораженнаго посреди блистательнаго поприща, и на смертномъ одрѣ, орошае-

момъ слезами Россіи, поручающаго Академію Наукъ попеченію Его преемниковъ, а усердію Академіи успѣхи просвѣщенія въ Россіи. Исторія ея трудовъ, начертанная предъ вами, покажетъ, въ какой мѣрѣ исполнено завѣщаніе Великаго Петра.

Уваровъ.

КОНЕЦЪ ВТОРОЙ ЧАСТИ.

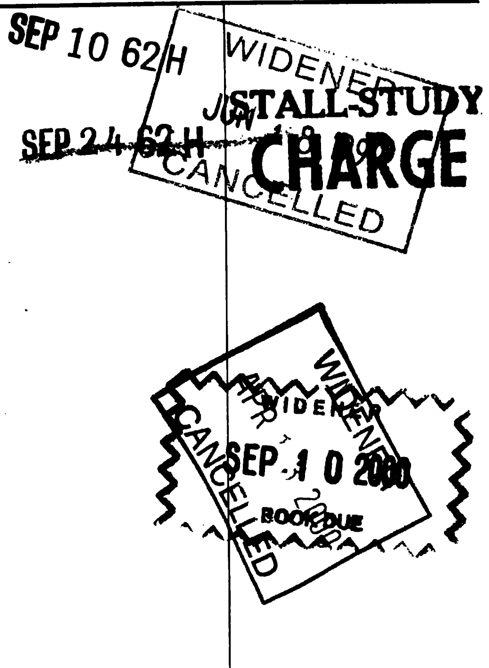
БП-576|13

020 186 359

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

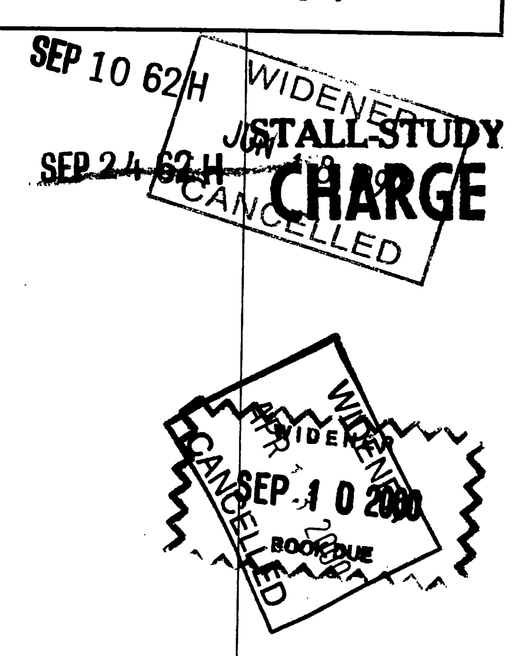
ЭП-5 4/7 6 | 13

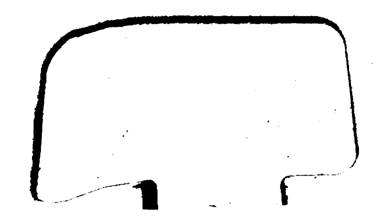
VSP.

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

ΣΠ-5ᵃ 6 | 13

020 186 359

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

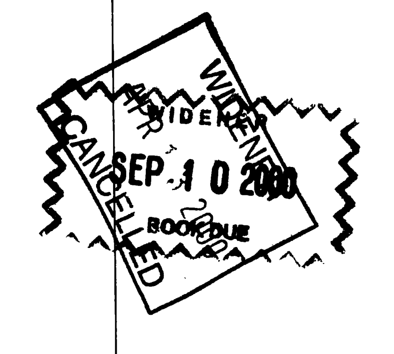
Please return promptly.

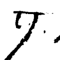
SEP 10 62 H

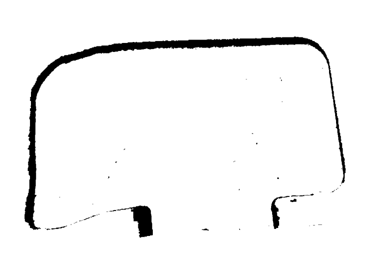
SEP 24 62 H

WIDENER JUN CANCELLED

STALL-STUDY CHARGE

2П-5[illegible]6 | 13

020 186 359

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

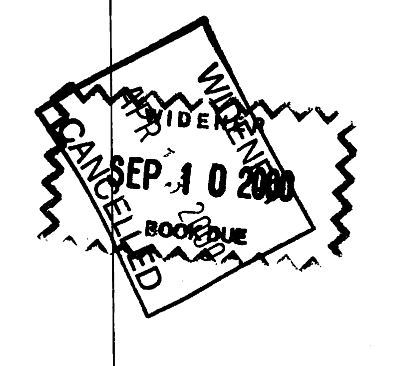
A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

SEP 10 62 H

SEP 24 62 H

WIDENER
STALL-STUDY
CHARGE
CANCELLED

ЗП-576|13

020 186 359

This book should be returned to the Library on or before the last date stamped below.

A fine is incurred by retaining it beyond the specified time.

Please return promptly.

SEP 10 62 H

SEP 24 62 H

WIDENER CANCELLED

STALL-STUDY CHARGE

